Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет»

СЕДЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В трех томах Том 1

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063) ББК 94л0 С28

Печатается в соответствии с планом научно-исследовательских работ ИГУ

Редакционнаяколлегия:

А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зуляр (науч. ред.), Н. С. Коноплев, Н. С. Малова, Р. Ф. Проходовская, Л. Н. Харченко

Ответственный за выпуск: Н. В. Бойко

С28 Седьмые Байкальские международные социальногуманитарные чтения. В 3 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 350 с.

ISBN 978-5-9624-0904-7 ISBN 978-5-9624-0905-4 (t. 1)

Данное издание включает в себя материалы Седьмых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в г. Иркутске в 2013 г. Опубликованные материалы дают представление об основных направлениях исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам истории и современному состоянию общества и перспективам его развития. В издании представлены работы по истории, географии, философии, лингвистике, политологии, культурологии, библиотечному делу и другим научным дисциплинам.

Настоящее издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063) ББК 94л0

Научное издание

СЕДЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Редактор Г. А. Борисова Темплан 2013. Поз. 149 Подписано в печать 27.12.2013. Формат 60х90 1/16 Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 9,4. Тираж 100 экз. Заказ 202 Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

СИБИРЬ В XX-XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО

Сопредседатели: Корытный Л. М., д-р геогр. наук, профессор (Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы); Зуляр Ю. А., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет).

АРТАМОНОВА Н. Я.

КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ НИАНКП В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Проблема поиска новых научных направлений привела нас к мысли о необходимости исследования темы о культурной миссии Советского Союза в Тувинской Народной Республике (ТНР). Причем, внимание привлекли экспедиции Научно-исследовательской ассоциации национальных и колониальных проблем (НИАНКП) в ТНР, результаты которых свидетельствуют о влиянии, самом разном и по масштабам и по динамике, на культурную и хозяйственную жизнь населения республики, на социальное поведение людей в целом. Материалы экспедиции НИАНКП уже находили отражение в исследованиях ученых Тувы [1-3]. Краткие сведения об этих экспедициях можно найти в академическом издании «История Тувы» [4]. Прежде чем перейти непосредственно к цели исследования, важно определиться с понятием «культурная миссия». Основополагающее понятие «миссия» имеет несколько значений. Его можно рассматривать и как ответственное задание, роль, поручение [5, с. 304]. В настоящей статье это понятие использовано именно в таком значении. Культурная миссия, на наш взгляд, - это комплекс мероприятий, направленных на решение задач в области культурного, хозяйственного строительства, осуществления международного сотрудничества, в целом на обновление общества. Мероприятия НИАНКП носили комплексный характер и охватывали все сферы социальноэкономической и культурной жизни населения Тувы.

Данная статья предполагает рассмотрение проблемы, в русле которой сформулированы следующие задачи: анализ целей и

задач экспедиций НИАНКП, которые способствовали выводу страны на новый социокультурный уровень; обзор деятельности экспедиций НИАНКП в рамках культурной миссии; оценка вклада НИАНКП в развитие ТНР.

Как известно, Россия и Тува (Урянхайский край) были связаны между собой историей длительных контактов, начало которых относится еще к XVII в. Наиболее активными связи стали со второй половины XIX в., когда окрепли русско-тувинские экономические отношения, усилилось переселенческое движение. Вместе с ним стало заметным культурное проникновение русских в Туву. Развитие в Урянхайском крае русской золотопромышленности способствовало установлению более тесных хозяйственных, культурных и политических связей между русскими рабочими и тувинскими аратами [2, с. 59]. Событием большой важности стало провозглашение при поддержке советской России в 1922 г. Тувинской Народной Республики. Значительную роль в сближении с тувинским народом сыграла Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Туве (РСТК) (1922-1932), органы народного просвещения которой проводили большую культурно-просветительную работу среди тувинского населения [4, с. 98]. Отметим, что историческое значение в жизни республики имел VIII съезд ТНРП (1929), который наметил цель создания предпосылок социалистического строительства. Съезд обратил особое внимание на укрепление связей и реальной помощи со стороны Советского Союза в создании условий строительства социализма в Туве [2, с. 123]. Но, как отмечалось съездом, государственный, хозяйственный и культурный подъем страны не может быть осуществлен без развития национальной культуры и создания тувинской письменности [2, с. 124]. Поэтому СССР взял на себя миссию распространения, организатора культурного строительства в ТНР, тем более что Страна советов уже имела определенный опыт социалистического строительства.

В 1930 г. в Москву была направлена тувинская экономическая делегация, которая руководствовалась «Наказом» VII Великого хурала. В нем, в частности, отмечалось: «Значительные капитальные затраты, потребные для осуществления реконструкции народного хозяйства ТНР, при экономической отсталости страны делают невозможным это осуществление в кратчайший срок силами и средствами республики. Поэтому необходимо обратиться за помощью к дружественному нам СССР... « [цит. по: 2, с. 175].

В соответствии с достигнутыми соглашениями Советский Союз откликнулся на просьбу ТНР. Был разработан план мероприятий предстоящей научной экспедиции в республику и определен ее состав.

В письме Наркомата по военным и морским делам СССР и Реввоенсовета СССР в ЦК ТНРП об организации экспедиции НИАНКП в Туву были определены как общие, стратегические цели, задачи, так и предусмотрены оптимальные пути их реализации.

Деятельность экспедиции НИАНКП должна была осуществляться в трех направлениях (экономическом, политическом и культурном), ориентированных на развитие основ хозяйственной и культурной политики ТНР. Основная цель всей деятельности экспедиции – «выяснение путей развития современной Тувы и тех мероприятий, которые должны обеспечить ее дальнейшее некапиталистическое строительство» [8, л. 2]. В основе каждого направления были свои мотивы, задачи, смысл которых сводился к выявлению возможных вариантов развития с учетом национальной специфики страны. В области экономической предполагалось изучить основные отрасли народного хозяйства, с тем, чтобы оказать помощь партийным, советским, государственным органам составить правильно 5-летний план развития народного хозяйства [8, л. 2].

По линии политической планировалось обследование партийного, государственного и ревсомольского строительства в центре и на местах; изучение положения ламаизма и ламства в стране «с целью ослабления роли церкви и ламства в хозяйственно-политической, культурной жизни страны» [8, л. 2]. Другая, не менее важная задача – это набор 50 студентов на двухгодичные курсы хошунных работников; собирание материалов для постановки в университете курсов по истории, экономике и партийному строительству Тувы [8, л. 2].

Задачи в области культурного строительства касались, в первую очередь, «внедрения письменности с помощью латинизированного алфавита, выработанного академиком Поппе на базе единого тюркского алфавита и переработанного комиссией по прикладной лингвистике Ассоциации» [8, л. 2]. Это мероприятие было наиболее важным, поскольку в стране, насчитывавшей к 1924 г. 52 700 чел., было всего 106 грамотных и 286 малограмотных [2, с. 164].

Задачи в области культурного строительства предполагали также «распространение букваря», составленного на базе латинизированного алфавита; проведение курсов по подготовке учителей грамоты; обследование школьного дела и составление плана развития народного образования; содействие организации тувинского издательства, комитета по краеведению, вечернего коммунистического университета для членов ВКП(б) и основных кадров НРП, а также оказание медицинской помощи в обследовании быта тувинцев врачами экспедиции [8, л. 2,3].

Маршрут экспедиции по плану был таков: Москва - Минусинск, Красный Кемчик - Улуг Хем - Красный -Тоджа. Затем часть экспедиции через Красный должна была вернуться в Москву, другая часть - направиться в Монголию [8, л. 4].

Интерес представляет план работы культурной группы экспедиции, который был, по сути, преобладающим. Основной целью этой группы было изучение состояния культурного строительства в ТНР, содействие в разработке плана культурной пятилетки. При этом ставились важнейшие задачи: создание письменности на унифицированном алфавите, ее пропаганда и распространение; подготовка культурных кадров по линии школьной и внешкольной работы; обследование школьного дела и разработка мероприятий по его улучшению; разработка плана дальнейшего развития школьной сети; обследование состояния политпросвет, работы и разработка мероприятий по ее улучшению; содействие организации центрального издательства и разработка плана ближайшей его деятельности; содействие ТНР по организации центральной газеты на новом алфавите; разработка плана и проведение начальных мероприятий по организации научного центра ТНР (создание ученого комитета), разработка плана организации научно-исследовательской работы, музейного и библиотечного дела [8, л. 7]. В плане предусматривались и мероприятия по научно- исследовательской работе культурной группы - это собирание лингвистического материала (изучение фольклора) [8, л. 8].

В 1930 г. в соответствии с соглашениями из Советского Союза были направлены специалисты практически по всем отраслям народного хозяйства [2, с. 175]. В июне того же года в Туву прибыла научная экспедиция во главе с проректором Коммунистического университета трудящихся Востока Л. Д. Покровским. В ее

состав входили преподаватели университета, ученые институтов АН СССР, НИАНКП: А. А. Пальмбах, К. Алавердов, Х. М. Сейфулин, И. И. Полеес, Р. М. Кабо, П. П. Маслов и др. Это были личности, внесшие значительный вклад как в науку в целом, так и в культурное развитие Тувы. Так, преподаватель русского языка филолог Александр Адольфович Пальмбах (1897-1963) стал одним из создателей тувинской национальной письменности и по праву заслужил всеобщее признание тувинцев и титул «башкы» (учитель) [2, с. 169]. Хамид Мухамедзянович Сейфулин (1902-1978), выпускник КУТВа 1924 г., стал кандидатом исторических наук и первым историографом Тувы. Рафаил Михайлович Кабо (1886-1957), один из основоположников географии населения, с 1934 г. занимал должность заведующего кафедрой экономической географии в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ). В 1936 г. без защиты диссертации он стал кандидатом наук [6, с. 277, 278, 286]. Павел Петрович Маслов (1902-1978), являясь сотрудником Центрального статистического управления РСФСР, провел комбинированную перепись населения в Тувинской Народной Республике, по результатам которой написал книгу «Конец Урянхая. Путевые очерки» [7]. Решение задач НИАНКП было облегчено тем, что в республике к моменту прибытия экспедиции имелись некоторые наработки в сфере культурного строительства. В частности, в 1923 г. были открыты курсы партийной учебы. Осенью 1925 г. начали работать курсы по изучению русского и монгольского языков [2, с. 165]. Тогда же в Москву на учебу в КУТВ были направлены 10 чел., 17 чел. - в партшколу в Улан-Батор. Были открыты две начальные школы в Кызыле и Чадане. Таким образом, по данным Ю. Л. Аранчына, в 1929 г. в республике уже обучалось 230 учеников и за границей -95 студентов [2, с. 195].

Правительство начало осуществлять предложенные проекты в жизнь. Поэтому, когда члены экспедиции прибыли в Кызыл, Политбюро ЦК ТНРП создало специальную комиссию по тувинской письменности. В нее вошли С. Тока, Т. Седип-оол, С. Бак-Кок, О. Шагдыр-Сюрюн и А. А. Пальмбах [2, с. 167]. В декрете Правительства ТНР о введении новой государственной письменности (28 июня 1930 г.) были намечены меры по организации обучения письменности, определены сроки перевода делопроизводства книгоиздательства, периодической печати на новую

письменность [2, с. 167]. По свидетельству исследователей, «борьба за всеобщую грамотность населения вызвала большой морально-политический подъем в широких кругах тувинской общественности» [2, с. 169]. Результат не заставил себя ждать. В 1931 г. из 64 911 тувинцев, проживавших в Туве, грамотными были 5076 чел. (7,6°/о) [2, с. 169].

Таким образом, экспедиции НИАНКП заложили основу того, что дальше развивалось, дополнялось, совершенствовалось. В области культурной эти экспедиции дали результаты более чем впечатляющие. В период пребывания экспедиции в Туве в 1930 г. был создан Ученый комитет при Малом хурале трудящихся ТНР [9, с. 26]. Это была первая научная организация. В августе того же года состоялось официальное открытие музея [9, с. 27].

Важным результатом стало появление грамоты, письменности, формирование интеллигенции. По существу, был дан старт дальнейшим модернизационным мероприятиям.

Литература

- 1. Сердобов Н. А. Народное образование в Туве. Краткий исторический очерк / ред. С. К. Тока. Кызал : Тув. кн. изд-во, 1953. 136 с.
- 2. Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 337 с.
- 3. Харунов Р. Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской народной республике (1921–1944 гг.). Абакан : Журналист, 2009. 144 с.
 - 4. История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 2. 456 с.
- 5. С. И. Ожегов. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Русский язык, 1984. 797 с.
- 6. Московский педагогический государственный университет. 125 лет М.: Флинта. 1997. 560 с. илл.
- 7. 109 лет со дня рождения автора книги «Конец Урянхая»// Новые исследования Тувы. Электрон. информ. журнал. 2013. №2.
- 8. Центр архивных документов партий и общественных организаций Центрального государственного архива Республики Тыва (ЦАДПООЦГА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 860.
- 9. Дыртык-оол. А. О. История музейного дела в Туве (1920–1940-е годы). Кызыл : Тип. КЦО «Аныяк», 2007. 84 с.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛАНДШАФТОВ БАССЕЙНА РЕКИ ИРКУТ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЛИЯНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XVII - НАЧАЛЕ XX В.*

Бассейн р. Иркут расположен на юге Восточной Сибири, на стыке двух крупных морфоструктур Байкало-Саянской горноскладчатой области и Сибирской платформы. Детальное исследование пространственно-временной изменчивости ландшафтов проведено нами в пределах ключевого участка, который находится в Тункинском районе Республики Бурятия, в восточной части собственно Тункинской котловины, являющейся наиболее освоенным районом всей рассматриваемой территории (рис. 1).

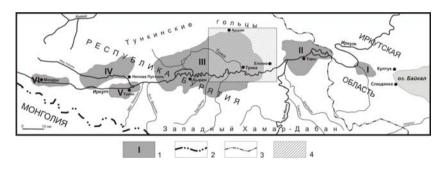

Рис. 1. Река Иркут и основные ее притоки.

1 – озерные котловины: I – Быстринская, II – Торская, III – Тункинская, IV – Хойтогольская, V – Туранская, VI – Мондинская. Границы: 2 – государственные, 3 – субъектов Российской Федерации, 4 – ключевой участок исследований

В границах насчитывается порядка 18 населенных пунктов, наиболее крупным из которых является с. Тунка, основанное казаками-переселенцами в 1676 г. В северной части исследуемой территории, у подножия Тункинских Гольцов, находится пос. Аршан с расположенным в его окрестностях одноименным курортом, к термальным водам которого в пик летнего сезона

9

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (13–05–00517).

прибывает порядка 7-9 тыс. отдыхающих. Населенные пункты связывает густая сеть автодорог, среди которых Тункинский тракт, по которому осуществляются перевозки в приграничные с Монголией районы, имеет региональное значение.

Рассматриваемый период природопользования (конец XVII начало XX вв.) играет особую роль в антропогенном преобразовании ландшафтов бассейна р. Иркут. Начиная со второй половины XVII в., происходит усиление воздействия на природные комплексы южных районов Восточной Сибири вследствие заселения и хозяйственного освоения края русскими поселенцами. В результате менее чем за столетие увеличилась численность населения, произошло становление и функционирование земледелия, получила широкое развитие промысловая деятельность. Основными видами хозяйственной деятельности человека, с которыми было связано появление преобразованных комплексов с начала XVIII в., были строительство оборонительных сооружений, возведение сел и деревень, а также прокладка дорог [2]. В долине р. Иркут и его притоков основываются Тункинская крепость, Туранский и Хангинский караулы, деревни Еловская и Шинковская, слобода Введенская, села Харагужирское и Кибильтинское, Торский почтовый стан, стойбища Киренское и Харбятское [3]. Значительный поток переселенцев направлялся в сельское хозяйство, развитию которого способствовали относительно благоприятные почвенно-климатические условия. Пригодные под пашни земли встречались на пологих склонах и террасах долины Иркута и его притоках, а в поймах рек создавались сенокосные угодья и выгоны.

Большая роль в хозяйственной жизни населения Тункинских котловин отводилась лесохозяйственной деятельности, в структуре которой наибольший интерес представлял охотничий промысел. Кроме этого переселенцы рубили, сплавляли и возили лес для удовлетворения потребностей в строительных материалах и топливе, а также использовали древесину как сырье для ремесленной деятельности.

Начиная с середины XIX в. на исследуемой территории формируется система населенных пунктов, близкая современной, и тогда же происходит становление комплексного типа природопользования, сочетающего сельскохозяйственное, лесохозяйственное и рекреационное использование природного потенциала

[1]. В рассматриваемый период конца XIX – начала XX в. на территории исследуемого участка располагалось 29 населенных пунктов, в которых проживало 9164 человека [5]. Основным занятием русского населения являлось земледелие, для развития которого под пашни было отведено 6 тыс. десятин земли из 12 тыс., принадлежавших Тункинской волости [6]. Кроме этого, большинство населения занималось лесными промыслами, ремеслами, извозом, а также частично садоводством и огородничеством. В это же время происходит становление рекреационной отрасли, что связано с улучшением транспортной доступности к минеральным источникам Аршана и Ниловой Пустыни. Например, об Аршане в работе А. Львова и Г. Кропачева отмечается: «Число приезжающих лечиться ежегодно увеличивается: в 1907 г. Аршан посетило 400 чел., в 1908 г. 600 чел., а летом 1909 г., по словам местных жителей, приезжающих было не менее 800 человек» [4, с. 43–44].

Хозяйство бурятского населения имело скотоводческое направление. В Тункинском инородческом ведомстве числилось 12 500 лошадей, более 21 500 голов крупного рогатого скота и свыше 13 тыс. голов мелкого [6]. Ставшие оседлыми коренные жители Тункинской котловины отчасти занимались и земледелием, имея под пашнями 11 300 десятин земли из 38 400, принадлежавших им.

В результате осуществления вышеназванной деятельности к началу XX в. значительные площади естественных геосистем были преобразованы. Среднегорные горнотаежные ландшафты более всего испытали воздействие со стороны лесохозяйственных видов деятельности (вырубки, пожары, охотничье-промысловые мероприятия), кроме них значительное влияние оказали рекреационная (оздоровительно-лечебные мероприятия), сельскохозяйственная (пашни на пологих склонах, сенокосы и пастбища в долинах рек) деятельность, а также функционирование промышленно-селитебных объектов (населенные пункты, дороги). В результате более 25 % от площади исследуемого участка, которая составляет 890 км², представлена природно-антропогенными смешанными (березово-лиственничными) и мелколиственными (березовыми с примесью сосны и лиственницы) комплексами (рис. 2). Для сравнения: естественные горнотаежные геосистемы лиственничной и кедровой тайги занимают 122 км², или составляют 14 % территории.

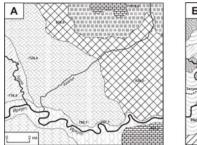

Рис. 2. Естественное состояние геосистем (A) и фрагмент природохозяйственной карты начала XX в. (Б) ключевого участка бассейна реки Иркут

Среднегорные горнотаежные природные комплексы

Естественные

- 1 склоновые лиственничные с участием сосны разнотравные;
- 2 крутосклоновые и склонов средней крутизны сосновые с лиственницей травяные, местами остепненные.

Природно-антропогенные

- 3 смешанные, преимущественно березово-лиственничные с примесью сосны и единичными экземплярами кедра травяно-кустарничковые;
- 4 мелколиственные, преимущественно березовые с примесью сосны и единичными экземплярами лиственницы разнотравные.

Подгорные и межгорных понижений подтаежные природные комплексы

Естественные

- 5 склонов и днищ котловин лиственничные с примесью сосны разнотравные, местами заболоченные;
- 6 склонов и днищ котловин кобрезиево-типчаковые и низкотравные остепненно-луговые мерзлотные;
 - 7 долинные лугово-тальниковые с елью и ивой;
 - 8 долинные заболоченных лугов.

Природно-антропогенные

- 9 смешанные лиственнично-березовые травяные, местами заболоченные;
- 10 мелколиственные, преимущественно березовые с примесью лиственницы, местами заболоченные травяные;
 - 11 травяные луга, задействованные под сенокосы и пастбища.

Антропогенно-измененные комплексы

Сельскохозяйственные угодья

- 12 пашни и залежь, местами с редкой порослью древесных пород;
- 13 выгоны и степи.

Селитебные объекты

14 - населенные пункты.

Транспортные объекты

15 - проселочные дороги.

В пределах котловинной части рассматриваемой территории основное развитие среди населения получили промышленноселитебные и сельскохозяйственные виды деятельности. 3 % территории занято дорогами и населенными пунктами, сосредоточенными в долинах р. Иркут и основных его притоках; 8 % находится под выгонами и пастбищами, 21 % (190 км²) территории распахано. В результате хозяйственных мероприятий большая часть подтаежных геосистем преобразована и представлена лиственнично-березовыми и березовыми лесами, на которые приходится около 10 %; 13,5 % территории, занятые травяными лугами, задействованы под сенокосы и пастбища. Котловинные светлохвойные комплексы, состояние которых близко к естественному, составляют лишь 5,5 % (48 км²) от исследуемой площади. Следует отметить, что названные выше в числе естественных низкотравные остепненно-луговые геосистемы уже не находят своего отражения в природной обстановке периода конца XIX - начала XX в., проявляясь лишь небольшими некартируемыми участками. Бывшие ареалы их распространения заняты пашнями.

В целом о масштабах преобразования геосистем за рассматриваемый период говорит тот факт, что к началу XX в. в пределах восточного участка Тункинской котловины на долю естественных геосистем приходилось 19,5 % (122 км²) площади, остальные 80,5 % (768 км²) было занято природно-антропогенными комплексами.

Литература

- 1. Атутова Ж. В. Роль природопользования в преобразовании геосистем Тункинской ветви котловин в конце XVII начале XX веков // География и природные ресурсы. 2009. № 3. С. 124–128.
- 2. Куриллов В. Н. К проблеме генезиса культурно-исторического ландшафта Сибири / В. Н. Куриллов, Д. Я. Резун // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск : Наука, 1986. С. 6–27.
- 3. Ларин С. И. Основные этапы освоения ландшафтов Тункинских котловин // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск, 1991. С. 70-85.
- 4. Львов А. Краткий отчет о результатах исследования «Аршана», произведенного по поручению В. С. Отдела Географического Общества и Общества врачей / А. Львов, Г. Кропачев // Изв. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. ХL. Иркутск : Тип. Иркут. Т-ва Печатного Дела, 1910. С. 41–77.
- 5. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи населения 1897 г.). Т. III. Иркутская губерния,

Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская области и о. Сахалин // Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Том XI. Вып. 3. – СПб., 1912. – 840 с.

6. Семенов П. П. Землеведение Азии. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею (Восточная Сибирь, озеро Байкал и Прибайкальская страна, Забайкалье и степь Гоби) / П. П. Семенов, И. Д. Черский, Г. Г. Петц. – СПб., 1895. – Ч. 1. – 606 с.

АФАНАСОВА Е. Н.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ В 1920-х гт.

Исторические катаклизмы в первую очередь отражаются на самых незащищенных социальных группах населения, одной из которых являются дети. Осуществление государственной заботы о детях в советский период официально провозглашалось в качестве важнейшего направления социальной политики государства. В период 1920–1930-х гг. государством активно формировался образ счастливого советского детства; общественность уверяли в том, что государство заботится о социальном благополучии детей. Статья посвящена изучению опыта осуществления социальной защиты детства на территории Бурятии в 1920–1930-х гг.

Одним из важнейших показателей эффективности социальной государственной политики является состояние здоровья детского населения. На протяжении 1920-х гг. состояние здоровья детей было на крайне низком уровне. Примерно 20 % детей Бурятии в начале 1920-х гг. страдали малокровием, 20 % были крайне ослабленными. У 80–100 % детей отмечались тяжелые проявления рахита и гипотрофии [12, с. 13]. Повсеместно были распространены трахома, оспа, тиф, туберкулез. При этом в аймаках западной части Бурятии уровень заболеваемости туберкулезом был значительно выше, чем в восточных регионах. По данным экспедиции 1926 г., 35,2 % взрослых и 50 % детей Аларского аймака были больны туберкулезом. В Тункинском районе туберкулезом болело 9,7 % взрослых и 17 % детей [14, С. 131].

Массовым заболеванием детей во второй половине 1920-х гг. была корь. В Бурятии в 1926 г. было отмечено 3658 случаев заболеваний корью детей [11, л. 6]. Большой процент детей, заболевших корью, умирали ввиду недостаточно квалифицированной

медицинской помощи, зачастую ее отсутствия, недостаточного количества медицинских препаратов.

Тем не менее на региональном уровне предпринимались попытки проведения мероприятий, направленных на социальную защиту детей. В 1924 г. при Народном комиссариате здравоохранения Республики Бурятия был организован Совет охраны здоровья детей, который возглавила Л. И. Дроздович.

В 1924 г. был открыт Дом ребенка. В Дом ребенка поступали подкинутые дети, дети больных родителей, из семей с бедственным материальным положением. В данном учреждении отмечался крайне высокий уровень детской смертности. Так, в 1926 г. поступило в течение года 125 детей, из них умерло 65, т. е. смертность составила 52 % [12, с. 13]. По данным за 1929 г., в Доме ребенка находилось 10 детей в возрасте до одного года и 10 детей старше одного года. Из 20 детей за год умерло 15: до одного года – 6 детей и старше одного года – 9 детей, смертность составила 75 % [15, с. 135]. Основными причинами столь высокого уровня детской смертности стали несоответствие помещения минимальным санитарным нормам, отсутствие квалифицированной врачебной помощи, проблемы с организацией питания для грудных детей. Ввиду голода в 1923 г. в Верхнеудинске действовала столовая для детей безработных [7, л. 3].

В первой половине 1920-х гг. на территории Бурятии в связи с ростом уличной беспризорности были открыты детские дома. В 1923 г. функционировало четыре детских дома, в которых проживал 121 ребенок [3, л. 5]. По данным за 1924 г., на территории республики действовало уже пять детских домов: Верхнеудинский, Торейский, Сартало-Гыгетуйский, Троицкосавский, Усунский. В этих детских домах воспитывалось 397 детей [1, л. 106]. Рост количества детей в детских домах составил за год 69,5 %. Несмотря на такое увеличение, количество детских домов в Бурятии было значительно ниже, чем в Иркутской или Енисейской губерниях. Влияние оказывали национальные традиции бурятского населения по воспитанию детей-сирот в родственных семьях, в результате большая часть беспризорников Бурятии были русскими по национальности. По данным за 1926 г., в Бурятии в государственной помощи нуждалось 282 беспризорных ребенка, из них только 18 детей были бурятской национальности [9, л. 10]. В 1927 г. в Бурятии сохранился только один детский дом, в

котором проживало 135 воспитанников. Сокращение числа детских домов было связано с проведением в общероссийском масштабе кампании по разгрузке детских домов. Привезенные дети с Поволжья были реэвакуированы, часть детей была возвращена родителям, родственникам. Однако нередко разгрузка детдомов проходила с нарушением установленных государством процедур. Дети иногда не доезжали до места назначения, возвращались обратно и начинали бродяжничать.

В 1927 г. в Верхнеудинске было открыто общежитие для беспризорников на 50 человек. Из обслуживающего персонала работали только культработник и кухарка. Все остальные работы ребята должны были выполнять самостоятельно: заведовать хозяйством, мыть посуду, ухаживать за лошадьми, дежурить по кухне. 27 человек обучались в школе имени Постышева, шесть человек обозначались как безработные, двое учились в общей школе, трое - в инвалидной сапожной мастерской «Труд» [6, л. 108]. В общежитии была библиотека, выписывались газеты и журналы, были созданы условия для музыкальных занятий: приобретены рояль и гармония. В общежитии были установлены нормы питания. На одного ребенка в день полагалось 700 г серого и 300 г белого хлеба, 300 г мяса, 90 г жиров, 300 г овощей и 1 кг сахара в месяц [6, л. 108]. Однако недостаточное финансирование данного учреждения привело к отсутствию нужного количества одежды и обуви. На каждого воспитанника приходилось по одной рубашке, большинство из которых были порваны. На пять человек приходилось по одному предмету верхней одежды [5, л. 198].

В 1925 г. при Народном комиссариате здравоохранения Республики Бурятия был организован отдел детства. Основными задачами отдела являлись изучение возможности открытия детских яслей в сельской местности в связи с началом полевых работ, консультаций для беременных женщин и детей, создание при врачебных участках комиссий содействия охране материнства и детства для работы с населением, активного санитарного просвещения [13, с. 90]. В 1925 г. на территории Бурятии действовало 10 яслей, каждые ясли были рассчитаны на 20–30 детей [13, с. 90]. Деятельность только одних яслей носила постоянный характер, остальные работали временно, в летний период, и открывались в сельской местности на период сельскохозяйственных работ. Общая численность детей в летних яслях составляла в 1925 г. 3 тыс.

[8, л. 3]. В 1927 г. на заседании секции охраны материнства и младенчества было принято решение об открытии нескольких детских яслей в каждом аймаке, всего планировалось открыть 40 [10, л. 17].

В период 1920-х гг. на территории Бурятии были открыты первые детские сады. Однако их количество не могло удовлетворить потребности всего населения региона. В 1924-1925-х гг. на всей территории республики действовал только один детский сад, в котором работал единственный дошкольный работник [2, Л. 15]. Появились впервые детские площадки, предназначенные для пребывания детей в летний период. Зачастую для организации детских площадок использовали помещения школы. В виду ограниченности финансовых средств организованное питание детей не осуществлялось. Дети приходили на детскую площадку со своими продуктами питания и обедали совместно в определенное время. Был введен обязательный медицинский осмотр детей. В 1925 г. на организацию детской площадки в Агинском аймаке было выделено 432 руб., из которых 150 руб. предполагалось потратить на заработную плату воспитательного персонала, 45 руб. - на заработную плату технического персонала, только 10 руб. – на оборудование детской площадки, 103 руб. – на организацию праздников, экскурсий, занятий по трудовому воспитанию, приобретение игрушек и книг [4, л. 12]. Современное представление о содержании экскурсионной программы не совпадает во многом с представлениями 1920-х гг. Так, в отчете о деятельности детской площадки в с. Агинское за 1925 г. отмечалось такие виды экскурсий: «ходили рвать чеснок для родителей, рвали цветы для засушки» [4, С. 60].

Большое значение в деле охраны детства имела организация лечебной помощи. В изучаемый период появляются первые консультации, которые помимо консультативной деятельности осуществляли лечебную работу. В 1926 г. при Красном кресте была открыта консультация для беременных и младенцев под руководством М. Н. Сосниной. Деятельность данной консультации была направлена на оказание медицинской помощи женщинам и детям. В данном учреждении осуществлялся периодический осмотр детей, назначение лечения, привитие детей, сбор грудного молока. В 1929 г. была открыта первая детская профилактическая амбулатория под руководством З. Я. Вассерман.

Большое значение в организации охраны здоровья детей имело создание санаторно-курортных учреждений для детей. Так, для детей, больных туберкулезом, в 1930 г. на курорте «Аршан» начал работать санаторий на 30 коек. Также была организована кумысолечебница.

В 1920-х гг. в Бурятии появились первые летние лагеря. В 1923–29 гг. действовали лагеря на Каменном озере, в Ильинке. Для оздоровления пионеров было привлечено два санитарных школьных врача, один врач лечебной физкультуры, врач службы здоровья для обслуживания пионеров [12, С. 13].

Несмотря на определенные достижения в создании государственной системы социальной защиты детей на территории Бурятии часть проблем остались нерешенными. Уровень заболеваемости детей оставался на высоком уровне в течение 1920-х гг. в виду недостаточного количества детских учреждений здравоохранения, отсутствия достаточного количества квалифицированного медицинского персонала. В виду сложного социально-экономического положения региона, природно-климатического фактора сохранялась проблема голода. Работники социальных служб в силу ограниченности финансовых и кадровых ресурсов не могли оказать помощь всем нуждающимся детям.

Литература

- 1. НАРБ. Ф. р. 60. оп. 1. Д. 80.
- 2. НАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 102.
- 3. НАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 176.
- 4. НАРБ Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 221.
- 5. НАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 296.
- 6. НАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 297.
- 7. НАРБ. Ф. р. 60. Оп. 1. Д. 299.
- 8. НАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 29.
- 9. НАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 62.
- 10. НАРБ. Ф. р. 281. Оп. 1. Д. 63.
- 11. НАРБ. Ф. р. 665. Оп. 1. Д. 1.
- 12. Орлова Л. Н., Хаакова П. Г. Становление педиатрической службы //85 лет здравоохранению г. Улан-Удэ. Сборник научно-практических статей. Улан-Удэ: Республик. тип., 2006. 240 с.
- 13. Перепанова Л. С. Развитие системы охраны здоровья детей в Республике Бурятия // 80 лет на страже здоровья : сб. статей. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. унта, 2003. 254 с.
- 14. Туберкулез и сифилис среди бурят и русских Аларского аймака // Жизнь Бурятии. 1928. N4-6. С. 126–136.
- 15. Шагдурова Н. К., Бодиева Н. С. История создания и становления Дома ребенка в Республике Бурятия // На страже здоровья детей: материалы научнопрактической конференции посвященной 60-летию со дня рождения Д. Д. Сундарон 21 августа 2008 г.) Улан-Удэ, 2008. 184 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820-1860-е гг.

По мере проникновения товарно-денежных отношений в хозяйственную жизнь Приенисейского края на протяжении 1820–1860-х гг. происходит дальнейшее развитие домашнего крестьянского ремесла и кустарного производства в округах Енисейской губернии. По сравнению с западносибирскими губерниями в Восточной Сибири крестьянское производство было развито слабее. По мнению Е. И. Соловьевой, в восточносибирском регионе наибольшее значение имели районы, в которых были развиты кустарные промыслы. Среди подобных центров следует назвать Иркутск, а также Красноярский, Ачинский и Минусинский округа Енисейской губернии [2, с. 180].

В сфере переработки растительного сырья выделялось несколько производственных направлений: деревообработка, производство льняных и пеньковых изделий, мукомольный и крупяной промыслы. Развитие деревообрабатывающего производства в Енисейской губернии способствовало достаточному изготовлению тары, упаковки, веревок для перевозки грузов по Московскому тракту. Дополнительно в этой отрасли выделялось рогожно-мочальное, бондарное, колесное, мебельное, токарное, плотницкое, дегтярное, смолокурное, корзиночное и метелочное производства. Для изготовления подобного рода товаров мастерами использовались специальные технические приспособления. Например, колесники использовали ободники или балы, верстаки, токари - шершебель, стружок, циркуль и рашпиль. Обычно производство подобного рода изделий осуществлялось в избах самих мастеров. Спрос на тот или иной вид товара зависел от времени года, природно-климатических условий, особенностей переселенческого движения и уровня развития рыночного спроса. Например, употребление смолы и дегтя зависело от спроса на летний извозный промысел. Чаще всего этот вид продукции находил применение в кожевенном производстве для жировки кож, для смазки обуви и предохранения дерева от гниения. Смолокурение и перегон дегтя в 95 % случаев велись «ямным способом» [2, c. 268-298].

В 1820–1850-е гг. у крестьян Енисейской губернии более всего было распространено домашнее ткачество. В селениях по домам крестьяне выделывали на ручных станках сермяжные сукна, сукманину, льняной и пеньковый холст, кушаки и проч. Для ткачества и прядения населением региона использовались ткацкие станки – кросна, самопряхи, прялки, гребни, чесалки, навойки и т. д. По свидетельству А. П. Степанова, к 1830 г. ткацкие изделия крестьян производились в губернии на 20 281 станах, на которых в среднем изготавливалось до 146 535 аршин сукна, 835 074 аршин холста и 9794 кушаков [3, с. 246]. Однако все, что производилось, шло для собственного потребления, и лишь избыток поступал на местный волостной рынок [1, с. 314].

Крестьянская промышленность по переработке животного сырья опиралась на рынок, связанный с потребностями самих крестьян в обуви и одежде, а также с потребностями приискового и заводского населения губернии. Непосредственно с переработкой животного сырья была связана обработка кож, овчин, меха, шубное и шорное дело, свечно-сальное производство. Из кожи крестьяне выделывали чирки, сапоги, конскую упряжь, шили тулупы, дохи, а из конского волоса дополнительно изготавливали веревки, вожжи, сита и тюфяки. В селениях Минусинского округа, по сведениям Ю. В. Кожухова, кожевенные, шубные и мыловаренные заведения были рассчитаны на обслуживание нужд одной или нескольких семей и в малой степени были связаны с рынком [1, с. 315]. Мелкие кожевники обычно обрабатывали сырье в своих избах. Зольники помещались ими под полом у входа, а дубильные чаны устанавливались в жилой части избы. На территории крестьянских дворов размещали деревянные кожаные ступы. В большинстве случаев заведения по производству кож старались размещать около воды. Уровень переработки кож рогатого скота в губернии был низким, кожи при выделке были толстыми, поэтому кожевенный товар привозили в основном из Казани и Томска.

В связи с ростом зернового хозяйства значительное развитие получает мукомольное и крупяное производство. На реках края в наиболее развитых сельскохозяйственных районах крестьянами создавались многочисленные водяные мельницы. Многие мельницы были невелики и вырабатывали продукцию в основном для собственного потребления крестьян. В конце 1820-х гг. на терри-

тории края насчитывалось 1114 водяных и 9 ветряных мельниц [4, с. 97]. Но существовали и крупные мельницы, которые приносили их владельцам значительный денежный доход. Например, в Канском округе за помол пуда зерна брали 1,5 коп., при этом средний доход владельцев мельниц из крестьян составлял от 85 до 200 руб. в год. Производственная мощность всех мельниц Канского округа составляла в 1840 г. примерно 244 тыс. пудов в год, а общие доходы крестьян – 3066,71 руб. [1, с. 318].

Немаловажную роль в домашнем ремесле и кустарном производстве приенисейского крестьянства играли промыслы, связанные с переработкой минерального сырья: кузнечное и гончарное производство, кирпичное дело, а также добыча и переработка камня. Техника гончарного производства в это время была очень примитивной: глина смешивалась с песком во дворе или избе, а затем на ручном станке производились формовка изделия и его обжиг в печах. Кирпичное производство в губернии, по сведениям А. П. Степанова, находилось на низком уровне [4, с. 96].

Уровень развития кузнечно-слесарного производства в сельской местности губернии был низким. Этот вид производства удовлетворял местные нужды крестьян, и поэтому кузнецы работали исключительно на заказ [2, с. 314]. К сожалению, по имеющимся данным не удалось выяснить основные производственные показатели этой отрасли ремесла.

В целом на протяжении 1820-х – начала1860-х гт. в Енисейской губернии развитие домашнего ремесла носило потребительский характер: произведенное в хозяйстве крестьянина сырье перерабатывалось для удовлетворения собственных нужд. Лишь в небольшом количестве изделия домашнего ремесла и кустарного производства поступали в продажу на местные рынки. Домашняя промышленность в крае была слабо ориентирована на рынок, и поэтому медленно превращалась в товарное производство. Особенности домашнего ремесла составляли примитивная техника изготовления продукции, преобладание ручного производства и ее семейный труд. Несмотря на то, что ремесленный труд был производительнее сельскохозяйственных занятий, в этот период он оставался малопродуктивным.

Литература

1. Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. / Ю. В. Кожухов. – Л. : ЛГУ, 1967. – 384 с.

- 2. Соловьева Е. И. Крестьянская промышленность во второй половине XIX в. : дис. . . . д-ра ист. наук / Е. И. Соловьева. Новосибирск, 1975. 347 с.
 - 3. Степанов А. П. Енисейская губерния / А. П. Степанов. СПб., 1835. 257 с.
- 4. Степанов А. П. Енисейская губерния / А. П. Степанов. Красноярск, 1997. 189 с.

ГУДЕЕВА Н. М.

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н. Я. БИЧУРИНА (АРХИМАНДРИТА ИАКИНФА) В РАЗВИТИИ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале XXI в. развитие международных отношений между Россией и Китаем требует тщательного историографического осмысления. История взаимодействия двух стран насчитывает не одно столетие. Россия в XVII в. «продвигалась в Китай» для дальнейшего расширения своей территории, в поисках новых рынков сбыта и сырья.

Взаимоотношения Китая и России были установлены в 1689 г. Нерчинским договором и претерпели в своей истории многочисленные коллизии. В российской международной политике XVIII в. «необходимы были существенные коррективы, основанные на хорошем знании этно-культурных особенностей этого цивилизационного комплекса...» [2, с. 212]. Проведение этой политики было возложено на Российскую духовную миссию, которая выполняла, помимо ознакомительных, больше всего разведывательные функции.

Российская духовная миссия по сути своей явилась связующим звеном между двумя государствами, когда официальные контакты между Россией и Цинской империей были ограничены, а наиболее квалифицированные специалисты и знатоки Китая находились в Пекинской миссии либо прошли ее школу [3, с. 132]. Миссия являлась единственным источником сведений об империи Цин и входящей в нее Монголии для российского правительства.

Выдающуюся роль в деятельности, особенно научной, этой организации сыграла IX духовная миссия. Главой миссии был назначен ставший впоследствии ученым с мировым именем архимандрит Иакинф (Н. Я. Бичурин), добивавшийся этого назначения всеми возможными способами [4, с. 98].

Необходимо отметить, что ключевую роль в жизни Н. Я. Бичурина сыграло время, проведенное в Иркутске в качестве ректора семинарии. Это был своеобразный подготовительный период в становлении священнослужителя как ученого. Именно здесь Н. Я. Бичурин определился со своим научным призванием, им стало востоковедение. Таким образом, сибирский период его жизни окончательно определил его мировоззрение.

Благодаря близости территории Сибири к Китаю и Монголии, такие города, как вышеназванный Иркутск и Кяхта, сыграли не последнюю роль в деятельности IX духовной миссии.

Кроме того, особая роль IX миссии заключается еще и в том, что на нее после неудачи посольства Ю. А. Головкина в 1805 г. в Пекин возлагались особые предписания разведывательного характера.

В деятельности архимандрита на протяжении 13 лет во главе IX Русской духовной миссии в Китае помимо вопросов распространения православия среди китайцев, которое не имело больших успехов, огромное значение уделялось научным исследованиям: сбору информации о языке, культуре, государственном управлении и политике восточной цивилизации.

В отечественной востоковедной историографии всесторонне проанализированы результаты пребывания Н. Я. Бичурина в Китае.

В первую очередь, необходимо отметить работы дореволюционных авторов, где дается достаточно высокая оценка деятельности Н. Я. Бичурина.

Плодотворным периодом изучения творческого наследия архимандрита Иакинфа был советский период. В 1960 г. вышли в свет публикации В. Д. Дмитриева и И. Д. Мурзаева, знакомившие читателей с новыми материалами об Н. Я. Бичурине, выявленные в архивах Чебоксар, Казани, Ленинграда. В том же 1960 г. был издан в Чебоксарах труд, основанный на неопубликованных материалах Бичурина – «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии».

В 1977 г. увидела свет монография П. В. Денисова «Никита Яковлевич Бичурин», наиболее подробно освещающая жизнь и деятельность известного архимандрита. В 1997 г. монография была переиздана с существенными дополнениями и привлечением новых источников. Как отмечает С. И. Андреевская, «это практически единственная работа, позволяющая познакомиться с ос-

новными этапами жизни и деятельности нашего выдающегося синолога» [1, с. 6].

К 200-летию со дня рождения востоковеда в 1977 г. вышел сборник статей «Никита Яковлевич Бичурин и его вклад в русское востоковедение». Материалы сборника позволяют лучше осмыслить научную деятельность архимандрита [6, с. 22].

В том же 1977 г. выходит работа П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения», где деятельность Н. Я. Бичурина рассматривается в истории отечественного востоковедения как отдельный «бичуринский» период. Невозможно не упомянуть о статье С. Л. Тихвинского и Г. Н. Песковой «Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин». В этой публикации на достаточно общирном историографическом и архивном материале проанализирована его научная деятельность в Пекине и после возвращения в Россию.

Значительный вклад в изучение научного наследия архимандрита Иакинфа внесли работы А. Н. Хохлова - «Бичурин и его труды о Монголии и Китае I половина XIX в. (некоторые вопросы источниковедения)», Н. П. Шастиной - «Значение трудов Н. Я. Бичурина».

В работах советского периода основное внимание уделялось лишь научной деятельности архимандрита, остальные же составляющие его пребывания в Китае оказались вне сферы научного исследования. Не получили они должного освещения и в настоящее время.

В исторической литературе постсоветского периода деятельность Н. Я. Бичурина в Китае рассматривается в публикациях А. С. Ипатовой «Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений», И. Т. Мороз «Девятая российская духовная миссия (К истории ее отправления в Пекин)», Т. А. Пан «Неизвестное письмо Н. Я. Бичурина на маньчжурском языке». В них отмечается большое значение пребывания Иакинфа Бичурина в Пекине начальником IX миссии не только для отечественной, но и для всей европейской науки.

В иностранной литературе, которая в целом изобилует научными исследованиями явлений русско-китайских отношений, очень мало работ, посвященных изучению деятельности Русской миссии в Китае. Необходимо упомянуть работу В. П. Петрова, вышедшую в Вашингтоне в 1968 г., «Российская Духовная Миссия

в Китае», которая дает представление в целом о деятельности РДМ, ее вкладе в развитие православия на Дальнем Востоке [1, с. 5]

Анализ исторической литературы позволяет сделать вывод, что исторические исследования посвящены в основном изучению научной деятельности Н. Я. Бичурина в Китае, однако очень мало внимания уделялось дипломатической деятельности архимандрита Иакинфа в Поднебесной империи.

В современной исторической науке необходимо разрушить устоявшееся представление о безрезультатной деятельности IX состава РДМ в Китае, поддержав выводы отечественных исследователей о плодотворных научных исследованиях архимандрита Иакинфа в Пекине и выводы американского исследователя Э. Видмера, высоко оценившего дипломатический аспект деятельности Н. Я. Бичурина в Китае.

Большой вклад в историографию о Н. Я. Бичурине вносит кандидатская диссертация С. И. Андреевской «Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф) во главе IX духовной миссии в Китае (1807–1821 гг.)».

Важной характеристикой Н. Я. Бичурина как монголоведа явилась его книга «Записки о Монголии». В основу ее легли как материалы личных наблюдений, так и сведения из китайских источников. Причем дневниковые записи, которые составлялись на пути из России в Китай, были существенно дополнены и частично изменены по возвращении, когда Н. Я. Бичурин уже владел сведениями, почерпнутыми из различных китайских исторических хроник [11, с. 128].

С этой целью Бичурин на основе сделанного им перевода «Цзычжи тунцзянь ганму» составил «Историю народа монгольского» с древнейших времен до 1635 г. Первая часть этого труда была подготовлена еще в Пекине, а вторая – уже в ссылке в Вала-амском монастыре [8, с. 91].

В октябре 1828 г. работа была опубликована под названием «Записки о Монголии». В «Московском вестнике» был напечатан фрагмент этого труда – статьи «Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII века», а затем «О древнем и нынешнем богослужении монголов» [7, с. 11].

«Записки о Монголии» Н. Я. Бичурин вызвали широкие положительные отклики и вскоре были переведены на французский и немецкий языки. Архимандрит Иакинф был признан крупнейшим знатоком Китая и стран Центральной Азии [1, с. 116].

Вклад архимандрита Иакинфа в монголоведение не ограничился этой работой. В 1829 г. выходит в свет его «История первых четырех ханов из дома Чингисова с картою походов их как в Монголию, так и внутри Китая». [5, с. 253].

Большие страноведческие познания в области Китая, знания языка, приобретенные архимандритом Иакинфом в Пекине привели к тому, что в начале 1830 г. русское правительство, желая лучше ознакомиться с ходом кяхтинской торговли, решило направить в Восточную Сибирь барона П. Л. Шиллинга и Н. Я. Бичурина в качестве его помощника [9, с. 152].

В Кяхте архимандрит Иакинф провел около двух лет. Именно там он завершил перевод с китайского языка «Истории Тибета и Хухунора», а также при помощи монгольского переводчика перевел монголо-китайский словарь. В этих изданиях можно найти сведения о внутреннем составе китайской империи [8, с. 86].

В 1834 г. вышла в свет его книга «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» с приложенной к ней картой Монголии, комментариями и именным указателем. Она фактически продолжает «Историю первых четырех ханов» [10, с. 78].

Свою научную деятельность Н. Я. Бичурин завершил изданием в 1851 г. многолетнего труда «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», который в том же году был удостоен Демидовской премии [10, с. 54].

Фактически своими работами Н. Я. Бичурин предоставил возможность исследователям, не владеющим китайским языком, изучать историю различных азиатских народов по китайским источникам. Своими трудами Н. Я. Бичурин подготовил прочную основу для серьезного изучения Востока.

Литература

- 1. Андреевская С. И. Н. Я. Бичурин (архимадрит Иакинф) во главе IX духовной миссий в Китае (1807–1821 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- 2. Ипатова А. С. Место Российской духовной миссии в Китае в истории русско-китайских отношений //Востоковедение и мировая культура. М., 1998.
- 3. Кармановская И. Л. О библиотеке Российской духовной миссии в Пекине // 21-я Научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1990. Ч. 2.
- 4. Мясников В. С. Новые знания о России в Цинском Китае XVIII века // Вопросы истории. 1980. № 3.
- 5. История Отечественного Востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997.

- 6. Н. Я. Бичурин и его вклады в русское востоковедение / отв. ред. А. Н. Хохлов. М., 1977.
 - 7. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- 8. Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о цинском Китае //Н. Я. Бичурин Статистическое описание Китайской империи. М., 2002
 - 9. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.
- 10. Чимитдоржиев Ш. Б., Улымжиев Д. Б., Попов А. В. Российские монголоведы (XVII-начало XX вв.). Улан-Удэ, 1997.
- 11. Чугуевский Л. И. Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина // Народы Азии и Африки. 1966. №2.

ДАМБАЕВ Л. В.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И МОНГОЛИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Традиционно квалифицированную работу в формировании монголоведной науки XX-XXI вв., в том числе в области военного сотрудничества двух стран, проводят ученые Сектора Монголии ИВ РАН, которые утверждают: «Современное состояние отечественного монголоведения характеризуется тем, что процесс осмысления пройденного пути, пересмотра устоявшихся концепций и оценок прошлого породил большую разноголосицу в исследованиях российских обществоведов» [3, с. 11].

В первую очередь, были поставлены задачи теоретического переосмысления событий прошедшей эпохи, огромное значение в которых имели вопросы военного сотрудничества, приобретавшие самые разнообразные, а иногда и трагические формы.

На эйфорической волне отрицания успехов социалистического сотрудничества СССР и МНР в 90-х гг. ХХ в., отдельные историки двух стран начинают развивать псевдометодологические положения о военной оккупации суверенной аратской страны воинами Рабоче-Крестьянской Красной/Советской Армии.

Муссируются, не без причины, последствия временного пребывания советских войск на территории МНР до 1990-х гг. XX в., вплоть до предъявления экономических санкций РФ.

Эти проблемы, несмотря на ряд принимаемых российским правительством политических и экономических мер, продолжают оставаться предметом спекуляций отдельных монголоведов двух стран.

Поднимаемые проблемы, зачастую обоснованны. Возникает объективная историческая необходимость адекватного разрешения проблем военного сотрудничества. Необходима хронологическая градация сотрудничества двух армий на протяжении XX в. В этом блоке проблем необходимо выделять вопросы «боевого содружества» советско-монгольских войск, называемых так в социалистической военной историографии двух стран и имеющих свою доказательную базу объективных материалов.

Крупнейший историограф мирового монголоведения второй половины XX в. М. И. Гольман на законных основаниях и методологически верно выдвигает свою историографическую градацию отечественного монголоведения XX в.: «...Всю эту историческую литературу можно рассматривать по трем периодам: 1900–1920-е гг. – период "пробуждения Азии", вхождения Монголии в XX в. и восстановления монгольской государственности; 1920–1980-е гг. – период существования СССР и МНР; 1990-е гг. – начало XXI в. Историография Монголии трех четвертей XX в. уже достаточно хорошо изучена и освещена, чего нельзя сказать о современной литературе, тем более что она знаменует начало качественного нового этапа в изучении истории Монголии, в том числе и XX в.» [1, с. 183].

Для объективного объяснения причин российско-монгольского «боевого содружества» необходимо внимательнее проанализировать первый этап в хронологии, данной М. И. Гольманом: «1900–1920-е гг. – период «пробуждения Азии», вхождения Монголии в XX в. и восстановления монгольской государственности».

Этот период характеризовался образованием российского консульства в Урге и революционными событиями в двух странах, а также конфликтами Гражданской войны в Советской России и Монголии. В этот период, в отличие от военной истории классического средневековья, складывается на принципиально новых условиях военное сотрудничество двух стран.

Необходимость анализа внешнеполитических мероприятий романовского правительства, проводящего интенсивную наступательную политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе, во многом связана с установлением военного сотрудничества с Монголией, пережившей в этот короткий период истории значительные изменения в области государственного устройства.

Историографическое значение имеет большой блок монографий, биографических хроник, мемуаров и других материалов, несущих информацию о российско-монгольском военном сотрудничестве, подвергающие обоснованной критике незыблемые в советской историографии положения военного сотрудничества двух стран.

На рубеже XX-XXI вв. защищены докторские диссертации: Белова Е. А. «Россия и Монголия (1911–1919 гг.)»; Жабаевой Л. Б. «Э. -Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в.»; Кузьмина Ю. В. «Монгольский и Урянхайский вопросы в общественно-политической мысли России: (конец XIX – 30-е гг. XX вв.)»; Лиштованного Е. И. «Россия и Монголия в XX веке: региональный опыт взаимоотношений (на материалах Восточной Сибири»; Лузянина С. Г. «Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.»; Дугарова В. Д. «Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX вв. Вопросы историографии» и другие научные работы, в которых по-новому поставлены проблемы военного сотрудничества России и Монголии.

Большой историографический анализ по этой проблематике представляют защищенные кандидатские диссертации Немчиновой Т. А. «Белое движение в Сибири: современная российская историография» (Улан-Удэ, 2002); Жалсаповой Ж. Б. «Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере», (Хабаровск, 2009), другие исследовательские работы, близкие по рассматриваемой проблематике, в которых анализируются проблемы советско-российской историографии.

Внешнеполитические не всегда удачные мероприятия и действия царского правительства в Азиатско-Тихоокеанском регионе начала XX в., обоснованно критикуемые в советской историографии, привели к неоднозначной оценке деятельности российского правительства по отношению к Монголии, входившей в Цинскую монархию. В этих положениях во многом превалировал идеологический концепт этой проблемы.

В период вхождения мировой экономики в империалистическую стадию Цинская династия сама становится объектом притязаний со стороны быстро растущих империалистических государств. Главными претендентами на господство в Монголии, входившей в маньчжурское китайское государство, выступали Япония и царская Россия, имевшие далеко идущие планы по ее рас-

членению. Помимо Японии и романовской России активное участие в борьбе за господство в Монголии принимали и другие империалистические государства, особенно США и Англия, каждая из которых стремилась закрепить монгольский рынок за собой.

Необходимость анализа этих взаимоотношений, баланса вооруженных сил актуальна для оценки современного состояния внешнеполитического состояния государств в геостратегическом треугольнике «Россия - Монголия - Китай».

В 1911 г. в результате подъема национально-освободительного движения монгольского народа было свергнуто более чем двухвековое господство маньчжурских завоевателей и провозглашено независимое Монгольское государство.

В начале XX в. Монголия не располагала даже самой элементарной материальной базой для развития военного дела в условиях империалистического индустриального передела мира. Военное дело, за редким исключением, оставалось на уровне знаменитых конных армий «потрясателя вселенной». Монгольская армия не имела подготовленных кадров офицеров и воинов, способных вести военные действия в новых боевых условиях, вооруженных современным оружием.

Краткий период существования монгольской феодальнотеократической монархии (1911–1919 гг.) занимает важное место в истории страны. В этот период были предприняты энергичные шаги по налаживанию военного сотрудничества между правительствами двух стран.

Подписанием русско-монгольского договора от 3 ноября 1912 г. военное сотрудничество приобретает характер прямой поддержки России, которая стала снабжать военной техникой и вооружением монгольскую армию. Большой историографический отклик в 2012 г. получило празднование 100-летнего подписания русско-монгольского договора. В Бурятском государственном университете выпущен сборник «Россия – Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества» объемом 420 страниц, под редакцией доктора исторических наук, профессора Бурятского госуниверситета В. Д. Дугарова.

Монгольское правительство испытывало недостаток финансовых средств для закупки нового вооружения у передовых индустриальных стран: России, Германии, Англии, США.

Россией, согласно подписанным соглашениям, были предоставлены кредиты для закупки вооружения. Царское правительство обещало предоставить правительству богдо-гэгэна заем в 2 млн руб. и некоторое количество вооружения [2, с. 270].

В советском и российском монголоведении встречается взаимодействия монгольских воинских частей в боевых действиях с частями барона Р. Ф. Унгерна против Цинов. Неоднократно менялась оценка личности барона. «Одной из наименее известных глав гражданской войны до недавнего времени была эпопея барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга, пытавшегося противопоставить советской модели развития свой монархический проект евразийского государства и традиционного общества. Хотя этот проект и не был реализован, он оставил заметный след в истории и имел далеко идущие геополитические последствия. До недавнего времени наши соотечественники недооценивали его и знали лишь в тех рамках, которые были очерчены в РСФСР еще в 1920- е гг.» [4, с. 3].

По нашему мнению, привлечение новых документов и мемуаров позволило отказаться от обвинений Унгерна в пользу Японии, бандитизме, фашизме, оккупации Монголии, установления там диктатуры и т. д.

Однако главное в том, что Унгерн, наряду с монгольскими революционерами и лидерами Советской России, сыграл ключевую роль в восстановлении независимости Монголии. Он изгнал китайских оккупантов, а затем вторжением в Сибирь создал законные основания для вступления в Монголию войск Советской России, которая стала гарантом независимости страны. Именно это уникальное стечение обстоятельств позволило Монголии – единственной из стран, ранее оккупированных Китаем, восстановить свою независимость [4, с. 4].

Несомненно, без внимания автора остались некоторые аспекты военного сотрудничества России и Монголии, связанные с деятельностью Русского географического общества и Генерального штаба Российской армии. Это может стать темой другого исследования.

Литература

- 1. Гольман М. И. Литература по истории Монголии XX века // Восток (ORIENS). 2007. №4.
 - 2. История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1983. 663 с.
 - 3. История Монголии XX в. М.: ИВРАН, 2007. 448c.
- 4. Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмин. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. 336 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ «БУЛУНСКИМ КУПЕЧЕСТВОМ» НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ІІ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. территория Северо-Восточной Сибири была поделена между крупными торговыми фирмами, которые вели свою деятельность в определенных границах. Западная тундра и местность, расположенная в низовьях Лены, являлись территорией торговых операций «булунского купечества». Наиболее крупными фирмами здесь являлись «Торговый дом "Наследники А. И. Громовой"», «Наследники А. М. Кушнарева», Иона Потапов, Кириллин, Егоров, Санниковы, Ищенко, С. Никифоров, Т. Зейнайлов [1, с. 4].

Территория восточной тундры была «закреплена» при производстве торговых операций за «устьянским купечеством». «Булунское» и «устьянское» купечества имели ряд отличительных особенностей. Однако распределение товаров как в западную, так и в восточную тундру происходило из Булуна после летнего завоза пароходами по Лене. От скорости и объемов привозимых для меновой торговли товаров зависел ход торговли в зимний период в кочевьях «инородцев». Постепенно ряд купеческих предприятий становятся лидерами по завозу товаров в Булун для меновой торговли.

Отметим характерные черты организации торговли «булунским купечеством» на территории северо-восточной Сибири.

«Главные торговые операции "булунского купечества" были сосредоточены в разъездной торговле по окрестной тундре» [1, с. 4]. «Район деятельности булунского купечества очень обширен. На западе он даже выходит за пределы области, захватывая частично Туруханский край, так же бассейны рек Оленек и Анабара, в дельте Лены булунские купцы имеют дела с кочевьями Ары, Туматских островов и Быкова мыса, наконец, на востоке районом их деятельности являются долины рек Хараулаха, Омолоя и даже Бутынтая» [1, с. 5]. Булун являлся центральным пунктом движения товаров на восток и на запад от низовий Лены. В летний период товары для меновой торговли завозились в Булун по Лене, а

зимой уже по санному пути распределялись по кочевьям по всей территории северо-восточной Сибири. Вся собранная за зиму пушнина летом транспортировалась пароходами в Якутск для сбыта на Якутской ярмарке.

Наиболее крупные обороты от операций с пушниной имели ярмарки в промысловых округах Якутской области (Олекминском, Колымском, Якутском). Пушной товар на Учурской, Олекминской и Майской ярмарках формировался в партии и поступал на летнюю Якутскую ярмарку, которая во ІІ половине XIX в. сосредотачивала пушнину, собранную в промысловых районах края за охотничий сезон, и являлась вторым этапом сибирской пушной торговли. В начале XX в. летняя Якутская ярмарка, с усовершенствованием путей сообщения и открытием телеграфа, который позволял фирмам заключать сделки с Ирбитом и Москвой, сохранила свое значение регистратора пушного сырья и пункта концентрации пушнины в крупные партии. В начале XX в. обороты Якутской пушной ярмарки оставались значительными, но товар не задерживался в целях ускорения оборота капитала.

Основные торговые операции «булунского» и «устьянского» купечества совершались в разъездах по окрестной тундре, т. е. происходила торговля на местах. Это объяснялось тем, что скупка пушнины или ее обмен на товары производилась у кочевников, которые продвигались вслед за переходами оленей от одного «кормовища» к другому [1, с. 13].

Поскольку деятельность крупного купечества распространялась на значительную территорию, постепенно каждая фирма сформировала собственную систему приказчиков, которые кредитовались под залог сбора пушнины по заранее установленной цене. «Товар обычно отпускается в кредит из 8–10 % годовых, платеж весной пушниной по существующим ценам, кредитор вправе отказаться от пушнины и отложить расчет до лета наличными, вправе также взять пушнину в Якутске и рассчитаться по ценам, которые будут установлены на летней ярмарке в Якутске» [1, с. 14]. Следует также отметить, что денег в пушной торговле в данный период использовалось мало. Денежные операции существовали лишь в момент ярмарок в Якутске.

В начале XX в. на территории северо-восточной Сибири наметились тенденции к концентрации капитала, которые получили выражение в создании совместных товариществ. Крупное дело со значительным капиталом было более конкурентоспособным и позволяло избегать убытков, связанных с падением цен на пушнину на центральных ярмарках, ждать повышения цен, продолжая скупку на местах по низким ценам. Торговая организация крупной фирмы была более мобильной и устойчивой на российском рынке, обеспечивала для фирмы своевременную закупку промышленных и продовольственных товаров, их транспортировку к местам сбыта. К крупным пушным фирмам северовосточной Сибири из состава «булунского купечества» относились «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева», Г. В. Никифоров, Я. Ф. Санников, И. И. Силин, «А. и М. А. Молчанов и Быков», «А. В. Швецов и сыновья», «Братья А. и Ф. А. Тонконоговы», «Торговый Дом Стрелов и Ко» [4, д. 1081, л. 25–30].

В начале XX в. фирма «Наследники А. И. Громовой» играла главную роль в операциях с пушниной на территории северовосточной Сибири. Торговое предприятие А. И. Громовой вело торговлю пушниной с коренным населением северо-восточной Сибири и сбывало продукты потребления ежегодно на 700 тыс. руб. [2, с. 42, 98]. Пушнина «Торгового дома А. И. Громовой» считалась одной из лучших на ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде, а также в Лейпциге [5, д. 582, л. 148-149]. В начале XX в. скупка пушнины на северо-востоке Сибири была продолжена фирмой «Наследники А. И. Громовой». В 1912 г. состояние фирмы оценивалось по данным Якутского отделения Русско-Азиатского банка, в 3-5 млн руб. В 1913 г. фирма приобрела устьянское дело Г. Н. Габышева. Сумма годовой закупки пушнины в промысловом районе Усть-Янска составила 200-300 тыс. руб. [5, д. 582, л. 49]. Транспортное предприятие А. И. Громовой на р. Лене состояло из четырех пароходов, пяти барж, двух кулиг общей грузоподъемностью 1130 т [6, д. 993, л. 94-95]. Обороты транспортного предприятия в 1910 г. составляли 359 831 руб., прибыль - 71 027 руб. [2, с. 98-99].

Крупнейшими купцами северо-восточной Сибири во II половине XIX – начале XX в. Были также Кушнаревы. В конце XIX в. основой торговых операций А. М. Кушнарева стала скупка пушнины у коренного населения в промысловых районах северовосточной Сибири. В 1881 г. А. М. Кушнарев получает свидетельство купца первой гильдии и начинает интенсивное освоение сферы торговли пушниной. В конце XIX в. крупные партии пуш-

нины А. М. Кушнарева реализовывались на ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде. Затем им были открыты магазины и представительства фирмы в Иркутске, Якутске, Москве, Томске, Охотске. В 1897 г. состояние фирмы А. М. Кушнарева оценивалось в 1 млн руб. и состояло из мануфактуры, пушнины, спирта в Якутске на 390 тыс. руб., в Олекминске - на 30 тыс. руб., в Иркутске пушнины, мамонтовых бивней на 108 тыс. руб., в Охотске и Аяне – чая на 25 тыс. руб., в Томске – мануфактуры на 4,5 тыс. руб., в Витиме - масла на 2,3 тыс. руб., в Москве - пушнины и мамонтовой кости на 50 тыс. руб. Всего было в 1897 г. товаров на сумму 609,8 тыс. руб. [4, д. 1081, л. 13]. Торговый дом «Наследники А. М. Кушнарева» был зарегистрирован в г. Якутске 9 марта 1903 г. Деятельность фирмы предполагала торговлю мануфактурными, бакалейными, галантерейными, скобяными, жировыми товарами. Предприятие сбывало готовую продукцию, обувь, золотые, серебряные изделия. Кроме того, фирма имела право производить скупку пушнины, сырья и мамонтовой кости на территории северо-восточной Сибири. За фирмой «Наследники А. М. Кушнарева» были закреплены якутский и киренский районы операций, а также западная тундра от Булуна. В 1914 г. предприниматели расширяют сферу своей деятельности и создают совместно с И. П. Антипиным «Северное торгово-промышленное товарищество». Уставной капитал «Северного торгово-промышленного товарищества» составлял 150 тыс. руб. [4, д. 1081, л. 25-27]. Распорядителями товарищества являлись А. А. Бушуева и П. А. Кушнарев. Главная контора Торгового дома находилась в Якутске [4, д. 1081, л. 27–30].

В период интенсивного развития пушной торговли на территории северо-восточной Сибири купцы уделяли большое внимание условиям транспортировки клади. «Весь вообще товар на севере вывозится на Булун. Отсюда его развозят зимой по двум главным направлениям – на Восток и на Запад» [1, с. 29]. Следует уточнить, что до Булуна товар транспортировался летом по Лене на пароходах, а по зимним дорогам во время меновой торговли на оленях товар расходился по окрестной тундре. Для ускорения доставки товаров в промысловые центры и увеличения скорости оборота капитала фирма Кушнаревых в 1911 г. приобретала пароход за 200 тыс. руб. Северо-восточная Сибирь снабжалась товарами потребления только благодаря открытию пароходства крупными фирмами [5, д. 582, л. 147]. В 1916 г. за фирмой «На-

следники А. М. Кушнарева» числилось два парохода, четыре баржи [6, д. 993, л. 93]. Торговый дом «Наследники А. М. Кушнарева» в 1916 г. имел обороты в 2,5 млн руб., а прибыль – в 375 тыс. руб. [4, д. 1081, л. 16–19]. В данную сумму не вошли сведения об операциях Торгового дома с пушниной. Капитал Торгового Дома «Наследники А. М. Кушнарева», вложенный в операции с пушниной, составлял 1,5–2 млн руб. [6, д. 993, л. 93].

Крупный капитал позволял фирмам после окончания скупки пушнины в промысловых районах северо-восточной Сибири, на этапе разъездной торговли, сосредотачивать на своих складах пушной товар на общую сумму в 1 млн руб. Фирма «Наследники А. И. Громовой» ввозила в Олекминский промысловый район товары первой необходимости на сумму 150 тыс. руб. Общая стоимость товаров потребления, поступавших на склады средних и крупных предпринимателей в промысловых районах северовосточной Сибири, равнялась 10 млн руб. [6, д. 993, л. 93]. Капитал крупных сибирских фирм, осуществлявших операции с пушниной, составлял в 1913 г. 13 млн руб. [3, с. 259]. В 1916 г. торговые дома «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева» вошли в число самых крупных фирм северо-восточной Сибири [4, д. 569, л. 19].

В организацию пушной торговли крупных фирм северовосточной Сибири было вовлечено большое количество приказчиков. Каждый кредитовался у распорядителей торговых домов товарами и сдавал по окончании сезона собранную в крае пушнину. В целом приказчики являлись достаточно независимым слоем мелкого купечества. В долгах у каждого приказчика находилось несколько десятков промысловиков, обязанных брать товары и сдавать пушнину только ему. Данная торговая организация в исследуемый период на территории северо-восточной Сибири сформировала определенные обычаи делового оборота, свершение большинства сделок «на доверии» и вовлечение практически всего населения края в систему меновой торговли пушниной на товары широкого потребления. Именно из состава «булунского купечества» выросли крупные торговые дома, поскольку западная тундра была наиболее богата пушными зверями. Также следует отметить, что завоз товаров именно в эту часть северного края был более удобен и доступен, чем гористая и сложно проходимая восточная тундра, где, к тому же, было сильно влияние американских торговцев.

Литература

- 1. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1915.
- 2. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т 1. Кн 1. / под. ред. Д. Я. Резуна. Новосибирск, 1994.
- 3. Рабинович Г. X. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX начала XX вв. Томск, 1975.
 - 4. РГИА. Ф. 23. Оп. 11.
 - 5. РГИА. Ф. 630. Оп. 1.
 - 6. РГИА. Ф. 587. Оп. 33.
- 7. Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVIII начало XX вв.). Якутск, 1921.
 - 8. Тимофеев-Терешкин М. Н. Очерки пушного дела в Якутии. Иркутск, 1927.

ЕЛИЗАРОВА Н. В.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОМСКОГО ГОРОДСКОГО МУЗЕЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Городской музей театрального искусства обладает уникальных собранием памятников омской театральной культуры. В нем представлена история развития театрального искусства Омска с конца XIX в. по настоящее время, а также богатая творческая биография каждого из десяти профессиональных коллективов Омска и Омской области.

8 апреля 1997 г. по инициативе Омского отделения Союза театральных деятелей было создано муниципальное учреждение культуры «Городской музей театрального искусства». Новый музей открылся в стенах Дома актера имени народного артиста РСФСР Ножери Давидовича Чонишвили (1926–1987). В основу музейной коллекции легли архивные фонды омских театров, собиравшиеся в течение двух десятков лет и хранившиеся в Доме актера.

Музей строит свою деятельность на основе коллекционного собрания печатных и вещественных документов, соответствующих его профилю. В настоящее время в музейном фонде хранится более 17 тыс. экспонатов. Это афиши, программы, рецензии, фотографии исполнителей пьес и сцен из спектаклей, фотопортреты и личные вещи актеров, эскизы костюмов и декораций, редкие книги об омских театрах и театральных деятелях, аудиовизуальные документы, предметы театрального быта. Особый интерес представляют личные архивы знаменитых мастеров омской сцены – народного артиста СССР Александра Щеголева, народных артистов РСФСР Петра Некрасова, Ножери Чонишвили,

Татьяны Ожиговой, Георгия Котова, заслуженных деятелей искусств РСФСР Валентины Тулуповой, Марии Логвиновой. Музей является бесценным хранилищем архивов омских актеров, режиссеров и сценографов.

Особой ценностью обладает поистине уникальное собрание эскизов костюмов к спектаклям, созданных двумя замечательными художниками – супругами Владимиром Мариным и Марией Логвиновой.

Владимир Сергеевич Марин и Мария Никитична Логвинова переехали в Омск в конце 1947 г. До переезда супруги работали в Сталинградском театре музыкальной комедии. С тех пор на протяжении 30 лет их деятельность была тесно связана с омскими театрами: Музкомедии (в дальнейшем – Музыкальным театром) и Театром драмы. В. С. Марин был назначен очередным художником, М. Н. Логвинова – главным художником.

В. С. Марин как художник-сценограф поставил в Омском театре музкомедии 59 спектаклей. Более половины из них – классические оперетты: «Веселая вдова» и «Цыганская любовь» Ф. Легара, «Марица» и «Баядера» И. Кальмана. Также он был художником по костюмам десяти спектаклей, таких как «Владимирская горка» В. Лукашова, «Мистер Икс» И. Кальмана, «Ошибка Наташи» Н. Минха и ряда красочных детских спектаклей.

М. Н. Логвинова почти двадцать лет создавала необычный красочный мир оперетт и музыкальных комедий, оформив около пятидесяти спектаклей, таких как «Огоньки» Г. Свиридова, «Севастопольский вальс» и «Сердце балтийца» К. Листова, «Рассвет над Иртышом» Е. Родыгина, «Особое задание» А. Новикова, «На рассвете» О. Сандлера, «Сильва», «Фиалка Монмартра» и «Мистер Икс» И. Кальмана, «Веселая вдова» и «Цыганская любовь» Ф. Легара, «Ночь в Венеции» И. Штрауса. Ее работы отличает глубокое проникновение в идейное содержание спектакля. «В совершенстве владея композицией, она всегда искала смелые пространственные решения, четко определяя время, среду, ритмический строй и музыкальную стилистику. Безусловно, с равной степенью таланта она проявила себя как в области создания театральных декораций, так и в области театральных костюмов, поражая необычной фантазией и кропотливостью выписанного рисунка. Ее костюмы - это безукоризненное чувство стиля, изящество и элегантность, подчеркивающие грациозность или характерность образа» [1, с. 3]. Сегодня творческие разработки М. Логвиновой можно признать уникальными, во многом благодаря изобретательности и находчивости Марии Никитичны. Так, М. Логвиновой как-то раз пришлось создавать сапоги для одного из персонажей, однако бюджет спектакля не располагал суммой, необходимой для приобретения материала, предназначенного для пошива кожаной обуви. И тогда М. Логвинова сшила сапоги из накрахмаленного ситца, что было совершенно незаметным из зрительного зала.

На протяжении многих лет совместной работы в театре Владимир Сергеевич и Мария Никитична часто вместе трудились над декорациями и эскизами костюмов к постановкам. Сегодня, разбирая богатый архив рисунков, переданных художницей на склоне лет в Городской музей театрального искусства, не всегда можно доподлинно установить, чья именно это работа. Авторство многих эскизов можно смело приписать обоим.

Об уникальности книжного фонда музея свидетельствует наличие редких дореволюционных изданий. К ним можно отнести иллюстрированную книгу Поля Лякруа «Военная и религиозная жизнь средневековья и эпохи Возрождения» (14 цветных литографий и 490 гравюр на дереве), изданную в Париже в 1873 г. Эта книга примечательна тем, что находилась в составе личной библиотеки графа, полковника, русского государственного деятеля, коллекционера, историка, исследователя и издателя древних исторических документов Сергея Дмитриевича Шереметева. На принадлежность издания к книжной коллекции графа Шереметева указывает наличие сюжетного книжного знака - изображение мальчика, читающего грамоту, среди книг и свитков; на развернутом свитке изображен родовой герб Шереметевых: на красном поле в лавровом венке корона - герб владетелей Прусских и два креста, под ними боярская шапка и на полумесяце копье и меч, и надпись: «Изъ книгъ Графа С. Д. Шереметева I. «. Описание знака: 70×46 мм цветная литография (L), акварельный рисунок. Дата создания - 1895 г. Художник - Елизавета Меркурьевна Бем (Эндаурова) (1843-1914). Книга Поля Лякруа помечена и еще одним экслибрисом графа Шереметева, гербовым книжным знаком: герб рода Шереметевых: на красном поле в лавровом венке корона - герб владетелей Прусских - и два креста, под ними боярская шапка и на полумесяце копье и меч. Щит увенчан графской короной и шлемом. Под верхней колонной - кумиропоклонный дуб между двумя звездами о шести лучах. Щитодержатели - два льва, во рту которых лавровая и масличная ветви, а в лапах у правого - скипетр, у левого - держава. Вокруг герба овальная рамка с надписью: «Изъ книгъ Графа Сергія Дмитріевича Шереметева · Deus conservat omnia» (Девиз: лат. -Бог сохраняет все).

Городской музей театрального искусства организует около 40 выставок в год, как в Доме актера, так и в театрах, библиотеках, дворцах культуры Омска, участвует в праздничных культурномассовых мероприятиях и научных конференциях. Выставочная деятельность музея отражает наполненную важными событиями современную театральную жизнь, творчество актеров, режиссеров, художников театра, а также историю сценического искусства Омска. Традиционными стали ежегодные выставки »Художники театров», «Лучшая театральная работа года», «Яблочко от яблоньки... «, «Юбиляры омской сцены». Перспективный выставочный проект «Театральные династии Омска» раскрывает историю жизни и творчества театральных семей, связавших свою судьбу с Омском, служащих примером любви к сцене, верности театральным традициям.

Одна из недавних наиболее интересных выставок музея - совместный проект с Омским литературным музеем имени Ф. М. Достоевского «Диалог с Достоевским: Ф. М. Достоевский на сцене омских театров», приуроченный к 191-й годовщине со дня рождения одного из самых знаковых репертуарных авторов русского и зарубежного театров. В едином пространстве выставки была показана ретроспектива театральных постановок произведений Достоевского, представленных омской публике с начала XX в. Значительное место в экспозиции занимали газетные объявления и рецензии, фотографии и портреты актеров, эскизы и макеты декораций, дающие представление о том, как театральные коллективы и зрители выстраивали свой сценический диалог с Достоевским. Особую значимость этот диалог имеет в Омске - городе, который можно назвать личной Голгофой писателя, поскольку он отбывал в нем каторгу, но именно благодаря пережитым страданиям автору удалось обрести истинное понимание таинственной русской души, накопить уникальный материал для будущих литературных произведений.

В 1899 г. к творчеству Ф. М. Достоевского начинает проявлять интерес профессиональный театр. В петербургском театре литературно-художественного общества П. Орленев и К. Яковлев в спектакле, поставленном по мотивам романа «Преступление и наказание», начинают играть роли, которые принесут им успех и навсегда свяжут именем с Достоевского. А уже в следующем году русской публике была представлена постановка романа «Идиот»: сначала его смотрят жители Омска в исполнении труппы местного антрепренера К. П. Сичкарева, затем – с участием артистов Московского Малого театра: А. Яблочкиной, Н. Яковлева, Н. Падарина.

Популярен Достоевский был и в первые годы советской власти. В 1920-е гг. в Омск на гастроли приехал Передвижной театр П. Гайдебурова и Н. Скарской. В их репертуаре был необычный спектакль «Хозяйка» по раннему рассказу Ф. М. Достоевского. В Омске отнеслись к постановке довольно сдержанно, но столичные критики расценили ее как начало нового этапа в театральной истории Достоевского. С 1930-х гг. имя «реакционера» Достоевского надолго исчезло с театральных афиш. А возвращение писателя на сцену началось с 1972 г. – с постановки в Театре юного зрителя спектакля «Брат Алеша» по роману «Братья Карамазовы».

Экскурсионная и лекционная работа музея театрального искусства направлена на привлечение внимания омичей к истории театров, воспитание любви к театральному искусству. Материалами и консультациями музея пользуются актеры и режиссеры, театроведы и журналисты, студенты и преподаватели учебных заведений.

Литература

1. Никеева И. Счастливая судьба // Омская правда. 2004. 30 июля. С. 3.

EPMAKOB A. B.

СИБИРЬ И ЕЕ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

«Я лучше уеду в Сибирь, отращу себе бороду и соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор моего Отечества!» Эту фразу Александра I, сказанную им в тяжелые осенние дни 1812 г. после получения известий о сдаче Москвы, часто приводят как пример фантастической

мечтательности или даже невежества русского царя, в своих странствиях никогда не заезжавшего восточнее Урала и вряд ли знавшего, что редкий тогда картофель в Сибири могли пробовать лишь довольно зажиточные люди.

Но если не придираться к императору по мелочам, тут можно услышать главное: даже потеря Москвы и прямая угроза Петербургу не означает для России конца войны и неизбежности позорной капитуляции. Если страна хочет продолжать борьбу, она всегда может использовать еще тысячи верст глубокого, надежно защищенного тыла.

«Дайте мне точку опоры, и я переверну мир!» – воскликнул некогда Архимед. А любое российское правительство более 300 лет негласно опирается на Сибирь, век за веком переворачивая в свою пользу итоги самых неудачных и невыгодных военных кампаний. Причем сам факт наличия такой опоры психологически укрепляет и воодушевляет на подвиги и граждан России, и ее вождей едва ли не больше, чем нескончаемый приток природных ресурсов.

Между тем в круге чтения большинства современных россиян - от художественной литературы до школьных учебников по самым разным предметам - Сибирский регион остается гигантской фигурой умолчания. О нем упоминают только в связи с процессом освоения таежных просторов в XVII в. или каторгой и ссылкой в XVIII-XX вв. Сибирь малоинтересна не только школьным программам, но и значительной части научного сообщества, не только «западникам», но и «патриотам», не только к западу от Урала, но зачастую и в самой Сибири!

«Таким образом, в течении XVII в. в результате многих войн, ценой тягот и лишений народа территория России выросла в несколько раз за счет привлечения огромных восточных владений в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако расширение территории имело для нее противоречивые последствия, так как способствовало закреплению тенденций развития экономики страны не вглубь, а вширь». Школьный учебник, из которого взяты эти дикие рассуждения, напечатан тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров. Напечатан в России, а не в США или Китае! Благодаря подобным утверждениям и питающим их «научным подходам» информация о развитии трети территории России на протяжении четырех веков, не доходя до массового читателя, проваливается в какую-то черную дыру. Можно сказать, что Сибирь фактически спрятана

внутри российской истории. Между тем Сибирь в XVI-XX вв. - место постановки и решения проблем мирового уровня.

Во-первых, в этом регионе России изначально сложились уникальные условия для перемены участи человека. Здесь совершалась социальная и духовная эволюция сотен тысяч людей. Можно уподобить Сибирь гигантскому социальному лифту. Такие разные люди, как Ермак и протопоп Аввакум, Радищев и Чернышевский, Ленин и Сталин, Сергей Королев и Варлам Шаламов, не просто перемещались из одного места заключения в другое. Они неоднократно меняли общественный статус, изменялись внутренне. По существу, они вырастали здесь как исторические фигуры. Многие, как, например, Достоевский, из непримиримых оппозиционеров становились твердыми сторонниками православия и самодержавия. Много ли знают даже и сибирские школьники и студенты о судьбе двух выдающихся руководителей Восточной Сибири Михаиле Сперанском и Николае Муравьеве-Амурском, которые приехали в Восточную Сибирь либералами, а уехали убежденными государственниками?

Существует довольно большой пласт популярной литературы о декабристах, но практически никого, кроме узких исследователей, сегодня не интересуют аспекты личностного становления лидеров российской радикальной оппозиции (от народовольцев до эсеров и большевиков) второй половины XIX – начала XX в., которых власть фактически бесплатно (многих не один раз) свозила на экскурсию по интереснейшим местам империи. А к началу XX в. выяснилось, что оппозиционная элита лучше знает Россию и ее окраины, чем элита правящая. Да и XX в. в Сибири не сводится к одной лишь «истории сталинского ГУЛАГа».

В качестве площадки личностного и карьерного самоутверждения Сибирский регион выступал вплоть до последних десятилетий XX в. Но сегодня нам одинаково плохо известны и герои эпохи Великих географических открытий, продолжавшейся в Северной Азии почти до конца XIX в., и организаторы недавнего строительства закрытых оборонных объектов, мощнейших в мире каскадов речных ГЭС, БАМа. Суровые таежные условия послужили основой для массовой выработки замечательных характеров. Сами биографии этих ученых и строителей представляют собой национальный фонд и должны войти в сокровищницу нашей исторической памяти хотя бы на уровне книг из серии ЖЗЛ.

К нашему стыду, большинство из нас мало что может сказать и об особой религиозно-просветительской миссии России в Сибири. Подвиг крещения и просвещения десятков больших и малых народов Азии в XVII-XIX вв., разработка новых письменных языков, включение большого числа этих народов в мировую культуру – все это освещается крайне мало и плохо. Молодые российские читатели часто предпочитают рассказы из жизни Давида Ливингстона, Руала Амудсена или Альберта Швейцера биографиям русских митрополитов-просветителей Иннокентия Московского, Макария Алтайского, Нестора Камчатского. Впрочем, возможно, и читатели этих строк впервые слышат о тех, кто помог целым народам не раствориться бесследно в мировой истории.

Рассматривая Сибирь как центр экономической стабилизации России, стоило бы почаще вспоминать, что уже в середине XVII в. освоенные в Западной и Южной Сибири пахотные земли позволили создать там один из мировых центров хлебного производства. В конце этого столетия из-за Урала транзитом через Москву и Петербург в Европу шел неисчерпаемый поток пушнины, доходы от которой составляли иногда до трети годового государственного бюджета. В начале XIX в. пушнина сменилась золотом (иногда до 45 % годовой мировой добычи), серебром, а позднее платиной (до 100 % добычи), алмазами и нефтью. Но нет ни одного исследования, которое бы изучало влияние сибирской золотодобычи на российскую и мировую экономику. Нет точных данных и о том, как повлиял на мировое развитие такой крупнейший инвестиционно-строительный проект XIX – начала XX в., как Транссиб.

Колыванские заводы, Русская Америка, Тихоокеанский флот, заселение берегов Амура, Транссибирская магистраль, стройки Кузбасса, строительство Новосибирска и Норильска, портовая сеть Дальнего Востока и т. п. - все эти проекты в лучшем случае упоминаются пунктиром, вне международного контекста. И никакой самоценной историко-экономической роли им почти не отволится.

В итоге в сознании рядового среднеобразованного гражданина России там, где должен располагаться вдохновляющий коллективный портрет активного, хотя, может быть, и сравнительно мало населенного региона, образуется практически пустое место:

скучная 400-летняя заснеженная кладовая, под завязку набитая природными ресурсами.

Но Сибирь, возможно, именно потому и удержалась в составе страны, что ее первооткрыватели не относились к ней так поверхностно-потребительски. В любом случае, они были подлинно великими людьми. И забыть об их жизни – значит предать их дело.

Литература

- 1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XXI в. / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, К. В. Побережников. М. : Наука, 2004.
- 2. Зверев В. А., Зуев А. С., Кузнецова Ф. С. История Сибири. Ч. II. Сибирь в составе Российской империи : учеб. пособие для 8 кл. общеобразов. учреждения. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 1999
 - 3. История Сибири: в 5 т. Л.: Наука, 1968-1969.
- 4. Исупов В. А., Кузнецов И. С. История Сибири. Ч. 3. Сибирь XX век : учеб. пособие для 9 кл. общеобразов. учреждения. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 1999
- 5. Кузнецова Ф. С. История Сибири. Ч. 1. Присоединение к России : учеб. пособие для 7–8 кл. общеобразов. учреждения. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 1997
- 6. Наумов И. В. История Сибири : курс лекций. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003.
- 7. Олех Л. Г. История Сибири : учеб. пособие. М. ; Новосибирск : ИНФРА-М Сибирское соглашение, 2001.
- 8. Сибирь. Атлас Азиатской России. Дизайн. Информация. Картография, Новосибирск; М.: Топ-книга, Феория, 2007.
 - 9. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007
- 10. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032-1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993.

ЗУЛЯР Ю. А.

РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В 1960-е гг.

Несмотря на господствующую на протяжении второго столетия тенденцию индустриализации России, она по-прежнему, в широком смысле этого термина, аграрная страна: по образу жизни, ментальности и экономической географии. Поэтому проблемы прошлого, настоящего и будущего этого сектора экономики страны и обусловленные им условия и образ жизни населения нашей страны актуальны для исторической, политической и экономической науки.

Охота является традиционным и уникальным сегментом аграрного сектора экономики, и его функционирование важно для ее нормального функционирования. Особенно это справедливо для Сибири. В большинстве случаев в охотничьих хозяйствах добыча дичи не является единственным видом деятельности людей и источником их дохода. Она сочетается с другими отраслями народного хозяйства. Наиболее тесно охотничье хозяйство связано с лесным и сельским хозяйством, так как до 80 % охотничьих угодий одновременно являются лесными и сельскохозяйственными угодьями. Воздействие на природу в процессе ведения лесного и сельского хозяйства положительно или отрицательно сказывается на охотничьих угодьях, на количественном и видовом составе охотничьей фауны.

Охотничье хозяйство в свою очередь оказывает влияние на сельское и лесное хозяйство путем изменения фауны полезных или вредных животных (уменьшение или увеличение численности волков, шакалов, зайцев, сусликов, сони-полчка, хомяка и др.; регулирование плотности копытных, покровительство полезным хищникам или истребление вредных и т. п.).

Прямая и тесная связь осуществляется между охотничьим хозяйством и мехообрабатывающей промышленностью. Десятки мехообрабатывающих фабрик страны загружены обработкой пушнины диких зверей, являющейся продукцией охотничьего хозяйства. Затем эта связь распространяется на швейную промышленность, производящую готовые меховые изделия. В большом количествах получает для обработки шкуры диких зверей кожевенная промышленность, изготовляющая из них кожи и лучшие сорта замши. В то же время значительная часть ее продукции поступает на изготовление охотничьей обуви, снаряжения и других предметов, т. е. в обувную промышленность [33].

Металлообрабатывающая промышленность удовлетворяет запросы охотничьего хозяйства в оружии, капканах, боеприпасах и в других видах охотничьего снаряжения. Химическая промышленность часть своей продукции также поставляет для нужд охотничьего хозяйства (взрывчатые вещества, ядохимикаты). В стране имеется ряд предприятий, занятых в основном изготовлением продукции для нужд охотничьего хозяйства.

Большое значение охотничьего хозяйства определяется и тем, что в его производстве принимают участие миллионы про-

изводителей – охотников-промысловиков и охотниковспортсменов, в обработке же и переработке охотничьей продукции, а также в обслуживании охотничьего хозяйства участвуют сотни тысяч работников страны [33].

Данная статья посвящена анализу развития охотничьего хозяйства Байкальского региона и России в 1960-е гг., когда промысел находился на подъеме, обусловленном его реформированием в конце 1950-х гг.

Во второй половине 1950-х гг. в СССР обозначился кризис охотничьего и рыболовного промыслов. Он проявлялся в падении объемов промыслов за счет снижения поголовья и биомассы промысловых животных и резкого уменьшения количества промысловиков. Требовалась коренная реорганизация промыслового хозяйства страны, и прежде всего его правовая и организационно-экономическая составляющие.

В СССР, при обширности его территории и большом разнообразии условий ведения охотничьего хозяйства, единого закона об охоте так и не было принято. Поэтому в этот период базовыми являлись «Основные положения о производстве охоты и ведении охотничьего хозяйства», изданные Минсельхозом СССР в 1957 г. [24, с. 5–7]. В союзных республиках действовали положения об охотничьем хозяйстве, устанавливались свои правила и сроки охоты, в которых предусматривалась эксплуатация охотничьих животных в региональных и общегосударственных интересах.

Принципиально новым организующим началом явилось постановление Совета Министров СССР от 11 мая 1959 г. «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства» [18, с. 513–515], в котором определялись пути дальнейшего развития охотничьего хозяйства. Основной формой его правильной организации определялось закрепление охотничьих угодий за государственными, кооперативными и общественными организациями, которые проводили на них необходимые мероприятия, направленные на увеличение количества полезных диких зверей и птиц.

Для материальной заинтересованности организаций срок закрепления за ними охотничьих угодий устанавливался не менее 10 лет. Преимущественное право на дальнейшее использование угодий оставалось за данными организациями. Право охоты на указанных территориях имели только члены данного общества. Другие охотники допускались к охоте по приглашениям или

специальным разрешениям-путевкам. Уполномоченным пользователям-организациям предоставлялось право самим устанавливать нормы отстрела в зависимости от запасов и плотности охотничьей фауны.

В октябре 1960 г. Совет Министров РСФСР утвердил новое (после 1930 г.) «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР» [31, ст. 164]. В нем охотничье хозяйство рассматривалось как самостоятельная отрасль народного хозяйства, основной задачей которой являлось обеспечение потребностей государства в пушнине и другой продукции охоты. В этих целях предписывалось осуществлять устройство охотугодий, охрану, воспроизводство и рациональное использование запасов диких зверей и птиц, определялись правовые нормы, правила и порядок ведения охотхозяйства и реализация охотпродукции. Общий контроль за ведением охотничьего хозяйства был возложен на Минсельхоз РСФСР.

В последующие годы процесс формирования системы государственного контроля промыслового природопользования и правовой базы охраны и рационального использования биологических ресурсов продолжился. 23 февраля 1962 г. СМ РСФСР принял постановление «Об улучшении руководства пушнопромысловым хозяйством РСФСР» [22, с. 397-399], в соответствии с которым в 22 автономных республиках и областях (в том числе в Байкальской Сибири) на базе государственных охотничьих инспекций были созданы управления охотничье-промыслового хозяйства. Эти органы осуществляли практически до конца советского периода контроль за ведением охотничье-промыслового хозяйства. Они оказывали совхозам, колхозам, промхозам и заготовительным организациям техническую помощь в проведении охотохозяйственных мероприятий, проводили работы по охране, учету и воспроизводству государственного охотничьего фонда, обследовали и устраивали охотничьи угодья, определяли размеры добычи промысловых зверей и птиц, разрабатывали предложения по установлению планов закупок продукции и непосредственно руководили государственными промысловыми хозяйствами [35, л. 41; 25, с. 19, 24, 25].

Постановление 1960 г. положило начало новому, «рациональному» периоду охотопользования. В последующие годы на базе государственных охотничьих хозяйств (ГОХ), райзаготкон-

тор, колхозов и других предприятий таежных районов были созданы кооперативные и государственные охотничье-промысловые хозяйства (КЗПХ, ГПХ). По форме и содержанию они оказались наиболее прогрессивными пользователями и сыграли ведущую роль в формировании системы охотопользования на последующие годы советского периода [17, с. 286–299].

Правительство России регулярно корректировало процессы, происходившие в охотничьем хозяйстве. В частности, в рамках рассматриваемого периода был принят ряд нормативных актов, регламентировавших процессы материального обеспечения и контроля деятельности промысловых структур и охотников, например, Постановление СМ РСФСР от 14 октября 1961 г. К этим нормативным актам также относятся:«О сроках охоты на соболя». Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 октября 1963 г. предусмотрено усиление ответственности за нарушение правил охоты, а также порядка хранения и использования огнестрельного орудия. «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства и повышению его доходности» (пост. СМ РСФСР, 1965). Постановление Совета Министров СССР от 12 января 1966 г. № 27 «О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья», «О материально-техническом обеспечении нужд пушного промысла и звероводства» (1968) [21, ст. 126; 20, с. 385; 19, ст. 16] и др.

Большинство созданных промхозов в рассматриваемый период не являлись убыточными, однако рентабельность отдельных отраслей в них была различна. Во многих хозяйствах до 1968–1970 гг. пушнина, добытая охотой, приносила убыток. Для коопзверопромхозов на покрытие расходов по организации промысла и реализации пушнины действовали такие же наценки, которые применялись ранее для районных заготконтор (23–34 %) к закупочной стоимости пушнины. Районные заготконторы занимались только сбором и приемкой сырья от сезонных охотников и почти не несли производственных расходов. В промхозах, напротив, появились дополнительные расходы: выплата штатным работникам отпускных, отчисления по соцстраху, содержание и амортизация таежных сооружений и транспортных средств, оплата биотехнических мероприятий. Госпромхозы были в лучшем положении, так как сдавали пушнину на базы по оптовым ценам,

которые были значительно выше наценок, утвержденных для кооппромхозов и колхозов.

Эти диспропорции в 1960-е гг. обусловили сокращение объема заготовок многих массовых видов пушнины. Руководство отраслью обеспокоилось повсеместным сокращением числа охотников-промысловиков и слабым пополнением их рядов молодежью. С целью дальнейшего развития пушного промысла, с 1 января 1968 г. закупочные цены на пушнину, добываемую в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, были повышены в среднем на 50 % и наценки охотозаготовительным организациям еще на 50 %. А в августе 1970 г. цены на пушнину, добываемую охотой, были повышены на 90 % и в остальных районах страны.

Эффективность работы столь специфичной отрасли в значительной степени зависела от правильной схемы управления. Руководство охотничьим хозяйством по стране в целом было возложено на Минсельхоз СССР. В министерстве эту деятельность вело Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству, образованное в 1965 г. Оно имело три подразделения: инспекцию по охране природы, управление охотничьего хозяйства и отдел заповедников. При Главном управлении действовал научно-технический совет, в состав которого входили представители соответствующих республиканских управлений, научных организаций и заинтересованных ведомств [26, с. 311, 331].

В большинстве республик СССР руководство охотничьим хозяйством осуществлялось республиканскими управлениями - Государственной охотничьей инспекцией (ГОИ). Управление охотничьим хозяйством в РСФСР было возложено на Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР (Главохота) и его местные органы.

Его аппарат состоял из управления охотничьего хозяйства и управления по заповедникам и воспроизводству промысловых животных. 14 ноября 1968 г. приказом по Главохоте РСФСР в нем была образована Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ Главохоты РСФСР) [27, с. 138].

При Главохоте действовала коллегия под председательством начальника управления, которая рассматривала основные вопросы развития охотничьего хозяйства, охотничьего спорта и работы

заповедников, а также научно-технический и кинологический советы. В подчинении главного управления находились областные, краевые, республиканские государственные охотничьи инспекции и управления охотничье-промыслового хозяйства; 18 госзаповедников, 80 промыслово-охотничьих, 15 лесоохотничьих и государственных охотничьих хозяйств, 2 питомника охотничьих собак, охотоустроительные экспедиции, «Зообъединение».

Государственными промыслово-охотничьими хозяйствами Главохоты РСФСР руководило специализированное хозрасчетное управление госпромхозов через областные управления охотничье-промыслового хозяйства [26, с. 312, 317].

Главное управление контролировало деятельность государственных, кооперативных и общественных организаций на территории РСФСР в части ведения охотничьего хозяйства; разрабатывало и утверждало мероприятия по развитию охотничьего хозяйства и принимало меры по обеспечению выполнения этих мероприятий.

Оно проводило работу по учету и воспроизводству охотничьей фауны, обследованию и устройству охотничьих угодий; проверяло правильность закрепления их за государственными, кооперативными и общественными организациями; осуществляло и другие мероприятия, направленные на сохранение, увеличение численности и улучшение видового состава охотничьей фауны; по согласованию с советами министров автономных республик, крайисполкомами и облисполкомами устанавливало запрет на добычу отдельных видов зверей и птиц в целях охраны редких и ценных видов животных или в целях увеличения их численности до плотности, при которой их эксплуатация может быть рентабельной.

Главохота определяла размер добычи по главным видам промысловых зверей и птиц; рассматривала проекты планов заготовок охотничьей продукции и представляла Совету Министров РСФСР заключения по ним, а также предложения по добыче лицензионных видов пушных и копытных зверей, изучала экономику и технику охотничьего хозяйства, принимала меры к развитию охотничьего хозяйства, оказывала техническую помощь колхозам охотничьих районов по вопросам ведения охотничьего хозяйства, осуществляла контроль за организацией и ведением охотничьего хозяйства; устанавливала порядок устройства охотничьих угодий, утверждала общие правила и сроки охоты; через

государственных и общественных охотинспекторов, лесную охрану, милицию и сельские советы депутатов трудящихся осуществляла охрану государственного охотничьего фонда; обеспечивала контроль за соблюдением правил и сроков охоты, правил заготовок продукции охотничьего хозяйства, за регистрацией охотников, сбором государственной пошлины и выдачей разрешений на право охоты (в целях усиления надзора Главохотой в административных районах была организована Служба охотничьего надзора в лице районных охотоведов). Она осуществляла отлов, заготовку и сбыт диких животных с целью их расселения, выдавала разрешение на отстрел и отлов зверей и птиц для научных, культурных и хозяйственных целей; осуществляла руководство и контроль за работой республиканских (АССР), краевых и областных обществ охотников; организовывала проведение мероприятий по истреблению хищников, наносящих вред сельскому и охотничьему хозяйству; руководила работой по развитию охотничьего собаководства; давала заключения по проектам стандартов и технических условий на охотничье оружие, боеприпасы и предметы охотничьего снаряжения, а также утверждала в установленном порядке образцы и технические условия на нестандартизированные предметы охотничьего и рыболовного снаряжения, изготовляемые производственными предприятиями республиканских (ЛССР), краевых и областных обществ охотников; осуществляла контроль за выпуском охотничьего и рыболовного снаряжения.

Важным участком работы главного управления являлось руководство деятельностью государственных заповедников. Через их сеть организовывалась научно-исследовательская работа, имевшая практическое значение для развития лесного, сельского и охотничьего хозяйства, рыбной промышленности и других отраслей; осуществлялась связь ГОИ с министерствами, ведомствами и научно-исследовательскими учреждениями по вопросам научной и культурно-просветительной деятельности заповедников, охране и защите лесов, по проведению необходимых лесоустроительных и противопожарных мероприятий в закрепленных за заповедниками лесах.

В целях широкого распространения передового опыта главное управление проводило собрания актива, на которых заслушивались и обсуждались доклады передовиков, давались руково-

дящие указания управления. Здесь же обсуждались вопросы деятельности управления, подведомственных охотничьих инспекций и заповедников, работали научно-технический и кинологический советы, квалификационная комиссия по присвоению званий судейэкспертов специалистам по охотничьему собаководству [33].

Отделом госохотнадзора Главохоты в рассматриваемый период была проведена значительная работа. Разработаны типовые правила охоты, в которых дано толкование действовавшего охотничьего законодательства. На их основании субъекты федерации утверждали местные правила, регулировавшие охоту на их территории. Соблюдение этих правил обеспечивалось районной службой охотничьего надзора, состоявшей из районных и межрайонных охотоведов, охотинспекторов и охоттехников.

В большинстве автономных республик, краев и областей РСФСР руководство охотничьим хозяйством возлагалось на государственные охотничьи инспекции (ГОИ). Они в своей деятельности подчинялись как советам министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, так и Главохоте РСФСР.

Государственная охотничья инспекция руководила охотничьим хозяйством на территории автономной республики, края, области и осуществляла контроль за правильным ведением этого хозяйства; проводила учет государственного охотничьего фонда и вносила в совет министров автономной республики, крайисполкома, облисполкома и в главное управление предложения по планам добычи промысловых зверей, птиц и организации охотничьего хозяйства на территории автономной республики, края и области; проводила работу по обследованию и устройству охотничьих угодий и вносила в совет министров АССР, крайисполкома, облисполкома предложения о закреплении охотничьих угодий; оказывала помощь колхозам охотничьих районов в организации охотничьего хозяйства, проводила расселение полезных зверей и птиц в соответствии с утвержденными планами.

На основании общих правил и сроков охоты, устанавливаемых главным управлением, ГОИ представляла на утверждение совета министров АССР, крайисполкома или облисполкома местные правила о сроках и способах охоты на территории республики, края или области; осуществляла надзор непосредственно и через соответствующие организации за выполнением правил и соблюдением сроков охоты, организуя с этой целью общественные охотничьи инспекции; налагала в установленном порядке

штрафы на заготовительные организации за скупку и хранение продукции незаконной охоты; направляла в следственные органы материалы на нарушителей правил и сроков охоты для привлечения их к уголовной ответственности; предъявляла к нарушителям правил и сроков охоты гражданские иски за причиненный ущерб государственному охотничьему фонду; дела о браконьерстве направляла в административные комиссии при исполкомах райсоветов и городских советов для привлечения виновных к штрафу или другой административной ответственности.

ГОИ осуществляла руководство и контроль за деятельностью республиканских (АССР), краевых, областных обществ охотников; надзор за соблюдением правил регистрации охотников и учетом охотничьего оружия, выдачей охотничьих билетов и сбором государственной пошлины, за выдачей разрешений на право охоты; организовывала проведение на территории автономной республики, края, области мероприятий по истреблению животных, наносящих вред сельскому, охотничьему и рыбному хозяйству; представляла заявки на средства, необходимые для проведения упомянутых мероприятий и на выплату вознаграждений охотникам за истребление волков. Одновременно ГОИ контролировала правильность расходования указанных средств, руководила работой по развитию охотничьего собаководства; осуществляла руководство выводками, полевыми испытаниями, состязаниями и выставками охотничьих собак.

Госохотничью инспекцию возглавлял главный государственный охотничий инспектор, назначаемый совмином автономной республики, крайисполкомом, облисполкомом по согласованию с начальником главного управления [33].

В большинстве административных районов России при райисполкомах имелись районные охотоведы и охототехники (1680 чел.), подчинявшиеся областным госохотинспекциям или управлениям. Районная служба охотнадзора контролировала правильное ведение охотничьего хозяйства государственными, кооперативными и общественными организациями, организовывала учет и воспроизводство охотничьих зверей и птиц, борьбу с браконьерством. Районные охотоведы вели разъяснительную работу среди населения. Им помогали общественные охотничьи инспектора из актива охотников района. В подчинении охотинспекций и управлений находилось 469 заказников республиканского и местного значения. Огромное значение для обеспечения правильной организации охотничьего хозяйства имеет грамотная и эффективная оценка и охрана промысловых ресурсов. В соответствии с постановлением СМ СССР от 11 мая 1959 г. лесная охрана в лесхозах и леспромхозах несла полную ответственность за охрану охотничьей фауны. Она обязывалась содействовать организациям, за которыми закреплены охотничьи угодья на землях государственного лесного фонда, в осуществлении мероприятий по организации охотничьих хозяйств, охране и разведению полезных диких зверей и птиц. В производственных планах лесхозов и леспромхозов предусматривались мероприятия по улучшению кормовой базы и водопоев, а также гнездовых и защитных условий для полезных зверей и птиц. При необходимости в штаты лесхозов и совхозов позволялось вводить должности охотоведов.

Одновременно с работой по обеспечению правового режима функционирования охотничьего хозяйства, созданием системы управления и контроля над ней, центральные и местные органы власти формировали структуру непосредственных добытчиков промысловых видов зверей и птиц и обслуживавшую их инфраструктуру.

Основным заготовителем охотничьей продукции – пушнины, шкур, мяса диких зверей и птиц – являлась потребительская кооперация (Центросоюз СССР), ее республиканская сеть, областные и районные союзы. Руководство заготовками охотничьей продукции было возложено на функциональные органы потребсоюзов: Центркооппушнину в Центросоюзе, управления заготовок в краях, областях и автономных республиках, заготконторы – в районных потребсоюзах, в сельских потребительных обществах (сельпо) – персонально на зампредседателей правления.

До 1960-х гг. недостаток в деятельности потребкооперации по развитию охотхозяйства заключался в преобладании заготовительных функций и отсутствии специализированных организаций по руководству промыслом и заготовкой пушнины. Положение улучшилось, когда были созданы: в Центросоюзе – Центркооппушнина, руководившая всеми предприятиями потребкооперации, занятыми производством, добычей и сбытом пушнины; в Роспотребсоюзе – Росглавкооппушнина. В ряде областей, краев и автономных республик Сибири и Дальнего Востока действовали специализированные тресты, в подчинении которых находились охотничье-промысловые хозяйства. В трестах работали отделы за-

готовок пушнины и звероводства, организации сбора дикорастущих ягод, грибов и орехов, планово-экономические и другие отделы со штатом квалифицированных специалистов [26, с. 313, 315].

В системе Центросоюза имелось 127 крупных производственных охотничьих хозяйств - коопзверопромхозов, занятых заготовками пушнины, мясодичной продукции, рыбы, кедровых орехов, ягод, грибов, лекарственного сырья и т. д. Такие комплексные хозяйства создавались в отдельных таежных районах, наиболее богатых пушниной, дичью и другими видами указанной выше продукции. В числе этих хозяйств имелись и узкоспециализированные, например ондатровые, промхозы. При некоторых из них имелись звероводческие фермы, где продуктивно использовались и тушки зверьков [33].

Организацией охотничьего промысла и заготовок пушномехового сырья в управлениях заготовок облпотребсоюзов занимались охотоведы, товароведы, зоотехники-звероводы и другие специалисты. В районных заготовительных конторах организационную работу вели инструктора и охотоведы. Приемку продукции от сдатчиков и инструктаж охотников по первичной обработке пушнины осуществляли товароведы и заготовители. На селе оргработа с охотниками и приемка охотпродукции возлагалась на заготовителей и продавцов магазинов. Они же обеспечивали охотников снаряжением, оружьем, боеприпасами, необходимыми продуктами [26, с. 316].

Вопросами охотничьего хозяйства в РСФСР занималось также Министерство производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов [33].

Продукцию охотничьего хозяйства страны реализовал ряд ведомств. Пушно-меховое сырье для экспорта и меховой промышленности концентрировалось на 11 базах «Союзглавлегпромсырье» Министерства легкой промышленности СССР, среди которых наиболее крупные Иркутская, Красноярская, Омская базы и Московский холодильник. В ведении потребительской кооперации находились 14 пушно-меховых баз с теми же функциями.

Боровую дичь экспортировало всесоюзное объединение «Продинторг»; рога марала, изюбра, сайгака, а также лекарственно-техническое сырье - «Медэкспорт», кедровые орехи, грибы, ягоды и мед - объединение «Союзкоопвнешторг». Отлов диких животных и птиц, их транспортировку, передержку и продажу осуществлял «Зоообъединение».

Большую часть мяса диких животных, боровой и водоплавающей дичи, кедровых орехов, ягод, грибов охотхозяйства реализовывали оптовым торгово-заготовительным организациям для продажи населению. Из-за недостаточного освоения этих природных ресурсов, отсутствия простых и надежных способов хранения и переработки сырья потребность населения в такой продукции удовлетворялась недостаточно. Не были отработаны прямые связи хозяйств поставщиков охотпродукции с предприятиями торговли, что приводило к снижению доходов охотничьих хозяйств от реализации продукции и ухудшению ее качества [26, с. 318].

Советское охотничье хозяйство развивалось по двум основным формам – производственной и спортивной. Основной задачей производственных охотничьих хозяйств (промхозов) являлась заготовка пушнины, мяса, шкур и другой товарной продукции. Промхозы создавались как комплексные промысловые хозяйства, а не сельскохозяйственные предприятия. Основной вид своей продукции промхозы реализовали через торговую сеть внутри страны и за ее пределами [17, с. 286].

Производственные, или промысловые, охотничьи хозяйства (промхозы) создавались в наиболее богатых охотничьей фауной районах. Все они располагали штатом постоянных охотниковпромысловиков, а при необходимости привлекали на сезонные работы охотников-спортсменов.

Производственные охотничьи хозяйства были государственными, кооперативными и колхозными. В целях обеспечения их рентабельности за ними были навечно закреплены угодья, которые «опромышлялись» всеми возможными способами, в том числе и через лесозаготовку и лесопереработку. Это положило начало комплексному использованию биологических ресурсов регионов. Промхозы позволяли на научной основе комплексно использовать не только охотничьи, но и сопутствующие природные ресурсы – рыбу, орехи, плоды, ягоды, грибы и т. п. Число производственных хозяйств в стране к концу 1960-х гг. достигло 200.

Главное направление деятельности производственных хозяйств и комплекс используемых ими ресурсов определялись соответственно природным и экономическим условиям района. Большинство промхозов с первых лет своего существования оказались рентабельными предприятиями. В 1968 г. они сдали госу-

дарству пушнины на 10,3 млн руб., или 39 % общей стоимости заготовок «дикой» пушнины по стране [30, с. 39; 33].

Большинство промысловых хозяйств находились на востоке страны, например, в Иркутской области за ними было закреплено 92,2 % охотничьих угодий. Территория хозяйства устанавливалась такого размера, чтобы при рациональном освоении угодий обеспечивалось получение достаточно большого объема продукции. Угодья в хозяйстве располагались в основном компактно, а сами хозяйства имели четкие и хозяйственно целесообразные границы [26, с. 324].

Создание государственно-кооперативной структуры промхозов упорядочило организацию охотничьего хозяйства и повысило его эффективность. Многие промысловые колхозы постепенно вошли в их состав. Так, в Иркутской области в конце 1964 г. Тресту КЗПХ были переданы 40 убыточных колхозов.

Осуществленная в 1950–1960-е гг. реорганизация охотничьего хозяйства создала новую структуру пушно-дичных заготовок. Благодаря этой реформе к концу 1960-х гг. полностью оформилась система охотничье-заготовительных хозяйств (табл. 1).

Таблица 1 Участие ведомств в закупках охотничьей продукции в СССР в 1970 г. [26, с. 314]

	Заготовки, %	
Организации и ведомства	Промысловой	Боровой
	пушнины	дичи
Центросоюз	69,7	88,1
Совхозы и колхозы МСХ РСФСР	18,3	-
Главохота РСФСР	10,5	11,4
Министерство торговли РСФСР и УРС	1,3	0,5
Министерство рыбного хозяйства	0,2	-
РСФСР		
Итого	100,0	100,0

Данные табл. 1 свидетельствует, что к концу рассматриваемого периода в охотничьих заготовках полностью доминировали промхозы, обеспечивая поступление более 80 % пушнины и 99 % дичи (табл. 1).

В частности, в Бурятии действовали 9 госпромхозов, 8 коопзверопромхозов, и приписные охотничьи хозяйства Бурятского республиканского общества охотников и рыболовов [26, с. 316, 327].

Перед промыслом в промхозах или отделениях проводились слеты охотников. На них подводились итоги работы за прошлый промысловый сезон, обсуждались задачи предстоящего сезона, охотники обменивались опытом своей работы, специалисты знакомили их с новой техникой промысла, первичной обработкой шкурок, со сроками и перспективами охоты на предстоящий сезон.

Здесь же вручались награды и денежные премии передовикам охотничьего промысла, заключались договоры соцсоревнования, принимались обязательства. Во время слетов окончательно формировались бригады и звенья, уточнялись места охоты, проверялось обеспечение охотников на период промысла. Перед промыслами охотникам предоставлялось время для подготовки к сезону. В это время они приобретали боеприпасы и продовольствие, готовили плашки и другие самоловы, правилки для шкурок, приводили в порядок одежду и обувь, лыжи, нарты и другой инвентарь, необходимые во время промысла [26, с. 329, 330].

В охотохозяйственных предприятиях прослеживалась тенденция выделения в границах конкретного хозяйства специальных производственных единиц. Угодья промхозов разделялись на отделения и производственные участки, во главе которых стояли заведующие производственными участками, руководившие заведующими базами, бригадирами, звеньевыми, штатными охотниками и сезонными рабочими. Отделение – это наиболее крупная хозяйственная единица промхоза, развивающая помимо промыслов другие отрасли и предприятия: звероводство, пчеловодство, сельхозпроизводство, заготовку и переработку леса. Отделения работали на полном хозрасчете.

Наименьшая территориальная единица промхоза – промысловый участок, закрепленный за бригадой охотников и сборщиков дикорастущих, или производственный участок – это хозяйственная часть обычно без дополнительных производств и с меньшим, чем у отделения, объемом продукции [26, с. 315, 324].

В литературе по организации и экономике сельского хозяйства отмеченные производственные подразделения рассматриваются как понятия равнозначные. Существующее между ними различие заключается в том, что в совхозах эта хозяйственная единица называется отделением, а в колхозах – производствен-

ным участком. Но в охотоведческой литературе такая ясность отсутствовала, исследователи различали эти равнозначные производственные единицы. По мнению ряда исследователей, употребление термина «отделение» в коопзверопромхозах стало результатом желания привести структуру производства в соответствие с производственной структурой звероводческих совхозов. Необходимость этого была связана с процедурой утверждения заработной платы штатным единицам коопзверопромхозов на уровне рабочих и служащих совхозов [37, с. 345].

Тем не менее, В. А. Аммосов выделяет отделение и производственные участки в качестве самостоятельных производственных единиц, где за основу их различия принимается объем реализуемой продукции. По В. А. Аммосову, отделения промхоза – это крупные единицы промысловой и производственной деятельности, построенные на хозрасчетных принципах, имеющие объем реализации 70–90 тыс. руб. в год. Производственный участок – это хозяйственная единица с меньшим, чем у отделения, объемом выхода продукции, примерно равным 25 тыс. руб. [2, с. 6–9]. Однако подобный подход не выявляет сущности их различии и не характеризует дифференциацию их производственной основы.

Организация и укрепление отделений способствовали более равномерному использованию трудовых ресурсов в охотохозяйственном производстве, но не устраняли всех вопросов укрепления организационной структуры промхозов. Одним из путей разрешения этого вопроса являлась организация непосредственно в глубинных угодьях охотничьих и орехопромысловых баз. Их следует рассматривать как самостоятельные производственные единицы, ибо они являлись обособленными частями хозяйства, имевшими закрепленную площадь кедровых массивов, необходимые средства производства, а также сезонную и штатную рабочую силу [10, с. 63]. Например, Черемховский Харцагинский хозяйственно-производственный центр в кедровом угодье приравнивался к отделению или производственному участку промхоза. себе технологическую связь материальнотехнического обеспечения промыслов и подсобных работ с сырьевыми ресурсами орехопромысловых угодий.

Пионером в создании орехопромысловых баз среди охотничье-промысловых хозяйств Восточной Сибири являлся Байкальский коопзверопромхоз Иркутской области. Особенно-

стью организационно-производственной структуры этого хозяйства являлась организация орехопромысловых баз – самостоятельных производственных участков, подчиненных непосредственно центральной конторе хозяйства.

В комплекс таежных сооружений этих баз входили складские помещения, жилье для бригады рабочих-возчиков, сторожа, контора, общежитие для орехосборщиков, пекарня, баня, гараж, конюшня и сушилка для обработки готовой продукции. Некоторые отдаленные промысловые базы имели вертолетные площадки. Каждая база располагала широкой разветвленной сетью заготовительных пунктов - подбаз, которые соединялись с ней или вьючными тропами, или тракторными дорогами. Назначение подбаз - максимально сократить перевозки готовой продукции вьючным способом от индивидуальных участков орехосборщиков до складов хозяйства. Это давало возможность наименьшими силами (рабочих-возчиков и лошадей) справляться с интенсивными перевозками продукции в сезон массовых заготовок. Данная система управления и организации производства позволяла орехосборщикам, большинство которых состояло из отпускников, получать расчеты за сданную продукцию в день окончания работ [4, с. 8].

Дополнительные затраты на строительство подбаз и услуги сезонных сторожей полностью компенсировались сокращением транспортных расходов. Количество подбаз определялось практической целесообразностью и общей площадью кедровых урочищ. На территории подбазы располагалось несколько индивидуальных участков орехосборщиков. Благоустройство производственных сооружений индивидуальных участков производилось силами хозяйства и самих сборщиков.

Наряду со сбором кедровых орехов таежные базы занимались заготовкой других дикорастущих растений, лекарственнотехнического сырья, производством хозяйственных товаров и лесозаготовками. На время заготовок ягод и грибов открывались дополнительные приемные точки в районе.

После окончания сезона промысла дикорастущих плодов и ягод начиналась добыча пушнины, мяса диких копытных и боровой дичи. Основная масса промысловой пушнины заготавливалась охотниками-любителями. Таким образом, промысловая база функционировала практически круглый год, обеспечивая все

операции по организации заготовок таежной продукции. Необходимость организации указанных баз была особенно важна в связи с сокращением числа мелких таежных населенных пунктов.

При большой территориальной разбросанности охотничьих угодий, отсутствии дорожной сети и острой нехватке транспорта охотничье-промысловые базы являлись опорными пунктами освоения сырьевых ресурсов. Опыт организации кедрового промысла в Байкальском КЗП широко использовался в охотопромысловых предприятиях Читинской области и Бурятской АССР.

Начиная с 1961 г. только в коопзверопромхозах Читинской области построено более 40 орехопромысловых баз. Средняя стоимость строительства базы составляла 3–3,5 тыс. руб. При средней урожайности кедровников она окупалась за один сезон заготовок. Строительство орехопромысловых баз непосредственно в кедровых массивах позволяло хозяйствам вести контроль за ореходобытчиками, рационально размещать их на территории, сокращать утечку орехов из тайги. Достигалась некоторая экономия труда промысловиков в результате освобождения их от вывозки заготовленных орехов и завоза продуктов питания.

Экономическое значение орехопромысловых баз в хозяйствах Читинской и Бурятской АССР в увеличении заготовок кедровых орехов постоянно росло. Достаточно отметить, что в конце 1960-х гг. на этих базах заготавливалось до 95 % общего объема поступления продукции.

Наряду с этим следует отметить, что в охотничьепромысловых предприятиях Западного Забайкалья орехопромысловые базы функционировали только в период заготовок кедровых орехов, в результате чего не достигалось комплексного освоения всех видов сырьевых ресурсов тайги.

Большую техническую помощь в проектировании орехопромысловых баз в кедровых массивах оказали сотрудники Восточно-Сибирского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства им. Б. М. Житкова, в частности Л. Г. Ситников [4, с. 10].

Эффективность промысловых хозяйств зависела от уровня их рентабельности. Первые КЗПХ создавались в кедровых лесах в расчете на увеличение валового выхода продукции на основе комплексного использования всех сырьевых ресурсов (в первую очередь таежной фауны). Уже в первые годы деятельности этих

предприятий наметились основные и дополнительные отрасли. Основные отрасли – охотничье хозяйство и кедровый промысел – составил около 85–95 % общих стоимостных заготовок продукции. Остальное приходилось на дополнительные отрасли – сбор ягод и грибов, лекарственного и технического сырья и некоторые другие производства, базировавшиеся на переработке древесины. Комплексная эксплуатация всех отраслей лесного хозяйства должна была обеспечить рациональное использование трудовых и природных ресурсов.

В Байкальском регионе процесс проектирования и организации кооперативных охотничье-промысловых предприятий начался в 1958 г. Они базировались не только на ресурсах кедровых лесов. Отдельные производства и заготовки строились на основе лиственничных, лиственных и других насаждений, а также на эксплуатации водных угодий и других нелесных площадей. Производственная и заготовительная деятельность хозяйств включала в себя эксплуатацию охотничьих животных, сбор орехов, ягод, грибов, лекарственного и технического сырья, лов рыбы и некоторые другие виды заготовок.

Для руководства хозяйствами были созданы тресты коопзверопромхозов. Организационный период становления коопзверопромхозов по ряду причин был длительным. Прежде всего, в первоначальный период неправомерным было подчинение их районным потребительским союзам, где финансовая и административная зависимость сдерживала и сковывала инициативу коопзверопромхозов и не способствовала освоению глубинных охотничьих угодий, обрекая последние на заготовительную деятельность. По этой причине организация коопзверопромхозов на первоначальном этапе носила формальный характер. Вновь созданным предприятиям, несмотря на крайнюю необходимость, было выделено недостаточное количество материальных средств на расширенное воспроизводство и проведение охотохозяйственных мероприятий.

Охотничье-промысловые хозяйства создавались наспех на базе бывших заготовительных контор с продолжением исполнения прежних производственных функций, т. е. в основном ограничивались заготовкой и первичной переработкой сельскохозяйственного сырья. Значительно позже, в целях устранения допущенных ошибок, были определены производственные функции

коопзверопромхозов и некоторые из них выделены на самостоятельный баланс [3, с. 57].

Во второй половине 1960-х гг. в КЗПХ получили развитие лесозаготовки, создавались дополнительные производства – звероводство, кролиководство и пчеловодство. Непостоянная занятость работников в отдельных производствах ощутимо отражалась на доходности хозяйств и не позволяла обеспечить промысловиков постоянной заработной платой.

В этом плане показательно Верхнечикойское КЗПХ Читинской области, где в 1966 г. из 12 видов продукции 6 принесли убытки. Среди них – добыча диких копытных, вылов рыбы, заготовка лекарственного сырья, заготовка сена, поделка бочек, выработка электроэнергии. Хозяйство получило 41,4 тыс. руб. прибыли при уровне рентабельности в 10 %, что было недостаточно [25, с. 189; 34, с. 13].

Потребкооперация Иркутской области расширяла сеть промыслово-охотничьих хозяйств. Для руководства ими в 1964 г. при Облпотребсоюзе был создан трест коопзверопромхозов – один из первых в стране. В 1967 г. Роспотребсоюз в порядке эксперимента вывел Иркутский трест КЗПХ из подчинения правлению облпотребсоюза и подчинил его непосредственно Главному управлению по заготовкам, переработке и сбыту пушнины, дикорастущих плодов и лекарственно-технического сырья Роспотребсоюза. Основная цель этой меры – выявление эффективности централизации руководства трестами коопзверопромхозов. Опыт показал, что при этом, прежде всего, улучшились материальнотехническое снабжение и финансирование. Руководство этими предприятиями стало более квалифицированным, совершенствовались хозрасчетные отношения [3, с. 58].

КПЗХ владели 92,2 % охотничьих угодий и выполняли основные объемы охотничьих заготовок. В ведении Иркутского треста к середине 1970-х гг. находилось 16 КЗПХ, за которыми было закреплено 60 419 тыс. га охотоугодий, специализированное звероводческое хозяйство в пос. Топка и Шелеховская заготовительно-сбытовая база. Наличие разветвленной инфраструктуры облегчало деятельность промысловых хозяйств. Здесь концентрировалась и дорабатывалась продукция отдельных промхозов, через них осуществлялись поставки продукции и материальнотехническое обеспечение хозяйств. В течение 1964–1974 гг. объем

заготовок и производство продукции увеличились с 5 до 14 млн руб., т. е. в 3,4 раза. За 10 лет было заготовлено 3,6 млн шкурок белки, 231 тыс. соболя, 607 тыс. ондатры и т. д., на общую сумму 14 млн руб. Трест был устойчиво рентабелен, несмотря на убыточность сельсхозпроизводства (в 1965 г. трест принял 40 убыточных сельхозартелей и преобразовал их в КЗПХ).

Типичным представителем хозяйств, входивших в Иркутский трест, являлся Ленский КЗПХ. За ним было закреплено 3141 тыс. га охотугодий, в том числе 2 502 тыс. га лесных, из которых 391 тыс. га кедровников. Основными отраслями хозяйства являлись охотничий промысел и сбор орехов и ягод, а дополнительными – заготовка и переработка леса, лов рыбы и сельхозпроизводство. Главная продукция охотничьего промысла – пушнина – давала до 50 % дохода хозяйства. В стоимости пушнины шкурки соболя и белки занимали около 80 % [25, с. 174].

В этот период была осознана необходимость перехода от постановки экономического эксперимента к централизации руководства коопзверопромхозами повсеместно. Но не везде она произошла своевременно, длительная задержка решения этого вопроса привела к тому, что правление Читинского облиотребсоюза административными мерами в 1969 г. ликвидировало трест коопзверопромхозов, подчинив промхозы Управлению заготовок облпотребсоюза [3, с. 58].

В Бурятии к началу 1970-х гг. функционировали семь госпромхозов и семь коопзверопромхозов. Для ликвидации обезлички в пользовании охотоугодьями проводилось внутрихозяйственное охотоустройство. Составлялись проекты с перспективой на 10 лет по каждому промысловому участку. Такая работа была выполнена в Баргузинском, Кабанском, Прибайкальском и Витимском зверопромхозах. Проводились охотохозяйственные и биотехнические мероприятия, направленные на повышение продуктивности охотоугодий [28, с. 70].

В 1970 г. в стране действовали 126 специализированных кооперативных зверпромхозов, в том числе 117 в РСФСР. За ними было закреплено 12,6 % площади охотничьих угодий России. Руководство страны и соответствующие органы управления охотничьим хозяйством старались повысить комфортность данной профессии; так, в 1968 г. рабочим-охотникам охотпромхозов, заготконтор и сельских потребобществ РСФСР стала бесплатно вы-

даваться обувь и одежда. С апреля 1969 г. штатным охотникам коопзверопромхозов и райзаготконтор стали выдавать бесплатно как инвентарное имущество охотничье-промысловое оружье, орудия лова и охотничьи боеприпасы [26, с. 315, 323, 330].

Охотничьим промыслом на основе госплана добычи и сдачи пушнины кроме промхозов занимались свыше 200 совхозов и колхозов Севера, подчиненных Минсельхозу РСФСР, для которых охотничье хозяйство являлось одним из основных видов деятельности. Они вносили значительный вклад в заготовку охотничьей продукции. Охотничий, преимущественно пушной, промысел на Крайнем Севере осуществлялся силами промысловых охотников, в основном объединенных в колхозы или работающих в совхозах на приписных угодьях. За пользователями – совхозами и колхозами – закрепляли охотничьи угодья соответственно их производственной мощности в объемных и качественных показателях [26, с. 316, 327; 33].

Вторым по значимости и объемам заготавливаемой охотопромысловой продукции являлись госпромхозы Главохоты РСФСР, создание которых началось с января 1962 г. Эти хозяйства были аналогичны КЗПХ, но специализировались преимущественно на освоении промысловых ресурсов тайги и тундры. Создание системы государственных хозяйств, по мнению А. М. Шалыбкова, Б. Н. Лопырева, Б. П. Иващенко, обеспечило в РСФСР переход от пассивных форм освоения животных ресурсов к активным, к интенсификации производства, позволило перейти к плановой эксплуатации охотничьих угодий и одновременному проведению мероприятий по восстановлению и воспроизводству ресурсов промысла.

Производственные структуры госпромхозов и промхозов были в основном сходны. В 1970 г. в госпромхозах было 248 производственных участков. Госпромхозами через областные управления охотничье-промыслового хозяйства руководило специализированное хозрасчетное управление госпромхозов Главохоты РСФСР. За госпромхозами на конец 1960-х гт. было закреплено 11,5 % площади охотничьих угодий РСФСР [36, с. 11; 26, с. 30, 316, 317, 323, 327]. Состояние экономического обеспечения промысла в регионе и результаты хозяйствования ГПХ показаны в табл. 2.

Таблица 2 Материально-техническая база госпромхозов Восточной Сибири и выход продукции промыслов в конце 1960-х – нач. 1970-х гг. [25, с. 166]

	Количество на 1 млн га			Продукции с 1000 га/руб.	
Управление	Избу-	Авто-	Ло-	Всего	В том числе
	шек	машин	шадей		пушнины
Тувинское	20	1,5	28	236,7	42,1
Читинское	30	7,1	37	89,9	28,3
Бурятское	5	1,2	2	56,6	28,3
Красноярское	10	1,1	6,9	39,2	16,1

Читинские госпромхозы были более состоятельны с экономической точки зрения. Но наиболее рентабельными были хозяйства Тувинской АССР. Бурятское и Красноярское управления с трудом обеспечивали минимальный уровень рентабельности (см. табл. 2).

Кроме промхозов, колхозов и совхозов, занимавшихся организацией охотничьего хозяйства, в РСФСР в 1960-е гг. действовали 15 государственных охотничьих и лесоохотничьих хозяйств. За ними было закреплено 0,1 % площади охотугодий, в среднем по 120 тыс. га на хозяйство. Основной их задачей являлось ведение охотничьего хозяйства в сочетании с лесным в условиях культурного ландшафта. Это единственный вид предприятий, сочетавший функции спортивного охотничьего хозяйства и лесхоза. Эти хозяйства играли роль своеобразных резерватов дичи в районах интенсивной спортивной охоты. В них проводился широкий круг биотехнических мероприятий, эксплуатация леса согласовывалась с интересами охотничьего хозяйства. На их базе началось развитие охотничьего туризма. В целях обеспечения рентабельности в них были открыты цеха ширпотреба [26, с. 331].

В 1967–1968 гг. было организовано Государственное лесоохотничье хозяйство (ГЛОХ) «Байкал», расположенное по обе стороны от Ангары в районе ее истока на территории почти 500 тыс. га, которое, просуществовав 20 лет, было преобразовано в национальный парк. К началу 1970-х гг. на территории от Урала до Камчатки действовало только одно такое полузаповедное образование. Уже за первые три года его работы было восстановлено стадо кабанов (1,5 тыс. голов) на левобережье Ангары. В нем насчитывалось 68 егерей, или половина их областного состава. На своей площадке ГЛОХ проводило комплекс лесохозяйственных и

лесовосстановительных работ, охрану лесов и диких зверей, занималось расселением некоторых видов зверей (зайцев-русаков, ондатр и др.), охотоустройством [36, с. 138; 9, с. 223; 6, с. 71; 8, с. 108].

Важнейшим инструментом заготовки продуктов охотничьего промысла в предшествовавший и анализируемый периоды были заготовительные конторы райпотребсоюзов. Они находились под общим руководством областных, краевых и республиканских объединений Центросоюза СССР и в рассматриваемый
период продолжали организацию ведения и развития охотничьего хозяйства на местах. В соответствии с планом заготовок заготовительные конторы заключали договоры с колхозами, отдельными охотниками-промысловиками, охотниками-спортсменами и
членами их семей на заготовку пушнины, мяса, дичи, кедровых
орехов, грибов и ягод и другой продукции, а также лицензионных видов охотничьей фауны (соболь, выдра, лось и др.). При
заключении договоров охотникам выдавались лицензии.

Однако их функции не сводились лишь к посреднической деятельности. Заготовительные конторы способствовали освоению охотничьих угодий, особенно отдаленных и трудноосваиваемых. Во многих районах они прокладывали или ремонтировали дороги и охотничьи тропы, строили для охотников жилье и культурно-бытовые помещения, предоставляли охотникам средства транспорта, обеспечивали их огнестрельным оружием, капканами, боеприпасами и снаряжением (палатки, одежда, обувь, продукты питания). Кроме того, районные заготовительные конторы способствовали выполнению биотехнических мероприятий в охотничьих угодьях, содействовали повышению производительности труда охотников. С этой целью на охотничьи станы они завозили все необходимое для охотников и там же закупали охотничью продукцию.

С 1960 г. организациям потребкооперации разрешалось иметь в районах промысловой охоты рабочих-охотников из расчета 10-15 человек на одну заготовительную контору, а с 1966 г. – до 30 человек. В сельских потребобществах разрешалось иметь до 10 рабочих-охотников, с оплатой их труда за счет получаемых от реализации сданной ими пушнины, дичи, ягод, грибов и другой продукции. Руководителям предприятий и учреждений, расположенных в районах промысловой охоты, было позволено по ходатайствам заготовительных организаций предоставлять рабо-

чим и служащим на сезон пушного промысла отпуска на 1-2,5 месяца без сохранения содержания.

До начала охотничьего сезона работники заготконтор обсуждали с охотниками планы заготовок охотничьей продукции и намечали мероприятия по успешному их выполнению, организовывали занятия по повышению знаний охотников – изучали стандарты на пушнину и мясодичную продукцию, пропагандировали наиболее рациональные способы заготовок, первичной обработки и хранения охотничьей продукции. На заготорганизации возлагалась обязанность сбора сведений от охотников о состоянии угодий и запасах в них охотничьей фауны, подведения итогов истекшего охотничьего сезона и разработка мероприятий по подготовке к следующему сезону [33].

В РСФСР к числу промысловых относилось свыше 200 административных районов, помимо тех, где были созданы промхозы. За 1970 г. в целом по СССР районные заготконторы и сельпо приняли около 50 % промысловой пушнины [26, с. 337].

Свою лепту в охотничий промысел вносили и специализированные общественные организации. Спортивная форма охотничьего хозяйства удовлетворяет спортивные и культурноэстетические потребности людей в процессе их общения с природой при добыче диких животных. Существовали такие хозяйства на принципе самоокупаемости, а чаще на дотациях, получаемых за счет средств самих охотников, организованных в общества. Спортивные хозяйства создавались вокруг крупных населенных пунктов с достаточным количеством охотников [33].

В РСФСР в рассматриваемый период были созданы органы управления низовыми звеньями общества охотников и рыболовов, проведена работа по межхозяйственному охотоустройству территории страны, в результате которой к 1967 г. возникло 7 тыс. приписных хозяйств.

На территории, закрепленной в 1960-е гг. за 3,8 тыс. хозяйств Росохотрыболовсоюза, проводился учет численности дичи. На площади в 10,5 млн га было создано 2,5 тыс. воспроизводственных участков и заказников, устроено 39,6 тыс. солонцов, 12,5 галечников, 48,7 тыс. подкормочных площадок, 35,5 тыс. искусственных гнезд.

Значительные средства в развитие и содержание охотничьих хозяйств вкладывало всеармейское военно-охотничье общество. В 1970 г. эти затраты составили более 370 руб. на 1 тыс. га, в сравне-

нии с 41 руб. в хозяйствах Росохотрыбсоюза. Здесь за одним егерем было закреплено около 9 тыс. га, а в Росохотрыбсоюзе – свыше 30 тыс. га.

Общества охотников также участвовали в добыче и сдаче охотпродукции государству. Исполкомы областных и районных советов утверждали обществам охотников планы добычи и сдачи государству пушнины и мяса диких животных, в соответствии с которыми они заключали договоры с торгово-закупочными организациями. За содействие в организации пушного промысла заготовительные организации выплачивали обществам охотников надбавку в размере 5 % стоимости пушнины, сданной членами обществ.

Вместе с тем возможности участия членов обществ в добыче и сдаче охотпродукции использовались недостаточно. Большинство коллективов обществ охотников не уделяло необходимого внимания организации освоения пушных ресурсов. В связи с этим выход пушнины в европейской части страны, где обществам и коллективам была приписана большая часть угодий, в 1960-е гг. снизился по сравнению с предшествовавшим десятилетием в значительно большей степени, чем в Сибири и на Дальнем Востоке. В ряде районов страны общества охотников дублировали функции заготовительных организаций по приемке сырья от сдатчиков [26, с. 31, 317, 321, 322].

Для организации производства в промхозах немаловажное значение имела рабочая сила. Соответственно формам хозяйства охотников подразделяют на промысловиков, для которых добыча зверей и птиц является основным занятием, временных охотников (отходников), которые участвуют в заготовке охотничьей продукции сезонно, и охотников-спортсменов, для которых охота имеет в основном спортивно-эстетическое и оздоровительное значение. Они используют на охоте только дни отдыха.

Охотники-промысловики отличаются от охотниковспортсменов по объектам охоты и способам добычи животных. Для первых основными объектами являются наиболее ценные виды пушных зверей и высокопродуктивные мясные звери (в меньшей мере – птицы). Пушных зверей охотники-промысловики добывают в основном самоловами, а охотники-спортсмены используют ружья.

В условиях дефицита охотников-промысловиков возросла роль охотников-спортсменов в плановых заготовках пушнины и мясодичной продукции. В рамках рассматриваемого периода

охотники-спортсмены становятся основными заготовителями мяса копытных. В 1968 г. они заготовили 22 526 ц мясной продукции. Вместе с тем резервы для дальнейшего увеличения заготовок пушнины и дичи спортсменами были значительны [33].

Штатные охотники Восточной Сибири в середине 1960-х гг. давали свыше 70 % пушнины и мясо-дичной продукции и свыше 90 % пантов. В Байкальском регионе число профессиональных охотников постоянно сокращалось. В Иркутской области их количество к середине 1960-х гг. в сравнении с 1940 г. сократилось на 25 %, в Читинской – вдвое, в БАССР – к 1930 г. – почти в 9 раз. Поэтому в КЗПХ Бурятии в 1972 г. работало всего 240 штатных и 1600 полуштатных охотников [28, с. 88; 34, с. 13].

Общее число лиц, принимавших участие в Иркутской области в пушном промысле с 1935 г. по 1968 г., снизилось почти в 1,5 раза. Доля рабочих и служащих увеличилась более чем в 9 раз, колхозников (преимущественно вследствие преобразования промысловых колхозов в охотничьи промхозы) упала в 4 с лишним раза. Свободные охотники с 1948 г. перестали учитываться по причине своей малочисленности (табл. 3).

Попытки заготовительных контор потребительской кооперации компенсировать сокращение профессионалов использованием сезонных охотников в 1960-е гг. не удались. Заготовки снижались, причем уменьшалась и численность некоторых ценных животных в отдельных районах ввиду их нерациональной эксплуатации. Сезонники заняты в охотохозяйственном процессе незначительное время, главным образом во время своего отпуска, поэтому их невозможно привлечь к выполнению охотоустроительных, биотехнических и др. охотохозяйственных мероприятий. Вся эта работа проводилась силами штатных охотников на своих участках. Это обеспечивало правильную охрану животных, позволяло рационально использовать производительность фауны, создавало материальную заинтересованность штатных охотников. Привлечение сезонных охотников оправдало себя для добычи белки, колонка, горностая [25, с. 189; 34, с. 13].

Таблица 3 Число и состав охотников Иркутской области в 1935–1968 гг. [25, с. 168] (числитель – число охотников; знаменатель – %)

	Число	В том числе				
Год	ОХОТНИ - КОВ	рабочих и сл.	колхозников	единолич- ников	штатных	
1935	12 492	895/7,8	9 092/72,8	2 390/19,1	115/0,9	
1938	12 110	1158/9,6	10 005/82,6	947/7,8	-/-	
1945	5510	1339/24,3	3 901/70,8	270/4,9	-/-	
1948	6557	2333/35,6	4 198/64,0	-/-	26/0,4	
1950	5934	2504/42,2	3 401/57,3	-/-	29/0,5	
1953	7328	3278/44,7	4 030/55,0	-/-	20/0,3	
1956	10 052	5693/56,6	4 350/43,4	-/-	-/-	
1958	9973	5690/57,1	3 773/37,8	-/-	310/5,1	
1960	9510	5773/60,3	3 294/34,7	-/-	483/5	
1962	8994	5314/59,1	3 064/34,1	-/-	616/6,8	
1964	9242	5522/59,6	3 067/33,1	-/-	673/7,3	
1966	8176	4595/56,2	1 988/24,3	-/-	1 593/9,5	
1968	7693	5369/69,8	1 346/17,5	-/-	988/12,7	

Традиционно одной из основных причин снижения пушных заготовок считается сокращение количества и изменение состава охотников, участвующих в добыче пушнины. Анализ производственных данных по Иркутской области в рассматриваемый период свидетельствует, что количество заготавливаемых беличьих шкурок не стоит в прямой зависимости от количества охотников. Среднегодовое число охотников, добывавших пушнину в период 1960-1968 гг., в сравнении с довоенным уменьшилось всего на 28 % (в 1935 г. составляло 12 492, а в 1963 г. - 8503), а заготовки белки сократились втрое (1932-1941 гг. - 1 613 524 шт., а в 1956-1965 гг. всего 555 224 шт.). Практически не изменилось и время пребывания на промысле основной массы охотников, как и раньше, промышляющих с собакой и остающихся в тайге до углубления снегового покрова. В 1930-е гг. охотник проводил на охоте 30–35 дней, а в середине 1960-х гг. время, затрачиваемое непосредственно на промысел белки, сократилось до 15-20 дней. По-прежнему свыше 70 % пушнины заготавливают в 4-м квартале. Самоловный промысел во второй половине зимы (как и в довоенный период) существенной роли не сыграл, им занималось не более 5-6 % охотников. Снижение произошло за счет перенесения начала сроков охоты на более позднее время и переключения охотников на более доходное дело – «соболевку» (после установления постоянного снегового покрова [7, с. 189, 190].

Охотничье хозяйство в 1960-е гг. в своем развитии отставало от развития других отраслей народного хозяйства страны. Поэтому размеры заготовок охотничьей продукции определялись не наличием охотничьей фауны, а возможностями освоения угодий. Даже многие ценнейшие соболиные угодья (до 30 %) оставались не освоенными. Слабо «опромышлялись» запасы белки, горностая, колонка и других пушных зверей, копытных и птиц [33].

Несмотря на определенные сдвиги, в 1960-е гг. охотничье хозяйство региона представляло собой экстенсивную отрасль, так как увеличение валового выхода продукции охоты обеспечивалось освоением новых территорий, а не интенсификацией имевшихся охотохозяйственных угодий.

В частности, в 1960-х гг. в Бурятии объем заготовок пушнины увеличивался лишь за счет освоения ранее не использовавшихся угодий. Только в 1969–1970 гг. было введено в оборот 10 тыс. км² отдаленных угодий, расположенных по вершинам рек Турка, Баргузин, В. Ангара, Муя [28, с. 88; 23, с. 241].

Большое значение для деятельности промхозов имела организация промысла. При эксплуатации охотничьих угодий руководители хозяйств старались учитывать цикличность каждого вида животных. В частности, в Бурятии цикл по белке составляет 6–7, а по ондатре – 9–10 лет. Байнтовский КЗПХ в 1965 г. ввиду низкой численности белки запретил ее промысел. В 1969 г. в дельте В. Ангары промхоз на 3 участках не производил осеннего отлова. Из-за низкой численности соболя на некоторых участках Кабанского промхоза был установлен запрет на 2 года. Подобные ограничения позволяли хозяйствам поддерживать в неурожайные годы промысловую плотность пушных зверей.

Важную роль в рационализации промысла играют охотоустроительные работы. В Забайкалье ими в 1960-х гг. занималась Якутская землеустроительная экспедиция. Многие промхозы закрепили все таежные и ондатровые угодья на длительное время за штатными охотниками. Определялась продуктивность участков и составлялся пятилетний перспективный план изъятия пушных зверей с учетом их воспроизводства [28, с. 67, 82, 88].

Вместе с тем, руководители промыслового хозяйства не всегда демонстрировали рачительный подход. Устанавливаемые правила и сроки охоты по отдельным районам не коррелировались с ежегодными изменениями биологических особенностей и условий обитания животного. Ибо, несмотря на правильную политику правительства, популяция соболя в Восточной Сибири испытывала колебания, обусловленные природными факторами (табл. 4).

Таблица 4 Динамика изменения численности соболя в Восточной Сибири [13, с. 13]

Годы	1949-1950	1954-1955	1960-1961	1962-1963	1963-1964
Численность	0,8	2,4	3,6	3,9	3,3
в расчете на 1000 га					
Общая численность	5400	16 000	24 000	29 000	22 000

Условия существования и размеры популяции соболя были в регионе неравномерны; так, в сезоне 1963–1964 гг. на Патомском и Северобайкальском нагорье на 1 тыс. га приходилось 1,2; в Северном Забайкалье – 0,9; в Приангарье и Приленье – 3,0; в Северо-Западном и Северо-Восточном Прибайкалье – 1,4; в Восточном Саяне и на хребте Хамар-Дабан – 1,4 соболя.

Например, зима 1968–1969 г. в Байкальской Сибири для соболей была очень суровой. Но план их заготовки не был снижен. В итоге из-за неблагоприятных зимних условий, перепромысла и плохого корма в последующие годы произошло резкое сокращение численности соболя. В Бурятии заготовки шкурок соболя после сезона 1968–1969 г. сократились более чем в 3 раза, в Читинской области – в 2 раза [15, л. 100; 1, с. 14].

Однако даже внешне позитивные результаты воздействия человека на природную среду имеют и оборотную сторону. Снижение охотохозяйственной деятельности в Саянах в 1940-50-е гг. привело к изменению численности некоторых видов таежной фауны. Именно этот фактор явился основной причиной быстрого расселения соболя в Саянах. Нарастание численности этого зверька привело к перенаселенности и возникновению эпизотии. В 1956-1966 гг. в заготовку поступали шкурки, пораженные грибковыми заболеваниями. Такое же заболевание было отмечено и в районах Приангарья, Прибайкалья и Алтая [12, с. 21; 32, с. 120; 34, с. 13; 14, с. 266-269].

После возобновления промысла соболь занял одно из первых мест в общем объеме пушных заготовок. Значительное влияние на сохранение его высокой численности имела лицензионная форма промысла. Но со временем лицензионный отстрел и отлов соболя стал чистой формальностью и утратил роль регулирующего фактора при промысле, что привело к его перепромыслу, в частности, в Восточном Саяне, Хамар-Дабане. Поэтому в сезон 1965–1966 гг. был запрещена его добыча в южных районах БАССР и значительно ограничена в присаянских районах Иркутской области [11, с. 74].

Систематическое уменьшение количества поступавшей пушнины в 1950-1960-е гг. в Байкальском регионе позволяет сделать вывод о том, что интенсификация сельского хозяйства и бурное развитие промышленности вносили столь значительные изменения в условия обитания охотничьих животных, что численность их стала резко сокращаться. Начавшиеся в регионе в начале 1950-х гг. интенсивная лесоэксплуатация, развитие промышленности и сельского хозяйства повлияли на изменение условий существования и численность охотничьих животных.

В течение 1961–1965 гг. ежегодно вырубалось 120–140 тыс. га, в последние годы вырубка возросла до 165 тыс. га. Следовательно, за 30 лет было вырублено около 6–7 % лесопокрытой площади. Вырубались в основном наименее производительные охотничьи угодья с преобладанием в древостое сосны. Большую угрозу представляли пожары. За 30-летний период ими и вырубками было охвачено 12–13 % общей площади лесов. Площади лесов, уничтоженные кедровым шелкопрядом и подвергшиеся химической обработке, были невелики и расположены главным образом в южной части области – в Саянах. Поэтому можно полагать, что все вместе взятое вряд ли значительно превысило влияние, оказываемое на леса лесными пожарами, раскорчевкой под пашни и созданием водохранилищ ГЭС.

Среди проблем, стоявших в рассматриваемый период перед организаторами охотничьего хозяйства, была борьба с хищными животными; в регионе к ним относился волк. Ареал и численность волка претерпели в 1920–1960-е гг. неодинаковые изменения в различных природных зонах Средней Сибири. Особенно заметными они были в лесостепи, южной горной и средней тайге, где плотность населения хищника удалось сократить в 3–12

раз. При этом волки исчезли из некоторых административных районов. Достаточно эффективное истребление хищника было проведено в тундре и лесотундре, что привело к снижению плотности его поголовья до 0,4 особи на 1 тыс. км². В северотаежной зоне региона начиная с 50-х гг. ХХ в. происходило расширение ареала и увеличение численности волка как за счет роста популяций лося и лесного северного оленя, так и за счет недостаточно интенсивной охоты на хишника.

Экологически допустимой плотностью населения волка во всех природных зонах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей следует считать 0,4 экз. на 1 тыс. км². При этом общая численность популяции волка составит около 1,4 тыс. экз., что достаточно для сохранения генетического фонда этого вида в Сибири [5].

Плотность населения хищника в Читинской области была значительно выше, нежели в соответствующих ландшафтах Красноярского края и Иркутской области. В зоне северной тайги повсюду плотность волка различалась меньше, а по Читинской области и Красноярскому краю совпадала. Если сравнить заготовку шкур с единицы площади в годы наибольшей и наименьшей численности волка, то можно заключить, что наиболее эффективным истребление волков было в Иркутской области (снижение в 12,1 раза). Далее следуют Читинская область и Красноярский край, в которых поступление волчьих шкур сократилось соответственно в 5,2 и 4,1 раза.

В Иркутской области в 1950–1960-е гг. в южных и центральных районах, в отличие от северных, отмечалось резкое уменьшение численности и сокращение ареала волка. Хищников уничтожили в некоторых лесостепных районах, и ряд лет их шкуры не поступали из Аларского, Братского и других районов. Изменение числа волков в Иркутской области прослеживается по заготовкам их шкур. Среднегодовые данные по пятилетиям составили: 1932–1934 гг. – 356 шкур; 1935–1939 гг. – 269; 1940–1944 гг. – 291; 1945–1949 гг. – 535; 1950–1954 гг. – 336; 1955–1959 гг. – 256; 1960–1964 гг. – 186; 1965–1969 гг. – 62; 1970–1974 гг. – 75; 1975–1980 гг. – 132 волчьи шкуры.

Несмотря на интенсивную борьбу, численность волка в Читинской области оставалась высокой до 1962 г., когда впервые уменьшилось поступление его шкур (510 шт.). В южных районах

средняя плотность волка составляла 11—33 экз. на 1 тыс. км². К 1970 г. она сократилась в 3–9 раз, но оставалась довольно высокой по сравнению с другими регионами Средней и Восточной Сибири. Большие показатели числа зверей в лесостепи, южной горной и средней тайге Читинской области были обусловлены экстенсивным животноводством с круглогодичным выпасом скота. Высокая численность диких копытных в отдаленных угодьях также обеспечивала обильное питание волка.

Заготовка шкур волка в Читинской области (среднегодовые данные по пятилетиям) составила: 1932–1934 гг. – 1213; 1935–1939 гг. – 1308; 1940–1944 гг. – 1063; 1945–1949 гг. – 1481; 1950–1954 гг. – 996; 1955–1959 гг. – 1000; 1960–1964 гг. – 693; 1965–1969 гг. – 427; 1970–1974 гг. – 375; 1975–1980 гг. – 434 [5].

Одновременно с развитием охотничьего промысла важным источником пушного сырья стало звероводство. Возникнув в сфере охотничьего хозяйства сначала в виде временной передержки зверей, а затем и постоянного разведения ценных охотничьих животных, звероводство быстро приобрело самостоятельное промышленное значение. Если в 1936–1940 гг. удельный вес звероводческой пушнины составлял 3,9 %, то в 1966–1970 гг. – 90,4 % общих заготовок пушного сырья в закупочных ценах [26, с. 33].

Снижение эффективности охотничьего хозяйства в стране обусловило проведение в сер. 1950-х - сер. 1960-х гг. его коренного реформирования. Созданная система фактически копировала колхозно-совхозную систему. Кооперативные и государственные промысловые хозяйства поделили между собой наиболее богатые охотничьи угодья. Кроме этого, им были переданы лесные ресурсы и права на их лесоэксплуатацию, включая лесозаготовку и переработку. Их промысловая специализация, возможности комплексного использования всех биологических ресурсов закрепленных территорий и развитие звероводства обусловили их более высокую экономическую устойчивость и хозяйственную эффективность. Закрепление угодий за промхозами позволило им более эффективно проводить природоохранные и ресурсовосстановительные мероприятия. Деятельность промхозов, в совокупности с усилиями специализированных органов и научно-исследовательских и научно-производственных структур, обеспечила сохранение и восстановление наиболее ценных видов промысловых животных.

Байкальская Сибирь, обладавшая наиболее ценными охотничье-промысловыми угодьями и дававшая значительную долю продукции этого сектора экономики, оказалась в эпицентре реформирования. В целом его результат можно признать удовлетворительным как для региона, так и для страны в целом.

Литература

- 1. Абрамов В. К. Принципы охраны млекопитающих // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973.
- 2. Аммосов В. А. Принципы организации промхозов // Принципы организации производства в охотничье-промысловых хозяйствах. М., 1966.
- 3. Атутов А. А. Москвитин В. П., Тармаев И. Б. Таежное природопользование в Западном Забайкалье. Новосибирск 1982. 129 с.
- 4. Атутов А. А., Смышляев М. И., Немченко С. II. Опыт хозяйственной деятельности Байкальского коопзверопромхоза. М., 1973. 16 с.
- 5. Все о волках. Красноярский край, Иркутская, Читинская области [Электронный ресурс]. URL: http://ovolkah. ru/230.
- 6. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среде Иркутской области в 1992 г. Иркутск, 1993.
- 7. Жаров О. В. Причины снижения заготовок беличьих шкурок в Иркутской области и мероприятия по их увеличению // Изв. Иркут. сельскохоз. ин-та. Иркутск, 1970. Вып. 26. Т. 3. Вопр. охотоведения.
- 8. Жемчужников В. Чистые кедрачи: Очерки. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 120 с.
 - 9. Заповедники Сибири. В 2 т. Т. 2. М. : ЛОГАТА, 2000.
- 10. Кедровый промысел в Прибайкалье / под ред. В. М. Шунькова. Иркутск, 1969. 117 с.
- 11. Крючков В. С. Значение охранных мероприятий в восстановлении и использовании запасов соболя // Природа, ее охрана и рациональное использование. Иркутск, 1970.
- 12. Лавов М. А. Хозяйственное использование соболя в Прибайкалье. Иркутск, 1957.
- 13. Монахов Г. И. Динамика ареала и численности соболя Восточной Сибири : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Томск, 1965. 25 с.
- 14. Мурашов Ю. П., Устинов С. К., Комаров А. В. Рациональное использование ресурсов охотничьих животных Восточной Сибири // Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы : сб. научн. тр. Новосибирск : Наука. СО, 1990. 295 с.
 - 15. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 40. Д. 102.
 - 16. НАРБ. Ф. П-29. Оп. 10. Д. 6.
- 17. Носков В. Т. Перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства // Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития. М. : Круглый год, 2000.
- 18. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства. Пост. СМ СССР 11 мая 1959 г. // Свод законов СССР. Т. 4. М. : Изд-во Известия, 1983. 652 с.
- 19. О мерах по увеличению закупок пушнины и мехового сырья : Постановление Совета Министров СССР от 12 января 1966 г. // СП СССР, 1966, № 2.

- 20. О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства и повышению его доходности : постановление Совета Министров РСФСР от 14 июля 1965 г. //Свод законов РСФСР, 1988, T. 4.
- 21. О сроках охоты на соболя : постановление СМ РСФСР от 14 октября 1961 г. // СП РСФСР. 1961. № 28.
- 22. Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР : Постановление Совета Министров РСФСР от 23 февр. 1962 г. № 201 // Сист. собр. законов РСФСР, указов Президиума Верховного совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т. 8.
- 23. Орешко-Вербицкая Л. Н. Интенсивность ведения хозяйства и продуктивность угодий // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания. Т. 2. Киров, 1980.
- 24. Основные положения производства охоты и ведения охотничьего хозяйства на территории СССР // Охота и охотн. хоз-во. 1957. № 9.
- 25. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дежкин [и др.] М. : Лес. пром-сть, 1978. 256 с.
- 26. Охотничье хозяйство СССР / В. А. Аммосов [и др. М. : Лес. пром-сть, 1973. $408\ {\rm c}.$
 - 27. Охотоведение / под ред. Гаврина В. Ф. М.: Лес. пром-ть, 1972. 336 с.
- 28. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973.
- 29. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещ.-семинара. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во,1973. 117 с.
- 30. Пилитович С. С. Заготовка пушнины в СССР. М. : Изд-во Центросоюза, 1970.
- 31. Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР : постановление СМ РСФСР от 11 октября 1960 г. // СП РСФСР. 1960. № 34.
 - 32. Проблемы Байкала (ДСП). Улан-Удэ, 1985. 26 с.
- 33. Развитие охотничьего дела в СССР [Электронный ресурс]. URL: http://bereg.moy.su/publ/spravochnik_okhotnika/11_okhotnichja_produkcija.
 - 34. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах. М.: Наука, 1966. 108 с.
- 35. Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИпд спб). Ф. 3135. Оп. 6. Д. 1.
- 36. Шалыбков А. М., Лопырев Б. Н., Иващенко Б. П. Справочник по охотничьим угодьям. М.: Лес. пром-сть, 1981. 224 с.
- 37. Экономика социалистического сельского хозяйства / Тютин В. А. [и др.]. М., 1968. 543 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В XIX В.

Казачество является самобытным социальным явлением в рамках исторического развития российского этноса. Казаки были своеобразным социально-этническим образованием в составе русского народа, очень динамично развивающимся. Правовой статус казачества, его положение относительно других социальных слоев российского общества, в частности на территории Сибири, отношения с государственными структурами – представляют собой сложный процесс. Социальное развитие сибирских казаков, часть поселений которых располагалась на Алтае, в пределах так называемой Бийской линии, имело ряд особенностей.

Во второй половине XIX в. территория Сибирского казачьего войска представляла собой достаточно узкую линию поселений, растянувшуюся от земель Оренбургского казачьего войска до тогдашней границы Китая с Российской империей. Ее общая протяженность составляла около 2 тыс. км [2, с. 161]. Земли Сибирского казачьего войска не представляли собой какой-либо сплошной или сомкнутой территории, а тянулись узкой линией по северным районам лесостепной полосы киргизских степей, отделяя южные районы Тобольской и Томской губерний и земли Алтайского горного округа от мест кочевого скотоводства киргизов (казахов). В административном отношении казачьи земли входили в состав так называемого степного генерал-губернаторства. Вся полоса казачьих поселений от границ Оренбургского казачьего войска до г. Омска называется Горькой линией, иногда Пресногорьковской; от Омска линия казачьих поселений поворачивает на юго-восток и проходит по правому берегу р. Иртыш до г. Усть-Каменогорска. Эта часть поселений Сибирского казачьего войска называется Иртышской. Далее, до китайской границы идет уже Бухтарминская линия казачьих поселений. Кроме этого, станицы Сибирского казачьего войска тянутся цепью на расстоянии до 400 км по территории Алтайского горного округа и составляют так называемую Бийскую казачью линию. Общая территория Сибирского казачьего войска во второй половине XIX в. составляла 4 995 233 десятины, или около 50 тыс. км² [3, с. 20]. Здесь следует отметить, что часть земель войска находились у него во временном владении. Это была так называемая 10- верстная полоса, простирающаяся от границы Оренбургского казачьего войска до государственной границы России с Китаем. Эта полоса шла параллельно казачьим владениям, насчитывала свыше 13,5 тыс. км² и находилась формально во временном владении Сибирского казачьего войска с 1839 г. [3, с. 20]. Казачьи поселения располагались на территории Акмолинской и Семипалатинской областей, а также Томской губернии (Бийская казачья линия) и насчитывали во второй четверти XIX в. 160 станиц и поселков [3, с. 21].

Главной обязанностью и юридическим оправданием существования казаков являлась государственная служба, за которую им полагалось определенное материальное вознаграждение в сочетании с некоторыми льготами экономического характера. Сибирские казаки были по своему происхождению служилыми людьми, поэтому государство стремилось как можно подробнее регламентировать жизнь казаков, ввести их в законодательное поле Российской империи. Итогом этой деятельности стало принятие Высочайше утвержденного «Положения о Сибирском линейном казачьем войске» 19 августа 1808 г. Численность войска определялась в 5990 казаков, разделенных на 10 пятисотенных полков, которые обязаны были выступать на службу в военное время. В каждом полку насчитывалось по три офицера, 47 унтерофицеров (урядников) и один фельдшер. Помимо полков имелись и четыре резервные сотни. Войску придавались 2 конноартиллерийских роты. В мирное время казаки жили по своим станицам без разделения на полки и сотни. Линия делилась на 10 отделений, а отделение - на 5 дистанций во главе с начальником отделения и командирами дистанций из казачьего сословия [1, c. 381.

Казачьим войском управлял войсковой атаман. В своей деятельности он опирался на войсковую канцелярию, состоящую из двух «непременных» членов и двух ассесоров, избираемых на три года. По военным делам войсковая канцелярия подчинялась военному ведомству, в гражданском отношении – губернскому начальству. Ее содержание шло за счет государственного казначейства.

Казачья служба начиналась фактически с 17 лет и продолжалась до полного истощения сил, но и после отставки казаки оставались в войске и при необходимости могли быть поставлены под ружье. За службу казаку полагалось годовое денежное жалованье

(6 руб. 16,5 коп.), провиант – три четверти муки в год и фураж (крупа) – на содержание одной лошади в течение 7 месяцев. В военных походах жалованье увеличивалось до 11 руб. 88 коп. в год, и выдавались дополнительные порции крупы. Казачьи офицеры получали: хорунжий (лейтенант) – 238,29 руб. в год, сотник (капитан) – 286,37 руб. в год, есаул (майор) – 406,1 руб. в год. Казаки также имели право на шестидесятинный надел земли на каждого казака мужского пола, на пограничную меновую торговлю, на рыбную ловлю в степных озерах и в верховьях рек, на сбор хмеля [2, с. 83].

В начале XIX в. при численности военнообязанных казаков в 6 тыс. чел. все мужское население войска достигало 15 тыс. чел. К 1826 г. это число возросло до 19 тыс. чел., а в 1846 г. - до 25 тыс. чел. [1, с. 39]. Пополнение войскового населения в эти годы шло почти исключительно за счет естественного прироста - 1 % в год, поскольку добровольные вступления в тот период были редки, а массовых приписок к войску не производилось. В последующие два десятилетия ситуация изменилась. В 1866 г. численность Сибирского казачьего войска составила 57 тыс. чел., при общей численности населения 113 138 чел. Такой рост общей численности казаков был обусловлен массовым приемом в казаки крестьян с целью максимально усилить военно-казачью колонизацию в степных районах Западной Сибири. За 1846-1856 гг. к казакам было приписано 27 тыс. душ обоего пола, а в 1857 г. - 14,6 тыс. душ обоего пола. Таким образом, с 1808 г. численность сибирских казаков выросла в 3,8 раза [3, с. 68-71].

«Положение ...» 1808 г. и сопутствующие ему юридические акты рассматривали казаков сибирских пограничных линий «как отдельное сословие, с особенными привилегиями, правами и со своими сословными учреждениями». Термин «сословие» здесь следует понимать как определение группы лиц, объединенных профессиональными интересами, а не как замкнутую наследственную корпорацию, обладающую особыми правами, официально признаваемую государством.

Казаки никогда не были полностью замкнутой группой. Хотя выход из нее до 1869 г. был категорически запрещен, но поступать в «казачье звание» волен был всякий человек. Отличительной особенностью сибирских казаков было наличие не столько прав, сколько обязанностей. Они были свободны от подушной

подати и рекрутчины, что весьма существенно было в социальноюридическом плане, но непрерывная служба, ограниченная только физическими возможностями человека, и постоянные работы в войсковой экономии ложились на казачьи плечи не менее тяжким грузом, чем крестьянские повинности. Право на 6 десятин земли и разрешение вести меновую торговлю с «азиатцами», право на ловлю рыбы в степных озерах и на сбор хмеля вряд ли можно рассматривать всерьез как особые привилегии. Казаки если и являлись сословием, то только в том смысле, который вкладывал в это понятие В. О. Ключевский, подчеркивая, что в средневековой России «сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределенными» [4, с. 397].

«Великие реформы» 1860–1870-х гг. также коснулись и сибирских казаков. Специфика проведения реформ в казачьих областях состояла в том, чтобы, сохраняя традиционную войсковую структуру, одновременно приспособить ее к изменившимся экономическим и социальным условиям. Александр II изложил эту программу следующим образом: «Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшие столько незабвенных услуг Отечеству, сохранили и на будущее свое воинское назначение... Но я вместе с тем желаю, чтобы в устройстве казачьих войск военное их назначение было сколь возможно согласовано с выгодами гражданского быта и хозяйственного благоустройства» [1, с. 47].

Первым шагом на этом пути было издание «Положения о Сибирском казачьем войске» от 13 марта 1861 г. Это «Положение ...» отменяло обязательный труд казаков на войсковых фабриках и заводах, высвобождая тем самым время для ведения собственного хозяйства. Вместе с тем ликвидировались дотации на вооружение, обмундирование, содержание лошадей и проч. Теперь казак должен был полагаться только на собственные силы.

Территория войска теперь делилась на полковые округа; каждый полк формировался из населения своего округа. Непосредственное руководство войском возлагалось на наказного атамана (назначаемого царской властью), в руках которого было сосредоточено военное и гражданское управление. По военной части он действовал через войсковое дежурство, комиссии военного суда и окружные дежурства, а по гражданской части – через войсковое, полковое и станичные правления. Считалось, что станицы действуют по принципу самоуправления. «Положение о Сибирском

казачьем войске» 1861 г. предоставляло станицам «право заведования своим общественным хозяйством и своими интересами на началах самоуправления» [1. с. 70].

Однако станичники далеко не сразу смогли в полной мере ощутить преимущества, предоставленные реформой. По свидетельству современников, «большинство казаков, неграмотных и не понимающих общественных интересов, не пришло еще к убеждению, что в станичные и поселковые атаманы, а также и в другие должности, для заведования общественным хозяйством, надо выбирать людей способных и серьезных; напротив, во многих местах выборы склоняются на людей сомнительной нравственности, которые злоупотребляют общественными суммами и обращают в свою собственность немалую часть станичных доходов, будучи уверены в бесконтрольности со стороны неграмотных станичников. Кроме того, случается, что сами станичные сходы постановляют приговоры об употреблении общественных средств на покупку вина в праздники и тому подобные расходы, не имеющие никакого отношения к станичным нуждам» [3, c. 127-128].

Подобные утверждения, конечно, нельзя отвергать как полностью недостоверные. Десятилетия непрерывной муштры по солдатскому образцу, отработка воинских повинностей, привычка довольствоваться казенным обмундированием и обеспечением делали свое дело. Однако общественное самоуправление в казачьих поселениях не исчезало полностью, а в пореформенный период получило импульс для дальнейшего развития и совершенствования. Станичные сходы принимали решения по сохранению юртовых земель (т. е. тех земельных участков, которые находились в собственности всего казачьего войска), давали согласие на проживание в поселках переселенцев (или отказывали им в этом), ходатайствовали об открытии ярмарок в станицах (или наоборот, противодействовали их открытию в соседних крестьянских селениях). Ежегодно на станичных сходах происходили переделы сенокосных угодий, и решение принималось нередко после продолжительных и горячих споров, но к всеобщему согласию. В общем и целом можно сказать, что традиционные казачьи круги имели тенденцию к сближению с органами земского самоуправления, при сохранении собственно «казачьей» специфики. Сибирские казаки как составная часть российского

казачества постепенно включались в общероссийский процесс формирования гражданского общества на территории всего Сибирского региона.

Литература

- 1. Ивонин А. Р., Колупаев Д. В. Казаки на Алтае в XVIII–XIX столетиях. Барнаул, 2003.
 - 2. История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995.
- 3. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
 - 4. Ключевский В. О. Сочинения. В восьми томах. Т. 2. М., 1957.

КУЗЬМИН Ю. В.

МОНГОЛИЯ И «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС» НАЧАЛА XX В. В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Монголия занимает особое место в отношениях России со странами Востока. Дружественные отношения между Россией и Монголией, установленные в XVII в., развивались в дальнейшем по нарастающей, без войн и конфликтов. Особую роль в становлении независимого монгольского государства в XX в. сыграла Россия, оказавшая дипломатическую поддержку, военную и экономическую помощь.

Важным фактором национальной безопасности Монголии являются отношения с двумя крупными соседними странами – Россией и Китаем. От характера взаимоотношений в этом своеобразном треугольнике: Россия – Монголия – Китай зависело положение Монголии. В XX в. международное положение Монголии несколько раз радикально изменялось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, от усиления или ослабления Китая или России. До 1911 г. Монголия находилась в составе Цинской империи, и определяющим тогда было влияние Китая. С середины XIX в. происходит постепенное усиление роли России в этом регионе, расширяется русско-монгольская торговля, в Урге начинает работать российское консульство.

Синьхайская революция в Китае и национальноосвободительное движение монгольского народа, добившегося в 1911 г. создания независимого государства в Монголии, определили новую международную ситуацию в регионе. Объявление Внешней Монголией в декабре 1911 г. о выходе из состава Цинской империи и обращение к Российской империи за поддержкой и помощью в формировании самостоятельного государства приводит к объективному усилению позиций России.

В 1911-1915 гг. русско-монгольские отношения развивались по восходящей линии. Этот период также характеризовался интенсивным противостоянием двух соседних держав – России и Китая. Неустойчивое равновесие сил России и Китая, экономическая помощь, дипломатическая поддержка России позволили Монголии провести ряд экономических и военных реформ. Кяхтинская трехсторонняя конференция 1915 г. определила статус Монголии как автономного государства в пределах республиканского Китая.

Первая мировая война 1914 г., а затем российские революции 1917 г. существенно ослабили роль России в Северо-Восточной Азии вообще и в Монголии в частности. В 1919 г. фактическая независимость Монголии была ликвидирована введением китайских войск в кочевую страну; таким образом, международное равновесие было нарушено, и доминировать стал Китай, усилилось влияние Японии. В 1921 г. в результате национальнодемократической революции восстанавливается национальная независимость Монголии, она осуществляет радикальные революционные преобразования и находится под значительным влиянием Коминтерна и Советской России, что позволило западным монголоведам назвать ее «сателлитом» СССР.

Таким образом, маленькая кочевая страна зависит от двух великих соседей. Ослабление одного из них, обострение внутренних проблем и процессы децентрализации объективно приводили к укреплению роли другого соседа.

Российское общество проявляло глубокий интерес к соседней стране, ее истории и культуре, географии и этнографии. Такая заинтересованность объяснялась не только познавательными интересами, но также военно-стратегическими и экономическими интересами в этом регионе Азии. Выгодное географическое положение Монголии в центре азиатского континента, обширная территория и наличие многочисленного скота как источника сельскохозяйственного сырья для Сибири и центральной России делали привлекательным сотрудничество с ней торговых представителей и заинтересовывали военных деятелей.

Серьезный интерес российского общества к Монголии определялся также особой ролью монголов в истории России XIII–XV вв. (монголо-татарское нашествие на Русь, нахождение ее в составе Золотой Орды), по-разному трактуемой историческими школами.

Научное востоковедение и монголоведение формировались в XVIII–XIX вв. Мировое признание получили труды Н. Я. Бичурина, Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского, А. А. Бобровникова, Д. Банзарова, К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано. К монгольским сюжетам в России все более стали обращаться и практические работники, так или иначе связанные с Монголией.

Монголия, ее природа и ресурсы, а также события, происходившие в стране, находились в поле постоянного внимания общественности России. По мере расширения дипломатических отношений между Россией и Монголией, увеличения размеров русско-монгольской торговли в России усиливался интерес к Монголии, ее экономике и культуре.

В 1861 г. учреждается русское консульство в Урге. По русско-китайскому договору 1881 г. Россия получила право беспошлинной торговли на всей территории Монголии. Коммерческую деятельность здесь начали известные русские купцы и торговые фирмы. В 1895 г. в Петербурге был создан Русско-Китайский банк, а в 1900 г. в Урге и Улясутае открылись отделения этого банка. Были открыты российские консульства в Улясутае, Кобдо, Маймачене. Из России в Монголию начался экспорт не только товаров, но и капиталов. Русскими предпринимателями в Урге были созданы небольшие фабрики и заводы. Было организовано акционерное общество «Монголор» с капиталом в 5 млн руб., занимающееся поиском и добычей золота в Монголии.

В России в конце X1X в. происходит переход внешнеполитической оборонительной политики на Дальнем Востоке и Центральной Азии к активным, наступательным действиям. Развитие промышленности, освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока стимулировали создание современной инфраструктуры. В 1891 г. началось сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, которая открывала для российской буржуазии рынки стран Восточной Азии. Заключение с цинским Китаем контракта на по-

стройку КВЖД, аренда на 25 лет военной базы в Порт-Артуре свидетельствовали об усилении позиций России на Дальнем Востоке.

Начало XX в. характеризовалось острой борьбой за передел мира. Перед дипломатией России стояла сложная задача: обеспечить в полной мере интересы России, но без втягивания ее в военные конфликты. Значение дальневосточного региона в конце XIX – начале XX в. значительно возросло. Слабеющая Цинская империя стала ареной соперничества великих держав: США, Великобритании, Германии, Франции, России.

Результаты Японо-китайской войны 1894–1895 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. показали, что в регионе появилась новая сильная держава – Япония. По русско-японскому соглашению 1907 г. японское правительство признавало специальные интересы России во Внешней Монголии. Россия в свою очередь была вынуждена признать японские интересы в Южной Маньчжурии и во Внутренней Монголии, японский протекторат в Корее.

С начала XX в. Цинское правительство Китая усилило прямую колонизацию монгольских земель: первоначально район Внутренней Монголии, а затем Внешней Монголии. Были созданы специальные комиссии, которые занимались проблемой заселения Монголии китайскими колонистами. За 1905–1911 гг. было освоено и распахано 5 млн десятин земли Монголии. Колонизация дополнялась военной, административной и торговой экспансией.

Политика России определялась заинтересованностью в монгольском рынке, а также обеспечением русских интересов, направленных против возможной агрессии Японии и экономического давления китайского капитала. Российский капитал проявлял значительное внимание к монгольскому рынку, был заинтересован в дешевом монгольском сырье (шерсть, кожа, мясо) и экспорте собственной промышленной продукции. Наибольшую заинтересованность в этом проявляло сибирское купечество, тесно связанное с монгольским рынком. На монгольском рынке все большую конкуренцию оказывали товары промышленного производства западных стран, которые продавали китайские торговцы.

Динамичное развитие российской экономики в конце XIX – начале XX в. позволило увеличить затраты на просвещение, культуру и науку. Совершенствование образовательной системы и развитие науки привели к важным научным и техническим открытиям. Россия дала миру целую плеяду выдающихся ученых.

Продолжились и географические исследования, в том числе и в Центральной Азии (Н. М. Пржевальский, В. И. Роборовский, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов). Создание и деятельность императорского Географического общества и его отделений в Сибири способствовали научному исследованию Монголии.

События, происходившие в Монголии в период восстановления национальной независимости, а также связанные с ними изменения российско-монгольских отношений, обсуждение и подготовка русско-китайского торгового договора в 1911 г. вызвали небывалый прежде интерес к Монголии в самых различных слоях русского общества. Различные общественные слои России: политические и военные деятели, представители дипломатии, научных и торговых кругов, журналисты и ученые-монголоведы давали различные характеристики состояния русско-монгольских отношений. Интерес к Монголии приобретал все более практическую направленность, связанную с выработкой внешней линии по отношению к этой стране. В общественно-политической мысли России сформировался так называемый монгольский вопрос [1].

Непосредственное обращение Монголии к Российской империи за дипломатической поддержкой и экономической помощью, приезд монгольской делегации в Петербург заставили определить свое отношение к «монгольскому вопросу» как российские правительственные круги, так и представителей различных политических партий и движений. Различными социальными группами России были предложены собственные варианты решения проблемы. По мнению одних, Монголию было необходимо присоединить к России и превратить в колонию. Другие предлагали создать «буферное государство», зависимое от России. Третьи считали ошибкой вмешательство во внутренние дела Монголии и полагали необходимым создание независимого монгольского государства. Общественно-политическая мысль России отражала весь спектр мировоззренческих взглядов, партийнополитических направлений (октябристы, кадеты, монархисты, социал-демократы).

Разумеется, «монгольский вопрос» не являлся главным внешнеполитическим вопросом для общественной мысли страны, втянутой в сложные международные отношения на Западе и Востоке. Однако «монгольская проблема» как составная часть дальневосточной политики и отношений с Китаем увеличила

значимость собственно Монголии и русско-монгольских торговых отношений. За весь 200-летний период изучения Монголии в России никогда не было такого глубокого и широкого интереса к «монгольскому вопросу» в российской общественно-политической мысли, как в начале XX в. и особенно после 1911 г. Это был настоящий «бум», «всплеск» выпуска литературы, посвященной Монголии, русско-монголо-китайским отношениям, перспективам развития этих отношений.

К сожалению, до сих пор в мировом монголоведении отсутствуют специальные работы, посвященные анализу российской историографии 1900–1917 гг. Парадоксально, но факт: подготовлены работы о монгольской и западной историографии (Ш. Бира, З. Лонжид, Ж. Урангуа, Д. Дашжамца, Ч. Жугдэра, Г. Дэлэга, Л. П. Поповой, Е. М. Даревской, Ю. В. Кузьмина, М. И. Гольмана и др.), но не повезло работам российских авторов начала XX в., посвященным «монгольскому вопросу».

В изучение русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» значительный вклад внесли российские ученые: Е. М. Даревская, И. Я. Златкин, С. Г. Лузянин, А. Л. Попов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. П. Шастина, С. А. Нацов, Д. Б. Улымжиев, Е. А. Белов, М. И. Гольман, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунцаг, Ц. Пунцагноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа.

Необходимо выделить вклад известного историка-монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева («Россия и Монголия», 1987 г.), Е. М. Даревской – большого знатока русско-монгольских связей нач. ХХ в. («Сибирь и Монголия», 1994 г.), Н. Е. Единарховой («Русские в Монголии»), Е. А. Белова («Россия и Китай в начале ХХ в. Российско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.», 1999 г.; «Россия и Монголия», 1999 г.), А. В. Старцева («Русская торговля в Монголии», 2003 г.). Как научная проблема впервые «монгольский вопрос» был поставлен Е. М. Даревской в докладе, представленном на IV Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе (1979 г.).

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В. С. Мясников, Е. А. Белов, В. А. Моисеев, М. И. Сладковский, А. Н. Хохлов, Н. Е. Единархова, В. Г. Дацышен и др.).

Формирование русско-монгольских отношений в начале XX в. происходило в сложной системе международных отношений в Восточной Азии, в системе отношений Китая, России, Японии и Монголии. В начале XX в. произошло заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов. Сдерживающим фактором российской внешней политики в Монголии и Маньчжурии являлись взятые на себя обязательства по русско-японским соглашениям 1907, 1910, 1912 г., которые определили сферы влияния в регионе.

Все более усложняющая международная ситуация вокруг Монголии стимулировала широкое обсуждение «монгольского вопроса» в правительственных кругах России, на страницах научных и периодических изданий. Особенно активизировалось оно в связи пересмотром русско-китайских торговых соглашений в 1911 г., а затем провозглашением Внешней Монголией в декабре 1911 г. своей политической независимости.

«Монгольский вопрос» обсуждают в Государственной Думе России, проводится несколько крупных совещаний в Петербурге, Москве, Иркутске по изучению монгольского рынка, организуется ряд торговых экспедиций в Монголию. По мере сбора информации появляются специальные исследования, посвященные этой проблеме. Среди них работы следующих авторов: А. Беннигсен «Несколько данных о современной Монголии» (1912 г.), Б. М. Гурьева «Политические отношения России и Монголии» (1911 г.), В. И. Денисова «Россия на Дальнем Востоке» (1913 г.), В. Л. Котвич «Краткий обзор истории и современного положения Монголии» (1914 г.), Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912 г.), В. Томилина «Монголия и ее современное значение для России» (1913 г.).

Формирование политики России в отношении Внешней Монголии происходило в борьбе и компромиссе различных тенденций, определяемых как политическими силами, так и ведущими ведомствами (министерством иностранных дел, военным ведомством, министерством финансов). Внешнеполитическая линия России определялась попытками разрешить складывающиеся противоречия между дипломатическим ведомством и торгово-промышленными кругами, между центральной и регио-

нальной администрацией, различными уровнями местной администрации, а также представителями военного ведомства.

Таким образом, в обсуждении русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» можно выделить следующие основные направления: оценки дипломатов и государственных деятелей России, характеристики военных специалистов, представителей торгово-промышленных кругов, ученых и демократической интеллигенции.

Анализ оценок российских дипломатов по «монгольскому вопросу» (С. Д. Сазонов), серия русско-монголо-китайских договоров и соглашений 1911-1915 гг. позволяют сделать вывод об осторожной и сдержанной дипломатической линии России в Монголии. Россия стремилась сохранить мирные отношения с Цинским и республиканским Китаем, выполнить секретные пункты русско-японских соглашений о разграничении сфер влияния, а также поддержать самостоятельность развития Внешней Монголии. Россия не могла поддержать полную независимость Внешней Монголии с присоединением к ней Внутренней Монголии Барги и Урянхая. Все свои усилия российская дипломатия направляла на создание автономной Монголии, и признание особых прав России во Внешней Монголии. Россия находилась в сложной ситуации, так как ей, с одной стороны, было необходимо ограничить притязания монголов на создание «Великой Монголии», а, с другой стороны, уговорить Китай пойти на уступки, проявить гибкость и признать автономию Монголии. Благодаря гибкой политике российских дипломатов удалось создать автономную, а фактически самостоятельную и независимую Монголию.

Министр иностранных дел России в 1910–1916 гг. С. Д. Сазонов считал Россию европейской державой с активной внешней политикой в Европе и на Ближнем Востоке и выступал против «увеличения русских владений в Азии». На заседании Государственной Думы 13–27 апреля 1912 г. были высказаны полярные точки зрения по проблеме перспектив русско-монгольских отношений. С. Д. Сазонов и П. Н. Милюков выступали только за посредническую роль между Монголией и Китаем и против вмешательства в монгольские дела, а депутат Володимиров считал необходимым присоединить Монголию к России.

С. Д. Сазонов выступал против полного отделения Монголии от Китая, считая ее не готовой к самостоятельному полити-

ческому развитию. По его мнению, оторвать ее от Китая значит взять на себя задачу создать из них государство – задачу тяжелую, требующую крупных денежных затрат и огромного труда.

С. Д. Сазонов не считал присоединение Монголии к России ценным приобретением, так как это может привести к нежелательному сдвигу центра тяжести в государстве и соответственно к ослаблению позиций России в Европе и на Ближнем Востоке. Чтобы не быть втянутой в «монгольские дела» слишком глубоко, Россия должна взять на себя, по его мнению, роль посредника.

С совершенно противоположной позиции выступил депутат Володимиров, который оценил речь С. Д. Сазонова как своего рода «акафист невмешательству, акафист собственному бессилию». Володимиров упрекал правительство и МИД за медлительность и считал, что Монголия должна стать буфером, который прикроет восточные границы России.

На практическое решение «монгольского вопроса» имели влияние император Николай II и его окружение, выступавшие за активную внешнюю политику России на Дальнем Востоке, в том числе в Монголии и Маньчжурии.

Особое место в изучении русско-монгольских отношений в начале XX в. занимают специальные исследования военных специалистов России. Продолжительное время монголоведение и востоковедение вообще не обращало внимания на исследования военных деятелей. Вышедшие под грифом «секретно», эти публикации военных аналитиков имели служебный характер и не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей (изучение возможных театров военных действий, военного потенциала соседних государств), а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране, полученной в ходе специальных экспедиций, а также критического анализа научной литературы о Монголии. Излишне прямолинейные и категоричные выводы и рекомендации военных деятелей России, экспансионистская направленность их выводов стали позднее одной из причин замалчивания подобных работ.

Среди значительного числа публикаций военных деятелей выделяются исследования генерала А. Н. Куропаткина «Русскокитайский вопрос» (1913 г.); капитана, а затем полковника В. Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905 г.), «Второе путешествие в Монголию» (1910 г.), «Урянхайский вопрос» (1913 г.); полковника А. Баранова «Барга и Халха» (1905 г.), «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907 г.), «Урянхайский вопрос» (1913 г.); поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912 г.), капитана Генерального штаба С. Д. Харламова «Монголия» (1914 г.); капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910 г.), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913 г.); полковника Генштаба А. А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890 г.), полковника В. Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909 г.).

В этих публикациях российских офицеров Монголия и Северо-Восточный Китай изучались как возможный театр военных действий; в них были представлены подробные материалы по городам, истории, а также религии, торговле и транспортных путях, их сезонной проходимости. Военные акцентировали внимание на угрозе для России со стороны Китая и Японии – «желтой опасности» с Востока, грозящей спокойствию не только России, но и Европы, несущей разрушение европейской цивилизации и культуре.

Активная колонизация с начала XX в. в Маньчжурии и Монголии, китайские и японские проекты строительства железных дорог, модернизация китайских войск свидетельствовали, по мнению военных, об угрозе вторжения Китая и Японии в сибирские владения России. Поэтому оказание помощи монголам в создании автономного государства, перемещение русской армии до Гоби позволит создать буферную зону и избежать военного столкновения с Китаем.

Представляется, что результаты исследований офицеров Генштаба являлись ценным источником информации о Монголии, а их влияние было весьма весомым, но не определяющим. Они подпитывали то направление во внешней политике, которое выступало за жесткую линию и активную политику в данном регионе. Несомненно, что армейские специалисты несколько преувеличивали военную опасность, исходящую со стороны Китая. Выступая за жесткую политику по отношению к этому восточному соседу, они вели Россию к отношениям, чреватым военными конфликтами и дипломатическими осложнениями [2].

Торговые русско-монгольские отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Поэтому в периодической печати России регулярно появлялись статьи о проблемах русской торговли в Монголии и Китае. Часто их авторами являлись сами купцы: братья Бутины, Немчинов, Воробьев, Бурдуков, Васенев и др. По мере накопления материала появляются и работы обобщающего характера: С. Ф. Степанова – управляющего Монгольским отделением Русско-Китайского банка; ветеринарного врача А. П. Свечникова, служащего таможни Н. Шейнфельда; торгового агента А. Болобана. Главная тема публикаций – активизация деятельности китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии, усиление колонизации монгольских земель, ослабление позиций русского купечества. С. Ф. Степановым дан обстоятельный анализ пяти типов русских торговцев в Монголии.

Сокращение российского экспорта в Монголии вызвало беспокойство у торгово-промышленных кругов центральной России. В 1909 и 1910 г. при Московском биржевом комитете устраивались совещания московских промышленников, на которых обсуждались проблемы торговли в Китае и Монголии, анализировались причины кризиса.

Важную роль в изучении русско-монгольской торговли сыграли две торговые экспедиции в Монголию: московская во главе с полковником В. Л. Поповым, снаряженная промышленниками Московского района, а также сибирская экспедиция из Томска. Подходы этих двух экспедиций к проблеме и их выводы существенно различались. Московская торговая экспедиция, признавая важность монгольского рынка для России, не видела больших перспектив русской торговли в Монголии. Видимо, буржуазия и торговцы центральной России связывали свои экономические интересы с более емкими и освоенными рынками Ближнего Востока и Маньчжурии.

Сибирская экспедиция, во главе с профессорами М. И. Боголеповым и М. Н. Соболевым, дала более глубокий экономический анализ состояния русско-монгольской торговли. По их мнению, Монголия является перспективным рынком для российских товаров, поэтому они предлагали укреплять здесь торговые позиции России. Они предлагали также оказать поддержку в создании нейтральной Монголии, государства-буфера под покровительством союза европейских государств. Представители демократической интеллигенции предлагали отличную от военных и торговцев трактовку сложившейся ситуации вокруг Монголии. Эти взгляды были отражены в публикациях ведущих монголоведов России Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, статьях и воспоминаниях известного публициста и писателя, либерального народника И. И. Попова, языковеда и этнографа Н. П. Евстафиева, чиновника и краеведа Д. П. Першина, будущего известного монголоведа А. В. Бурдукова, выпускника Восточного института во Владивостоке П. А. Бобрика.

Несмотря на различие в деталях, они выступали за создание независимого монгольского государства или государства-буфера и предлагали России оказать реальную помощь Монголии. Важнейшими задачами возрождения монгольского государства они считали оказание помощи в налаживании хозяйства монгольских кочевников, в развитии торговых отношений. Особое внимание они уделили вопросу о необходимости помощи в области культуры и здравоохранения.

Особую позицию в «монгольском вопросе» занимали российские социал-демократы. Свою позицию они основывали на классовых позициях, на критике колониальной и захватнической политики царского правительства в отсталых странах Востока, в том числе и в Монголии. В целом большого и глубокого интереса к Монголии и политике России в регионе социал-демократы не проявляли. Отсутствие в стране рабочего класса, незначительная роль Монголии в мировой экономике и политике, а также слабая информированность о событиях в кочевой стране и стали причиной редких характеристик и оценок «монгольского вопроса».

И только Синьхайская революция в Китае и обострение монголо-китайских отношений усилили их интерес к данной проблеме. В историографии известны оценки В. И. Ленина, М. Павловича, Сурина по проблемам Монголии. Не вникая глубоко в причины заинтересованности России в Монголии, они видели и отмечали только захватнический характер внешней политики страны и резко осуждали его. Известно, что позднее партия большевиков спокойно превратила Монголию в зону собственного влияния и распространения революционных идей.

Оригинальный вклад в разоблачение политики царизма и российской буржуазии внес сосланный в Сибирь социалдемократ Сурин (Сурен Асеньян), написавший фельетон «Господа монголисты». Автор в форме коротких монологов от имени различных обобщенных типажей: отставного штабс-капитана, москвича-мануфактуриста, бийского купца, торговца-одессита показывает, как они планируют сделать «свои делишки» в новой открывающейся для них авантюре. Фельетон Сурина явился особой формой протеста против грубого вмешательства правительства и определенных кругов российского общества во внутренние дела Монголии и Китая и грабительской политики российской буржуазии.

Таким образом, в российской общественной мысли представлены различные точки зрения на «монгольский вопрос». Практическое разрешение вопроса осуществилось в благоприятном для России отношении, в определенном смысле это был «средний вариант» в диапазоне высказанных мнений. Автономия Монголии отвечала национальным интересам России; это был значительный шаг независимости кочевой страны, осуществленный при помощи России.

Литература

- 1. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественнополитической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). Иркутск, 1997. 232 с., Кузьмин Ю. В. Россия и Монголия на рубеже веков : учеб. пособие. Иркутск, 2002. 100 с.
- 2. Кузьмин Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор, 2007. 162 с.

КУШНАРЕВА М. Д.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ С КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ СИБИРИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Формирование государственной политики в сфере пушной торговли с коренным населением Северо-Восточной Сибири в исследуемый период происходило в Сибирском комитете, который использовал официальные данные Полицейского управления, привлекал к обсуждению членов Нижегородского ярмарочного комитета, представителей мехоторговых фирм.

Рассмотрим основные направления государственной политики в сфере торговли пушниной с коренным населением Северо-Восточной Сибири, а также результаты совместной деятельно-

сти государственных органов и представителей крупных торговых фирм в сфере регулирования общественных отношений в данной сфере экономической деятельности России.

В 1831 г., 19 октября, состоялось очередной заседание членов Комитета, которое определило основные направления данной политики.

В Сибири относительно торговли с инородцами существовали до 1819 г. две системы. Одну из них можно назвать запретительной, другую – свободной.

Запретительную систему вводили и при удобных случаях старались укоренить разные чиновники Полицейского управления [1, л. 8].

Систему свободной торговли всегда просили ввести купцы и сами «инородцы».

Полиция представляла правительству доклады, в которых описывала, как купцы обманывали промысловиков из местного сибирского населения, которое не могло себя защитить от произвола и притеснений частных людей. Из данных докладов следовал вывод о том, что при свободе торговли нельзя было усмотреть, «соблюдались ли определенные в законах запрещения о ввозе к "инородцам" спиртных напитков, точность уплаты ими ясака в казну зверями окладными и лучшей доброты» [1, л. 8-9]. Основные опасения правительства при введении свободной торговли с коренным населением Северо-Восточной Сибири заключались в том, что такая торговля могла стать невыгодной государству, поскольку хлеб из казенных магазинов промысловикам отпускался, как правило, в долг, а взыскание долгов при неулове пушного зверя происходило очень сложно [1, л. 9].

Представители частного капитала в пушной торговле высказывались против доводов полиции и отмечали, что уже появилась конкуренция в сбыте товаров местному населению при увеличении числа торговцев, и что промысловики могли выбирать наиболее выгодные для них способы расчета за приобретенный товар. Введение запретительной политики в торговле с коренным населением Северо-Восточной Сибири предусматривало выдачу купцам казенных билетов от Полицейского управления на проезд и торговлю в кочевьях, что ставило торговлю под контроль полиции и исключало развитие товарно-денежных отношений при свободной конкуренции в данной сфере экономической дея-

тельности [1, л. 9]. Данную позицию поддерживали представители коренного населения Северо-Восточной Сибири, указывая на несправедливость донесений Полицейского управления относительно уплаты ясака и завышения цен при сбыте им товаров потребления.

В 1822 г. при ревизии следственных сибирских дел правительство увидело, насколько велики были злоупотребления местных начальников. Оно удостоверилось в том, насколько основательны были жалобы на запрещение торговли с коренным населением Сибири. Таким образом, было принято решение в организации торговли руководствоваться «Уставом об управлении инородцами» 1822 г., а власть Полицейского управления ограничить функцией надзора. К «инородцам» разрешалось ввозить все продукты питания и другие товары широкого потребления кроме спиртных напитков. Ясак было решено взимать определенным зверем или деньгами в соответствии с текущими ценами на пушнину, которые устанавливал для этих целей генерал-губернатор. Контроль за соблюдением выполнения данного решения Сибирского комитета поручили Главному управлению Восточной Сибири [1, л. 10].

Таким образом, анализ фондов Сибирского комитета позволил сделать выводы, что Сибирский комитет в 1831 г. на своем совещании определяет в сфере торговли с коренными народами Сибири основным направлением разрешительную торговую политику, что соответствовало интересам крупных меховщиков. Торговля с коренным населением Северо-Восточной Сибири носила меновый характер; товары повседневного потребления, продукты питания сбывались промысловикам в обмен на пушнину, что являлось причиной интенсивного развития пушной торговли. До начала XX в. разрешительная система в торговле с коренным населением Северо-Восточной Сибири сохранялась. Государственная политика в сфере торговли пушниной меняется в период Первой мировой войны.

С началом военных действий правительство России издало ряд нормативных актов, препятствовавших экспорту российской пушнины. Под давлением крупнейших предпринимателей в сфере торговли пушниной российское правительство в 1916 г. издало нормативный акт в виде списка, содержавшего наименования мехов, разрешенных к вывозу в нейтральные страны. Од-

нако огромное количество вопросов в сфере организации пушной торговли, подлежавших законодательному регулированию, правительством разрешено не было. С целью привлечения внимания правительства к проблемам развития пушной торговли в 1916 г. в Нижнем Новгороде было созвано совещание при ярмарочном комитете, в котором приняли участие представители Государственной Думы, Министерства финансов, представители Министерства торговли и промышленности, члены ярмарочного комитета, представители Русско-Американской торговой палаты, Московского общества меховой промышленности и торговли и около 80 представителей сибирских мехоторговых фирм [2, л. 77].

На обсуждение совещания были поставлены следующие проблемы: экспорт мехового товара, организация в России меховых аукционов.

Анализ материалов фонда Министерства торговли и промышленности позволил сделать вывод, что по вопросу экспорта мехового товара представители данного министерства дали подробные разъяснения участникам совещания. Представитель Министерства торговли и промышленности указал, что согласно действовавшим правилам по экспорту различных сортов мехового товара, существовало различие порядка экспорта мехов в союзные и нейтральные страны. Экспортировать в нейтральные страны в период военных действий можно было лишь дорогие меха. Для экспорта всех остальных сортов пушнины требовалась подача прошений, которые рассматривались по существу Межведомственным совещанием при Департаменте таможенных сборов. В союзные страны допускался экспорт всех сортов пушнины. Vчастники Совещания отметили, что данный порядок экспорта российской пушнины существенно препятствовал развитию российской меховой торговли, поскольку иностранные меховщики могли свободно закупать в России пушнину и переправлять ее за границу (в большей степени в Америку), что приводило к потере зарубежных рынков сбыта пушнины российскими мехоторговцами.

Далее представители меховой торговли выразили пожелание о том, что бы были предприняты шаги к организации обмена почтовыми посылками между Россией и Америкой, так как в виду отсутствия соответствующей почтовой конвенции между названными государствами, российская пушная торговля была лишена возможности пользования такими посылками. Отправление

мехов в почтовых посылках являлось в рассматриваемый период эффективным способом ведения торговых операций и повышало скорость оборота капитала пушных фирм [2, л. 77]. С целью ускорения оборота капитала через организацию пушной торговли посредством посылок было организовано почтовое сообщение отдаленных районов северо-восточной Сибири и крупных торговых центров России. Пушной товар не задерживался на местных ярмарках в Якутске, Олекминске, Вилюйске, а сразу отправлялся в Иркутск, Нижний Новгород, Москву. Таким образом, в начале XX в. местные ярмарки сохранили функцию регистратора партий пушного товара, утратив роль торговых центров.

Участники совещания обсудили устройство в России меховых аукционов, имевших цель сосредоточить в определенных пунктах империи всю отечественную меховую торговлю для освобождения ее от иностранного, главным образом немецкого, влияния. Совещание поручило разработку Устава акционерного общества для устройства меховых аукционов Московскому обществу меховой промышленности и торговли [2, л. 79].

Кроме того, на совещании затрагивались вопросы о продлении запретительного срока охоты на соболя. Представители мехоторговых фирм высказались за его отмену для промысловиков из коренного населения, для которых пушная охота была единственным источником существования. По итогам совещания Сибирский комитет принял решении о продлении срока запрета на соболиную охоту, не смотря на ходатайства предпринимателей, но одновременно с этим, постановил начать подготовку к устройству заповедников. Предполагалось, что на территории заповедников охота на соболя была полностью запрещена, а на остальных территориях планировалось после устройства заповедников разрешить добычу соболя для промысловиков из коренного населения Сибири.

Итак, крупные меховщики принимали активное участие в постановке и разрешении вопросов развития российской пушной торговли и формировании государственной политики в данной сфере. Предприниматели стремились найти оптимальные способы и пути ведения своих торговых операций, обращаясь непосредственно к российскому правительству, с целью повышения эффективности ведения пушного промысла, ускорения оборота капитала, расширения рынков сбыта продукции.

Следует отметить, что совместные совещания представителей торговых фирм и государственных деятелей по развитию и организации пушной торговли имели ряд положительных моментов. На совещаниях решались важные вопросы регулирования пушной торговли, устранялись противоречия, возникавшие в среде предпринимателей в отношении толкования нормативноправовых актов, регулировавших внутреннюю и внешнюю пушную торговлю.

Литература 1. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. д. 287. 2. РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 176.

К. С. МИЩЕНКО

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сибирь за время своего существования и развития исконно являлась островком «другой» жизни, в отличие от центральной части Российского государства. Ее географическое положение, отдаленность от центральных городов, наличие богатых пушных ресурсов, тесная консолидация и партнерство с другими государствами, такими как, например, Китай коренным образом повлияли на неповторимое историческое, культурное, социальное развитие региона. Многие социальные и культурные процессы здесь протекали ярко.

Сибирский регион имеет богатую культуру, традиции, которые с течением времени наложили отпечаток на различные сферы социальной, культурной и иной деятельности сибиряков.

Обратившись к историческому развитию Сибири, можно найти множество факторов, обуславливающих ее неповторимый путь становления и существования. К таким факторам, в первую очередь, относятся благотворительность и меценатство, которые благодаря купеческой деятельности приобрели в дореволюционную эпоху особый размах. Благодаря частным, достаточно щедрым, пожертвованиям в Сибири строились учебные, медицинские заведения, храмы, театры, библиотеки.

Благотворительностью и меценатством занимались тогда как отдельные лица, так и общественные организации, сыгравшие 102

немалую роль в культурном и социальном развитии Восточной Сибири того времени. Они существуют и сегодня, лишь поменяв свое название, – теперь они называются социально ориентированными некоммерческими организациями (далее – СО НКО).

Впервые общественные организации появились в Сибири в 1882-1884 гг., к примеру, Общество попечения о начальном образовании было учреждено в Томске в 1882 г. В 1884 г. аналогичное общество было открыто в Омске и Красноярске, в 1885 г. - в Барнауле и Канске, затем в Енисейске, Тюмени, Семипалатинске, Минусинске, Иркутске, Нерчинске, Бийске и других городах [1, с. 921. Деятельность общественных организаций охватывала многие сферы жизни общества и достаточно быстро распространялись по региону. Так, на протяжении первого десятилетия XX в. число общественных организаций заметно выросло. Только в Томске их количество возросло в 5 раз: если в 1887 г. действовало 8 организаций, то в 1909 г. - уже 44. В 1912 г. в Томске, по данным Г. Н. Потанина, действовало не менее 80 общественных организаций. Из них обществ, деятельность которых в той или иной степени носила культурно-просветительный характер, - 41 [2, с. 92-93]. Необходимо отметить состав данных организаций, в которые могли входить «лица обоего пола всех знаний и состояний без различия вероисповедания». Коллективными членами обществ могли быть органы государственной власти, местного самоуправления, а также юридические лица. Так, в 1901-1903 гг. в состав омского Общества попечения о начальном образовании на правах почетных коллективных членов входили городская дума, ряд коммерческих организаций и др. Председателями и попечителями культурно-просветительных и благотворительных организаций зачастую состояли представители местной административной власти. Так, в конце XIX в. томский губернатор Шмидт являлся попечителем омского Общества правильной охоты, акмолинский губернатор В. С. Лосевский занимал должность председателя Общества спасения на водах [3, с. 10].

Необходимо подчеркнуть, что элемент сотрудничества с государственной властью и органами местного самоуправления был не только вынужденной, но и во многом сознательной стратегией членов общества, считавших необходимым условием реализации просветительных мероприятий объединение усилий интеллигенции и представителей всех уровней власти. Достаточно часто со стороны государственных учреждений и городских

дум культурно-просветительные общества пользовались административной и финансовой поддержкой, размер которой зависел от степени заинтересованности соответствующих инстанций в реализации того или иного направления просветительной деятельности.

Численность членов в различных обществах варьировалась от четырех до семи и более человек. И, как правило, каждый член общества курировал ту или иную сферу деятельности; управление финансами поручалось казначею, а ведение делопроизводства – общественному секретарю.

Стоит отметить, что основной целью создания данных общественных организаций являлось сохранение и улучшение социальной составляющей жизни людей. Так, например, устав омского Общества самообразования и физического развития гласил, что «общество имеет целью: во-первых, усвоение и распространение знания во всех его областях; во-вторых, предоставление своим членам и посетителям разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, способствующих умственному, нравственному и физическому их развитию» [4, с. 3].

Как уже говорилось ранее, современные СО НКО также играют немаловажную роль в развитии общества, осуществляя свою деятельность в различных сферах.

Остановим свое внимание на успешной деятельности СО НКО в сфере культуры и искусства в Иркутской области.

Для начала в общих чертах охарактеризуем имеющуюся сеть учреждений культуры и искусства Иркутской области. По состоянию на 2012 г. в области имелось 788 муниципальных учреждений культурно-досугового типа, 39 музеев (государственных и муниципальных), 413 библиотек, 116 образовательных учреждений, 48 учреждений кино, 12 театрально-концертных учреждений. Согласно действующим социальным нормативам, утвержденным постановлением Правительством Российской Федерации, только количество театров в Иркутской области соответствует нормативам. Всех остальных учреждений недостаточно. Во всех учреждениях работают 14 667 работников, в том числе 2615 человек в областных учреждениях [5].

Кроме областных и муниципальных учреждений культуры в области традиционно представлены многие профессиональные творческие союзы. В 10 отделениях творческих союзов России объединено 1376 деятелей искусств (табл.).

Таблица Профессиональные творческие союзы Иркутской области

Nº	Название союза	Кол-во членов
1	Иркутское областное отделение общественной организации «Союз театральных деятелей России (Всероссийское театральное общество)» (председатель Шагин В. К.)	162
2	Иркутское региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (председатель Сысоева Н. С.)	151
3	Иркутская областная общественная организация писателей «Иркутское отделение "Союза российских писателей"» (председатель Михеева С. А.)	28
4	Иркутская областная организация общественной организации «Союз журналистов России» (председатель Гимельштейн А. В.)	680
5	Восточно-Сибирское региональное отделение общественной организации «Союз кинематографистов России» (председатель Бельская О. Г.)	33
6	Иркутское отделение общероссийской общественной организации «Союз фотохудожников России» «Иркутское фотографическое общество» (председатель Сирохин И. Н.)	52
7	Иркутское региональное отделение Союза писателей России (председатель Забелло В. К.)	65
8	Иркутская региональная организация общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России» (председатель Козак И. В.)	132
9	Иркутское областное отделение общероссийской общественной организации «Союз концертных деятелей Российской Федерации» (председатель Иванов Д. Б.)	34
10	Иркутское региональное отделение общественной организации «Союз дизайнеров России» (председатель Шолохов А. В.)	67

В Иркутской области работают: 3 народных художника России, 7 заслуженных художников Российской Федерации, 2 члена-корреспондента Академии художеств России, 1 действительный член Российской академии художеств, 2 члена-корреспондента Российской академии архитектуры и строительных наук, 39 заслуженных работников культуры Российской Федерации, 3 лауреата Государственной премии Российской Федерации, 3 заслу-

женных деятеля искусств Российской Федерации, 38 заслуженных артистов России, 7 народных артистов России [6].

Из представленной таблицы можно сделать вывод о том, что количество творческих союзов в Иркутской области достаточно велико.

Деятельность данных союзов также охватывает наиболее важные сферы культуры и искусства в нашем регионе, формируя их облик.

По данным Министерства юстиции Российской Федерации, за прошедшее десятилетие количество НКО, зарегистрированных в Иркутской области, составило около 3500 организаций. Из них около 1700 заняты различными вопросами развития гражданского общества [7].

В Иркутской области существуют программы – проектные направления для стимулирования общественной деятельности СО НКО, при поддержке Министерства культуры и архивов Иркутской области и Правительства Иркутской области.

Первое направление реализуется четыре года (с 2009 г.) по линии Министерства культуры и архивов Иркутской области через предоставление субсидий из областного бюджета в целях возмещения затрат или недополученных доходов в связи с выполнением работ, оказанием услуг по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей [8]. Право на получение субсидий имеют зарегистрированные и осуществляющие деятельность на территории Иркутской области юридические лица (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), индивидуальные предприниматели, физические лица – производители работ и (или) услуг в сфере культурной деятельности.

Условием предоставления субсидий является «положительная кредитная история», т. е. отсутствие просроченной задолженности по уплате налогов и сборов, а также отсутствие фактов нецелевого использования ранее предоставленных субсидий. Кроме того, юридические лица не должны быть в процессе реорганизации, ликвидации; в отношении их и индивидуальных предпринимателей не должна быть возбуждена процедура банкротства.

Второе направление реализуется через долгосрочную целевую программу «Государственная региональная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Иркутской области» на 2011-2012 гг. Администратором программы

выступает аппарат губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области [9]. В программе участвуют только НКО, в том числе профессиональные творческие союзы. Ее целью является развитие и укрепление гражданского общества в Иркутской области. Условия участия в программе во многом схожи с конкурсом социокультурных проектов. Отличия состоят в суммах (до 500 тыс. руб.) и в системе конкурсного отбора.

К двум обозначенным направлениям добавляется еще одно - участие НКО в международных, всероссийских, региональных конференциях, форумах, съездах, фестивалях, выставках и других мероприятиях [10]. Общий объем этой субсидии составляет 500 тыс. руб. Практика реализации субсидии – два года.

Современные некоммерческие организации наследуют традицию благотворительности, заложенную еще в дореволюционном сибирском обществе. Являясь членами некоммерческих организаций, творческие, инициативные люди реализуют свои идеи на благо общества и государства.

Основываясь на этом позитивном историческом опыте, современные НКО вносят свой вклад в стабильное будущее региона.

Литература

- 1. Андрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 92.
- 2. Потанин Н. Г. Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск, 1912. С. 92–93.
 - 3. Отчет омского Общества правильной охоты за 1908 г. Омск, 1909. С. 10.
- $4.\ {\rm Устав}$ омского Общества самообразования и физического развития. Омск, 1913. С. 3.
- 5. Паспорт культурной жизни Иркутской области : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://culture.irkobl.ru (дата обращения: 21.03.2013).
- 5. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://givc.ru (дата доступа: 20.03.2013)
- 6. Официальный сайт управления Минюста России по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://to38.minjust.ru (дата обращения: 22.03.2013)
- 7. Постановление от 7 сентября 2009 г. № 244/23-пп «Об утверждении положения о предоставлении субсидий из областного бюджета в целях возмещения затрат или недополученных доходов в связи с выполнением работ, оказанием услуг по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей» в редакции постановления Правительства Иркутской области от 19.07.2010 № 176-пп [Электронный ресурс]. URL: http://culture.irkobl.ru (дата обращения: 20.03.2013)
- 8. Постановление Правительства Иркутской области от 19.10.2011 № 324-пп о долгосрочной целевой программе «Государственная региональная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Иркутской области» на 2011–2012 годы в редакции постановления Правительства Иркутской области

от 25.05.2012. № 250-пп [Электронный ресурс]. URL: http://irkobl.ru (дата обращения: 20.03.2013)

9. Постановление Правительства Иркутской области от 04.07.2012 № 370-пп о порядке определения объема определения субсидий за счет средств областного бюджета социально ориентированным некоммерческим организациям в целях осуществления деятельности в сфере культуры и искусства [Электронный ресурс]. URL: http://irkobl.ru (дата обращения: 22.03.2013)

ПАНИН С. Б.

БАСМАЧЕСТВО: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И СВЯЗИ С АФГАНИСТАНОМ (20–30-Е ГГ. XX В.)

Главной доминантой развития советской Средней Азии после Октября 1917 г. стало массовое сопротивление коренных жителей Туркестана, Бухары и Хивы процессам ломки сложившихся общественных укладов, традиций и нравственных норм, всему тому, что насильственно переносилось из революционной России в Туркестан и что в ответ оформилось таким явлением, как басмачество.

Басмачество зародилось в конце 60-х гг. XIX в., в период завоевания Средней Азии, затем проявилось в годы Первой мировой войны в виде народных восстаний, но по-настоящему расцвело в 20–30-е гг. XX в., когда даже термин «басмач», производный от тюркского глагола «басмак» («давить, атаковать, нападать»), потерял свое прежне обидное в общественном сознании значение и поднялся до «моджахеда», участника священной войны за возвращение к устоявшимся исламским ценностям и нормам жизни.

Конечно, подъем басмачества в этот период был связан в первую очередь с резким ухудшением экономической ситуации в Туркестане, когда в условиях гражданской войны произошел резкий разрыв экономических связей с Россией, поставивший Туркестан на грань хозяйственной катастрофы. Но эти трудности были усилены мероприятиями советских туркестанских властей, первоначально в основном состоявших из присланных из центральных российских регионов людей, которые своими действиями нередко демонстрировали перед мусульманами откровенно колонизаторские подходы. Достаточно упомянуть о решении Совета народных комиссаров Туркестанской республики от 28 февра-

ля 1918 г., принявшем декрет о массовой конфискации и отправке в Россию главного продукта обмена дехкан – хлопка. Вследствие этих мер смертность местного населения от голода, по данным члена Туркестанской комиссии ВЦИК Г. И. Сафарова, возможно, несколько преувеличенным в виду большого разброса, достигла 25–50 % от общего числа жителей [1].

Хочется подчеркнуть, что сложившиеся еще в советской историографии представления о сущности и хронологических рамках басмачества как проявлении якобы гражданской войны на территории Средней Азии не соответствуют хотя бы периодизации Гражданской войны в самой России - 1918-1922 гг., ибо охватывают период до начала 30-х гг., а следовательно, приводят исследователя к выводам о том, что либо так называемая гражданская война в Средней Азии определялась более глубокими причинами и проявлениями, либо, по своей сути, носила иной, чем в самой России, характер. Именно последнюю характеристику мы здесь подчеркиваем. Тем более что, когда все основные внешние фронты, угрожавшие советской власти, были к концу 1920 г. ликвидированы Красной Армией и единая система власти распространилась по территории всей тогдашней страны, внутренний фронт борьбы с басмачеством в Туркестане оставался активным вплоть до середины 1933 г. Поэтому, на наш взгляд, определять борьбу с басмачеством как продолжение гражданской войны на территории Средней Азии в 20-х - начале 30-х гг. XX в. можно лишь с оговоркой и только в отношении периода, когда басмачество уже потеряло свою идейную силу и истощило свои ряды, что произошло после 1923–1924 гг., в то время как до этого против басмачей выступали регулярные отряды Красной Армии, которые воспринимались местным населением как оккупанты и в рядах которых было неизмеримо меньшее количество коренных жителей Средней Азии, чем в басмаческих отрядах. Это, по крайней мере, говорит о том, что басмачество не было вызвано факторами, по которым обычно происходят гражданские войны.

Как это нередко бывает в истории, несмотря на ведущие экономические факторы, импульсом для развития басмачества стали политические события. Такие импульсы обозначились в феврале 1918 г., когда Коканд и Фергана стали очагами массового народного сопротивления после ликвидации частями Красной Армии Кокандской автономии, заявившей о себе как о попытке создания

«исламского государства» на территории Туркестана. Вслед за этим революционные события февраля 1920 г. в Хиве, а в сентябре того же года в Бухаре, подготовленные и осуществленные большевиками и приведшие к свержению бухарского эмира и его бегству из столицы, превратили эти территории в очаги сопротивления населения, прежде всего, против всех русских, которые местными баями подавались в качестве главных противников национального самоопределения коренных народностей Туркестана [2]. Правда, для этого были провоцирующие факторы. Так, во время взятия Бухары (сентябрь 1920 г.) многие красноармейцы, по данным архивных источников, вели себя как «сброд»: ходили по городу, грабили, насиловали женщин, убивали. Мусульманские мечети города были осквернены - в эти дни там были размещены казармы и стоянки для лошадей. Документы свидетельствуют о том, что даже красноармейские командиры были удивлены поведению солдат, и первое время ничего с этим не могли поделать [3].

В результате этих событий басмаческое движение поднялось из полу-, а зачастую и полностью криминального, но в наивысший период своего развития возвысилось до национальнопатриотического и освободительного, потеряв затем вновь эти черты. Однако даже в период расцвета, будучи неоднородным по своей природе явлением, испытывавшим серьезные внутренние противоречия между заявленными высокими идейнополитическими целями и теми средствами, которыми они достигались, басмачество было подвержено внутренней и внешней трансформации. Внутренняя трансформация в итоге привела к клановой борьбе за лидерство в движении; к потере ценностных ориентиров из-за длительного сопротивления; к пораженческим настроениям, особенно после того, как большевикам удалось оторвать основную массу коренного населения от участия в движении; к усталости и уменьшению численности борцов, в том числе и ввиду их физического истребления красноармейскими частями. В итоге басмаческие отряды вновь превращались в группы разбойников и грабителей, от которых страдало местное население.

Внешняя трансформация во многом была определена тем, что основные центры сопротивления находились на чужой территории, в основном в северных провинциях Афганистана, что в

итоге подорвало национально-освободительный характер движения. Более того, с середины 20-х гг. многие видные басмачи числились на афганской службе, получали жалование от афганских властей и ее контрразведки[4], а с конца 1935 г. сотрудничали на афганской территории с другим разведками, например с японской [5], турецкой [6].

В 1920-1921 гг. вся Восточная Бухара была охвачена восстаниями против новой власти, к которым примкнули появившиеся из Ферганы басмачи, возглавив эти восстания и придав им новую идеологию. Вопреки существовавшим в советской исторической литературе представлениям о взаимной непримиримости советской власти и басмачества, в действительности стороны неоднократно заключали между собой соглашения, правда, на деле оказывавшиеся непрочными и временными. Такие соглашения имелись у Советов в 1920 г. с лидерами ферганских басмачей Иргашем, Мадамин-беком; попытка заключения мира была сделана с Курширматом, который, однако, скоро нарушил предварительную договоренность и бежал в Афганистан [7].

Кроме Восточной Бухары, или, говоря современным языком, таджикского участка, не менее сложным был туркменский участок тогдашнего Туркестана (или, по старому, Закаспийская область), который так же являлся тогда, как и весь Туркестан, кроме Бухары и Хивы, частью РСФСР, граничил с Афганистаном и Персией и своими бескрайними песками, огромными неохраняемыми пространствами был особенно удобен для басмаческой оппозиции советской власти. При этом здесь афганские пограничные власти активно содействовали туркменской эмиграции в Афганистан, а главный ее штаб с 1920 г. находился на афганской территории, в Андхое [8]. Наиболее ярким лидером басмаческого движения на этом участке долгое время был Джунаид Курбан Мамед (Джунаид-хан) из Хивы.

Красноармейцы «охотились» за Джунаид-ханом. Однако экспедиция в пески летом 1924 г. не дала результатов: Джунаид ушел в Афганистан, а красноармейский отряд, уставший и почти распавшийся, вернулся обратно в Хиву [9]. Однако весной 1925 г. Джунаид-хан официально примирился с советской властью и вплоть до середины лета 1927 г. жил спокойно. Но осенью того же года, после встречи с басмаческим лидером Шалтай Батыром, он вновь начал втягиваться в активные действия против советской

власти [10]. Только военная операция по уничтожению данной группы, проведенная в ночь на 1 июня 1928 г. с использованием самолетов и ипритных бомб, хотя и не уничтожила самого Джунаида, тем не менее, подорвала активность этой группировки на советской территории. Сам Джунаид-хан с отрядом после этого ушел в Персию (Иран) [11].

Но апогеем басмачества был период, когда движение в Восточной Бухаре возглавил бывший военный министр Турции, один из знаменитой правящей в Турции в годы Первой мировой войны тройки, человек, наделенный от природы лидерскими качествами, - Исмаил Энвер-паша (1881–1922). Он приехал в Туркестан с разрешения советского руководства, которое, видимо, надеялось использовать Энвер-пашу для налаживания контактов с лидерами басмачей, но недооценило его, а он оказался в стане басмачей. Хотя лидеры басмачества сначала отнеслись к Энверпаше с большим недоверием, но все изменило решение бухарского эмира Сеид Алим-хана поставить его во главе всех басмаческих отрядов Восточной Бухары. Правда, это вызвало недовольство другого басмаческого лидера - Ибрагим-бека [12]. За короткий период численность армии Энвера увеличилась в два раза: в конце 1921 г. - около 10 тыс. человек [13], в начале 1922 г. она достигала 20 тыс. человек [14].

Участие Энвера придало басмаческому движению иной, международный, панисламистский характер. Именно при Энвере на грани вступления в войну на стороне басмачей балансировал Афганистан, что могло резко изменить всю военно-политическую ситуацию в Туркестане, даже с военной точки зрения. Данные говорят, что у Красной Армии на такой случай должен был вводиться в действие специальный мобилизационный план: количество бойцов должно было увеличиться с 22,5 тыс. до 40,5 тыс. человек, а орудий - с 76 до 90 штук, однако в действительности руководство Туркфронта могло увеличить штаты лишь до 25-26 тыс. человек, в то время как афганская армия, по подсчетам специалистов штаба Туркфронта, могла выставить до 48 тыс. штыков. Естественно, в союзе с ней выступили бы и басмаческие формирования, которые добавили бы этой силе около 10 тыс. штыков и сабель при 23 пулеметах [15]. Лишь своевременные военные успехи Красной Армии в борьбе с басмачеством да проведенная Туркфронтом операция по уничтожению Энвер-паши остановили включение Афганистана в назревавшие события.

Но уничтожение в 1922 г. Энвер-паши изменило не только политику, но и тактику советского военного руководства на басмаческом фронте. От прежней политики, которая допускала, в том числе, и гибкие формы, позволявшие искать компромиссы с басмачами, теперь было решено отказаться. Очередной командующий Туркфронтом В. И. Шорин в 1922 г. предписывает войскам: «...сильным, сокрушительным ударом потрясти до основания всю систему басмачества на территориях Бухарской республики и Туркестана, вырвать и истребить все корни басмачества и привести борьбу в ближайшее время к полному и конечному результату» [16]. Было решено нанести удар не только по самим участникам басмаческих организаций, но и по их родственникам, знакомым, конфисковывая имущество, задерживая родственников как заложников [17]. В соответствии с этим приказом «имущество басмачей конфисковывалось полностью, не ожидая военного трибунала...» [18]. Но и в отношении добровольно сдавшихся басмачей теперь политика была иная: всех их ждал суд Военнореволюционного трибунала, решения которого были практически одинаковы [19]. В одном из документов, подписанных командующим Туркфронтом Корком, подчеркивается: «Сдающихся в плен и захваченных в бою басмачей ни в коем случае не оставлять на свободе, а передавать всех без исключения органам особого бюро отдела корпуса для выяснения степени их виновности и сурового в зависимости от вины наказания», а также «всех лиц, укрывающих басмачей или выдающих им удостоверения, считать соучастниками басмачей, арестовывать и передавать в распоряжение командования Туркфронтом» [20]. Все эти документы говорят лишь о том, что на практике решения трибунала приводились в жизнь без суда и следствия по законам военного времени.

Еще один, очень важный сюжет во всей этой истории: когда в 1928–1929 гг. в Афганистане разразилась крупная гражданская война, в результате которой эмир Аманулла-хан даже потерял корону и вынужден был бежать из страны, на его месте в Кабуле ненадолго утвердился новый правитель – лидер оппозиции таджик Бачайе Сакао. Лидеры басмачей, многие из которых к этому времени переместились в Афганистан, активно поддержали нового правителя, который был этническим таджиком. Известно,

что бывший бухарский эмир Сеид Алим-хан не скрывал радости, узнав о захвате власти в Кабуле Бачайе Сакао, называя его в письмах к своим единомышленникам «великим борцом за ислам» [21], способным помочь ему вернуться на родину.

Хотя Бачайе Сакао происходил из низовых таджикских слоев, Советы отказались его поддержать, когда стало известно о его теснейшей связи с лидерами басмачества и бухарским эмиром, живущим в Афганистане, хотя до этого в советском руководстве и особенно военных ведомствах разрабатывалась идея, что Бачайе Сакао мог бы стать прекрасным доказательством возможности крестьянской революции, осуществленной по лекалам Октября в экономически отсталой стране.

В 1929 г. лидер узбекских басмачей Ибрагим-бек, опираясь на поддержку бухарского эмира и нового правителя Афганистана, намеревался вторгнуться в пределы советского Таджикистана. Незадолго до начала операции все курбаши во главе с Ибрагим-беком и бухарским эмиром Сеид Алим-ханом присутствовали на секретном совещании у Бачайе Сакао [22]. Совещание проходило в условиях строгой конспиративности, чтобы заранее не выдать готовившееся вторжение.

Однако в период гражданской войны в Афганистане крупного вторжения басмачей на советскую территорию не произошло, хотя советские пограничники опасались, что именно в этот период оно было наиболее возможно (попытки одного из лидеров басмачества, бывшего каратегинского бека Ф. Максума вторгнуться в июле 1929 г. в Таджикистан не были успешными). Причины такой ситуации вскоре стали понятны: таджикскоузбекские басмаческие формирования втянулись в борьбу за кабульский трон, который, как им представлялось, мог сделать реальной и перспективу возвращения их к власти в Бухаре, территория которой к этому времени уже была разделена Советами между новыми среднеазиатскими республиками СССР. Кроме того, советское правительство сделало осмысленный тактический ход: чтобы предупредить возможную поддержку таджикским населением отрядов Ибрагим-бека, готового выступить под национальными лозунгами, было решено придать Таджикской АССР статус союзной республики.

Так как лидеры басмачей активно поддержали Бачайе Сакао, они понимали, что приход к власти в Кабуле пуштуна М. Надир-

хана отразится на их положении в стране. Открытые столкновения басмаческих отрядов с афганцами вызвали серьезное напряжение и отвлекли их от массированного вторжения на советскую территорию.

Лишь после прихода к власти в Кабуле М. Надир-хана (октябрь 1929 г.) афганское правительство приняло серьезные меры против басмачей. Вытеснение басмачей из северных районов Афганистана, репрессии против их вождей были предприняты Кабулом при новой администрации только потому, что основные басмаческие группы приняли активное участие в гражданской войне в Афганистане на стороне таджика Бачайе Сакао и имели план, при худшем развитии событий, отделения северных территорий Афганистана (в основном населенных афганскими узбеками и таджиками) и создания собственного государственного образования.

Гражданская война в Афганистане (1928–1929 гг.) показала, что сепаратистские тенденции в стране, усиленные находящимися на севере страны военизированными группами басмачей в основном из таджиков, узбеков и представителей других среднеазиатских национальностей, теперь реально угрожают не только советской власти в среднеазиатских республиках СССР, но и целостности Афганистана. Кабул был вынужден принять решительные меры для предотвращения этой опасности. На север Афганистана, добиваясь разоружения басмачей, были отправлены отряды, сформированные из пуштунов. В результате мер кабульских властей, заставивших многих басмачей покинуть афганскую территорию, разоружиться или законсервировать свою деятельность, и активных контрмер на советской территории (например, взятие в плен Ибрагим-бека) произошло заметное успокоение и на советско-афганской границе.

Примечания

- 1. Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921. С. 81.
- 2. См. подробнее: Мустафа Чокай-оглы. Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата.) Алма-Ата: Айкап, 1993; Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. Weidenfeld and Nicolson. L., 1964. P. 104–105.
- 3. См. например: Приказ по правой колонне группы бухарских войск. 2 сентября 1920 г. // РГВА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 121. Л. 4, 7 ; Приказ командующего войскам резерва Самаркандско-бухарской группы. 11 сентября 1920 г. // РГВА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 121. Л. 23.

- 4. Циркулярное донесение зам. начальника разведотдела САВО майора Абдуллаева Наркомам внутренних дел Среднеазиатских республик СССР. 11 апреля 1939 г. Совершенно секретно // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 944. Л. 164.
 - 5. Там же. Л. 165.
- 6. Донесения резидента «Об аресте Нур Мамед Бека» от 26. 1. 1939 г. Совершенно секретно // РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 944. Л. 166–167.
- 7. Краткий очерк возникновения басмачества // РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2519. Л. 11 об. -13; Копия доклада Веревкина Реввоенсовету Туркфронта // РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 535. Л. 3-3 об.
- 8. Докладная записка И. Я. Врачева Военному Совету Республики от 22 февраля 1922 г. // РЦХИДНИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 268. Л. 80.
- 9. Секретное письмо зампредседателя Средазбюро ЦК ВКП(б) О. Я. Карклина И. В. Сталину и председателю Средазбюро Я. Э. Рудзутаку. Ташкент, 8 июля 1924 г. // РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 88. Л. 49.
- 10. Доклад ОГПУ о состоянии бандитизма и борьбы с ним в Туркменистане. Апрель 1928 г. Совершенно секретно // РЦХИДНИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1347. Л. 63.
- 11. Копия донесения ОГПУ Туркменской ССР Лопухову (без даты). Там же. Л. 102; "Показания свидетеля бомбежки" (без даты) // Там же. Л. 104.
- 12. Бабаходжаев А. Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства дефакто и де-юре (1921–1924 гг.). Ташкент, 1957. С. 96; Ганковский Ю. Персонажи с "той стороны". Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 60.
- 13. Чугунов А. И. Борьба на границе, 1917–1928: (Из истории пограничных войск СССР). М.: Мысль, 1980. С. 129.
- 14. Arnold A. Afghanistan. The Soviet Invasion in Perspective. Revised and enlarged Edition. Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, California, 1985. P. 14.
- 15. Доклад начальника штаба Туркфронта командующему войсками Туркестанского фронта. Ташкент, 12 апреля 1923 г. // РГВА. Ф. 110. Оп. 7. Д. 15. Л. 56 об. -57 об.
- 16. Секретная телеграмма командующего Туркестанским фронтом В. И. Шорина командующим войсками Бухгруппы, Самаркандской, Ферганской, Туркестанской и Семиречинской областей. Ташкент, 4 июля 1922 г. // РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 156. Л. 89.
 - 17. Там же.
- 18. Выписка из доклада прокурора при І-ом Отделе военного трибунала Туркфронта. о деятельности прокуратуры за апрель 1923 г. // РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 156. Л. 58.
- 19. Копия постановления РВС Туркестанским фронтом, подписанная Корком, от 9 апреля 1923 г. // РГВА. Ф. 110. оп. 1. Д. 156. Л. 88.
- 20. Копия распоряжения командующего Туркфронтом Корка. 1923 г. // РГВА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 156. Л. 88.
 - 21. Валишев А. Чекистские были. Душанбе: Ирфон, 1988. С. 275, 277.
 - 22. Там же. С. 277-278.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В 1920-е гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Согласно модернизационной теории общества в своем развитии проходят как минимум три стадии эволюции – аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную. Переход от аграрной стадии к индустриальной, именуемый обычно модернизацией, начался в России после отмены крепостного права и имел по сравнению с западноевропейскими государствами догоняющий характер, определившийся еще в аграрную эпоху, когда в стране затянулся период ее земледельческого освоения вследствие перманентного расширения границ и гигантской географической протяженности государства [7].

Модернизационные процессы в каждом регионе России имели свои особенности, хотя в основном определялись общероссийскими факторами. Сибирь, как и Россия в целом, переживала период перехода от аграрного общества к индустриальному. Однако и на рубеже XIX-XX вв. Сибирь оставалась аграрной колонизуемой окраиной, на 90 % крестьянской, в которой темпы аграрной колонизации далеко опережали темпы промышленного освоения, т. е. в Сибири модернизация имела еще более догоняющий характер.

Модернизационные преобразования в Бурятии, территория которой до революции не была выделена в самостоятельную административную единицу, а входила в состав Забайкальской области (Западное Забайкалье) и Иркутской губернии (Предбайкалье), были инициированы царским правительством в конце XIX – начале XX в. Модернизация этого региона имела догоняющий характер даже по отношению к Сибири.

Толчком модернизационных процессов на территории Бурятии послужило проведение Транссибирской железной дороги. Ее сооружение было обусловлено экспансионистской политикой России на Дальнем Востоке и возрастанием в связи с этим стратегического значения Забайкалья, являющегося связующим звеном между Монголией, Северо-Восточным Китаем, Дальним Восто-

_

^{*}Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33.2.2, проект «Экономическая модернизация Западного Забайкалья (1880–1930-е гг.)».

ком и Центральной Россией. Однако строительство магистрали, призванной стать импульсом модернизации, привело лишь к частичной трансформации внутрирегионального экономического пространства, одновременно закрепив процесс развития региональной экономики не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью европейской России. Наиболее рельефно модернизационные процессы с проведением железнодорожной магистрали протекали лишь в отраслях, обслуживающих саму дорогу и ведущееся вокруг нее строительство – угледобывающей, цементной, лесопильной [8, с. 78].

Дальнейшие опыты самодержавного государства по модернизации региональной экономики были прерваны революционными событиями 1917 г. Лишь после завершения Гражданской войны и иностранной интервенции модернизационные процессы были возобновлены в условиях новой экономической политики уже новой - советской - властью на иной идеологической основе, но с прежней целью: превращение Бурятии в экономически развитый регион для повышения политического престижа страны на востоке. И хотя сам термин «модернизация» не встречался в официальных документах советской власти, его смысл содержался во многих неологизмах советской эпохи: «социалистические преобразования», «социалистическое строительство», «социалистическое обобществление» и др. Модернизационные процессы в 1920-е гг. облекались в идеологическую формулу нового общественного строя.

Фактором, подтолкнувшим модернизацию региона, стало совпадение региональных интересов и общегосударственных задач. Руководство страны, инициируя социально-экономическую модернизацию Западного Забайкалья, преследовало несколько целей. Во-первых, цель политическую. Предоставив национальную автономию коренному этносу Западного Забайкалья – бурятам, обеспечив экономическую целостность Бурят-Монгольской республики, правящий режим, субсидируя экономику региона, рассчитывал на политическую лояльность руководства молодой советской республики и его всемерную поддержку в осуществлении социалистических преобразований. Во-вторых, идеологическую. Подъем экономики национальных окраин должен был демонстрировать угнетенным в царской России инородцам пре-

имущества нового - социалистического - строя. В-третьих, военно-стратегическую цель. В связи с высокой вероятностью военных конфликтов в условиях конфронтации с мировыми державами требовалось обеспечить защиту восточных границ. В-четвертых, геополитическую. Республика, являясь «воротами» во Внутреннюю Азию, должна была демонстрировать народам Востока успехи строительства социализма и тем самым не только втягивать их в орбиту советского экономического и политического влияния, но и служить «плацдармом мировой революции на буддийском Востоке». Советская внешнеполитическая доктрина, обусловленная в 1920-е гг. идеей мировой революции, заключалась в экспорте революции в страны Внутренней Азии и дальнейшем присоединении их к будущей «Всемирной республике Советов». Бурят-Монгольской АССР в этой политике отводилась особая роль, поскольку республика должна была выступить ярким примером советского варианта Востока, своеобразной витриной российской политики в отношении восточных этносов и цивилизаций. В-пятых, экономическую. Октябрьская революция произошла в стране, отличавшейся разнообразием национальных регионов, прошедших неодинаковые стадии исторического развития. Осознавая, что экономическое положение национальных окраин будет оказывать существенное влияние на дальнейшее их развитие, новая власть стала стремиться к единообразию и выравниванию различных ступеней развития регионов.

Руководство республики, учитывая неразвитость промышленной основы в регионе, отдаленность от крупных промышленных центров, отсутствие капиталов для освоения богатых природных ресурсов, наличие слабых коммуникативных связей в условиях разреженной дисперсной зоны, стало строить планы социально-экономического развития Бурятии, основанные на «преодолении хронически дефицитного крестьянского состояния» за счет «всемерной индустриализации и урбанизации» [9, с. 58–59]. Реализация концепции выравнивания уровня социально-экономического развития отсталых в дореволюционный период территорий, усиление федеральных программ финансирования (за 1923–1928 гт. капиталовложения в промышленность Бурятии составили 943,7 тыс. руб., из которых 72,6 % было выделено на расширение и переоборудование предприятий и 27,4 % – на капитальный ремонт) способствовали экономической модерни-

зации региона. В 1927/28 г. промышленными предприятиями, число которых увеличилось с 16 до 20, было выпущено валовой продукции на сумму 5975 тыс. руб., что составляло 230 % от уровня 1923–1924 гг. [10, л. 329]. По сравнению с 1913 г. валовая продукция всей промышленности республики увеличилась в 1,5 раза. Общая стоимость имущества промышленных предприятий выросла с 1401 тыс. руб. до 2899,6 тыс. руб., т. е. более чем в 2 раза, а стоимость основных фондов составила 2489,6 тыс. руб. [11, с. 14, 34].

Однако существенной трансформации внутрирегионального экономического пространства, как и до революции, не произошло. В 1929 г. в отраслевой структуре промышленного производства по-прежнему преобладающее место занимали кожевенная отрасль (32,4 % от общей стоимости произведенной продукции), лесообрабатывающая (24 %), пищевая (19,3 %), стекольная (17,9 %), в то время как на долю металлообрабатывающей приходилось лишь 0,8 % [1, с. 86].

Несмотря на слабое развитие градообразующих отраслей экономики, имевшее следствием малое количество городских форм расселения, в 1920-е гг. были возобновлены урбанизационные процессы, прерванные революционными событиями и Гражданской войной. Безусловно, на этом этапе происходило лишь постепенное накопление качественных изменений, создающих предпосылки роста городов, увеличения численности городского населения, «распространения городского образа жизни на сельскую округу». В то же время нельзя не заметить ощутимого роста городского населения, которое за три года увеличилось на 37,8 % – с 33 071 чел. в 1923 г. (7,4 % от общего количества населения) до 45 566 чел. в 1926 г. (9,3 %) [2, с. 345; 4, л. 11].

Показательны модернизационные изменения и в торговой сфере. Для легализованной нэпом свободной торговли в 1920-е гг. было характерно видовое многообразие торговых предприятий: от архаичных (развозно-разносные и периодические – ярмарки и базары) до развитых (стационарные – магазины, лавки, склады), поступательное развитие форм товарообмена – от меновых до биржевых. Рыночный старт, взятый республикой в 1923 г., положительно отразился и на степени плотности стационарной торговой сети: в 1927 г. в республике насчитывалось 1553 торговых предприятия с оборотом в 51 401 тыс. руб. [5, л. 217].

Однако в ходе реализации нэпа среди множества проблем на передний план выдвинулась главная – проблема ограниченного действия рыночного механизма, ставшая камнем преткновения на пути модернизации в рамках нэповской экономической модели. С одной стороны, государство, сделав ставку на частный капитал, с его помощью вызволило экономику из кризиса, с другой – регламентировало его работу в пользу государственно-кооперативного сектора настолько жестко, что дальнейшая частнопредпринимательская деятельность стала невозможной. В 1927/1928 г. в промышленности республики государственный сектор по объему валовой продукции занимал 92,29 %, кооперативный – 7,64 %, частный – 0,07 % [6, л. 2]; в торговле по размеру товарооборота – соответственно 23; 71; 6 % [3, л. 21].

Разрешительно-регулирующие меры государства, характеризующие институциональные условия реализации нэпа, выступали неэффективным инструментом модернизации. Государственный контроль всех составляющих экономического пространства, преференции государственно-кооперативному и ущемление частного секторов - факторы, не только нарушавшие хрупкую систему хозяйственных связей, но и сдерживающие модернизационные процессы. Вместе с тем следует заметить, что в последующие, 1930-е, годы именно государственная собственность позволила обеспечить форсированный вариант модернизации на основе концентрации ресурсов на ключевых «направлениях прорыва». При самой покровительственной политике в отношении частного капитала (слабого в дореволюционной экономической модели, еще более ослабленного в результате социальных потрясений начала XX в.) вряд ли он был способен (при любом политическом режиме) стать основным мотором масштабной модернизации.

Таким образом, модернизация в регионе в 1920-е гг. не охватывала всю совокупность процессов, которые позволили бы говорить о ней как масштабном явлении. Являясь «воротами» во Внутреннюю Азию и обладая огромным экономическим и геополитическим потенциалом, Бурятия в 1920-е гг. не стала экономически самодостаточной республикой. Однако первые модернизационные опыты молодого советского государства дали старт созданию экономической базы для проведения успешной социалистической модернизации 1930-х гг., беспрецедентной по своим темпам, масштабам и результатам.

Литература

- 1. Бурят-Монгольская АССР. Материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/27 1927/28. Изд. ЦИК и СНК БМАССР. 238 с.
- 2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIII: Сибирский край. Бурят-Монгольская АССР. М., 1929. 376 с.
- 3. Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. П. 1243.
 - 4. ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 228.
 - 5. ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 341.
 - 6. ГАРБ. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 666.
- 7. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному [Электронный ресурс] // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII-XX вв. : сб. материалов конф. Новосибирск, 2003. Режим доступа: http://sibistorik.narod.ru/project/modern/020.html. 5. 03. 2013.
- 8. Кальмина Л. В. Модернизация сибирской экономики на рубеже XIX-XX вв.: забайкальский вариант // Вестн. БНЦ СО РАН. 2011. № 2. С. 72 81.
- 9. Козьмин Н. Н. Основы капитального строительства Бурятии / Н. Н. Козьмин. Верхнеудинск, 1926. 144 с.
- 10. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 562.
- 11. Социалистическое строительство Бурятии за десять лет. Верхнеудинск, 1933. 149 с.

ПЛЮЙКО Д. В. ТРОФИМОВ А. В.

КРИЗИС «БЕЛОГО» ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Одной из исследовательских задач по отношению к огромному массиву литературы по истории Гражданской войны на территории Сибири является анализ важной части этого комплекса, посвященной причинам кризиса «белого» движения. Обращение к концептуальным построениям и проблематике исследований о причинах падения «белых» правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны позволяет выделить в отечественной историографии несколько традиций: 1) советскую; 2) эмигрантскую; 3) современную.

В исследованиях советских историков данная проблема рассматривалась в общем ряду других событий и явлений, поскольку не подлежала сомнению прогрессивность революции 1917 г. и советского строя, следовательно, проигрыш «белого» движения носил закономерный исторический характер. Советская историо-

графия, начиная с 1920-х гг. критически переосмысливала все, что случилось с «белым» движением. Оценки, которые были даны первыми советскими историками, прежде всего касались причин победы Красной Армии над всеми антибольшевистскими силами.

Одной из основных причин, вызвавшей кризис «белого» движения, советские историки считали потерю доверия со стороны основной части населения Сибири, которая была представлена рабочими промышленных предприятий. По мнению известного советского историка А. А. Ансона, правительства «демократической контрреволюции», состоявшие из эсеров и меньшевиков всегда шли на поводу у крупных промышленников и в конечном итоге превратились в «резкие реакционные, не прикрывающиеся демократической тогой» [1, с. 564]. Данная политика соглашательства эсеров, как считал А. А. Ансон, находила свое выражение в запрещении создавать профсоюзы и проводить демонстрации. Протесты рабочих против такой политики подавлялись армией и карательными отрядами атаманов. По мнению, М. М. Константинова сущность правительства Колчака проявлялась во «введении денационализации промышленных предприятий, сведению деятельности профсоюзов на нет, мобилизации в войска, реквизиции скота и прочего крестьянского имущества» [4, с. 837]. Эти мероприятия вызывали возмущение и протест у рабочих и крестьян. В свою очередь «попытки протестов вызывали поголовное физическое уничтожение не только участников восстаний, но и всего населения» [4, с. 837].

В советской историографии внимание исследователей концентрировалось на проблемах «белого» террора и причинах, по которым именно на территории, контролируемой «белыми» правительствами, вспыхнуло партизанское движение. Советскими историками проблемы террора рассматривались в контексте более широкой темы – внутренней политики белогвардейских правительств Сибири. Отмечалось, что эта политика была направлена на угнетение рабочих и крестьян и ликвидацию «революционных завоеваний» советской власти, а чтобы они не проводили различных восстаний и забастовок, за ними следили рабочая инспекция, органы милиции, карательные отряды казаков и армия. Поэтому карательные меры, к которым прибегали антибольшевистские правительства в ходе подавления рабочих забас-

товок и крестьянских восстаний, объявлялись основными методами управления обществом.

Иную позицию по поводу причин кризиса и распада «белого» движения в целом и на востоке России в частности занимали историки-эмигранты и видные деятели организованного антибольшевистского движения. Профессиональные историки-эмигранты и руководители «белого» движения были одними из первых, кто начал анализировать все случившееся в 1918–1920-е гг., т. е. в годы наиболее активного вооруженного противостояния, в ходе которых большевикам удалось последовательно победить сначала армию адмирала А. В. Колчака, а затем генерала П. Н. Врангеля.

Личный опыт и знакомство с историческим материалом позволили многим бывшим военным достичь известных результатов в исследовании процессов социального противостояния в Сибири. Пророческими для отечественной историографии Гражданской войны можно считать слова генерала П. П. Петрова, служившего в армии адмирала Колчака, писавшего, что «история не сказала еще подлинно справедливого слова о нашей гражданской войне и, вероятно, оно будет сказано только тогда, когда Россия станет свободной от лап коммунизма и там найдутся историки, способные воспринять и осветить подлинную сущность белого движения, белой борьбы и белой идеи. Наша задача – помочь историку правдивыми свидетельскими показаниями о том, что мы действительно знаем» [6, с. 263].

Одной из значимых проблем, на которую обращали внимание видные представители «белого» движения в Сибири, была оценка террористических действий на подконтрольной им территории. Барон А. П. Будберг и генерал М. Жанен, входившие в ближнее окружение адмирала Колчака, были возмущены террором атаманов; они отмечали, что убитые и подвергнутые порке рабочие и крестьяне наносят престижу «белого» движения не меньший вред, чем правительство большевиков. По мнению А. П. Будберга, со всеми явлениями атамановщины была нужна беспощадная борьба, но правительство Верховного правителя проявляло полную неспособность справиться с этой важной проблемой [2].

В «Дневнике» генерала М. Жанена, командовавшего французским экспедиционным корпусом в Сибири, содержится богатый фактический материал о грабежах и насилиях, применяемых

карательными отрядами атаманов при подавлении восстаний рабочих [3]. Информация мемуаров барона Будберга и генерала Жанена в полной мере находит свое подтверждение в архивных материалах. Так, например, в архивах Омской и Новосибирской областей хранится целый пласт материалов по истории противостояния крестьян и органов власти «белых» правительств.

Главные организаторы и идеологи «белого» движения в Сибири понимали террор в качестве силовых методов, применяемых, как правило, отрядами Анненкова, Красильникова, Каппеля при подавлении антигосударственных выступлений. Г. К. Гинс, П. В. Вологодский, А. П. Будберг, обвиняя в применении методов террора атаманов, частично снимали с себя ответственность за инспирируемые карательные операции. Террор они считали одной из существенных причин, по которой было утрачено доверие населения к властям.

Одним из самых известных историков-эмигрантов, который занимался проблемами террора, был С. П. Мельгунов. В своем фундаментальном труде «Трагедия адмирала Колчака» он попытался оспорить известный тезис советских историков о соучастии Колчака и его правительства во всех карательных операциях по подавлению крестьянских и рабочих выступлений в 1918-1920-е гг. За основу для подобного исследования историк берет деятельность военного соединения генерала Розанова по подавлению крестьянских восстаний в Енисейской губернии в период зимы лета 1919 г. По его мнению, бесспорным является тот факт, что «сибирская власть не обратила должного внимания и недооценила грозной опасности, которая таилась в крестьянских восстаниях» [6, с. 190]. Долгое время все антибольшевистские правительства Сибири не обращали внимания на скрытое недовольство, которое накапливалось в сибирских селах в результате бездумной внутренней политики. В отличие от правительств «демократической контрреволюции», адмирал Колчак начал принимать действенные меры, такие как создание сельских дружин и подвижных воинских соединений. С. П. Мельгунов считал, что все это было малоэффективно, так как «ведение карательных операций малыми силами только ободряет партизанские отряды» - это во-первых, а, во-вторых, «при проявлении силовых мер со стороны карательных отрядов атаманов вызывает конфликт с гражданскими властями» [6, с. 191]. По мнению историка, приоритет военной власти над гражданской (который выявился в ходе подавления крестьянских выступлений) и желание все проблемы решать путем экстраординарных мер являлись характерной чертой не только правительства адмирала Колчака, но и всех «белых» руководителей в целом.

Эмигрантская историография рассматривала террор как неизбежный фактор Гражданской войны. Принципиальное мнение историков-эмигрантов состояло в том, что, прежде всего, крестьянство должно было понять всю пагубность большевистской политики, которая превратила террор в основу управления. А политическая ситуация на территории Сибири говорила именно об этом.

Историки-эмигранты и первые советские историки представляли собой одно поколение исследователей, но с абсолютно разными политическими убеждениями, жизненным и профессиональным опытом. Их объединяло только одно важное обстоятельство – события Гражданской войны они воспринимали очень эмоционально и переживали как никогда не заживающую рану.

Обращение современных историков к творчеству первых исследователей (как эмигрантских, так и советских) позволило более масштабно и разносторонне сформулировать представления о причинах кризиса «белого» движения. В современной историографии Гражданской войны в Сибири работы, в которых рассматривается история антибольшевистских государственных структур, можно разделить на две группы: 1) авторы, считающие, что «белые» правительства показали свою полную экономическую несостоятельность в борьбе с большевиками; 2) исследователи, полагающие, что правительство адмирала Колчака проиграло вооруженное противостояние из-за утраты доверия у населения.

К первой группе исследователей следует отнести О. А. Никонову, С. В. Расторгуева, А. В. Ломкина [5; 8; 10]. По их мнению, основная причина неудачи «белого» движения состоит в том, что управленческий аппарат антибольшевистских правительств Сибири был не в состоянии предложить приемлемой экономической программы для различных социальных групп. Как считает А. В. Ломкин, правительства «демократической» контрреволюции устранились от какого-либо влияния на процессы хозяйственных связей между городом и деревней, тогда как это было самым важным звеном экономической жизни. Сибирскому крестьянству не было сказано о том, какие шаги планируют предпри-

нимать антибольшевистские правительства в аграрной сфере; не было внесено ясности в вопрос о форме собственности на землю.

Вторая группа авторов, представленная такими известными, историками как В. А. Шулдяков, А. Н. Никитин, В. И. Шишкин, считает, что главным и определяющим в судьбе «белых» правительств Сибири был вопрос о применении террора против гражданского населения [7; 11; 12]. Высшие властные структуры «белых» правительств не смогли взять под свой контроль деятельность правоохранительных органов, контрразведки и отдельных отрядов казаков.

В работах современных исследователей существенное внимание уделено вопросу о мере ответственности «белых» правительств и советской власти за распространение террора. Сейчас историки опираются на достижения психологии, социальной истории, культурологии, исторической антропологии. Использование новых методологических подходов позволяет выявлять разнообразные мотивы поведения отдельных людей и больших социальных групп, обратить внимание на роль и влияние жизненных ценностей в особо кризисных ситуациях.

Литература

- 1. Ансон А. А. Временное сибирское правительство // Сиб. сов. энцикл. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 564–565.
 - 2. Будберг А. П. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1997. 246 с.
- 3. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сиб. огни. 1927. № 4. С. 534 535.
- 4. Константинов М. М. Колчаковщина // Сиб. сов. энцикл. Т. 2. Новосибирск, 1929. С. 837–845.
- 5. Ломкин А. В. Экономическая политика Белого движения на юге России и в Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. 20 с.
 - 6. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М., 2004. 432 с.
- 7. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. 336 с.
- 8. Никонова О. А. Социально-экономическая политика правительств «демократической контрреволюции» « и Колчака на Урале (1918–1919) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1994. 25 с.
 - 9. Петров П. П. Роковые годы 1914-1920. Калифорния. 1965. 279 с.
- 10. Расторгуев С. В. Аграрная политика колчаковского правительства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 23 с.
- 11. Шишкин В. И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск, 1997. 495 с.
 - 12. Шулдяков В. А. Гибель сибирского казачьего войска. Кн. 1-2. М., 2004. 432 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТИРОВАНИЯ ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ОТЧЕТОВ ПО УПРАВЛЕНИЮ ВОСТОЧНОЙ СИБИРЬЮ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРАМИ

«Всеподданнейший отчет генерал-губернатора по управлению краем» – это источник, содержащий сведения о народонаселении края, который характеризует уровень развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспортной сети, медицинского обслуживания и образования, анализирует стратификацию сибирского общества, описывает реализацию геостратегических задач управления и многие другие вопросы. Все этапы управления регионом рассматриваются в русле внутренней и внешней политики государства, поэтому изучение документа способствует более глубокому анализу истории Сибири и России во второй половине XIX в.

Генерал-губернаторы принимали непосредственное участие в создании отчетов на всех этапах его написания. Они определяли цель документа и наиболее важные явления в истории края, которые нуждались в особом освещении, контролировали написание отчетов, проводили редакцию текста и, наконец, следили за отправкой документа по назначению. Впоследствии генералгубернаторы следили за выполнением предписаний, сделанных по замечаниям к отчету.

Анализ редакторской работы генерал-губернатора над отчетом важен, так как помогает понять суть документа и оценить важность явлений внутренней и внешней политики для определенного этапа истории края.

Текст отчета излагался от первого или третьего лица. От первого лица составлялись отчеты, которые писались по прибытии генерал-губернатора к месту службы или составленные в год ее окончания. Как, например, отчеты за 1870 и 1871 г. генералгубернаторов М. С. Корсакова и Н. П. Синельникова. Стилистически подобные отчеты напоминают личные письма или путевые заметки. Однако это не умаляет их официального значения, так как генерал-губернатор рассуждает о том, что ему предстоит исполнить как официальному лицу или о том, чего он достиг на посту наместника.

Остальные отчеты писались от третьего лица. В них говорилось, например, так: «Главное начальство Восточной Сибири считало одной из первых своих обязанностей...» [1, с. 40–40 об.] или: «Генерал-губернатор счел необходимым ходатайствовать...» и т. п. Эти отчеты по своему стилю отвечали всем требованиям официального документа и цели доклада.

Если анализ структуры текста помогает определить цель источника, то характеристика языковых средств документа необходима для определения его предназначения.

Язык отчетов официален. Текст полон штампов: «из всего вышеизложенного», «имею счастие всеподданнейше преподнести», «на благоусмотрение Вашего Императорского Величества», «изволили всемилостливейше указать» и т. п. Приведенные примеры свидетельствуют об официальном характере отчетов, указывают на существующую субординацию в обществе и организацию госаппарата.

Подобные языковые средства характеризовали права и обязанности всех ветвей власти, указывая на то, какие решения генерал-губернатор мог принимать самостоятельно, а где обязан был испрашивать дозволения центральных властей.

Ни одно слово в отчете не было случайным. Генералгубернатор, стремясь как можно лучше отразить сущность проблемы или описать свою деятельность, тщательно формулирует мысль и выправляет структуру предложения. Об этом говорят пометки и исправления в тексте черновых вариантов документа.

Так, например, в отчете за 1862 г. М. С. Корсаков, вероятно, желая как можно более понятно объяснить свои намерения, исправляет текст так: «Главное начальство Восточной Сибири, предвидя возможность столь невыгодного действия Нерчинских заводов и озабоченное увеличением доходов (выделенное курсивом зачеркнуто в деле. – Прим. Е. П.) изысканием средств к возможному увеличению в Кабинет Вашего Императорского Величества...» [1, с. 28 об.].

От вычеркнутого текста менялся смысл фразы, т. е. генералгубернатор не надеялся на особое увеличение средств и не мог его гарантировать, поэтому четкое обещание увеличения доходов он заменял на уклончивую по смыслу фразу об изыскании средств к θ озможному (выделено авт. – E. Π .) увеличению доходов.

При устном изложении докладчик находится в более выигрышном положении, он может выделить главную мысль своей речи интонацией или прямым указанием на нее. При письменном же изложении такой возможности нет, поэтому авторам отчета приходилось изыскивать особые средства, чтобы привлечь внимание к основной мысли предложения. Так, часто использовались подчеркивания.

В отчете М. С. Корсакова за 1862 г. видим: «Права, предоставленные русским купцам Пекинским договором 2 ноября 1860 г. и дополнительных к нему правил, обеспечивающих свободу действий их внутри Китая (подчеркнуто в деле. - Прим. Е. П.)...» [1, с. 57]. Это положение являлось основным фактором развития торговли со странами Востока, значимой для всего государства. Поэтому оно подчеркивается в отчете как доказательство прав русских купцов, которыми руководствовались министерство иностранных дел и сибирская администрация в урегулировании приграничных конфликтов.

Акценты, расставленные в тексте автором, указание на основные мысли с помощью тех или иных средств позволяют сделать выводы о важности описанных событий для истории края.

Сделанные в тексте исправления и пометки характеризуют процесс создания документа. Однако анализ структуры текста, его языка и пометок – это только первый этап в процессе оценки информационной ценности источника.

Для более полного представления о материалах отчета необходимо рассмотреть структурные типы изложения информации в разделах документа. Это позволит определить цели генералгубернатора, которые он ставил перед собой при написании отчета, и методологию подборки данных к документу, т. е. охарактеризовать степень объективности источника.

Анализ материалов всеподданнейших отчетов позволил выделить четыре основных условных структурных типа построения текста внутри раздела.

I тип, например, представлен в отчете за 1863 г. в разделе «Преобразования в административной и судебной части края» [2, с. 65 об.-69 об.].

В начале раздела кратко описывается история проблемы: «В последнее время представлены были Главным Начальством Восточной Сибири многочисленные предложения об изменении со-

ставов и способов действия различных частей местной полиции и хозяйственного управления» [2, с. 65 об.]. Затем следуют указания на сложности и препятствия в развитии данной отрасли в текущий период (или описание развития отрасли в текущий период): «Главнейшая причина существующих недостатков в почтовом управлении заключается в крайней незначительности получаемого почтовыми чиновниками жалования» [2, с. 68 об.]. И в конце описываются принятые генерал-губернатором меры по разрешению указанных проблем: «...Сознавая вполне, что такой порядок вещей несовместим с достоинством Правительственного учреждения... Главное Начальство Восточной Сибири, имея в виду вышеизложенные обстоятельства, конечно, не оставило бы войти с представлением об увеличении мест почтовых штатов, но, к сожалению, невозможно отыскать для сего местного источника, при затруднительном положении Государственного Казначейства и при значительных по этому предмету расходов, заставляет его ожидать разрешения возникшего в Главном Управлении почтового вопроса об общем увеличении содержания почтовым чиновникам в Империи» [2, с. 69 об.].

II тип представлен в разделе того же отчета «Почтовые сообщения» [2, с. 53–56].

Вначале дается описание проблемы в развитии данной социально-экономической сферы: «...Водяное сообщение по естественным условиям бассейнов Сибирских, наклонных сверху, не может получить необходимого для страны развития...» [2, с. 53]. Потом указываются предпринятые или предпринимаемые главным начальством края меры по решению этих проблем: «В 1862 г. было представлено в Главное Управление края предложение торгового дома Годфруа и К об устройстве непрерывного чрез всю Восточную Сибирь парового сообщения по Селенго-Ангарской системы...» [2, с. 55–55 об.]. И, наконец, приводятся рассуждения о будущем успешном развитии данной отрасли, которое последует после принятия этих мер: «Главное Начальство края не могло не встретить с сочувствием этого предложения, обеспечивающего при осуществлении своем неисчислимые пользы для Восточной Сибири...» [2, с. 55 об.–56].

III тип построения текста использован генерал-губернатором в отчете за 1864 г. в разделе «Пространство» [3, с. 5–5 об.].

Он начинается с описания сложившейся ситуации с привлечением учетных данных и краткого упоминания проблем в текущий период: «Пространство в Восточной Сибири определяется приблизительно в 7 500 000 кв. верст... Точного измерения земли, кроме Якутской области, в которой измерения почти не производились, считается не более 140 000 верст, т. е. 1/53 часть всего пространства» [3, с. 5]. Заканчивается раздел данного типа построения текста описанием принимаемых генерал-губернатором мер: «Недоступность огромного пространства Восточной Сибири точному измерению, при тех ограниченных средствах, которые для сего имеются, заставляет местное начальство заботиться о возможно скорейшем приведении в действие и снятия на план населенных земель и казенно-оброчных станций. С этою целью учрежденным в 1851 г. межевым управлением снято на план более 10 000 000 десятин и рекогносцировано более 1 200 000 десятин» [31, с. 5 об.].

IV тип использован генерал-губернатором в отчете за 1863 г. в разделе «Топографические занятия» [2, с. 87 об.]. В нем содержится описание состояния данной отрасли в текущий момент: «В 1863 г. окончены производившиеся в течение трех лет с 1861 г. чинами Генерального Штаба съемка всех земель, предназначаемых для надела казаков... В этом же году приведено к окончанию описание лесов Приамурской области и обширный труд командированной на Амур лесоустроительной партии « [2, с. 87 об.].

Как правило, в одном отчете применялись разные структурные типы изложения материала. Выбор типа изложения сведений генерал-губернатором был обусловлен целями представления той или иной информации в отчете: описанием ситуации для последующего ходатайства, изложением фактов для принятия управленческого решения центральными властями, стремлением выделить свою деятельность в крае и т. д. Определение типа изложения позволяет характеризовать степень объективности данных отчета, что необходимо при использовании сведений документа в исследованиях.

Таким образом, изучение процесса создания отчетов, исследование их структуры и способов передачи информации с помощью лексических и стилистических средств позволяет выделить цели представления сведений, оценить информационный потенциал источника и обозначить цели и задачи управления регионом.

Литература

- 1. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1861 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Особо ценное дело 649.
- 2. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1862 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Особо ценное дело 667.
- 3. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири по управлению краем за 1863 год // ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Особо ценное дело 675.

ПОПОВА А.В.

ИРКУТСКАЯ ПОЛИЦИЯ В БОРЬБЕ С УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в, - ФЕВРАЛЕ 1917 г.

Исторически сложилось, что Иркутск на протяжении длительного времени являлся местом уголовной и политической ссылки. Формирование органов борьбы с уголовной преступностью в городе и губернии происходило в три этапа [13, с. 141].

Началом первого этапа (1757 г.) стало появление правительственных отрядов, выполнявших сыскные функции. Рубежом первого и второго этапов (1875 г.) стало введение должности чиновника по особым поручениям, обязанного вести сыск уголовных преступников. Рубеж второго и третьего этапов (1901 г.) ознаменовался принятием решения общего присутствия Иркутской губернии об учреждении сыскного отделения при Иркутском полицейском управлении. В конце третьего этапа (1908 г.) вступил в действие закон от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части». Его принятие завершило процесс формирования организованных структур уголовного сыска в регионе.

Полиция в Иркутске была учреждена в соответствии с сенатским указом 17 (29) октября 1757 г. [4; 6; 7]. В апреле 1782 г. полицейские органы получили регламентирующий организацию и функциональные обязанности документ – «Устав благочиния, или полицейский». Иркутск, состоявший в 1797 г. из чуть более 1500 дворов, был поделен на 4 части, включавшие 8 кварталов, которые должны были находиться в ведении квартальных надзирателей. По свидетельству С. Ю. Качурова [8], в Сибири квартальных надзирателей не было, что объясняется острой нехваткой полицейских кадров.

Устройство полиции подтверждает необходимость организации борьбы с преступностью. В самом Иркутске снижение пре-

ступности отмечается лишь в период губернаторства Н. И. Трескина (1806–1819 гг.) [9], что связывается с усилением наказания для воров, грабителей и убийц – до 300 ударов розгами, которые часто заканчивались смертельным исходом. Также были приняты меры к повышению надежности офицерского состава полиции и проведена чистка кадров.

В 1822 г. было принято «Учреждение для управления Сибирских губерний» М. М. Сперанского, возникла новая система полицейских органов, в функции которых входило «охранение безопасности лиц и имуществ мерами предупреждения и пресечения» [14, § 7]. Но специалистов, которые бы занимались пресечением уголовных преступлений и сыском их субъектов, не было.

«Учреждение ...» закрепило за Иркутском роль центра Восточной Сибири, где находилось Главное восточное управление, состоявшее из двух частей: общего губернского управления и частного. Последнее состояло из губернского правления (ведало делами полиции), казенной палаты (хозяйственные дела) и губернского суда.

Полицейскую сферу возглавил председатель губернского правления, руководивший четырьмя советниками. Все дела правления делились на 4 отделения, из которых только первое выполняло в числе других и полицейские функции. В ведении четвертого отделения находилась экспедиция о ссыльных. Она занималась приемом и распределением ссыльных, определяла на службу и увольняла смотрителей поселения, осуществляла надзор за тюремной полицией и общим состоянием тюрем не только в городах, но и в селениях губернии.

Сибирские города «Учреждение ...» делило на три группы в зависимости от количества населения: многолюдные, средние и малолюдные.

В многолюдных городах, в число которых вошел Иркутск с населением более 14 тыс. чел. [6, с. 48], управление состояло из полиции, хозяйственного управления и городского суда. В состав полиции входили городничий и городская управа. Последняя разделялась на общую (городничие и частные приставы) и частную (частный пристав и надзиратели кварталов). Полицейский надзор средних городов возлагался на полицейское управление во главе с городничим. В малолюдных городах полицейские функции выполнял один городничий.

Преобразования, предпринятые М. М. Сперанским, способствовали оптимизации структуры полицейских органов, разделили и более четко определили административные и полицейские функции органов Иркутской губернии и всей Сибири. Профилактикой и раскрытием преступлений в Иркутске занимались лишь трое полицейских и шестеро их помощников.

В 1867 г. состоялась новая попытка реформирования полиции. Законом от 12 июня «О преобразовании полиции в Сибири» [8] вместо общих окружных управлений создавались окружные полицейские управления Восточной и Западной Сибири. В состав управлений входили городская полиция и земские суды. Цель этих изменений была обусловлена необходимостью приблизить организационную структуру сибирской полиции к общероссийской.

Новая система полицейских органов Иркутской губернии просуществовала до 1917 г. Тем не менее, согласимся, что этот закон не являлся полномасштабной реформой, так как он «не вносил изменений в порядок подчиненности и сношений сибирской полиции... Поэтому по данным вопросам фактически сохранялся прежний порядок» [8]. Это подтверждают свидетельства современников: «...Грабили и днем и ночью проезжих, купцов, не пропускали даже и крестьян, едущих из Иркутска с базара». В самом городе полиция была бессильна: «В городе было два-три домовладельца, про которых все знали, что они – руководители воровских шаек, занимаются скупом краденого; но у полиции не было доказательств их вины» [9].

Рост населения привел к увеличению нагрузки на одного полицейского, что негативно сказывалось на сыскной работе. К 1907 г. население г. Иркутска достигло 85 тыс. человек, росла и площадь города. Эффективность проведения уголовного сыска в уездах региона продолжала оставаться низкой по причине малочисленности сыщиков, поскольку средняя площадь только одного стана в Иркутской губернии (29 685 кв. верст) превышала размеры всей Московской губернии (29 263 кв. версты) [13, с. 147–148].

6 июля 1908 г. на всероссийском уровне был принят закон «Об организации сыскной части» [1, с. 59], согласно которому создавались сыскные отделения, делившиеся на 4 разряда:

Первый – в городах с населением 190–210 тыс. чел. и штатом в 20 человек.

Второй - с населением от 90 до 190 тыс. чел.; при этом штатная численность отделения составляла 11 служащих.

Отделения третьего разряда находились в городах с населением в 35–90 тыс. чел., а штат отделения состоял из 8 человек.

Штат сыскных отделений четвертого разряда составлял 6 человек при количестве населения менее 35 тыс. чел.

В штат отделения входили начальник отделения, его помощник, заведующий столами, надзиратели и городовые. Сыскные отделения, кроме оперативно-разыскной работы, должны были проводить дознания по уголовным преступлениям и выполнять отдельные поручения прокуроров и судебных следователей [7, с. 75]. Создание сыскного отделения в Иркутске можно назвать шагом вперед в деле борьбы с преступностью, но, по нашему мнению, этого шага было недостаточно, так как в законе попрежнему не учитывалась местная специфика: глухая тайга, объемные территории и в связи с этим малая плотность населения.

Сыскное отделение в Иркутске, имевшее третий разряд, получило достаточные по тому времени технические средства и располагало двумя служебными собаками-ищейками. Вместе с тем его возможности явно не соответствовали объему и сложности предстоявшей ему работы. Население Иркутска в 1909 г. составляло уже 108 060 чел., а иркутское сыскное отделение включало 8 служащих: начальника, трех полицейских надзирателей и четырех городовых, т. е. один сыщик приходился примерно на 13 с половиной тысяч человек [6, с. 144].

Общественность Иркутска с пониманием отнеслась к нуждам создаваемой полицейской структуры. На пожертвования частных лиц был приобретен специальный аппарат «Бертилион» и при городском полицейском управлении был открыт фотографический павильон для обслуживания нужд сыска [7, с. 75].

В 1909 г. иркутский полицмейстер обратился к генералгубернатору с ходатайством о замене револьверов устаревшей системы «Смит-Вессон» револьверами новейших систем. Просьба была выполнена: на Тульском оружейном заводе для полиции было заказано 160 револьверов системы «Наган», а из запасов оружия иркутской таможни были отобраны и розданы городовым револьверы «Браунинг» [7, с. 77].

В 1915 г. полицмейстер г. Иркутска ставил в известность губернские власти о том, что «количественный состав Иркутского

сыскного отделения, состоящего в третьем разряде, а равно и денежные суммы, отпускаемые на уголовный розыск, совершенно не соответствуют тому огромному розыскному делу, которое лежит на сыскном отделении» [13, с. 149].

Сотрудникам сыскных отделений чаще, чем чинам наружной полиции, приходилось попадать в экстремальные ситуации, когда их жизни угрожала непосредственная опасность. Но какихлибо денежных компенсаций для сотрудников уголовного сыска за ранения, полученные при исполнении служебных обязанностей, не предусматривалось [7, с. 76]. Такая ситуация приводила к текучести кадров; так, с 1909 по 1917 г. в Иркутском сыскном отделении сменилось 5 начальников, 16 полицейских надзирателей и 33 городовых [13, с. 154]. Подобная ситуация косвенно способствовала ухудшению криминогенной обстановки.

В конце 1913 г. глава жандармского ведомства по Восточной Сибири Васильев докладывал в департамент полиции об участившихся грабежах и вооруженных нападениях. После этого, несмотря на запрет офицерам жандармерии заниматься уголовными делами, для Иркутского губернского жандармского управления было сделано исключение. С декабря 1913 г. по распоряжению товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского чины корпуса жандармов, входящие в состав Восточно-Сибирского региона, при всех случаях ограблений, происходящих во вверенной их наблюдению местности, должны были принимать участие в производстве дознаний об этих ограблениях [12, с. 79].

Как правило, жандармы занимались тем или иным делом самостоятельно, без привлечения сыщиков. Так, в 1914 г. силами Иркутского жандармского управления была ликвидирована бандитская организация, занимавшаяся крупными грабежами и разбойными нападениями в различных местностях Восточной Сибири и в Иркутске в том числе [12, с. 80]. По обвинению в причастности к этой группе 22 апреля были задержаны и чиновники Иркутского сыскного отделения: 2 полицейских надзирателя, сыскной агент и еще 13 человек. В ходе следствия выяснилось, что начальник сыскного отделения Романов и его помощники знали о процессах транспортировки и продажи контрабандного опиума по губернии и за свое молчание получали солидные вознаграждения. Кроме того, пользуясь служебным положением, они проводили мошеннические операции с бывшими «подельниками».

Февральская революция внесла свои «коррективы» в жизнь жителей г. Иркутска, в том числе не миновала и представителей преступного мира. В новых условиях возникла необходимость создания органов правопорядка. 4 марта 1917 г. были арестованы генерал-губернатор А. И. Пильц, городской полицмейстер и чины жандармского управления. Наблюдение за порядком было возложено на Е. Ф. Роговского, комиссаром по управлению Иркутской губернией назначен И. А. Лавров. 1 апреля 1917 г. был образован новый орган охраны правопорядка – милиция. 17 апреля Временное правительство утвердило «Временное положение о милиции» и закрепило правовые основы ее деятельности.

Таким образом, в Иркутске и губернии на протяжении всего рассматриваемого нами периода достаточно остро стояла проблема борьбы с уголовной преступностью.

Литература

- 1. Власов В. И. Организация розыска преступников в России в IX-XX вв. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. Домодедово : РИПК МВД России, 1997. Ч. 2. 335 с
- 2. Во власти истории: Евгений Шободоев : сб. ст. и публикаций/ сост. А. В. Шободоева. Иркутск : Оттиск, 2009. 340 с.
- 3. Дамешек И. Л. Административные преобразования в Сибири / И. Л. Дамешек // Сибирский город XVIII начала XX веков. Иркутск, 1998. С. 55-66.
- 4. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев. Иркутск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/speransky (дата обращения: 22. 01. 2013).
 - 5. Ильина Е. В. «Иркутская городская полиция» // Собор. № 8 (17)
- 6. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / С. М. Алексеев [и др.]; отв. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.
- 7. Качуров С. Ю. Деятельность полицейских формирований МВД Восточной Сибири в XIX начале XX вв. (на примере Иркутской губернии) // Силовые структуры России: страницы истории: сб. ст. / под ред. В. В. Черных. Иркутск: ВСИ МВД России, 2006. С. 63–79.
- 8. Качуров С. Ю. Полицейские формирования МВД в Восточной Сибири XIX начала XX в. (на примере Иркутской губернии) / С. Ю. Качуров // Силовые структуры и общество: исторический опыт взаимодействия в условиях Сибири : материалы науч.-теорет. семинара. Иркутск, 2003. 308 с.
- 9. Кузнецова В. И., Мамонтова А. А. Иркутская полиция: К 255-летию со дня основания службы. Электронный ресурс: [http://www. cbs. irkutsk. ru/text02043. htm] Дата обращения: 27. 12. 2012.
- 10. Рубцов С. Н. История российской полиции : учеб. пособие / С. Н. Рубцов. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 1998. 207 с.
- 11. Рубцов С. Иркутское общество и милиция 1905 г. / С. Рубцов, А. Сысоев // Земля Иркутская. 2001. №15. С. 53–55/

- 12. Сысоев А. Иркутское губернское жандармское управление и «ликвидация» грабительских организаций в Восточной Сибири // Земля Иркутская. 2005. №2(28). С. 78-82/
- 13. Сысоев А. А. Уголовный сыск в Восточной Сибири в 1730-1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. А. Сысоев. Иркутск, 2004. 246 с.
- 14. Учреждение для управления Сибирских губерний. 22 июня 1822 (№29. 125) URL: http://bazazakonov. ru/doc/?ID=2748443 (дата обращения: 12.12.2012).

РОГОВА М. В.

ФОРМЫ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ: ОТ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗЕМЕЛЬ К ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Начиная с XVI в. население России постепенно осваивало территории, расположенные южнее и восточнее первоначальных границ русского государства. Наличие свободных земель и промысловых участков, а также удаленность от государственной власти и гнета помещиков стали факторами притяжения для сибирских переселенцев. Большую роль в освоении Сибири сыграли выходцы с Русского Севера. Власти в Сибири оказывали помощь переселенцам и представляли им возможность жить свободно, лишь бы крестьяне честно платили налог с выращенного хлеба. Такое экономическое стимулирование привело к тому, что к концу XIX в. в Сибири выросло и окрепло российское фермерство. На рубеже XIX-XX вв. средняя крестьянская сибирская семья поставляла ежегодно на рынок 150-200 пудов зерна. Доход сибирского крестьянства только от продажи масла достигал 65 млн руб. золотом [1]. Однако последовавшая затем деформация естественного исторического пути в XX столетии - войны, революции, массовые ссылки - нарушила этот сложившийся уклад сельских сообществ. Централизованная система коллективных хозяйств подавила индивидуальное хозяйство и частные инициативы. Только в конце столетия в России была осознана необходимость возрождения частной собственности параллельно с принятием концепции устойчивого землепользования.

Основную массу сибирских колонистов в XVII в. составляли выходцы из Русского Поморья, которые изначально были настроены на нелегкий труд при его невысокой стоимости и ничтожную государственную поддержку. Достаточно развитые предпринимательские навыки поморов и традиции их отношения к земельной и другой собственности сыграли существенную

роль в их колонизационной переселенческой жизни в Сибири [2]. Кроме того, поморы обладали высокой самоорганизацией в промыслах и развитым общинным самоуправлением. Вот как, например, описывает общинные порядки поморов при разверстке тонь этнограф А. А. Макаренко: «Населению Терского берега, за отсутствием хлебопашества, земельные наделы заменяют промысловые тони – морские, речные, озерные... Поэтому население крепко держится за тони, ведет точный количественный и качественный учет тоням, следит за тем, чтобы на тонях были бы промысловые избушки и т. п. Не так давно морские и речные тони составляли общее и нераздельное достояние целых волостей. Население каждой такой волостной земельной общины ведало коллективно и распределяло принадлежащие ему тони на основе общности правовых интересов всех и каждого из сообщественников... Тони ежегодно перераспределялись в целях устранения возможности засиживаться по долгу счастливцам, получившим случайно при жеребьевке лучшие тони» [3].

Следы поморской культуры в Прибайкалье прослеживаются в заимствованных рыболовных практиках - рыбалке по артелям, элементах морского кораблестроения и навигации, топонимике на байкальских берегах. Типичные северорусские фамилии, такие как Дружинины, Вологжины, Плюснины, до сих пор встречаются среди сельского населения Прибайкалья [4]. Работу на рыбопромышленных артелях описывал немецкий ученый Георг Стеллер, путешествовавший по Байкалу в 40-х гг. XVIII в. [5]. Он упоминал о высокой производительности такой артели. Однако работа вольнонаемных и каторжных в промышленных артелях в середине XIX в. была не в пример тяжелее семейных промыслов и отличалась условиями содержания [6]. К тому времени класс предпринимателей и купечества в Сибири окреп, артели стали использовать действующие промысловые участки местного населения. Известны выступления бурят против частной собственности хозяев артелей на родовые тони [7].

Захват промысловых участков и захватные способы землепользования описывают многие исследователи истории переселенцев. Интересы государства в захвате земель ставились на последнее место, основным побудительным мотивом для переселенцев был захват свободных новых земель для себя и промыслово-предпринимательские возможности. Тем более что сибирские
земли для народных масс в Российском государстве играли роль

механизма снижения высокого социального угнетения, образованного крепостническими порядками в царской России.

Несмотря на удаленность территорий и их малую эффективность в экономическом отношении, колонизация продвигалась с равным успехом, как в Сибири, так и в Северной Америке. Оформление поселений в виде городов было характерной чертой этих колоний [8]. Эти города прошли в своем развитии стадию так называемого пашенного земледельческого города, когда основная масса горожан была связана с сельскохозяйственными занятиями и промыслами. Такое сугубо американское явление, как «скваттерство», т. е. самовольный захват незанятых земель и защита его силой оружия, можно обнаружить и в сибирской истории.

От русских коренные жители переняли огородничество. Изначально земледелие играло в хозяйстве бурят лишь подсобную роль, лишь в отдельные исторические периоды оно становилось важным подспорьем. Об этом свидетельствует достаточно развитая терминология: анзаһан – соха, таряан – зерно, тэрмэ – мельница и др. [7]. С приходом русских колонистов бурятское население получило стимулы к земледелию.

В бурятском обществе как обществе традиционного типа земля находилась во владении общества, периодически распределявшего земельные угодья по хозяйствам. В большинстве случаев, по мере закрепления статуса улусно-родовой верхушки, оно происходило не по душам, а по количеству скота. В рамках христианизации бурятского населения, производившейся во второй половине XIX в. в Прибайкалье, земельные наделы стали свободно выделять вне кочевой общины. Крещеный бурят получал земельный надел вне родовых земель, мог выйти из состава общины и стать независимым от кочевого сообщества. Следует отметить, что крещение часто носило формальный характер, предоставляя многим возможность избавления от податей и получения каких-либо иных льгот. Иркутский архиепископ Вениамин советовал отводить «по 30 десятин на душу» с непременным условием - предоставлять самим бурятам право выбора земель, как это делалось до правления графа Муравьева, или отводить через чиновников, но так, чтобы земля была удобна для хлебопашества [9]. Кроме того, крещеные буряты освобождались на 5 лет от всех повинностей, им давали возможность обзавестись домом и земледельческими орудиями. Таким образом, православная церковь связывала успех христианизации бурят в значительной степени с переходом последних к оседлости. И хотя многие крестились по несколько раз, по официальной статистике число верующих в Прибайкалье доходило до 50 тыс. человек [7].

Последовавшие в 1890-х гг. реформы стали причиной разрушения общинных устоев бурятского населения. С утратой своего административно-территориального устройства, которое существовало с 1822 г., среди бурятского населения стало заметно социальное расслоение. За этим последовали ликвидация органов местного самоуправления, судебной системы, основанной на обычном праве, отмена системы сборов и повинностей, основанной на круговой поруке общинников, а также передача части родовых земель бурят в пользу переселенческого населения. Воспользовавшись ситуацией, сибирские переселенцы захватывали выгодные угодья, возводили постройки на бурятских территориях и др. Вместе с тем в среде бурятской интеллигенции - национальной элиты - стали подниматься дискуссии о национальной самоидентификации. К началу XX столетия уже повсеместно обсуждались идеи возрождения этнических культур, назрела необходимость упорядочивания отношений местного населения с колонистами и вопроса частной собственности на землю.

Уже в конце XIX в. возникла дискуссия об этичности права частной собственности на землю. Однако представителями этой дискуссии являлись в основном землевладельцы. Так, Л. Н. Толстой обращал внимание на то, что все люди с самого начала и прежде всякого юридического акта находятся во владении землею и имеют право быть там, где природа или случайность поместила их: «Владение землей как собственностью есть одно из самых противоестественных преступлений. Отвратительность этого преступления незаметна нам только потому, что в нашем мире оно признается правом. Собственность на землю по самому существу своему отличается от собственности на предметы, созданные трудом. Отнимите у народа деньги, товары, скот, и ваш грабеж окончится вместе с вашим уходом. Но отнимите у народа землю, и ваш грабеж будет продолжаться вечно. Он будет новым грабежом для каждого ряда сменяющихся поколений» [10].

Именной царский указ от 9 ноября 1906 г., положивший начало аграрной реформе Столыпина, утверждал частную собственность на землю, разрешал куплю-продажу этой земли и рег-

ламентировал выход из общины. Аграрная реформа, нацеленная на превращение помещичье-общинного землевладения в фермерско-хуторское, осуществилась в Сибири легко, поскольку юридически закрепляла то, что на деле существовало и оправдывало себя с начала ее колонизации. Заимствование и освоение земель происходило быстрее у пришлого населения, чем у коренного. Одни заимки со временем переходили в податные земли, а их хозяева – в податную категорию поселенцев, другие заимки так и оставались вне официального ведения и использовались лишь членами семьи. Но эта практика оказалась жизнеспособной до сегодняшнего времени, и существует сейчас; государство лишь изобрело новые механизмы изъятия прибыли в виде уплаты налогов, оплаты лицензий на ведение охоты и рыбалки, на использование сетей и оружия, транспортных средств и проч.

Участки, занятые когда-то по праву первовладения, так и существуют до сих пор, продолжая свою фамильную историю, и, как и прежде, сокрыты от глаз посторонних, располагаясь в труднодоступных местах. И как знать, не будь этой неформальной практики владения землей, сколько голодных осталось бы при раскулачивании и сколько земель перешло бы в государственное ведение и подверглось бы беспощадному промышленному освоению! Зачастую именно практика индивидуального захвата земли сохраняет земли практически в первозданном виде. Это хорошо заметно и по родовым охотничьим угодьям эвенков, и по рыболовным тоням поморов, и по пастбищным участкам бурят на таких территориях, как правило, сохраняются и поддерживаются в хорошем состоянии летники для выпаса скота, рыбацкие избы, зимовья. Форма индивидуального владения землей не теряет своей актуальности. Трудно найти в современном обществе достойную замену капиталу в виде участка земли.

Литература

- 1. Мордкович В. Г. Сибирь в перекрестье веков, земель и народов : очерки этно-экол. истории региона / В. Г. Мордкович. Новосибирск, 2007. 396 с.
- 2. Васильевский Р. С. К вопросу о некоторых принципиальных моментах общности процессов колонизации Сибири и Северной Америки в XVII–XVIII вв. / Р. С. Васильевский, Д. Я. Резун // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998. С. 161–170
- 3. Филин П. А. Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря: Фонд А. А. Макаренко в Российском Этнографическом музее // Полярный архив. М., 2003. С. 110–113. (Тр. Морской Аркт. комплекс. экспедиции).

- 4. Нефедьев В. Е. Посольская сторона: Повести, очерки / В. Е. Нефедьев. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 208 с.
- 5. Элерт А. X. «Описание города Иркуцка и его окрестных местностей», (по путевым дневникам Γ . В. Стеллера) пер. А. X. Элерта. Библиотека. Золотая пол-ка. С. 114–123
 - 6. Воронин В. Начало // Северный Байкал. 1985. № 42-48
- 7. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская ; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 2004. 663 с. (Народы и культуры).
- 8. Белоглазова С. Б. История здравоохранения в Русской Америке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998. С. 171–187
- 9. Бадмаев А. А. К вопросу о христианизации предбайкальских бурят. Вторая треть XIX начало XX вв. // Народы Байкальского региона: древность и современность. Н.: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 24–31.
- 10. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. / Л. Н. Толстой. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. Т. 41. 680 с.

СЛАВИНА Л. Н.

ЭВОЛЮЦИЯ БРАЧНОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Сложность демографической ситуации в современной России и поиск путей выхода из нее актуализировали исследование процесса воспроизводства населения и вызвали поток общероссийских и региональных публикаций на эту тему. В большинстве из них рассматривается население «вообще», без деления на городское и сельское, хотя четверть россиян – сельские жители. Игнорирование этого так упрощает объект исследования, что сделанные на основе его изучения выводы становятся не адекватными реальности.

В данной работе рассматриваются брачные отношения в сельской местности Восточной Сибири после 1991 г. Важность их анализа объясняется тем, что брачность является отправной точкой в воспроизводстве населения, и ее характер во многом определяет весь процесс. Цель работы – выяснить реакцию на новую ситуацию в стране сельской, более консервативной, части общества, определить тренды в брачной сфере деревни и их отличия от аналогичных в городах, выявить общее и особенное в контексте общероссийских брачных процессов. Анализ строится на сравнении поведения постсоветской молодежи и поколения ее «родителей», вступавших в брак в 1970–1980-х гг. Источником информации выступают итоги переписей населения 1989 и 2010 гг.

На исходе советского периода сельчане Восточной Сибири, как и россияне в целом, отличались практически всеобщей и очень ранней брачностью. По переписи 1989 г., в деревнях Красноярского края брак заключили 8,7 % девушек в возрасте 16–17 лет, 45,0 % – 18–19-летних и 75,9 % – 20–24-летних женщин [1, с. 84]. Средний возраст вступления в брак упал до предельно малых величин, и стал таким, каким был здесь 100 лет назад, или же как в отсталых развивающихся странах. Со своим брачным поведением сибиряки и все россияне ушли в сторону от стран Запада, где с конца 1960-х гг. повышался возраст вступления в первый брак и брачно-репродуктивный цикл стал начинаться фактически с 25 лет. К этому сроку 80 % и более россиянок успевали побывать в браке.

Первопричиной ранней брачности в России было снижение возраста сексуального дебюта. Этим российская молодежь не отличалась от сверстников в западных странах. Но там средства контрацепции решали все проблемы. В России же, которую контрацептивная революция миновала, массово возникали случайные беременности, и далее события имели три исхода: заключение вынужденных ранних браков, внебрачные рождения и аборты. В Восточной Сибири сельчане не только превосходили по этим трем показателям горожан, но и являлись «рекордсменами» в России.

Таким образом, распространению ранней брачности способствовали низкая культура контрацепции и малодоступность ее средств, производство которых сдерживало государство. Не случайно ранняя брачность была больше распространена среди сельчан. В Восточной Сибири ее «подпитывал» специфический национальный состав населения. У многих коренных народов (тувинцев и др.), в большинстве живших в деревне, раннее начало сексуальных отношений с последующими внебрачными рождениями являлось традицией.

Тенденция к омоложению брачности и, следовательно, рождаемости стимулировалась государственным патернализмом. Но раннюю брачность было трудно признать оптимальной, так как она мешала повышению образовательного и квалификационного уровня молодежи, увеличивала число реципиентов социальной помощи государства, тормозила рост благосостояния семей и общества в целом. Прямым ее следствием выступала повышенная разводимость.

После распада СССР советская модель брачности оказалась в кризисе, поскольку не вписалась в новые условия. Под воздействием системных преобразований началось переосмысление жизненных приоритетов и стратегий поведения во всех сферах, включая матримониальную. Ослабло государственное регулирование личной и семейной жизни, ушли в прошлое факторы (материальные, жилищные и т. д.), подталкивавшие к официальной регистрации отношений или к их расторжению. Все это изменило отношение к институту брака.

Трансформация брачно-семейных ценностей пошла столь радикально, чт. е. основание говорить о межпоколенном сломе матримониальных установок в когортах, вступивших в брачный возраст в постсоветский период. Сельская молодежь, вслед за городской, стала демонстрировать инновационно-деловой подход к браку и стремительно переходить на его европейскую модель. Этому способствовали, с одной стороны, социально-экономические трудности, затруднявшие формирование полноценной семьи в раннем возрасте, с другой, – распространение средств контрацепции, избавившее молодежь от вышеупомянутых трех выборов. Перемены в брачно-семейной сфере наблюдались не только у молодежи, но и у людей средних и старших возрастов.

Ежегодное количество браков в регионе менялось соответственно изменению числа лиц бракоспособного возраста. В 1990-е гг. деревня вошла на нисходящей волне их численности, и это десятилетие, особенно первая половина, отмечено спадом брачной активности. Он наблюдался во всех возрастах, но особенно в самых молодых, до 20 лет. Точка минимума брачности была зафиксирована в 1996 г. Тогда в красноярских деревнях ее общий коэффициент составил 4,3 на 1000 населения (в городах – 5,9‰), что, повидимому, было близко к самой малой величине за всю историю края. Во второй половине 1990-х гг. этот показатель переживал стагнацию и не превышал 6,0‰ [2, с. 53].

С 2000 г. началось повышение общих показателей брачности благодаря относительной многочисленности вступавшего в брачный возраст поколения 1980-х гт. рождения. Но соотношение полов в большинстве возрастов в деревне было неблагоприятным – не хватало невест. По переписи 2010 г., на тысячу женщин приходилось мужчин: в группе 16–17 лет – 1077 чел., 18–19 лет – 1141 чел., 20–24 года – 1155 чел., 25–29 лет – 1141 чел. и т. д. Пере-

вес числа женщин начинался лишь с группы 50–54 года [3, с. 446–447]. Тем не менее, общий коэффициент брачности рос. В 2010 г. он колебался в красноярских деревнях от 6,2 до 10,1‰, вернувшись к уровню 1989–1990 гг. (8,4–7,7‰) [2, с. 53].

В постсоветский период брачность начала «стареть». Это явление четко обозначилось во второй пол. 1990-х гг. Перепись 2010 г. показала, что частота заключения браков в возрастах до 18 лет сократилась до минимума, а в группе 18–24 года сильно снизилась. Но до европейских стандартов сибирякам еще далеко. Так, в красноярских деревнях среди 16–17-летних девушек в брак вступили 4,1 %, среди 18–19-летних – 24,3 %, среди 20–24-летних – 56,9 % [3, с. 446–447]. В процессе «старения» браков сельчане отставали от горожан. В городах края доля бывших в браке составила среди 16–17-летних женщин 2,3 %, среди 18–19-летних – 12,3 %, 20–24-летних – 43,3 % [3, с. 446–447]. Возраст вступления в брак сельчанок в 2010 г. соответствовал уровню 2002 г. у горожанок.

Сибирячки по показателям «постарения» брачности уступали среднестатистическим россиянкам, но находились с ними в общем тренде. Эксперты считают, что Россия за всю историю, возможно, не знала такого резкого роста возрастов женихов и невест. Даже повышение их в ходе компенсаторного роста брачности в послевоенное пятилетие имело менее выраженный характер.

Что касается всеобщности брачности, то оценивать эту черту рано, так как об окончательном безбрачии принято судить по доле никогда не состоявших в браке лиц в возрастах 50 лет и старше. Постсоветским поколениям, у которых трансформируется матримониальное поведение, до этого рубежа еще далеко.

За постарением – главным признаком трансформации модели брачности – стоит, кроме прочих причин, быстрое распространение неформальных союзов, потеснивших традиционный брак как единственную форму начала совместной жизни. Тенденция к более позднему созданию семьи сопровождается учащением случаев откладывания регистрации брака и отказа от нее в уже сложившихся союзах. Но это явление – не новость, его можно считать уже традицией, укоренившейся особенно прочно у сибиряков в последние советские десятилетия.

О свободных браках в тот период почти нет информации, так как она не собиралась. Известно лишь, что в 1967 г. в Зиминском районе Иркутской области их доля в общем числе брачных

союзов составляла 9–13 % [4, л. 44]. О масштабах распространения фактических браков можно судить и по рожденным вне официального брака детям. В 1959 г. наибольшее число их (32,6 % новорожденных) и, по-видимому, фактических браков было в деревнях Тувы, наименьшее – в селах Иркутской области (16,8 %) [4, л. 88]. Эти показатели были выше, чем в городах региона и России в целом, и росли весь последующий период.

Фактические браки (сожительства) впервые зарегистрировала микроперепись 1994 г. В общей численности брачных союзов в сельской местности Восточной Сибири они составляли 13,8 % – от 10,5–11,5 % в Бурятии и Читинской области до 14,8 % в Иркутской и 15,1–15,5 % в Туве и Красноярском крае. В сельской местности России их доля была равна 8,8 % [5, с. 44–49].

В 1990-х гг. фактические браки стали социальной нормой. Поколения, родившиеся в 1960-х гг. и позднее, все чаще начинают жизнь с партнером без регистрации брака. Эта процедура не только откладывается на более поздний возраст, но и вообще вытесняется сожительством. Перепись 2010 г. показала, что в красноярских деревнях неформальными являлись 75,0 % союзов у 16-17-летних партнеров, 65,5 % – у 18-19-летних мужчин и 56,6 % – у их ровесниц. В 20-24-летнем возрасте таковыми были 45,8 % браков мужчин и 39,7 % браков женщин [3, с. 446-447]. Сожительство – не молодежный феномен. Частота их распространения высока и в средних репродуктивных возрастах. В 2010 г. свободными являлись 31,5 % браков 25-34-летних красноярских сельских женщин и 33,2 % браков их ровесников-мужчин. Даже в возрастах старше 60 лет не были зарегистрированы свыше 16,0 % браков и женщин, и мужчин [3, с. 446-447].

Перепись 2010 г. отметила уменьшение различий доли фактических браков в деревнях региона. Она составляла 22,5 % в Забайкальском крае и 23,2 % – в Бурятии, 24,2 % – в Красноярском крае и Хакасии, 26,2 % – в Иркутской области, 28,5 % – в Туве против 14,6 % в сельской местности России 14,6 % [3, с. 436–449].

Изменения брачной структуры сельских жителей Восточной Сибири характеризует таблица, рассчитанная по данным Красноярского края [1, с. 84; 3, с. 446–447]. Она свидетельствует об ухудшении в постсоветский период всех показателей, определяющих воспроизводство населения.

Таблица Распределение сельского населения Красноярского края по полу и состоянию в браке в 1989 и 2010 гг.

	На 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше приходится, чел.									
Год	состоящих в браке		никогда не бывших в браке		вдовых		разведенных, разошедших- ся		не указав- ших состоя- ние	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1989	703	685	218	105	28	165	48	42	3	3
2010	649	592	235	129	40	194	76	85	-	-

Итак, статистика показывает, что самые радикальные из демографических перемен происходят в брачной сфере. Они характерны не только для авангардных социальных групп. Сельчане тоже адаптируют западные образцы брачного поведения. Жители Восточной Сибири – не лидеры этого процесса. Находясь в общероссийском тренде, они отстают от среднестатистических россиян, а те, в свою очередь, с отрывом в несколько десятилетий догоняют европейцев. Постсоветские поколения радикально отличаются от предыдущих советских по срокам вступления в брак, но продолжают их традиции развития альтернативных форм брака, в чем преуспели. И, наконец, несмотря на неоднородность, сельское население Восточной Сибири демонстрирует большую схожесть тенденций развития брачности. Действие общепризнанных факторов дифференциации матримониального поведения явно ослабло.

Литература

- 1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. 255 с.
- 2. Демографический ежегодник Красноярского края. 1997 год. Красноярск, 1998. 154 с.
- 3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастнополовой состав и состояние в браке. - М., 2012. - 482 с. [Электронный ресурс] -URL: http://www.gsk.ru
 - 4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 816.
- 5. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М. : РИНЦ, 1995. 284 с.

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рубеж XIX-XX вв. занимает особое место в истории Сибири. Его значение обусловлено происходившей на стыке двух столетий массовой крестьянской миграцией из европейской части России, изменившей облик населения Сибири. В трудах отечественных исследователей изучены разнообразные аспекты проблемы крестьянских переселений. В трудах ряда современных историков некоторые грани этой проблемы показываются в новом освещении. В фокусе внимания исследователей последнего десятилетия оказались вопросы адаптации переселенцев к природно-климатическим, социальным, культурным и иным условиям Сибири.

Так, в 2000 г. была защищена кандидатская диссертация М. К. Чуркина – исследователя из Омска, плодотворно работающего в области изучения крестьянских переселений в Западную Сибирь в конце XIX – начале XX в. [6]. Автор рассматривает проблему взаимоотношений крестьян-переселенцев и сибирских старожилов, оценивая, в первом разделе диссертации, степень влияния на эти отношения природно-климатического и природногеографического факторов. Во втором разделе изучаются социально-психологический и этнопсихологический аспекты взаимоотношений указанных групп населения, т. е., помимо факторов природной среды, рассматривается проблема различий в менталитете пришлых и старожилых крестьян.

В 2000-х гт. появились работы, целиком посвященные проблемам адаптации в контексте переселения в Сибирь. Впервые эта тема в законченном и целостном виде нашла отражение в работах новосибирского исследователя О. Н. Шелегиной. В ее монографиях, вышедших в 2001 [9] и 2005 гг. [8], приводились примеры толкования понятия «адаптация» специалистами различных гуманитарных дисциплин и рассматривалась возможность использования этих построений для изучения процесса заселения и освоения Сибири. Автор изучает адаптационные процессы русского населения в ходе заселения Сибири с XVIII до начала XX в., затрагивая, таким образом, проблему крестьянских переселений в позднейший имперский период. О. Н. Шелегина в пер-

вую очередь обращается к изучению адаптации «жилищнохозяйственного комплекса», пищи, одежды и жилища русских к специфическим условиям Сибири.

В 2006 г. была издана монография М. К. Чуркина «Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации» [7], на основе которой в 2007 г. ее автор защитил докторскую диссертацию с тем же названием. В монографии и докторской диссертации проблема миграций в Западную Сибирь раскрывается на основе анализа специфики развития крестьянских хозяйств, уровня жизни и менталитета селян в местах выхода основной массы переселенцев. Опираясь на эти данные, М. К. Чуркин рассматривает различные аспекты адаптации этих переселенцев в Западно-Сибирском регионе с учетом особенностей его природной среды и хозяйственно-экономического и социально-психологического облика местного населения.

К проблеме адаптации русских крестьян к условиям Восточной Сибири обратился известный красноярский историк и археолог Н. И. Дроздов, выпустивший в 2008 г. монографию «Духовно-нравственное становление сибиряков: исторические предпосылки» [3]. Н. И. Дроздов указывает, что «наибольшее влияние на хозяйственную деятельность, приспособительную изменчивость и традиционное сознание старожильческого населения в комплексе внутрисибирских адаптивных факторов оказали естественно-географические, природные факторы. Природа, климат, расстояния существенно влияли на земледелие и животноводство, жилища, транспорт, питание, одежду крестьян-старожилов» [3, с. 30]. Автор подчеркивает, что «на всем протяжении сибирской истории продолжался процесс непрерывной адаптации к инновационным для русских сибиряков факторам внешней среды. В XVII-XVIII вв. превалировали экстремальные природногеографические, климатические, этнокультурные (инокультурные) сибирские факторы; в конце XIX - начале XX в. ведущим становится фактор индустриальной модернизации» [3, с. 165].

В 2006–2008 гг. под эгидой Президиума РАН осуществлялся междисциплинарный проект – Программа фундаментальных исследований «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», по

итогам которой в 2010 г. в г. Москве была выпущена коллективная монография с тем же названием [1]. Во введении к монографии раскрывается содержание понятия «адаптация» – это «междисциплинарный, полисемантичный термин, использующийся во многих областях знаний естественнонаучного и гуманитарного профиля как инструмент познания отдельных аспектов взаимодействия социальных и природных систем...» [1, с. 5]. В контексте адаптации изучались «некоторые вопросы исторической динамики народонаселения, внутренних и внешних миграций населения как на вновь осваиваемых территориях, так и миграционных перемещений вынужденного характера. Отдельная актуальная проблема, особенно для России и развитых стран, – это взаимоотношения новоселов и старожилов, а также разных социальных, религиозных и этнических групп...» [1, с. 5].

Коллективная монография, состоящая из трех тематических разделов, содержит статью О. Н. Шелегиной, Т. С. Мамсик и Е. В. Комлевой (все три автора представляют г. Новосибирск) «Адаптационные механизмы и практики среди русского населения Сибири в XVI – начале XX в.». Авторы статьи, говоря об адаптационных процессах в Сибири, выделили несколько их составляющих, указывая на то, что адаптация пришлого русского населения в Сибири была многоаспектной и затрагивала как недавних переселенцев, так и старожилов и аборигенов. Адаптационные процессы в Сибири были частью общеимперских, но при этом обладали региональными особенностями. Авторы основывают свои выводы в основном на материале Западной Сибири, указывая, что в Восточной Сибири процессы этногенеза русских практически не изучены.

Вопросы адаптации крестьян-переселенцев к условиям Сибири рассматривает также омский исследователь И. И. Кротт, опубликовавший в 2009 г. статью под названием «Психологические аспекты процесса адаптации и поведенческие практики сибирского крестьянства в конце XIX – начале XX в.» [4]. Автор статьи указывает, что «крестьяне из Европейской России, образовывая в Сибири переселенческое сообщество, подвергались влиянию новой природно-климатической, этнической, социальной, психологической среды и, приспосабливаясь к новым условиям жизни, были вынуждены видоизменять свое поведение. Данный процесс сопровождался изменением межличностных контактов,

социального статуса, жизненных стереотипов, пересмотром в целом психологических установок и сложившейся системы социального и социокультурного взаимодействия»; таким образом, «прибывшим в Сибирь в конце XIX – начале XX в. российским крестьянам пришлось приложить немало усилий для приспособления своего традиционного образа жизни к изменившейся среде обитания» [4, с. 105]. Автор делает вывод о том, что «для сибирского крестьянства была характерна жизнедеятельность, модели поведения, обусловленные окружающей средой. Суровые факторы трансформировали прежние традиции в экономике, социальной жизни, культуре» [4, с. 110].

В 2009 г. была защищена кандидатская диссертация алтайского исследователя К. А. Пожарской «Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация» [5]. Автор исследует указанные в названии диссертации процессы с учетом воздействия природно-климатических и географических условий Алтайского округа на аграрных мигрантов столыпинского времени. По мнению автора, рассмотрение проблемы крестьянских переселений в таком аспекте позволяет создать целостное представление об истории крестьянских переселений в Алтайский регион и выделить его антропологическое измерение.

В 2011 г. в Омске вышла монография П. П. Вибе «Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв.» [2]. Автор изучает вопрос о колонизационных и адаптационных возможностях немецких переселенцев в сравнении с другими категориями переселявшихся крестьян. П. П. Вибе определяет круг факторов, влиявших на указанные возможности новоселов: «К их числу следует отнести как объективные (переселенческая политика властей, экономический потенциал переселенцев, продолжительность их проживания в Сибири, наличие или отсутствие заработков, природно-климатические условия и степень освоенности районов заселения), так и субъективные (менталитет, религиозные воззрения, трудовые навыки, социально-экономическая мотивация и т. п.)» [2, с. 71].

Приведенный обзор новейших исследований по проблеме крестьянских переселений в Сибирь на рубеже XIX-XX вв. не является законченным и исчерпывающим. У всех упомянутых авторов в последние годы выходили многочисленные публикации –

статьи и монографии, рассмотрение которых требует значительно большего объема данной статьи. Кроме того, круг исследователей, обращающихся в наши дни к проблеме адаптации крестьян-переселенцев в Сибири, действительно очень широк. Однако можно сделать общий вывод: практически все авторы, чьи работы были рассмотрены в статье, работают с материалами по Западной Сибири, являясь при этом представителями научного сообщества именно этого региона. Это объясняется тем, что Западная Сибирь принимала наибольшее число переселенцев из европейской части России как в период до столыпинской аграрной реформы, так и во время и после ее проведения. Таким образом, Восточная Сибирь, куда аграрные переселенцы также прибывали, хотя и в значительно меньших масштабах, пока не привлекает внимания исследователей, изучающих крестьянские переселения в контексте адаптации. Между тем оказавшиеся в регионе Восточной Сибири крестьяне-переселенцы встречали схожие проблемы в ходе приспособления к специфической местной природной, социальной и культурной среде. Представляется, что методики, опробованные исследователями в отношении переселенцев в Западной Сибири, вполне можно применить и в Восточной Сибири. При этом также можно выделить как общесибирские закономерности процесса адаптации, так и его местную специфику.

Литература

- 1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010.
- 2. Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX первой трети XX вв. Омск, 2011.
- 3. Дроздов Н. И. Духовно-нравственное становление сибиряков: исторические предпосылки: Монография. Ч. 1. Красноярск, 2008.
- 4. Кротт И. И. Психологические аспекты процесса адаптации и поведенческие практики сибирского крестьянства в конце XIX начале XX вв. // Западная Сибирь и сопредельные территории: демографические и социально-исторические процессы (XVIII–XX вв.). Омск, 2009. С. 104–112.
- 5. Пожарская К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация. Барнаул, 2009.
- 6. Чуркин М. К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX начале XX вв. в природно-географическом, социальнопсихологическом, этнопсихологическом аспектах: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000.
- 7. Чуркин, М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.

- 8. Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII начале XX в. (к постановке проблемы). Новосибирск, 2005.
- 9. Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2001.

ТРОФИМОВ А. В.

«КРАЙ ЗЕМЛИ» С РОССИЙСКОЙ СУДЬБОЙ

В современном историческом дискурсе можно встретить обращение к пространственной составляющей истории в качестве аргумента для обоснования либо уникальности российской цивилизации, либо для констатации ее «ушибленности ширью» и, как следствие, невозможности выбраться из некоей исторической «колеи», «матрицы» и т. д. Соблазн мифотворчества, постигший многих нынешних историописателей, нередко приводит лишь к повторению стереотипов об уникальности и своеобразии российской цивилизации вместо научного изучения воздействия в длительной исторической ретроспективе природно-географических и геополитических факторов, не позволяет приложить концепт огромных пространств к конкретной истории различных составных частей этого пространства. Причем для многих наших современников уже не является важным предметом для размышлений и ценностью для самоидентификации понимание того, что практически для любого народа, нации обладание на протяжении столь длительного исторического времени огромным пространством и его обустройство являются едва ли не главным признаком успешности национальной истории, основанием для поддержания и передачи новым поколениям чувства собственного достоинства, национальной гордости за своих дальних и близких предков.

Представления о сущности российской цивилизации, параметрах ее самоидентификации колеблются в различные периоды истории, в зависимости от геополитической ситуации, конъюнктуры политических режимов и других факторов, в диапазоне извечных споров «западников» и «почвенников» от признания европейской сущности России, констатации ее особой евразийской субстанциональности до принятия перманентной периферийности нашей исторической судьбы, обусловленной во многом ог-

ромными, трудными для освоения территориями и т. п. Причем именно на особо крутых поворотах истории (смуты, войны, революции, геополитические катастрофы) проявляется истинная сущность «древа» российской цивилизации, и оказывается, что ее корневая система, не позволяющая погибнуть этому цивилизационному феномену, в значительной мере определяется огромными суверенными (для России) северными пространствами.

Впрочем, само понятие «цивилизация» приобрело смысловую размытость и порой используется лишь для того, чтобы скрыть неспособность авторов к самостоятельному мышлению. Оперирование в русле отстаиваемой концепции, «жонглирование» этим понятием приводит к противопоставлению европейского и российского исторических идентификационных параметров, порождает схоластические споры, не способствующие не только приближению к истине, но и затуманивающие историческое самосознание. Иначе используют это понятие авторы «Истории Ямала» [1]. Они опираются на вполне ясный набор определяющих ее признаков, каковыми являются: гигантские размеры территории; географическая и климатическая специфика, тяготеющая к северной климатической зоне; трудные условия воспроизводства человеческого существования; изначально земледельческий характер экономики; незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, продолжительное отсутствие выхода к морю, что тормозило диффузию инноваций; стабильность и длительность существования (более 1000 лет); самобытность, оригинальность культуры и традиций; полиэтничность и многоконфессиональность, межэтническая и межконфессиональная толерантность; христианство как консолидирующая основа цивилизации; политическая самостоятельность, централизованное государство и сильная верховная власть; своеобразие форм государственного, социального, городского развития; идеал социальной справедливости, коллективизм, соборность; миссионерство, экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм [2; 6]. Эти признаки получают развернутое доказательство и наполняются обширным, тщательно отобранным богатейшим фактическим материалом, убедительно подтверждающим мысль о преобладании на многовековом историческом пути освоения российского севера моделей сотрудничества, цивилизационного взаимодействия различных культур и их созидательной силе в сложнейших, с точки зрения жизнедеятельности человека, условиях.

Структура «Истории Ямала» позволяет проследить исторический путь движения этого огромного северного региона от традиционного общества к современному. Первый том, «Ямал традиционный», посвящен периоду истории до начала XX в., в нем идет речь о жизни населения в условиях существования традиционных норм и моделей поведения. В первой книге первого тома «Древние культуры и коренные народы» раскрываются особенности освоения края в древности и средневековье, широко используются данные археологических источников, дающие представления о жизни автохтонных жителей крайнего севера Западной Сибири. В основе формирования коренного населения Ямала лежат два компонента - местные палеосибирские и пришлые угорские и самодийские общности. Смешение этих этнокультурных формирование элементов И культурных моделей продолжалось несколько столетий и завершилось в основном к XVIII в. У предков современных ненцев, хантов, селькупов, лесных хантов сложились три основные доминанты - оленеводство, рыболовство и охота, т. е. была создана модель, полностью адаптированная к местным условиям жизни.

Во второй книге первого тома «Российская колонизация» показан ход и результаты освоения региона в составе Российского государства до начала XX в. Убедительно вписав историю освоения Северо-Западной Сибири в конце XV-XVI вв. в контекст эпохи великих географических открытий, авторы рассматривают колонизационные процессы в Северном Зауралье через призму истории всего российского государства. Продемонстрировав на основе богатого фактического материала, что вплоть до начала XX в. крайний север Западной Сибири оставался во власти традиции, авторы вместе с тем доказывают, что на протяжении XIX начала XX в. наблюдается интенсификация процессов освоения, начинается постепенное подключение края к страновому модернизационному процессу. К началу XX в. были достигнуты определенные успехи в интеграции крайнего севера Западной Сибири в экономическое и социокультурное пространство российского государства, нарастала взаимосвязь хозяйственно-культурных укладов русского и туземного населения Севера, что в частности выражалось в товаризации промысловых хозяйств населения Севера. Вместе с тем в книге показано, что в истории освоения русскими крайнего севера Западной Сибири были не только периоды поступательного развития, но и спадов. В целом, за время до начала XX в. освоение Ямала так и не вышло за рамки торговопромысловой колонизации, что обусловило его низкие темпы, зигзагообразный характер, медленность укоренения русских землепроходцев.

Второй том, «Ямал современный», охватывает историю XX в. В первой книге «V истоков модернизации» показано, как происходило складывание предпосылок ускоренного развития региона в течение первой половина столетия. Характеризуя ситуацию выбора стратегий развития Севера из трех основных вариантов: «автохтонно-эндогенной», «ассимиляционной» и «эксплуатационной», авторы объясняют, как происходило складывание и реализация сложной амальгамы из трех вышеназванных подходов. Содержание северной региональной политики рассмотрено в книге с двух позиций: советизации, под которой понимается не просто создание политической системы советов, но комплексная стратегия социально-экономических и культурных преобразований, приспособленная к специфическим условиям северных окраин, прежде всего к уровню развития туземного населения и интегрального развития (соединение всех видов хозяйственной деятельности в районах Крайнего Севера в рамках многопрофильных организаций-комбинатов). Важным представляется суждение авторов о специфике эффективности северной региональной политики в первой половине XX в. Политика интегрального развития объяснялась не только скудностью ресурсов, но и «островным» характером самого процесса освоения Севера, обусловленным его суровыми природными условиями и транспортной изолированностью, что ставило на повестку дня вопрос не о рентабельности освоения, а о его принципиальной осуществимости. Следовательно, невыгодный с общеэкономической точки зрения принудительный труд заключенных и спецпереселенцев приобретал совсем иное значение в отсутствие на Севере всякой рабочей силы и невозможности ее привлечения с помощью экономических стимулов. Вместе с тем уже с конца 1940-х гг. советское руководство ищет возможности повышения экономической отдачи от развития Ямальского Севера при помощи крупных индустриальных проектов, но лишь открытие здесь в середине XX в. крупнейших запасов углеводородного сырья стало прологом настоящей индустриализации Ямальского Севера и формирования принципиально новой стратегии его освоения.

Вторая книга, «Индустриальное развитие», посвящена комосвещению исторического опыта демографического, экономического, общественно-политического и культурного развития Ямала в условиях интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов во второй половине XX в. Раскрывая масштабную эпопею целенаправленных и планомерных научных поисков месторождений нефти и газа в 1950-1960-е гг., освоения открытых месторождений в 1970-1980-е гг., авторы показали пути и механизмы достижения в суровых условиях весомых результатов и достижений, оказавших существенное влияние на улучшение топливно-энергетического баланса страны. Авторы подробно демонстрируют изменения, происходившие в социальном облике Ямала: создание городов и рабочих поселков в малонаселенных районах, увеличение численности населения, изменения в вековом укладе жизни коренных народов. В конце советского периода истории регион стал лидером по темпам экономического роста и урбанизации, опережая средние показатели по России и СССР.

Наличие в «Истории Ямала» двух ипостасей - традиционного и современного Ямала - позволяет авторам выйти на непростую и болезненную проблему: границ человеческого могущества и пределов развития цивилизации технократического типа. Не следует забывать и о том, что отдаленный от Европы Ямал сыграл весьма важную роль в ее судьбе. Без ямальских нефти и газа не может быть верно описана и понята успешная экономическая история Западной Европы второй половины XX в. - Ямал являлся одним из триггеров, обеспечивших ускорение европейских модернизационных процессов. Тогда как на российские модернизационные процессы богатейшие ямальские кладовые оказали неоднозначное воздействие: с одной стороны, - это промышленное освоение региона, осуществляемое в русле мобилизационной ипостаси индустриального общества, с другой, - появление возможности опереться на «подушки безопасности», позволявшие стране достаточно комфортно (как известно, примерно три месяца в году СССР мог жить за счет валютных поступлений от продажи углеводородного сырья) существовать. Такая ситуация снижала интерес экономических акторов к модернизации отраслей, не входящих в топливно-энергетический комплекс.

Край Земли... Именно так с ненецкого языка переводится название главного арктического региона России. Ямал награждали различными эпитетами: «локомотив», «хребет» российской экономики, «главная кладовая» страны, ее «энергетическое сердце». Очевидна оправданность всех этих сравнений, и вместе с тем следует помнить, что Ямал – это неотъемлемая часть России, которая из края Земли (обусловленного жестко заданными природой климатическими и географическими ограничениями для человеческой деятельности) превратилась благодаря усилиям многих поколений коренного и пришлого населения в надежную «якорную» сущностную составляющую современной российской цивилизации, удерживающую ее на плаву в условиях вызовов и кризисов глобального мира начала ХХІ в.

Литература

- 1. История Ямала : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург : Баско, 2010.
- 2. Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы, итоги и уроки) // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 3.

углик и. г.

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ

Культура Беларуси, имеющая в целом унитарный характер, делится, тем не менее, на регионы, имеющие статус культурных подсистем. Их истоки уходят в глубокую древность, на их формирование и развитие оказал воздействие ряд факторов, среди которых важнейшими являются культурный, (этнокультурный этнографический), природно-ландшафтный, политический, экономический.

В таксономическом плане регионы подразделяются на историко-культурный регион, этнографический (историко-этнографический) регион, локальный регион (край, земля). Моделью историко-культурного региона является системное единство этнографических (традиционно-культурных), лингвистических, урбанистических, художественных, экономических, политико-административных, ономастических, антропологических и других особенностей. Если на основании этнографических мате-

риалов XIX - начала XX в. историко-этнографические регионы Беларуси в целом определены (исследования В. С. Титова, А. И. Локотко), то соответствующее выявление историко-культурных регионов является достаточно проблемным вопросом. Тем не менее, в истории культуры Беларуси можно проследить диахронную метарегиональную преемственность.

Региональное членение материальной культуры на белорусских землях обозначилось в эпоху неолита, приобрело рельефный характер в период железного века. Центральные земли Беларуси занимали племена культуры штрихованной керамики, северо-восток и север – днепро-двинской, южные районы – милоградской (восток) и поморской (запад) культур. Различия не имели этнической основы, поскольку доминировал балтский этнос (за исключением возможного славянского преобладания в Западном Полесье и присутствия финно-угорского этнического элемента на севере). Следующее выразительное региональное деление белорусских земель выявилось после расселения восточнославянских племен: кривичи заняли центральную и северовосточную (полочане) Беларусь, дреговичи - южные и частично центральные земли, радимичи - восток. Региональному своеобразию содействовала культура живших на белорусских землях балтских племен – ятвягов (юго-запад), литвы (Центральная Беларусь). Таким образом, на белорусских землях обозначилось региональное деление на северо-восток, восток, центр (смешение кривичского, дреговичского, балтского элементов) и юго-запад, которое приобрело этнокультурный маркер (балтские форпосты в центральной и юго-западной Беларуси, финно-угорский – на севере).

Первые исторически достоверные княжения на землях Беларуси – Полоцкое, Турово-Пинское княжества – наложили на потестарную племенную систему интегрирующие политические институты. Полоцкое княжество в период расцвета включило в себя территорию Беларуси за исключением юго-западной области, что послужило катализатором новых этногенетических процессов.

С XIII в. аккумулирующую роль для белорусских земель стал играть расположенный на западе Новогрудок, ставший столицей нового государства – Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. С точки зрения процесса регионализации перемещение политического центра на запад Беларуси консолидировало своеобразие земель центрального, западного регионов.

С XIII-XIV вв. регионализация Беларуси приобрела ономастическую составляющую – в документах появляются региональные наименования белорусских земель: Белая Русь – применительно к северо-восточному региону, Черная Русь – западным землям, Полесье – южным, Литва – центральным и западным. Наименования были блуждающими и закрепились за белорусскими землями в более поздний период.

В период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (1569-1795 гг.) региональные отличия Беларуси оформились в устойчивых историко-культурных названиях. За северовосточными районами во второй половине XVII в. закрепилось наименование Белая Русь, земли центральной и западной Беларуси продолжали называться Литвой (как и все Великое Княжество Литовское), территория Припятского бассейна - Полесьем, регион Понеманья - Черной Русью. Эта историко-культурная ономастика сохранилась до конца XVIII в. и частично перешла в следующее столетие. В этнонимике это проявилось в широком распространении на северо-востоке названия «белорусец» для обозначения горожан, крестьян; наличии названия «полесцы» [1, с. 130]; употреблении этнонима «литва» («литвины») применительно к жителям центральных и западных регионов Беларуси, а также всей территории компактного проживания белорусов. Наличие регионального самосознания, проявившегося в самоназвании (белорусцы, полесцы), позволяет выдвинуть предположение о субэтническом характере этих регионов.

В традиционной материальной культуре XVII–XVIII вв. прослеживаются региональные отличия северо-восточного региона от центральных и западных земель [2]. Значительное воздействие на формирование региональных особенностей оказало проведение в 1557 г. земельной реформы – «волочной померы». Содержание реформы состояло в закреплении за крестьянским хозяйством в наследственное пользование определенного надела земли – волоки (целой или части), создании в шляхетских имениях производственных комплексов с центрами в фольварках. В наиболее полной степени реформа была проведена на землях западной и центральной Беларуси (Черной Руси, Литвы, Западного Полесья), где вызвала появление специфических культурных особенностей: больших сел (деревень) с линейной уличной планировкой, активное развитие фольварков, игравших существен-

ную экономическую роль до конца XIX в., ослабление экономической функции сельской общины.

Региональные отличия имелись и в религиозной архитектуре, изобразительном искусстве. В культовой архитектуре белорусского барокко (виленского барокко, рококо) XVIII в. прослеживаются отличия полоцко-витебского и слонимско-жировичского регионов [3, с. 152]. Среди иконописных школ XVIII в. устойчивыми традициями выделялась могилевская [4, с. 19].

Показательно, что региональное деление мало соотносилось с конфессиональным: основная масса населения белорусских земель – крестьянство – исповедовала униатство, шляхтичи были преимущественно католиками, горожане – католиками, православными, протестантами.

Административные единицы княжества – воеводства (и входящие в них поветы) были относительно невелики по площади, их количество и объем менялись – от 13 до 9 за период существования государства [5, с. 399], и они не всегда репрезентировали историко-культурные регионы. Локальные регионы были связаны с землями, территориями, имевшими свои названия – Пинская земля, Загородье и Заречье на Пинщине, западные и восточные районы Полесья [1, с. 128–131], Брестская земля.

На основе материалов традиционной материальной культуры, архитектуры городов и местечек XIX - начала XX в. выделяются следующие историко-этнографические регионы: Поднепровье, Поозерье, Полесье восточное и западное), Центральный регион, Понеманье [6, с. 23-36]. Это деление объективно отражает специфику природы и ландшафта, историко-культурные особенности населения Беларуси. Административный раздел белорусских земель в составе России на губернии в определенной степени консолидировал региональные отличия вокруг губернских городов Могилевской, Витебской, Гродненской, Минской губерний. Это деление легло в основу административного членения территория БССР и современной Беларуси; дополнительное выделение Гомельской и Брестской областей в целом коррелирует с восточным и западным регионами Полесья. Вместе с тем административное выделение группы центральных городов отрицательно отразилось на развитии бывших частновладельческих городов, существенно разнообразивших культурную палитру своего края.

Разделение территории Беларуси по Рижскому договору 1921 г. на присоединенную к Польше Западную Беларусь и входившую в состав СССР БССР отразилось на региональном делении белорусских земель в исторической перспективе. Земли Беларуси были искусственно поделены между государствами с различным общественным строем, причем граница прошла через историческую Литву – Центральную Беларусь, поделив ее на две части. Последствия присоединения западнобелорусских земель к Польше – их активные связи с Польшей, преобладание католичества, относительно высокий уровень сохранности исторического культурного наследия и др. – определяет своеобразие этого региона и поныне.

Таким образом, история регионов Беларуси восходит к древнейшим временам археологических культур железного века. Представляется, что решающим фактором в процессе формирования историко-культурных регионов был собственно культурный (этнокультурный), связанный со специфическими, передаваемыми традицией региональными культурными особенностями. Природно-ландшафтный компонент оказался существенным для интеграции региональных особенностей Полесья, а также, в меньше степени, Поозерья. В настоящее время таксономически значимым является региональное историко-культурное деление территории Беларуси на восточную и центральную, западную части, а также Полесье, что соотносится с уходящим в эпоху позднего средневековья выделением на белорусских землях Белой Руси, Литвы и Полесья. Также сохранились традиционные этнографические отличия культуры сельского населения историко-этнографических регионов (архитектура жилья, обычаи и обряды), определенная специфика архитектуры городов. Одним из процессов современной регионализации является развитие на различных уровнях локального, краевого регионализма, в том числе и его новых разновидностей.

Политический региональный фактор сыграл существенную роль в становлении первых форм государственности на территории Беларуси, в дальнейшем характер административного деления белорусских земель в целом находился в контексте региональных отличий, за исключением раздела 1921 г. В различные исторические периоды политическое доминирование на белорусских землях переходило к определенному региону с городом в

центре, который аккумулировал определенную культурную, даже этнокультурную составляющую. В начальный период государственности это были Полоцк и Полоцкое княжество, основывающиеся на кривичском (полочанском) этнокультурном компоненте, затем Минск и Минское княжество периода князя Глеба, наконец Новогрудок как центр Великого Княжества Литовского, где, вероятно, были сильны субстратные балтские влияния. Затем, до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., существовала полицентрическая система городской культуры, когда политическое и экономическое значение города не было связано с его художественной культурой, гуманитарной культурой, палитрой общественной жизни. С XIX в. начал формироваться региональный центризм губернских городов, презентующих свои регионы. И, наконец, со времени БССР оформился моноцентризм столичного Минска - города, политическое, экономическое, культурное возвышение которого в современной истории относится к XIX в. и объективно соотносится с культурой Центрального историкокультурного региона.

Литература

- 1. Углик, И. Г. К проблеме историко-культурной идентификации Полесья в XVII–XVIII веках // Весн. Междунар. института управления (междунар. межрегион. журн.). М. ; Архангельск ; Милан : Ин-т управления, 2011. № 5–6. С. 127–131.
- 2. Вуглік І. Р. Да праблемы рэгіянальных асаблівасцей матерыяльнай культуры беларускіх сялян XVII-XVIII ст. / Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2010. № 2. С. 34-39.
- 3. Габрусь Т. В. Стылістычныя аспекты архітэктуры віленскага барока // Барока ў беларускай культуры і мастацтве / под рэд. В. Ф. Шматава. Мінск : Беларуская навука, 1998. С. 140–166.
- 4. Высоцкая Н. Ф. Сакральная живопись Беларуси XV-XVIII веков / Н. Ф. Высоцкая. Минск : Беларусь, 2007. 219 с.
- 5. Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў трох тамах. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2007-2010. Т. 1. 2007. 687 с.
- 6. Локотко А. И. Историко-культурные регионы Беларуси / А. И. Локотко. Минск : ЕГУ, 2002. 228 с.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970–1980-е гг.

Проблема продовольственного снабжения достаточно остро стояла перед городским населением нашей страны в 1970–80-е гг. Причем каждый населенный пункт СССР был отнесен к одной из «категорий снабжения». Всего их существовало четыре (особая, первая, вторая и третья). Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли ведущие индустриальные предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Урала, Восточной Сибири, Дальнего Востока. Жители этих промышленных центров должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай по более высоким нормам. По данным статистики на 1980 г., на долю государственной торговли приходилось 69,2 % оборота продовольственной торговли, 20,8 % – на кооперативную торговлю, 10 % – на колхозные рынки [12, с. 119]. Очевидно, что рыночный «разгрузочный канал» использовался населением недостаточно.

В материалах очередного съезда (1981 г.) КПСС было отмечено, что потребительская кооперация должна была обеспечить «увеличение сырьевых и продовольственных ресурсов, наращивать производство необходимых товаров за счет более эффективного использования местных материалов и сырья, откорма скота и птицы, разведения и вылова рыбы во внутренних водоемах; активнее вести работу по закупке сельскохозяйственных продуктов у населения и колхозов, полнее использовать возможности увеличения заготовок меда, дикорастущих плодов, ягод, грибов, орехов» [9, с. 80].

Намечаемое партийным съездом ускоренное развитие районов Сибири требовало создания соответствующих условий жизни населения, прежде всего обеспечения населения высококачественным продовольствием. Приведем отрывок из воспоминаний жителей Усть-Илимска: «...Я был поражен обилием продуктов на витринах магазинов. Петр Сергеевич угощал меня осетриной, пойманной в Ангаре» [6]. «Снабжение было замечательное! Я впервые попробовала ананасы свежие, икру тоже кушали». «Очень мне нравилось молоко концентрированное, болгарские соки и овощные салаты, а уж апельсины у нас зимой не переводились, брали их целыми коробками» [2].

Вместе с тем в отдельные годы обеспеченность продовольствием городского населения Иркутской области была ниже, чем в среднем по РСФСР. Кроме того, значительная часть продовольствия завозилась из других областей и республик. Наблюдалось даже некоторое снижение обеспеченности основными продуктами питания, например, потребление молока и молочных продуктов в регионе на одного жителя отставало от уровня РСФСР в 1975 г. на 16 л в год, а в 1986 г. – на 24 л в год; мяса – соответственно на 21 и 36 кг [11, с. 41, 58]. Общественное питание в Приангарье не стало в должной мере массовым, удельный вес его в общем товарообороте по продовольственным товарам составлял чуть более 10 %.

Темпы роста торговой сети на начальном этапе формирования новых городов региона отставали от прироста населения. Многочисленные жалобы горожан на качество торгового обслуживания и ассортимент товаров имели место на протяжении всего периода 1970–1980-х гг. [13, д. 16, л. 95; д. 22, л. 64]. На уровне руководства области принимались многочисленные постановления, однако полностью устранить проблему товарного и продовольственного дефицита за счет внутренних резервов не удавалось [15, д. 22, л. 207; д. 58, л. 161; д. 52, л. 180].

Продовольственные товары населению Иркутской области обходились дороже, чем жителям европейской части страны; это объясняется тем, что розничные цены в государственной торговле (территория региона входила во ІІ и отчасти ІІІ пояса цен), были на 8–9 % выше, чем цены в районах средней полосы РСФСР. Более высокие цены на продовольствие снижали уровень реальной заработной платы. К примеру, стоимость питания одинокого рабочего в Байкальске или в Шелехове была на 16–20 % выше, чем в центральных районах РСФСР, в Братске – на 36 % [10, с. 92].

В городах Приангарья наблюдалась определенная закономерность – обеспеченность продовольственными магазинами здесь была, как правило, выше, чем промтоварными. Низкий удельный вес оборота непродовольственных товаров объясняется тем, что значительную их часть население приобретало в других городах страны в период отпусков. Об этом свидетельствует тот факт, что доля расходов жителей на покупку товаров в своем регионе в общей сумме расходов составляла 56 %, в то время как в целом по стране на эти цели приходилось свыше 70 % расходов горожан [1, с. 43].

Потребительские нужды северных городов Иркутской области обслуживали «Главсевероторг», а также многочисленные управления рабочего снабжения (УРСы) и продснабы. Планирование фондов по хлебопродуктам осуществлялось Управлением хлебопродуктов; по картофелю, овощам и фруктам – Управлением торговли плодоовощами Министерства торговли РСФСР [19, с. 79]. Вопросы поставок кожаной и валяной обуви курировались «Гособувьторгом»; по спичкам и нефтепродуктам – Управлением торговли товарами культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода Министерства торговли РСФСР, а по мебели – тем же Управлением и частично «Главсевероторгом» [5, с. 28]. Такое положение было чревато серьезными последствиями: в случае срыва централизованных поставок города Среднего Приангарья и Верхне-Ленского района не смогли бы обеспечить потребности населения своими внутренними ресурсами.

Вопросы продовольственного снабжения решались на заседаниях союзного и республиканского правительства [17, с. 212]. Вместе с тем нередко уровень снабжения продуктами и товарами населения городов-новостроек был более высоким, чем областного центра [14, д. 92, л. 192; д. 48, л. 126; д. 22, л. 64]. Слово «снабжение» тогда означало нечто большее, чем в наши дни. Считалось, что в Ангарске снабжение лучше, чем в Иркутске. Иркутяне часто ездили к соседям за продуктами. Очевидцы тех событий опубликовали свои комментарии в региональной прессе: «Надо было приезжать с утра, иначе ничего не купишь: после обеда все убиралось с прилавков, чтобы иркутяне не скупили - больше всего их после обеда приезжало» (М., 45 лет, Иркутск). Удачей для жителей не только областного центра, но близлежащих сельских населенных пунктов считалось прикрепиться к «ангарскому снабжению». «Приходил полный автобус из Ангарска. У нас и носки были, и колбаса, и масло. Хоть и по талонам, но было» (Ж., 38 лет, с. Усть-Куда) [7].

В период «повального» дефицита жителям Байкальска также жилось легче. Во всяком случае, проблема «отоварки» талонов перед ними не стояла столь остро и ассортимент был шире, чем в областном центре [8]. В условиях острого продовольственного кризиса росло потребление тех групп населения, которые имели доступ к соответствующим видам продукции (работники торговли и общепита, непосредственно связанные с реализацией мясо-

продуктов; работники оборонных предприятий, снабжаемые в приоритетном порядке) за счет сокращения потребления прочих групп населения. Это вело к снижению потребления мяса, мясопродуктов, молока и животного масла в малообеспеченных семьях [22, с. 175].

Иркутская область в 1989 г. имела самый низкий удельный вес сельского населения во всей Восточной Сибири (19,5 %) [4, с. 356]. Недостаток трудовых ресурсов в сельском хозяйстве при низкой эффективности труда явился серьезной преградой для решения продовольственной проблемы. Стагнация аграрного производства способствовала привлечению горожан к сельскохозяйственным работам (во время уборочной страды привлекалось до 20 % всего активного городского населения) [16, с. 23].

Сельское хозяйство все меньше справлялось с задачами продовольственного снабжения региона. В Иркутской области не выполнялись в полном объеме обязательства по поставкам продукции. С начала 1988 г. этот показатель был выполнен на 93 % (самый низкий показатель в РСФСР), было не поставлено продукции на 70 млн руб. [3, д. 13, л. 20]. В областной прессе сообщалось: «Из 230 наименований продуктов в списке проверка выявила отсутствие 125 (в том числе: сыры и молочные продукты, мясо и мясные полуфабрикаты, колбасы, чай и кофе, кондитерские изделия и др.)» [20].

Потребление мяса на душу населения (в период с 1985 по 1992 гг.) сократилось на 2 кг, молока и молочных продуктов - на 18 л, сахара - на 16 кг. В то же время возросло потребление хлеба со 110 до 115 кг, картофеля - со 110 до 153 кг, которые в последующие годы стали основными продуктами питания для широких слоев населения области [18, с. 25]. На некоторые продукты питания были введены нормы выдачи в одни руки: 400 г сливочного масла, 1 кг колбасных изделий и т. п. За этими продуктами выстраивались огромные очереди, в которые взрослые брали с собой и детей, чтобы отовариться на всю семью на месяц по указанной нормировке. Одной из причин этого, по мнению экспертов, была утечка товаров за пределы региона. По данным печати, в Иркутской области оставалось 20 % макаронных и кондитерских изделий, 2 % чая, 3 % дрожжей, 20 % муки, 26 % овощей [23]. В газете «Советская молодежь» регулярно публиковались статистические данные по области - сколько было произведено или

привезено продуктов, или, например, о том, что органы ОБХСС выявили 291 нарушение и нашли скрытых товаров на 22 тыс. руб. [21]. Однако даже такое тщательное отслеживание передвижения произведенных продуктов не решало продовольственную проблему в городах региона. Продовольственный дефицит только обострился к началу 1990-х гт.

Примечания

- 1. Бернвальд А. Р. Региональные проблемы товарного обращения в районах Сибири и Дальнего Востока. М.: Наука, 1984.
- 2. Воспоминания Е. В. Турчаниновой, 1970 г. р., М. П. Антоновой 1969 г. р.; место проведения беседы г. Усть-Илимск; дата 19. 08. 10.
- 3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 126.
- 4. Гонина Н. В. Урбанизация в Восточной Сибири во второй половине XX в. «псевдоявление» или объективный процесс?// Иркут. ист.-эконом. ежегодник. 2009. Иркутск, 2009. С. 78–79.
- 5. Ерохина С. Н. Организация торговли в труднодоступных районах. М. : Экономика, 1978.
- 6. Илиров Г. Мы не гнались за «длинным» рублем // Усть-Илимская правда. 2001. 5 декабря.
- 7. Карнаухов А. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Вост.-Сиб. правда. 1990. № 211. 14 сент.
- 8. Кузнецов $\hat{\Gamma}$. Город Байкальск между прошлым и будущим // Вост.-Сибирская правда. 2000. 16 ноября.
 - 9. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981.
- 10. Некоторые вопросы адаптации молодых рабочих / Мельников Γ . И. и др. В. Н. //Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири. Иркутск, 1971.
- 11. Народное хозяйство Иркутской области : стат. сборник / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Иркутской обл. / гл. ред. Соколов В. Д. Иркутск : Вост.-Сиб. издво,1975. С. 41; Народное хозяйство Иркутской области: Статистический сборник. Иркутск: Вост. -Сиб. изд. во, 1986.
- 12. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 119. Показатели рассчитаны для сопоставимого круга товаров. Судя по всему, этот показатель мало изменился с 1960 г. (Народное хозяйство СССР в 1960 г. С. 680).
- 13. «О письмах трудящихся, поступивших в обком КПСС в 1980 году» // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109; «О фактах нарушения правил советской торговли в области» // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109.
- 14. «О серьезных недостатках в организаторской и политической работе по выполнению программ обеспечения продовольственными и промышленными товарами, жильем» //ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 128; «О недостатках в организации торговли продовольственными товарами в Иркутской области» //ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 108; «О фактах нарушения правил советской торговли в области» //ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 109.
- 15. «О ходе строительства объектов легкой и пищевых отраслей промышленности в области» //ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 103; «О мерах повышения качества выпускаемой продукции на предприятиях легкой промышленности области»//

ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 108; Условия областного соц. соревнования среди городов области за увеличение производства, расширение ассортимента и повышение качества товаров народного потребления //ГАНИИО. Ф. 127., Оп. 113.

- 16. Политическая информация. 1989. № 4. С. 23.
- 17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 июля 1977 г. «О мерах по дальнейшему развитию торговли» // Справочник партийного работника. Вып. 18. М.: Политиздат, 1978, С. 212.
- 18. Потребление основных продуктов питания населением Иркутской области за 1990-1992 гг. : сборник / Госкомстат РФ ; Иркутское областное управление статистики; ИИНХ. Иркутск, 1993. С. 25.
- 19. Рыков В. М. Продовольственная база ТПК: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса. Иркутск, 1986. С. 79.
 - 20. Советская молодежь. 1989. 6 марта.
 - 21. Советская молодежь. 1990. 16 сентября.
- 22. Трофимов А. В., Вельбой М. А. Проблема товарного дефицита в СССР 1980-х гг. в современной историографии. М.: Наука, 2009. С. 175.
 - 23. Филиппова В. Крест дефицита //Вост.-Сиб. правда. 1989. 4 июля.

ХИСАМУТДИНОВА Р. Р.

ВЫСЕЛЕНИЕ УРАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН В СИБИРЬ ПО ИЮНЬСКОМУ УКАЗУ 1948 г.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на неисчислимые лишения и трудности, сельские труженики страны совершили жертвенный подвиг во имя Победы, поставляя необходимое количество сельскохозяйственной продукции стране. Сельское население жило с надеждой на улучшение своего положения после окончания войны. Однако их надежды не оправдались. В условиях начавшейся холодной войны Советское правительство не изменили модель своего экономического развития. Как и в 30-е гг., упор делался на восстановление и дальнейшее развитие тяжелой промышленности и на укрепление обороноспособности страны, а это требовало огромных материальных и финансовых затрат. Рассчитывать на внешние займы не приходилось, поэтому восстановление промышленности и разрушенной страны тяжелым бременем ложилось на плечи сельских тружеников. Сельское хозяйство продолжало развиваться по остаточному принципу, что приводило к сохранению командноадминистративных и репрессивных методов в этой отрасли. Голод 1946-1947 гг., отсутствие материальной заинтересованности приводили к тому, что дисциплина, производительность труда в колхозах и совхозах падали.

В условиях нехватки финансовых средств, трудоспособных сил в деревне правительство вновь пошло на применение устрашающих мер, чтобы заставить сельских жителей почти бесплатно работать в колхозах и совхозах и под угрозой ареста платить непосильные налоги.

Наиболее жесткую позицию в отношении деревни в эти годы занимал первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины Н. С. Хрущев, будущий архитектор «оттепели». Именно по его инициативе и непосредственном участии 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ «О выселении из Vкраинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Вначале указ действовал только в 16 восточных областях Украины, а со 2 июня 1948 г. охватил всю территорию СССР, за исключением западных областей Белоруссии. З июня было принято секретное постановление Совета Министров СССР «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» за подписью Сталина и Чадаева, в котором был подробно расписан порядок применения указа на практике и определены районы размещения будущих спецпереселенцев в бассейне рек Оби, Енисея и Лены.

Это был один из репрессивных указов послевоенного времени (не случайно же Сталин, одобрив проект указа, сделал пометку «не для печати»), рассчитанный на очередное запугивание крестьян, не проявлявших должного рвения к работе в общественном хозяйстве.

На основании указа по приговорам общих собраний и сельских сходов за невыполнение обязательного минимума трудодней и прочие «грехи» колхозников выселяли, как правило, на 8 лет. После собрания, чтобы не сбежали, приговоренных сразу арестовывали. До отправки в места поселения, в ожидании заявок МВД на рабочую силу приговоренных держали на сборных пунктах и в камерах предварительного заключения. В документах жертвы указа назывались спецпереселенцами, «указниками», а чаще осужденными.

Кроме выселения применялась и другая мера наказания лиц, «уклоняющихся от трудовой деятельности», – предупреждение о возможной высылке. В этом случае колхознику или рабочему совхоза для исправления давался двух- или трехмесячный испытательный срок с письменным обязательством исправиться и честно трудиться, выполняя обязательный минимум трудодней. Если взятые обязательства нарушались, то до истечения указанного срока общее собрание могло заменить предупреждение высылкой.

Целью указа было укрепление трудовой дисциплины в колхозах путем запугивания народа, стремление заставить работать колхозников за полностью неоплачиваемые трудодни и одновременно загнать в колхозы и совхозы как можно больше жителей села из так называемого околоколхозного населения. Поскольку в послевоенной деревне тунеядцев насчитывалось единицы, то под действие указа в основном попали фронтовики, вдовы, старики и молодежь, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть войны.

25 мая 1948 г. закрытое письмо ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР «О задачах партийных и советских организаций в связи с предстоящим проведением мероприятий по выселению в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» было разослано обкомам и облисполкомам. 25—27 мая письмо было получено последними.

Vральские обкомы партии, получив закрытое письмо ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, провели совещания первых секретарей райкомов и горкомов партии и председателей гор-, райисполкомов, на которых их ознакомили с закрытым письмом и определили районы, где должны быть проведены первые собрания по указу. Молотовский обком партии провел совещание 1 июня и определил 4 района, Башкирский обком – соответственно 2 июня и 11 районов, Свердловский - 5 июня, Курганский - 14 июня. В Молотовской области после проведения первых колхозных собраний 18 июня было созвано вторичное совещание первых секретарей группы районов, на котором подведены итоги собраний и намечены еще 11 районов, 19 июня - в Башкирии [1]. Проблемы применения указа в Челябинской области обсуждались два раза на совещании секретарей райкомов ВКП(б), на бюро обкома ВКП(б), где задавались вопросы о применении указа на практике, на которые не мог ответить даже первый секретарь обкома партии А. А. Белобородов. Например, как быть с имуществом выселяемых, конфисковывать, как в 30-е гг. или нет? Какие категории сельских тружеников должны попасть под действие данного указа и т. д. [2]. Аналогичные вопросы задавались также при проведении совещания Свердловским обкомом партии (27 вопросов) [3]. Чкаловский и Удмуртский обкомы сразу после получения закрытого письма поручили секретарям райкомов и председателям райисполкомов совместно с начальниками районных отделов МГБ и МВД сразу в каждом районе начать работу по отбору лиц, вопрос о выселении которых будет обсуждаться на первых колхозных собраниях [4].

Колхозные собрания готовились, как правило, тщательно и проводились с одной и той же повесткой дня и по одному и тому же сценарию. Сначала проводилось колхозное партийное собрание в присутствии первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника районного отдела МВД, где подбирались кандидатуры для выселения и предупреждения, назначались докладчик (в основном председатель колхоза) и выступающие в прениях из числа коммунистов. Затем проводилось собрание комсомольско-колхозного актива, где обсуждались те же вопросы; после него сразу же проводилось колхозное собрание, чтобы информация не доходила до колхозников. Общие собрания проводились везде со следующей повесткой дня: о состоянии трудовой дисциплины в колхозе и о мерах борьбы с лицами, злостно уклоняющимися от трудовой дисциплины и ведущими антиобщественный образ жизни. С докладом по этому вопросу выступали председатели колхозов, а с разъяснением указа – председатели сельских советов.

Первые собрания очень тщательно готовились обкомами и облисполкомами. На них обязательно присутствовал первый секретарь обкома партии или председатель облисполкома, или председатель Совета Министров.

Собрания предписывалось проводить в колхозах, где трудовая дисциплина была относительно хорошей, так как боялись, что если проводить собрания в колхозах с плохой дисциплиной, то указ не пройдет.

Больше всех колхозных собраний по применению указа было проведено в Чкаловской области – в 10,5 % колхозов и Челябинской – в 10,6 %, меньше всего в Курганской – в 1,9 % и Свердловской – в 2,9 % колхозов. В Башкирии проведено в 5,5 %, Молотовской области – в 5,9 % и в Удмуртии – в 4,6 % колхозов.

Перегибы при проведении этой репрессивной кампании были достаточно распространенными. Так, в колхозе им. Калинина Красноармейского района Челябинской области вынесли приговор о выселении Т. М. Хряковой, имевшей беременность 7 месяцев, муж которой находился в рядах Красной Армии. Имели место факты вынесения приговоров на выселение женщин, имеющих по 4-5 несовершеннолетних детей. В Курганской области по Шатровскому району представили к выселению человека, который потерял ногу на войне [5, c. 347, 351, 352].

Аналогичные ошибки допущены были и в БАССР. Так, на общем собрании граждан с. Соколово Краснокамского района решили выселить Г. М. Ценева, инвалида Отечественной войны 2-й группы, и его жену с тремя малолетними детьми и матерью 67 лет, в селе Бекешево Баймакского района – колхозницу Е. Г. Мочалкину, имевшую 8 детей, страдавшую трахомой и т. д. За период с 11 июня 1948 г. по 1 сентября 1949 г. в Удмуртии поступило 93 жалобы на неправильные действия местных органов власти по выселению, из них удовлетворена была только одна [6].

Обкомы партии еще раз после райкомов партии и райисполкомов проверяли документы на выселение и отменяли ряд решений общих колхозных собраний на выселение как неправильные. Всего по Уралу были отменены обл- и райисполкомами как неправильные 161 общественный приговор.

Несмотря на предварительную и тщательную подготовку колхозных собраний, присутствие на них специальных представителей (начальника РО МВД, партийно-советского актива), от которых зависела судьба всех и каждого, голосование за выселение сельчан иногда проходило с большими трудностями. В отчетах райкомов партии, посланных в обкомы, указаны десятки, сотни людей, голосовавших против выселения, воздержавшихся или совсем не голосовавших. Даже по официальным данным в Удмуртии и Башкирии их доля составила 7 % от общего числа присутствовавших на общих собраниях, в Молотовской - 7,1 %, Курганской - 15 %, Челябинской - 16 %, Чкаловской - 19,2 %. При реализации июньского указа в регионе были попытки сорвать ход колхозного собрания и попытки к бегству со стороны намеченных к выселению колхозников (11 человек), а также случаи, когда доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей

колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам (в Чкаловской области).

Все эти факты свидетельствуют о том, что сопротивление июньскому указу было. Уральская деревня не безропотно восприняла данный указ.

Июньский указ 1948 г. способствовал укреплению трудовой дисциплины в колхозах. Число трудоспособных в колхозах Челябинской области, не выработавших обязательный минимум трудодней, сократилось с 8,9 % в первом полугодии 1948 г. до 3,7 % во втором периоде, в колхозах Чкаловской области – соответственно с 13 до 6,7 %, БАССР – с 12,2 до 5,3 % [7].

Однако правительство своим постановлением от 2 июня 1948 г. лишь на время укрепило трудовую дисциплину, так как данные меры не были подкреплены материальной заинтересованностью крестьян. Поэтому уже в последующие годы начался рост числа колхозников, которые не вырабатывали обязательного минимума трудодней.

После применения указа увеличилось число единоличников, изъявивших желание вступить в колхоз. В Чкаловской области на 1 сентября 1948 г. подали заявления о вступлении в колхоз 348 человек, в Удмуртской АССР к 9 сентября – 1294 единоличника, в Курганской области к 1 октября – по 5 районам 290 хозяйств [8].

Летом 1948 г. последовали самые обильные репрессии. В целом по СССР было направлено на спецпоселение 33 266 человек, за которыми последовали 13 598 членов их семей.

Всего с Урала было отправлено в Сибирь 1644 человека, что составляет 4,9 % от общесоюзных показателей. Больше всего выслано было из автономных республик: из Башкирии – 397 человек (из них колхозников 345 и единоличников 52) и из Удмуртии – 368 человек, меньше всего из Курганской области – 38 (из них колхозников 31) и из Свердловской области – 101 человек, почти одинаковое количество из Молотовской – 276, Чкаловской – 252 и из Челябинской – 212 человек (из них колхозников – 154 и единоличников – 58). Вместе с ними выехало добровольно 819 членов их семей. Основную массу их составляли дети. Всего предупреждено было 3143 человека – в 1,9 раза больше, чем высланных. Колхозники старались больше предупреждать, нежели высылать своих односельчан [5, с. 369–370].

Репрессивная политика конца 1940-х годов в определенной мере стала следствием предыдущей войны, так как массовая убыль трудоспособного населения, в том числе в аграрном секторе, требовала восполнения потерь любой ценой. Применяя репрессивные меры, власти пытались в какой-то мере компенсировать негативные последствия войны.

Литература

- 1. ГОПАПО. Ф. 103. Оп. 14. Д. 134. Л. 30, 31; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 314. Л. 56, 62, 63; Д. 315. Л. 73, 76; Оп. 138. Д. 40. Л. 67; ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 186. Л. 29—30;Д. 22. Л. 239–240; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 234. Л. 90, 95–97.
 - 2. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 162. Л. 68.
- 3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 234. Л. 90, 95–97; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 314. Л. 56, 62, 63. .
 - 4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 314. Л. 49; ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5213. Л. 14.
- 5. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945-март 1953 гг.). Оренбург, 2003. 608 с.
- 6 ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 28. Д. 22. Л. 234–236; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 315. Л. 116; Л. 179
 - 7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 129. Л. 97; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 201. Л. 51. 8 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 40. Л. 30; Оп. 122. Д. 315. Л. 77.

ХОМЕНКО Д. Ю.

ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ НЕРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ)

Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. оказали значительное влияние на развитие территории. Одним из результатов переселений стало изменение этнического состава населения Сибири. Не стала исключением и Енисейская губерния. Сравнение данных Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. и Всесоюзной переписи 1926 г. показывает, что число жителей Приенисейского края возросло за 30 лет с 57 159 человек в 1897 г. до 1 375 094 в 1926 г. В разы увеличилось количество белорусов (с 455 до 113 260), украинцев (с 21 421 до 88 541), латышей (с 1445 до 16 330), немцев (с 946 до 3167), эстонцев (с 1406 до 9939), татар (с 5991 до 23 809) [5, с. 52–55; 14, с. 205–207].

Водворяясь на переселенческих участках, переселенцы создавали компактные этнические поселения, в которых сохраняли

традиции и обычаи, практиковали привычные формы ведения хозяйства. Например, первым украинским поселением в Енисейской губернии стало с. Межовское в Агинской волости Канского округа, основанное в 1891 г. [6, с. 46]. На территории современного Партизанского района до сих пор сохранились поселения, в которых проживают эстонцы-сету – потомки переселенцев начала XX в., сохранившие свою культуру и язык [4, с. 159]. На территории Большемуртинской волости Красноярского уезда и Бельской волости Енисейского уезда были основаны компактные поселения татар – выходцев из Казанской губернии: д. Верхне-Казанская, Ново-Исламская и др. [2].

Вопросы переселения, обустройства в Сибири и ведения хозяйства переселенцами активно обсуждались в печати. В Енисейской губернии этими вопросами специально занималась газета «Сибирская деревня», издававшаяся с 1913 по 1917 г. включительно Восточно-Сибирским обществом сельского хозяйства, промышленности и торговли (в 1912–1913 гг. именовалась «Справочником»). Изучение материалов прессы позволяет получить представление о ходе адаптации переселенцев к сибирским условиям.

Деревня Каминская Уринской волости Канского уезда была заселена с 1896 по 1902 г. исключительно выходцами из Полтавской губернии. Корреспондент «Сибирской деревни» обратил внимание на хищническое отношение переселенцев к предоставленным в пользование землям: за 18 лет они полностью вырубили леса, «до того дошло, что с трудом добывают крестьяне дрова». При этом автор указывает, что жители деревни «мечтали» о разделе надела на отруба, «чтобы каждый крестьянин знал навсегда свой участок земли, где бы и мог поберечь наросший молодой лесок» [7, с. 16]. Можно предположить, что привыкшие к наличию собственного, выделенного из общего надела отруба, украинцы воспринимали общественный надел как «ничью» землю, почему и относились к нему хищнически.

Белорусы из Могилевской и Витебской губерний, поселившиеся на участках вблизи деревни Тарховой Бельской волости Енисейского уезда, за пять лет смогли относительно обустроиться на новом месте: выстроили избы-пятистенки, хозяйственные постройки, бани, теплые дворы для скота и т. д. Корреспондент Замарай отмечал, что белорусы лучше ухаживают за рогатым скотом, чем старожилы. Отличительной чертой хозяйства пересе-

ленцев было наличие большого количества свиней. Белорусы выращивали русскую длинноухую породу свиней, убойный вес которых составлял 6–10 пудов, в то время как старожилы деревни Тарховой выращивали свиней такой же породы, но имели результаты в 2–4 пуда убойного веса. Кроме того, переселенцы активно занимались огородничеством, выращивая картошку и другие овощи.

Отмечая положительные стороны белорусских хозяйств, корреспондент указывал, что при этом урожайность хлеба у переселенцев была ниже, чем у старожилов. Причина этого крылась в незнании белорусами местных условий: например, слишком рано производился посев [8, с. 9–12].

Одной из отраслей хозяйства, принесенных переселенцами в Сибирь, было льноводство. Специалист по льноводству и льнообработке П. Соболев в 1916 г. инспектировал Канский и Ачинский уезды Енисейской губернии и Нижнеудинский уезд Иркутской губернии. Он отметил, что в Ново-Новоселовской волости и районе Зачулымья Ачинского уезда среди переселенцев преобладает хуторское хозяйство, на котором и развивается промышленное льноводство «в довольно значительных размерах, доходящих местами у отдельных домохозяев до 6, 7, 8 и 9 десятин». Проживали на хуторах «эсты и латыши (католики и лютеране) из Витебской и Лифляндской губерний» [12, с. 3].

Среди переселенцев из Западных губерний попадались ремесленники. Например, жители участка Винданского Неванской волости Канского уезда, переселившиеся сюда в 1912 г. из Курляндской губернии, опубликовали в № 19–20 «Сибирской деревни» за 1916 г. своеобразную рекламу. В ней указывалось, что среди них «имеются всякого рода ремесленники, как то: портные, столяры, кузнецы и плотники. Умеем изготовлять все сельскохозяйственные машины и орудия не хуже фабричного изделия». Из этой же заметки становится ясно, что им было очень сложно найти спрос на свои услуги [11, с. 14].

Касательно переселенцев-латышей автор А. Хуторянин отмечает в специальной статье отличия латышского хозяйства от хозяйства старожилов-сибиряков: стремление селиться на хуторах, введение семипольного севооборота и «параллельно вводимое при полеводстве скотоводство», выращивание корнеплодов и кормовых трав для скота, засевание ягодных садов, в частности

клубникой, использование в хозяйстве машин и удобрений (как навоза, так и искусственных). Кроме того, к положительным сторонам переселенцев-латышей автор относит почти поголовную грамотность, одновременно отмечая, однако, что в Сибири пока что школьное дело даже у них не слишком развито. Причину более высокого уровня латышских хозяйств, по сравнению с старожильческими А. Хуторянин видит в более высоком уровне культуры переселенцев [13, с. 6-7].

Некоторые из переселенцев достигали высоких результатов. Например, в 1913 г., в связи с 300-летием Дома Романовых, крестьянин участка Каменский Уярской волости Канского уезда Эдуард Яковлевич Туц получил премию в размере 300 руб. Вместе с другими латышами он переселился из Лифляндской губернии в 1897 г. и завел хуторское хозяйство. Участок, который достался Э. Туцу, составил 42 десятины. Он занимался земледелием, скотоводством, пчеловодством, огородничеством, ягодным садоводством, охотой на белку, льноводством, использовал машинную технику (веялку-сортировку, сеялку). Средства для хозяйства Э. Туц брал в ссуду в Уярском кредитном товариществе [3, с. 2-4].

Однако отмечались и «дурные» стороны переселенцевлатышей. Тот же А. Хуторянин указывал на «пьянство и сильно развитое среди них тайное винокурение» [13, с. 7].

О широком распространении самогоноварения, которое перенималось и старожилами, писали многие авторы. Отмечалось, что особенно сильно этот промысел был развит среди «западных» переселенцев: латышей, эстонцев, белорусов. Причинами широкого распространения самогонки именно среди переселенцев современники называли следующие факторы: отсутствие у переселенцев в первые годы свободных средств, на которые можно было бы приобрести водку, и наличие большого количества дешевого хлеба [1].

С началом Первой мировой войны и введением сухого закона самогоноварение получило еще большее распространение. Однако авторы, писавшие в «Сибирскую деревню» на эту тему, неизменно отмечали, что первоначально самогонка появлялась именно в переселенческих поселках. Например, в Кияской волости Красноярского уезда первыми самогонщиками «были эстонцы, за ними начали латыши, а затем пошло по всей волости» [9, с. 16]. Жители Салбинской волости Минусинского уезда, состо-

явшей из переселенцев, преимущественно белорусов и латышей, снабжали «этим продуктом (самогонкой) почти весь громадный Минусинский уезд» [10, с. 16].

Таким образом, этнические переселенцы, водворившиеся в Енисейской губернии, приносили с собой и успешно распространяли новые, неизвестные старожилам (либо слабо распространенные среди них) отрасли ведения хозяйства (льноводство, свиноводство, самогоноварение). Одновременно с этим, в ведении традиционного для Сибири хлебопашества переселенцы отставали от старожилов, так как им приходилось долго приспосабливаться к местным климатическим условиям.

Литература

- 1. А. Б. Самогонка // Сибирская деревня. 1914. №11. С. 10-12.
- 2. Государственный архив Красноярского края. Ф. 160 (Енисейская казенная палата). Оп. 1. Д. 2236, 2019, 2419, 2360.
- 3. За что были премированы хозяйства Э. Туца и Ф. Гребнева // Сибирская деревня. 1914. №10. С. 2–5.
- 4. Ойнец-Николаева В. А. Эстонцы в Сибири в XXI веке. Музейный проект как символ сохранения и развития // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск: Кларетианум, 2004. С. 159–165.
- 5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. LXXIII. Енисейская губерния. СПб. : тип. кн. В. П. Мещерского, 1904. X,184 с. ;
- 6. Прядко И. А. Украинцы в Енисейской губернии: история переселения, быт, культура // Межэтнические связи Енисейского региона (XVIII XX вв.) Красноярск: Кларетианум, 1997. С. 45-48.
 - 7. Сибирская деревня. 1914. № 24.
 - 8. Сибирская деревня. 1915. № 4.
 - 9. Сибирская деревня. 1915. № 6.
 - 10. Сибирская деревня. 1915. № 9.
 - 11. Сибирская деревня. 1916. № 19-20.
- 12. Соболев П. Льноводство в Енисейской губернии // Сибирская деревня. 1917. № 15 С. 2–6.
- 13. Хуторянин А. Латыши в Сибири (очерк) // Сибирская деревня. 1915. №5. С. 6–7.
- 14. Этническая история народов Красноярского края : библиогр. указ. Красноярск : ИПЦ «КаСС, 2006 208 с.

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ФОРМИРОВАНИИ СОДЕРЖАНИЯ ГАЗЕТ В 1920-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА, КРАСНОЯРСКА И ВЕРХНЕУДИНСКА)

Период 1920-х гг. стал новым этапом в развитии журналистики Восточной Сибири. Этот период уникален тем, что впервые местное население стало принимать участие в формировании содержания газет, а советская пресса начала приобретать статус источника информации, степень доверия к которому была очень высокой. Факты, опубликованные в газете, не подвергались сомнению – такому результату предшествовало десятилетие кропотливой работы «на местах» – редакционных коллегий и сотрудников агитационно-пропагандистских отделов. На 20-е гг. приходится возникновение и развитие рабселькоровского движения, в работе редакций появилось новое – организационномассовое направление. Более того, «много внимания газета уделяла формированию внештатного актива, который рассматривался в советской печати как важнейший элемент редакционной деятельности» [3, с. 126].

Попробуем воссоздать картину развития рабселькоровского движения в Восточной Сибири на примере трех городов - Иркутска, Красноярска и Верхнеудинска.

В 1921-1922 гг. местная пресса переживала непростые времена - с вступлением в силу Декрета «О введении платности газет» в ноябре 1921 г. редакционным коллегиям пришлось перестраивать свою работу, занимаясь не только содержанием газеты, но и работать над системой продвижения издания на рынке, привлечением подписчиков. Далее в жизни восточносибирской газеты последовал второй этап, связанный с изменениями в ее финансовохозяйственной деятельности, - переход на хозрасчет. На фоне этих финансово-экономических изменений перед главными редакторами стояла еще одна задача – установление диалога с читателем.

Первым шагом в «организации связи с крестьянской массой» стали выпуски «живой газеты», в которых принимали участие редакторы «Красноярского рабочего». На территории губернии были созданы агитпункты, где организовывалось чтение «живой газеты». 16 мая 1921 г. в агитпункте, расположенном на вокзале

города Красноярска, зрителями «живой газеты» стали более 200 человек. В течение 1921-1922 гг. редакционный коллектив «Красноярского рабочего» - Бетонов, Березовский и Дубанский проводили встречи с трудовыми коллективами предприятий Красноярска, выявляли наиболее активных общественников и подключали их к изданию стенных газет на предприятиях. Наиболее злободневные материалы публиковались в газете «Красноярский рабочий». Уже к декабрю 1922 г. «кружки рабкоров» были созданы на большинстве предприятий Красноярска. В заметке «Боязнь гласности» был описан случай из жизни рабкора-железнодорожника коллега из багажной кассы обвинял его в передаче служебной информации газете. «Не успел я войти в кассу, как какой-то тип с беспокойно бегающими глазами, с длинной бородой, набросился на меня» [5, с. 2]. Информационный материал, который так задел железнодорожника, содержал комментарий одного из руководителей красноярской железной дороги Семенова, который отмечал, что «багажные и билетные кассы неблагополучны по взяткам».

С 1923 г. в Енисейской губернии стали проводиться собрания рабкоров. Такие встречи приобрели системный характер, каждые две недели подводились итоги работы корреспондентов, ставились цели на ближайшие две недели. На собрании рабкоров, состоявшемся 4 октября 1923 г., штатные сотрудники газеты «Красноярский рабочий» Львов и Иванов выступили с докладом о деятельности рабкоров: «Работа по сравнению с прошлым двухнедельником оживилась, но все же были дни, когда за недостатком материала от рабкоров, приходилось усиленно работать сотрудникам редакции. 32 рабкорами доставлена 91 заметка» [6, с. 2–3]. К октябрю 1923 г. число постоянных участников рабселькоровской организации при газете «Красноярский рабочий» составило 91 человека.

«Участие рабкоров в газете выразилось в 33 % против 26 % прошлого двухнедельника – это мало, необходимо участие рабкоров довести до 60–70 %. Значительно сократилось участие случайных корреспондентов: с 36 % оно снизилось до 24. Опровержений поступило 3» [6; с. 2–3]. Работа самых активных рабкоров поощрялась редакцией, в Енисейской губернии газетой «Красноярский рабочий» даже было введено звание Почетного рабкора.

В развитии рабселькоровского движения в Восточной Сибири учитывался опыт работы с внештатными корреспондентами

главной большевистской газеты «Правда». Темы заметок рабкоров «Правды» нередко проецировались на местный уровень, рабкоры получали задание редакции по освещению вопросов быта рабочих, рабочей кооперации, отношения рабочих к производству.

Следующим этапом привлечения внимания населения к местной прессе стал ввод постоянных рубрик «По следам заметок», «Почтовый ящик», «Из писем в редакцию», «Рабочие отклики». Впервые именно в начале 1920-х гг. в газетах Восточной Сибири регулярно стали публиковаться отклики и мнения читателей, в годы нэпа местной прессе удалось установить диалог с читателем. Газета «Красноярский рабочий» общению с читателями уделяла ежедневно до полутора полос в выпуске. Редакцией «Красноярского рабочего» была разработана схема, позволившая в оперативном порядке отвечать читателям, упростившая работу с обращениями - каждому обращению в редакцию, мнению, объявлению и письму присваивался порядковый номер. Таким образом, к любой теме, поднимаемой в газете, легко было вернуться, возобновить ее обсуждение. На заметку рабкора железнодорожных мастерских, опубликованную в декабрьском номере «Красноярского рабочего», о тяжелых условиях труда работников железной дороги в январе 1927 г. в рубрике «По следам заметок» был помещен ответ-комментарий начальника железнодорожных мастерских: «Паровой кран заходит в вагонный цех в целях облегчения работы, а отменить его заходы в цех в дневное время нельзя. Возможное сокращение работы паровозов по маневрам в дневную смену будет сделано» [7, с. 2].

Рабселькоровское движение в Енисейской губернии полностью сформировалось к 1927 г. В протоколе первого окружного совещания рабселькоров, состоявшегося в январе 1927 г., отмечена их роль в проведении режима экономии в Красноярске. Докладчик Рудаков отметил, что в рамках проводимого на территории режима экономии рабоче-крестьянская инспекция работала в тесном взаимодействии с рабселькорами. Работа эта была признана удовлетворительной, а «политическая линия правильной» [7, с. 2]. По итогам встречи была принята резолюция, в соответствии с которой рабселькоровской организации предстояло усилить всестороннее освещение работы производственных совещаний и экономкомиссий; больше внимания в своих материалах уделять «делу повышения трудовой дисциплины и производи-

тельности труда, принимая во внимание, что рост зарплаты не должен обгонять роста производительности труда».

В 1926 г. отделом печати ЦК ВКП(б) было разработано Положение о кружке селькоров. Этот нормативный документ был применен к местным условиям Енисейской губернии и представлен в январе 1927 г. рабселькоровской организации, созданной при газете «Красноярский рабочий». Положение состояло из трех разделов – задачи кружка селькоров, работа кружка селькоров и организация кружка селькоров. Работа кружка селькоров заключалась, в том числе, в организации занятий, бесед о кооперации, «о работе сельсоветов, о культработе, о революционной законности, о связи между промышленным и сельским хозяйством и т. п., ставя обсуждение этих вопросов в связи с местными условиями и задачами селькоровской работы» [10].

Первая городская конференция рабочих и военных корреспондентов газеты «Бурят-Монгольская правда» состоялась в Верхнеудинске в мае 1925 г. Лозунгами конференции стали: «При культурной отсталости населения Бурятии на рабкоров возлагается большая задача по воспитанию этих масс», «Зоркое око рабкора - гроза для капиталистического мира», «Пусть рабкоры придут в деревню да советом и делом помогут» [9]. В конференции приняли участие 194 человека - рабочие и военные корреспонденты, редакционная коллегия газеты «Бурят-Монгольская правда», руководство Буробкома РКП(б), БурЦИКа и СНК, Бурпрофсовета, Буручкома и Буриздата. К маю 1926 г. при газете насчитывалось уже 250 селькоров. «Армия рабселькоров растет и крепнет, - писала в 1926 г. «Бурят-Монгольская правда», - состав - разнообразный. Здесь и батраки и средняки, агрономы, учителя, избачи. Одно печально - мало женщин. Твердо закрепившихся насчитывается 23» [1, с. 1-4].

Нередки были в прессе заметки об убийствах рабселькоров. «Чистка низового аппарата на местах, чистка не механическо-хирургическая, а путем внимательного наблюдения, контроля, освещения вопроса в печати – становится одной из самых злободневных проблем. Мы потеряем чрезвычайно много, если не сумеем наладить честного и культурного низового аппарата советской власти на деревне – это крупнейшая общеполитическая проблема, и она с новой силой выплывает в общественном сознании в связи с убийством товарища Малиновского» [1, с. 1–4].

В Иркутске работу с рабкорами Иркутский губернский комитет поручил газете «Власть труда». В 1922 г.при газете был создан первый «кружок», в его работе принимали участие 30 человек. В январе 1923 г. при газете был организован второй кружок. Главным его отличием от первого стало изменение в подходах к организации работы - проведение конкурсов на лучшую статью, заметку, фельетон. Объединение рабкоров при газете «Власть труда» выросло из третьего газетного кружка, организованного в октябре 1923 г. В августе 1924 г. на заседании президиума Иркутского губкома речь шла о проведении воспитательной работы с рабкорами и их систематическом инструктировании. «В городском районе - горрайкому и редакции "Власти труда" постепенно отвести от газетной работы тех корреспондентов-служащих, которые оказались недостаточно выдержанными, или недостаточно работоспособными. Пересоставить губернское бюро корреспондентов при газете, улучшив его состав. Агитпропу и редакции "Власти труда" провести пропагандистскую работу по вовлечению свежих кадров рабочих в рабкоровскую работу» [4].

«Рабкор вырос, – отмечала в 1928 г. газета «Власть труда», – прошло то время, когда рабкор – по новизне дела – занимался мелочами, не умел схватывать наиболее интересное из жизни своего предприятия, учреждения, окружающей его, а стало быть и рабочего вообще, обстановки и облечь свое обращение в нужную форму. Рабкор не только фиксирует факты, он вдумчиво и внимательно относится ко всему окружающему» [2, с. 2–3].

Колоссальными темпами происходил рост рабселькоровских организаций в Восточной Сибири: от 30 участников первого рабкоровского кружка при газете в 1922 г. до 3 тыс. рабселькоров и 1500 военных корреспондентов в 1929 г. возросла численность участников рабкоровской организации при иркутской газете «Власть труда». Рост рабселькоровского движения в Красноярском округе, организованного при газете «Красноярский рабочий», также показателен: в 1924 г. в его составе было 276 рабселькоров, в 1928 г. – 4123, а к маю 1929 г. уже 5010 человек. К сожалению, нам не удалось установить точного числа участников рабселькоровской организации при газете «Бурят-Монгольская правда» к 1929 г., но известно, что численность рабочих корреспондентов в январе 1925 г. при газете составляла 80 человек, в мае в организации было уже 160 рабочих корреспондентов и 156

сельских, в мае 1926 г. число рабочих корреспондентов составляло уже 250 человек. Таким образом, учитывая темпы развития рабселькоровского организации в Иркутске и Красноярске в эти годы, можно предположить, что численность рабселькоровской организации в Верхнеудинске, при газете «Бурят-Монгольская правда», к 1929 г. могла составлять не менее 2 тыс. рабочих и крестьянских корреспондентов.

Таким образом, численность рабселькоровского движения Восточной Сибири (Иркутска, Красноярска и Верхнеудинска) в 1929 г. могла составлять более 11 500 человек.

Литература

- 1. Бурят-Монгольская правда. 1926. № 98. 5 мая.
- 2. Власть труда. 1928. № 103 (2508). 5 мая.
- 3. Гольдфарб С. Иркутская газета «Власть труда»: опыт историкоэкономической реконструкции (1917–1930) / С. Гольдфарб, А. Гимельштейн. – 2006. – 232 с.
- 4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1787.
 - 5. Краснояр. рабочий. 1922. № 290. 21 дек.
 - 6. Краснояр. рабочий. 1923. № 223. 6 окт.
 - 7. Краснояр. рабочий. 1927. № 3 (2553). 5 янв.
 - 8. Краснояр. рабочий. 1927. № 5 (2555). 7 янв.
 - 9. Национальный архив республики Бурятия. Ф. р-475. Оп. 2. Д. 4.
 - 10. Положение о кружке селькоров, 1927 год.

ШИНКОВА А. И.

К 300-ЛЕТИЮ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ. РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ПЕКИНЕ И ЕЕ ВКЛАД В ВОСТОКОВЕДЧЕСКУЮ НАУКУ

В первой четверти XVII в. России удалось добиться от маньчжурского правительства Китая разрешения на отправку в Пекин русской духовной миссии. Предлогом для начала внедрения православия в Китае стало желание Святейшего Синода оказать помощь в богослужении плененным при Албазине русским, которые оказались на службе у маньчжурской власти, в императорской гвардии. Им выделили для своих треб буддийскую кумирню Гуаньдимяо (Храм Бога войны). Ее албазинцы со священником М. Леонтьевым переоборудовали в часовню Николая Чудотворца.[1, с. 160-161]. Российский посланник в Пекине генерал-майор

А. Влангали, наблюдая за событиями, происходившими в Восточной Азии, отмечал, что вслед за военными в чужую страну всегда приходят миссионеры, стремившие утвердить там свое влияние [2, л. 31–31 об.]. Так случилось и на этот раз.

С 1840-х годов, после серии войн, проведенных западными странами против Дайцинской империи, туда дополнительно хлынули сотни миссионеров. Тогда как в новейшее время российские миссионеры в этой стране закрепились одни из первых. Лишь с 1715 по 1917 г. состоялось 18 русских духовных миссий в Китай и еще несколько до 1956 г. Теперь, с учетом проживания в современном Китае до 15 тыс. русскоязычного населения, делаются попытки возродить присутствие православной миссии в Срединном государстве. Вот и глава Русской православной церкви патриарх Кирилл побывал с визитом в Китае.

Первоначальный состав миссии был определен Кяхтинским трактатом в 1728 г., в нее могли входить: 1 архимандрит, 2 иеромонаха, 1 иеродиакон, 2 церковнослужителя и 4 студентапослушника, которые должны были изучать восточные языки. Начиная с девятой миссии в нее стали включать художника, чтобы тот мог запечатлеть пейзажи, жанровые сценки из обыденной жизни и типы жителей Поднебесной, а заодно и Монголии. Благодаря таким сложившимся обстоятельствам участник 14-й духовной миссии академик живописи Л. С. Игорев оставил в истории сибирского края портреты генералов Н. Муравьева и К. Венцеля, ныне хранящихся в музеях Троицкосавска и Иркутска.

Святейшим Синодом начальникам экспедиций ставилась главная задача – нести слово божие обществу иной цивилизации и веры. Однако только с преодолением языкового барьера можно было рассчитывать на относительно результативную миссионерскую деятельность. Предполагалось менять состав пекинской миссии каждые семь лет. Впрочем, чаще ее смена затягивалась до десяти и более лет. Из-за чего священников, желающих добровольно ехать в чужую страну на долгие годы, всегда было немного. Ведь мало того, что им надлежало приспособиться к местному климату и зачастую незнакомой пище, монахам приходилось заниматься обустройством двух подворий, придавать им удовлетворительный внешний вид и для удобства наполнять комнаты мебелью, заботиться о строительстве храмов и совершать дальние разъезды. Не всем было дано выдержать такое испытание судьбы.

До ратификации в 1858 г. Тяньцзинского трактата русским миссионерам не разрешалось вне территории миссии вести проповедь и обращать в православную веру местных жителей [3, с. 102]. Даже после его ратификации китайские сановники всячески препятствовали русской православной церкви. Деревенским старостам заблаговременно внушалась ответственность за допущение у себя крещения кого бы ни было из жителей [4, с. 31].

До 1864 г. русская духовная миссия находилась в составе дипломатической миссии, затем ее состав был изменен. Так, студентов заранее перевели в дипломатическую миссию. А духовная миссия стала состоять из архимандрита, трех иеромонахов и двух священников из китайцев. Всем им было положено жалованье от 200 до 1300 руб. серебром. В целом на всю миссию тратилось 3350 руб. в год. В частности, архимандриту платили 600 руб., двум иеромонахам - по 300 руб., иеродиакону - по 250 руб. Также выделялись деньги на церковные потребы, двум церковникам по 200 и четырем ученикам - 250 руб., на подарки учителям -150 руб. и на угощение крещеных - 300 руб. [5, с. 194]. Однако наступившая нестабильная политическая и экономическая ситуации в Китае повлекла за собой рост цен буквально на все. До конца 1874 г. Китай жил без иностранного долга. К 1895 г. внешний долг Китая стал равняться 9 млн фунтов стерлингов [6, с. 678]. То, что прежде стоило 100, теперь стоило 1000 ланов. Цветного металла в стране было мало, поэтому монеты печатали из железа, но в столице они не пользовались спросом [7, с. 15].

Находясь в затруднительном финансовом положении, сами священники признавали, что «Пекинская духовная миссия, по своему назначению и цели никогда не была духовною, а чисто политическим агентством. Если оценивать роль православной миссии в деле христианизации Китая, то результат оказывается плачевный. За полтора столетия в Китае насчитывалось только 350 душ христиан» [8, с. 356]. Здесь наблюдалась примерно такая же картина, что и в Забайкалье, где малому числу священниковмиссионеров активно противостояли сотни лам, являвшихся с китайской (монгольской) стороны [9, с. 4–5]. В Китае же малочисленным православным священникам противостояли как местные религиозные течения, так и западные миссионеры. К 1895 г. в Поднебесной католики имели 41 епископа, 664 священника из европейцев и 559 духовных лиц китайского происхождения, 34

общины, 34 монастыря. В результате их деятельности за трехсотлетний период было обращено в католичество 1 098 818 китайцев. Кроме того, в Китае активно действовало 5 тыс. протестантских миссионеров. На нужды распространения христианства в Китае одна лишь Англия тратила полмиллиона фунтов стерлингов в год [10, с. 523]. Не потому ли православным священникам их Никольская церковь, Сретенский монастырь и храм Успения Богородицы в Пекине казались лишь часовнями в сопоставлении с римско-католическим собором в китайской столице [11, с. 219]? Также были построены православные храмы и школы не только в Пекине, но и в Тяньцзине, Фучжоу, Ханькоу. В 1863 г. в 50 верстах от Пекина в деревне Дун-дин-ань воздвигли церковь [12, с. 86]. Ее открыто посещало до 50 китайцев, тогда как католические священники проводили службы тайно, в деревенских частных домах, причем, большею частью по ночам [13, с. 27].

Православные священники не ограничивали себя только евангельской проповедью и чтением истории христианства китайцам, а их детей обучением иероглифическому письму по своей методике. Занимаясь переводами религиозных текстов на китайский язык, миссионеры основательно увлеклись лингвистикой, историей, этнографией и общей культурой Китая. Они также занимались переводами монгольских сочинений, поскольку Монголия тогда входила в состав Маньчжурской империи. Русские православные священники знакомились со старинными сочинениями в Пекинской библиотеке. Они же скупали, где только можно было, различные рукописи, составляли словари, писали записки, статьи и книги о прошлом и настоящем Китайской империи. Постепенно духовная миссия превращалась в крупный научный центр российского востоковедения за рубежом.

Немалый вклад в изучение зарубежной Азии вложили православные священники, так или иначе связанные с Иркутском. Одним из них стал настоятель Вознесенского монастыря и ректор Иркутской духовной семинарии (1802–1807) архимандрит Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич). Некоторые сведения об этом периоде его жизни в Иркутске можно найти в Государственном архиве Иркутской области (Фонд 121). В 1807 г. он был назначен начальником IX Русской духовной миссии в Пекин, где стал настоятелем Сретенского монастыря. По пути в Китай Иакинф вел дневник, куда записывал этнографические и географи-

ческо-статистические сведения о Монголии, позже вошедшие в «Записки о Монголии» (1828). Им осуществлено описание Тибета (1828) и Пекина (1829), сделан перевод «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829). Иакинф изучал нравы, обычаи и образование китайского народа, его гражданское и нравственное состояние. По этому направлению исследования священника были опубликованы книги в Санкт-Петербурге в 1840 и 1848 г. Труды Н. Я. Бичурина о Китае, Тибете, Монголии, Маньчжурии получили высокую оценку специалистов. После окончания миссии он привез в Петербург 400 пудов рукописей и книг на восточных языках. Однако по факту отчета об основной роли миссии и из-за доносов он был лишен священства и сослан на несколько лет в монастырскую тюрьму на остров Валаам за то, что исследованию Китая отдавал больше времени, чем миссионерской деятельности.

Иркутский иеромонах Аввакум (Честной Дмитрий Семенович) дважды выезжал в Пекин - сначала в составе 11-й Русской духовной миссии с 1830 по 1841 г., затем в 1865 г. Аввакум стал известным востоковедом, знал помимо европейских, пять восточных языков. Благодаря этому он успешно занимался переводами азиатских текстов, изучал историю буддизма, даосизма, других религий Китая. Однажды Аввакум помог пекинским ученым перевести древнюю монгольскую надпись на камне, которую китайцы не могли разобрать. Этот священник совершил кругосветное путешествие в экспедиции адмирала Е. В. Путятина, тем самым стал одним из героев книги И. А. Гончарова «Фрегат Паллада». По возвращении из плавания Аввакум жил с 1855 по 1857 г. в Иркутске. Здесь он написал несколько заметок для «Записок Сибирского отдела Географического общества». В качестве переводчика он участвовал в переговорах по Амуру, в результате чего был подписан Айгунский договор. Его привлекали в дипломатических переговорах при подписании Тяньцзинского трактата и в Японии по Сахалину. В Петербурге Аввакум занимался переводами и систематизацией рукописей и книг Азиатского департамента.

Иеромонах Алексий (Виноградов Александр Николаевич) был участником 16-й (1878–1887) и 17-й (1895–1897) русских духовных миссий в Пекин. Будучи русистом, до Китая он занимался палеографией, архитектурой и фольклором Русского Севера, неожиданно увлекся вопросами взаимодействия восточной и за-

падной культур. Написал труд «История Библии на Востоке», в котором обращался к религиозной этике Китая. Алексий передал в библиотеку ВСОИРГО китайские книги, среди них – «Русскокитайский словарь» с подписью: «В библиотеку Сибирского Географического общества от иеромонаха Алексия бывшего члена Пекинской Духовной миссии. 1888 г. янв. 27 дня». В Китае Алексий собрал большую художественную коллекцию, включавшую различные произведения духовной и материальной культуры страны [14, с. 5–6].

В Иркутской духовной семинарии преподавал основное, догматическое и нравственное богослужение кандидат богословия иеромонах Гурий (Буртасовский?). Он стал участником 12-й Русской духовной миссии (1841-1850). В той же экспедиции состоял молодой еще иеродиакон Палладий [15, с. 77]. Палладий (Кафаров Петр Иванович) прожил в Китае, начиная с осени 1840 г., многие годы. Здесь он заслужил широкое мировое признание ученых востоковедов. Со слов академика В. П. Васильева, молодой иеродиакон в Пекине прочитал 750 томов китайского Цзана, охватившего по тому времени всю литературу буддийского учения [16, с. 1]. Кафаров был деятельным участником Сибирского Географического общества, членом которого он стал в 1864 г. В «Известиях ВСОИРГО» публиковались труды священника-востоковеда по этнографии и истории Маньчжурии, Китая и Монголии.

За два с половиной столетия в Китае были учреждены сотни православных центров и создана русская синология, включавшая значительный комплекс наук. Общий вклад православных священников в развитие межгосударственных культурных отношений, значительно поднял престиж отечественного востоковедения.

Литература

- 1. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавление. № 10.7 марта. 1864.
- 2. ГАЙО. Ф. 24, К. 1893, Оп. 11/2, Д. 70.
- 3. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 23 февраля, № 9. 1863.
- 4. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 11 января № 2. 1864.
- 5. Сибирь в XIX столетии. Часть 1. Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 / сост. В. К. Андриевич. СПб., 1889.
 - 6. Амурская газета. № 19. 1895.
 - 7. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. Январь № 2. 1863.
 - 8. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 23 мая № 21. 1864.
 - 9. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. Январь. № 1. 1863.
 - 10. Амурская газета. № 10. 1895 г.

- 11. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 20 апреля № 16. 1863.
- 12. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1 февраля
 № 5 1864.
- 13. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 11 января № 2. 1864.
- 14. Чигринский М. Забытый энциклопедист // Наука и религия. 1991. № 8.
- 15. Памятная книжка Иркутской губернии на 1877. Иркутск, 1877.
- 16. Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. Пекин. Тун-вэньгуань, 1888.

ШПИКЕЛЬМАН Р. Ю.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Современное производство, основанное на знании, и развитие общества формируют новый, быстро меняющийся рынок интеллектуального труда. От вузов требуется постоянное изменение и совершенствование образовательных программ и технологий, обновление оборудования, повышение квалификации преподавателей, развитие науки. Они должны адекватно реагировать на вызовы внешней среды, переходить на инновационный путь развития, следовать за рынком, а в ряде случаев самим его формировать.

Осмысление имеющегося опыта и поиск перспективных путей развития опираются на научные исследования соответствующего профиля. В этой связи историки имеют социальный заказ на исследование процессов формирования отечественной системы высшего образования и его эволюции. Данная статья посвящена анализу тенденций развития российской высшей школы в 1930-е гт. с привлечением материала по Иркутскому региону.

К концу 1920-х гг. в стране в основном сформировалась система высшего образования, в целом соответствующая имевшейся идеологической модели и уровню развития экономики и культуры. Но в стране нарастало индустриализационное движение, ставившее перед ним другие цели и задачи. Для обеспечения непосредственной связи образования и производства, а также для решения проблемы финансовой обеспеченности вузов июльский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) положил начало «отраслевой децентрализации» высшей школы.

В ноябре 1929 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), принявший, среди прочего, резолюцию «О кадрах народного хозяйства». В ней констатировалось, что подготовка новых кадров не идет ни в какое сравнение с темпами индустриализации и социалистического переустройства сельского хозяйства. Пленум постановил расширить сеть втузов нового типа с резко выраженной специализацией по определенным отраслям промышленности [11, с. 19, 22].

В 1929 г. было покончено с идеей самоуправления вузов, коллегиальные органы управления в них упразднялись, вводилось единоначалие ректора. В этом отражалась общая тенденция развития общественно-политической жизни страны в 1930-е гг. Формировалась централизованная система управления высшей школой. В последний раз партийно-профсоюзно-комсомольский актив Иркутского университета инициировал перевыборы ректората и деканатов в 1928 г. [16, л. 34], но Москва назначила в 1929 г. ректором человека, совершенно не связанного с вузом и регионом, – Г. Т. Чуича.

Решения партии, принятые июльским (1928) и ноябрьским (1929) пленумами ЦК, имели принципиальный характер для развития и дальнейшей судьбы всей системы высшего образования страны. Партийные и государственные органы перешли к решительным действиям по реорганизации системы высшего образования страны, введению в ней жестких принципов единоначалия и централизованного планирования. Это обусловило активизацию профессионально-технического образования и бурный рост сети учебных заведений по подготовке кадров.

Правление «Союззолота» поставило перед партийными и правительственными органами страны вопрос об открытии в Иркутске высшего технического заведения. Учитывая необходимость увеличения добычи драгоценных металлов для страны и подготовки специалистов данного профиля, правительство СССР в марте 1930 г. приняло постановление об открытии Иркутского горного института. В начале мая 1930 г. состоялось его официальное открытие. Институт начал готовить кадры по четырем специальностям: геологоразведка, разработка рудных и россыпных месторождений, обогащение полезных ископаемых, металлургия цветных металлов и золота [10, с. 106].

23 июля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и ра-

бочих факультетов», которое узаконило реорганизацию факультетов университетов в самостоятельные вузы и изъятие гуманитарных факультетов. На базе университетов в начале 1930-х гг. было основано свыше 40 педагогических, медицинских, экономических и других институтов. За счет расформирования в 1930 г. Иркутского государственного университета (ИГУ), в котором училось более 2 тыс. студентов, работало 45 профессоров, 26 доцентов, 189 преподавателей и научных работников, возникли многие вузы Байкальской Сибири. На основе существовавших факультетов – медицинского, экономического, педагогического – были открыты самостоятельные институты: медицинский, финансово-экономический, педагогический.

На основании постановления СНК СССР от 11 августа 1930 г. был издан приказ Наркомфина СССР об открытии на базе финансового отделения экономического факультета ИГУ Сибирского финансово-экономического института с четырехгодичным сроком обучения и передачей его в ведение Наркомфина СССР. Уже в августе 1930 г. институт был оформлен как юридическое лицо и стал работать самостоятельно [9].

Факультет советского строительства в 1931 г. был выведен из ИГУ и преобразован в Сибирский институт советского права, являвшийся единственным высшим юридическим учебным заведением в восточных районах страны. Постановлением СНК РСФСР от 1 августа 1935 г. институт был переведен в г. Свердловск, где на его основе создали юридический институт (ныне крупнейшее учебное заведение – Уральская государственная юридическая академия). На базе Бурятского отделения педагогического факультета был создан Бурятский педагогический институт [12, с. 49].

Более деструктивной оказалась судьба исторического и филологического факультетов университета. После нескольких преобразований историко-филологического факультета ИГУ (факультет общественных наук и др.) он был расформирован и восстановлен только в 1940 г. Поэтому успешно заложенные традиции гуманитарных исследований 1920-х гт. не получили развития в 1930-е гт. [9].

В начале 1931 г., анализируя итоги первых двух лет пятилетки, правительство было вынуждено признать губительность такой реформы университетского образования. В апреле 1931 г. ЦК партии принял постановление «О целевых установках универси-

тетов», в котором ставилась задача развернуть сеть университетов, обеспечить их необходимыми кадрами, укрепить материальную базу. Согласно этому постановлению университеты должны были готовить кадры научных работников и преподавателей высшей школы по естественным и гуманитарным дисциплинам.

Последовавшее в 1931 г. быстрое падение качества образования вынудило отказаться от ряда новаций 1918–1930 гг. Реформирование свернули так же резко, как и проводили. 13 июля 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «О реорганизации государственных университетов». На его основе были открыты университеты: в Перми; в Иркутске (ВСГУ) с тремя отделениями – физическим, химическим и почвенно-географическим, во Владивостоке и в Нижнем Новгороде [24, с. 5].

В августе 1932 г. был объявлен первый набор во ВСГУ, начало учебного года планировалось на 1 октября по шести отделениям. Срок обучения устанавливался в 4 года, принимались учащиеся с 9 классами [1, с. 2].

Целевые установки университетов были подробно развиты и окончательно определены в постановлении ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». Это постановление явилось поворотным моментом в истории высшей школы. Согласно этому постановлению, отменялся бригадно-лабораторный метод. Были введены твердые учебные планы, устранена дробность специальностей и многопредметность. Были вновь восстановлены лекции как метод преподавания, практические и лабораторные занятия под руководством преподавателей и при обязательном контроле профессоров, запрещены коллективные зачеты, введены зимние и весенние сессии, а на последнем курсе - дипломные работы; для всех поступающих в вузы и техникумы вводились обязательные вступительные экзамены. Постановлением ЦИК СССР устранялось вмешательство студенческих организаций в административноучебные распоряжения ректората, деканатов и кафедр [22, с. 4].

В 1920–1930-е гг. в стране была создана мощная сеть высших учебных заведений. На территории РСФСР до революции насчитывалось 70 вузов, а в 1937 г. их стало 435 (рост в 6,2 раза) [23]. Увеличилось и число специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве (233 тыс. чел. в 1928 г., 909 тыс. чел. в 1940 г.). В период с 1930 по 1934 г. в городах Восточной Сибири

появилось 9 вузов. Среди них – Сибирский лесной институт (1930 г.). За первые 10 лет вуз достиг следующих показателей: профессорско-преподавательский состав – 150 человек, что в три раза больше показателей 1930 г.; народное хозяйство получило 760 специалистов. Для подготовки учителей в 1932 г. были открыты Красноярский и Бурятский педагогические институты, а в 1939 г. – Абаканский педагогический институт. К началу Великой Отечественной войны в Восточной Сибири функционировало 12 вузов.

Весной 1933 г. в университетах был восстановлен факультетский принцип построения вуза, в результате чего Восточно-Сибирский университет к началу 1935 г. стал состоять из четырех факультетов: физико-математического со специальностями: экспериментальной физики и геофизики; почвенно-геолого-географического со специальностями: геологии, почвоведения и физической географии; химического со специальностями: аналитической химии и органической химии; и биологического со специальностями: зоологии и гидробиологии. В университете училось 490 студентов.

ВСТУ возвратили от старого Иркутского университета ряд кабинетов, на базе которых, а также вновь оборудованных кабинетов вуз развернул следующие кафедры: 1) физики, 2) математики, 3) аналитической химии, 4) органической химии, 5) общей химии, 6) зоологии позвоночных, 7) зоологии беспозвоночных, 8) ботаники, 9) почвоведения, 10) физической географии, 11) геологии, 12) минералогии, 13) геодезии, 14) физической химии, 15) политэкономии, 16) диамата, 17) ленинизма и 18) педагогики. Кроме того, в систему университета входили: фундаментальная научная библиотека, обслуживающая не только университет, но и все научные учреждения и вузы Восточной Сибири, Астрономическая обсерватория и Биолого-географический научноисследовательский институт.

При университете существовал рабфак с отделениями в Красноярске и Сретенске, на котором обучалось 660 человек (в 1934 г. филиалы рабфака были ликвидированы. А 15 июня 1938 г. после окончания учебного года был закрыт рабфак и в самом университете) [4, л. 58; 7].

Огромное значение для существования университета как научно-образовательного центра имел Биолого-географический научно-исследовательский институт. Со времени организации он работал в составе четырех секций: биологической, географической, геофизической и биохимической. С 1932 г. в составе института остались биологическая, географическая и химическая секции. Университет и его научно-исследовательские учреждения выпускали два научных издания: «Известия Биолого-географического научно-исследовательского института» и «Труды Восточно-Сибирского государственного университета» [24, с. 556, 564–566].

Набор 1937 г. в основном был произведен из рабфаковцев, остальные абитуриенты пришли преимущественно из иркутских школ и незначительная часть из других городов и районов области. Было подано 237 заявлений, зачислено 157 человек. В вузе было крайне тяжелое положение с учебными помещениями. Ситуация усугублялась самым низким уровнем обеспеченности местами в общежитиях. Строительство учебного корпуса и общежития на 250 мест из-за позиции крайисполкома, а затем облисполкома не было своевременно обеспечено (1936) и запущено в эксплуатацию только в 1938 г. [6, л. 3а-5; 19, л. 48].

Началось восстановление системы подготовки научнопреподавательских кадров. С 1937 г. университет получил право на открытие аспирантуры, и в феврале 1938 г. из числа студентов 5-го курса были отобраны кандидаты, активно занимавшиеся научно-исследовательской работой, и рекомендованы для зачисления в аспирантуру вуза. В 1938 г. звание доцента и кандидата наук получили 12 работников ВСГУ. Из 31 доцента университета 29 было подготовлено в его стенах. Университет получил право на самостоятельное присуждение ученых степеней [15, л. 6; 2, с. 3].

Репрессивная политика государства в отношении профессорско-преподавательского состава, сотрудников и студентов вузов стала серьезным сдерживающим фактором развития высшего образования в центре и на местах. Обострение идеологического противостояния в вузах региона в рамках рассматриваемого периода происходило по восходящей. Как отмечалось в резолюции партсобрания ВСГУ по докладу ректора Н. С. Шевцова «О работе первой областной конференции Иркутской парторганизации (21.02.1938), «...в стенах университета долгое время подвизались и проводили свою вредительскую работу ныне арестованные органами НКВД враги...» [21, л. 6]. Среди репрессированных оказались представители разных социальных групп и возрастов, в том числе профессора В. Ч. Дорогостайский, Н. Н. Козьмин, П. Н. Ко-

локольников, М. В. Одинцов, Б. Э. Петри, И. Ф. Молодых; преподаватели и сотрудники В. С. Манассеин, Курбатов, В. Ф. Матусевич, Петров, Добросельский, Е. А. Крюгер, Ким, Власов, Сковер и др.; студенты Квицинский, Москвина, Савицкий, Лукманов, Лоскутов, Крупин, Огородников и др. [17, л. 25; 18, л. 59–60; 35, л. 58].

Одновременно укреплялась материальная база вуза; в августе 1939 г. научной библиотеке ВСГУ было предоставлено новое помещение – Белый дом – бывшая резиденция генерал-губернатора Восточной Сибири [3, с. 3].

На начало 1940 г. в ВСГУ работало 18 кафедр. На физмате (декан И. А. Парфианович) - 6 кафедр: общей и экспериментальной физики (Парфианович), теоретической физики (Н. С. Шевцов), теоретической механики (Тресков), математического анализа (Васильев), аналитической геометрии (Рукавицин). На химическом (декан Г. И. Нагорный) - 4 кафедры: органической химии (Ларина), аналитической химии (Власов), физической химии (Нагорный), неорганической химии (Бочкарев). На геолого-почвенногеографическом (декан И. В. Николаев) - 4 кафедры: геодезии и картографии (Эсмонт), минералогии, петрографии и кристаллографии (Деуля), физической географии (Александрович), экономической географии (Кротов). На биологическом факультете (декан В. Н. Яснитский): - 4 кафедры: зоологии (Фетисов), зоологии позвоночных (Кожов), ботаники (Яснитский), физиологии и микробиологии (Талалаев). Также в университете работала кафедра основ марксизма-ленинизма (М. Д. Пошивалов) [20, л. 111-112].

В конце рассматриваемого периода Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР и Наркомпрос РСФСР совместно с Иркутским обкомом партии провели комплексную проверку состояния дел во ВСГУ. Ее результатом стал соответствующий приказ (16 февр. 1940 г.), положивший начало новому этапу развития университета [14, с. 3–5].

В приказе отмечалось, что университетом проводится большая научно-исследовательская работа, главным образом направленная на изучение производительных сил Восточной Сибири. Она привела к ряду практических предложений: реорганизации промысла и мер охраны рыбы в Байкале и других системах озер, реорганизации промысла на байкальскую нерпу, установлению удобных мест для акклиматизации ондатры. Разработан гидрохимический режим водоемов, дана физико-химическая характе-

ристика почв в ряде совхозов и колхозов Иркутской области и характеристика байкальского планктона. Изучена биология основного вредителя лесов (кедровый шелкопряд) и разработаны меры борьбы с ним. Ведутся работы по выращиванию морозостойких сортов лука, открыт новый вид каучуконоса. Составлен экономико-географический атлас Якутской АССР, комплексными экспедициями университета и института открыты месторождения нефти, железной руды. Исследованы химические свойства угля основных угольных месторождений. Университетом и Биолого-географическим институтом проведены научные конференции: рыбохозяйственная (с участием передовиков рыболовных колхозов и хозяйственных организаций), химическая, геологическая, почвенная и физическая с привлечением хозяйственных и планирующих организаций.

Наряду с указанными достижениями был вскрыт ряд серьезных недостатков. Профиль университета был ненормально односторонним. В нем готовили специалистов только в области естественных наук, не обеспечивая подготовки специалистов по историческим, филологическим и экономическим наукам, несмотря на острейшую потребность в этих специалистах.

При наличии достаточно квалифицированного среднего звена научных работников (кандидатов наук и доцентов) университет по ряду ведущих кафедр не имел докторов наук и профессоров (химия, математический анализ, география, картография и др.).

Учебное и научное оборудование по ряду кафедр было недостаточным (техническая химия, специальные разделы физики, геодезия, картография). Совершенно не оборудована лаборатория физиологии животных. Недостаточно оборудованы Байкальская и Ангарская биологические станции. Снабжение химических, биологических и физических лабораторий реактивами и препаратами поставлено совершенно неудовлетворительно.

План научно-исследовательской работы университета на 1939 г. был выполнен лишь на 68 %, не все научные работники университета вели исследовательскую работу, не был установлен систематический контроль и наблюдение за выполнением индивидуальных планов научных работников, принятые планы были рассчитаны на чрезвычайно большой срок.

В целях дальнейшего развития Восточно-Сибирского государственного университета имени А. А. Жданова и превращения

его в центр подготовки высококвалифицированных кадров для учебных, научных учреждений, промышленности и сельского хозяйства Восточной Сибири и Дальнего Востока, соответствующие государственные и партийные органы разработали и приступили к реализации значимой и принципиальной программы.

Весной 1940 г. начался процесс передачи бывшего музея ВСОРГО университету. Со стороны области этим занимался заведующий музеем Кассин, в комиссию для передачи от ВСГУ были введены, кроме руководства вуза, А. С. Фетисов, В. Г. Дулова, Подгорбунский и Оренбовский. В музее имелся ряд отделов: антирелигиозный, исторический, школьный, отдел природы, отдел культуры и др. Отделы были закреплены за кафедрами, а осенью открыты исторический и филологический факультеты [13, л. 126; 8, с. 35].

Подводя итоги деятельности руководства СССР по реформированию советской высшей школы в 1930-е гг., следует констатировать, что она сыграла важнейшую роль в модернизации советской экономики и общества. Можно сказать, что в этот период советская власть сделала для образования населения больше, чем царская за весь период своего существования. Это было подлинное советское ноу-хау, обеспечившее модернизационный рывок 1930-х гг. По доле расходов на образование в ВВП СССР в этот период почти в два раза опережал даже развитые капиталистические страны. Так, в предвоенном 1940 г. расходы на образование в СССР составляли примерно 5,5 % ВВП, в то время как в ведущих западных странах они составляли даже в 1950 г. в среднем лишь 3,3 %. Но даже при огромных усилиях невозможно было за 12 лет преодолеть многовековое культурное отставание. И, конечно, этому препятствовали преследования интеллигенции по политическим мотивам [25].

Характеризуя политику государства по отношению к университетам в 1920–1930 гг., проф. Е. И. Демидова называет ее ликвидаторской. Государство практически поддержало революционный энтузиазм многих деятелей высшей школы и студенчества по фактической реорганизации самой сущности университетов как исторически сложившихся до октября 1917 г. классических высших учебных заведений [7, с. 14].

Таким образом, в 1930-е гг. в стране и регионе происходило непрерывное реформирование высших учебных заведений и го-

сударственной системы управления высшей школой. Эти процессы были вызваны вступлением СССР в новый социальноэкономический этап своего развития – индустриальный. Со свойственным большевикам радикализмом они попытались превратить высшую школу в цех по подготовке кадров для промышленности. Десятилетние эксперименты вынудили их в основном восстановить русскую дореволюционную модель вуза, вместе с тем жертвой экспериментов стал университет как центр науки и инноваций.

В регионе, как и в стране в целом, появился ряд отраслевых институтов, ориентированных на обслуживание определенной отрасли экономики по минимально достаточной программе. Только в самом конце десятилетия был восстановлен единственный университет как естественно-гуманитарное образовательное учреждение, но в значительно урезанном виде.

Политические репрессии в целом в сфере высшего образования в Иркутском регионе значительно осложнили развитие его высшей школы. В результате репрессий органы НКВД не только устранили из сферы высшего образования наиболее оригинально и свободно мыслящую часть студентов и преподавателей, но и подавили инакомыслие у оставшихся. Во-вторых, пострадали сотрудники и студенчество региона, которых за малейшее политическое колебание повсеместно изгоняли из вузов, и это при том, что высшие учебные заведения региона были не в полной мере обеспечены научно-педагогическими кадрами. В-третьих, высшие учебные заведения лишились достаточно опытных и ответственных руководителей.

Литература

- 1. Вост.-Сиб. правда. 1932. 17 авг.
- 2. Вост.-Сиб. правда. 1938. 21 мая.
- 3. Вост.-Сиб. правда. 1939. 24 авг.
- 4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 71. Оп. 1. Д. 673. Л. 18, Д. 691.
- 5. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. (ГАНИИО). Ф. 132. Оп. 1. Д. 35.
- 6. Данные по партийно-комсомольской работе в ВСГУ 27.101937 // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 33.
- 7. Демидова Е. И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Саратов, 2007. 48 с.
- 8. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Иркутск : ИГУ, 1978.

- 9. История ИГУ: история развития [Электронный ресурс]. URL: http://old.isu.ru/info/razvitie. html.
- 10. Казарин В. Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х-середина 60-х гг. XX в.) Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та,1998. 308 с.
- 11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1929–1932. Т. 5. М.: Политиздат, 1984.
- 12. Нестерович А. А. Иркутский государственный университет первенец вузовской науки в Сибири (1918–1998). Иркутск: Агентство «КП-Байкал», Изд-во ИГV, 1998. 112 с.
 - 13. О передаче ИГУ музея // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 41.
- 14. О работе Восточно-Сибирского государственного университета им. А. А. Жданова. Приказ Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и Народного комиссариата просвещения РСФСР // Бюллетень Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. № 6. М.: Сов. наука, 1940.
- 15. Об утверждении штатно-окладной системы. Протокол заседания парткома ИГУ от 8. 02. 1938 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 37
- 16. Обсуждение выборов руководства университета // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 23.
- 17. Отчетный доклад парткома ВСГУ от 19. 04. 1938 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 36.
- 18. Протокол закрытого партсобрания ВСГУ от 4. 06. 1938 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 36.
- 19. Протокол заседания парткома ВСГУ от 19. 04. 1938 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 36.
 - 20. Протокол партбюро ВСГУ от 20.01.1940 // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 41.
- 21. Резолюция партсобрания ВСГУ по докладу Шевцова о работе первой областной конференции Иркутской парторганизации, 21. 02. 1938 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 36.
- 22. Соловьев Ю. П., Фоменко А. Т. Механико-математическому факультету МГУ исполняется семьдесят лет / // Вестн. Моск. ун-та. 2002. Сер. 1, Математика. Механика.
- 23. Средняя и высшая школа. Подготовка специалистов [Электронный ресурс].
- 24. Университеты и научные учреждения. Второе переработанное и дополненное издание. М. -Л. : Объединенное науч.-техн. изд-во, 1935. 586 с.
- 25. Ханин Г. И. Высшее образование и российское общество // ЭКО Всерос. экон. журн. 2008. №№ 8–9.

ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ «КОЛХОЗЫ - МТС» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В первые послевоенные годы одной из важнейших задач, стоявших перед партийно-государственным руководством страны, являлось восстановление сельского хозяйства. В этих условиях в колхозной деревне развернулась широкая политическая работа в целях разъяснения колхозникам и работникам МТС сложности и важности этой задачи и сосредоточения их усилий на подъеме и дальнейшем развитии сельскохозяйственного производства. Важное значение для улучшения партийно-политической работы в аграрном секторе производства имел февральский (1947 г.) пленум ЦК ВКП(б), который принял решение о введении института заместителей директора МТС по политической части. Это было сделано в целях укрепления производственной дисциплины в МТС и усиления их влияния на колхозы.

Основная задача заместителя директора МТС по политической части заключалась в улучшении работы МТС, обеспечении правильных взаимоотношений между МТС и колхозами, а также строгом соблюдении договоров, заключаемых между МТС и колхозами, развертывании политической, воспитательной работы среди трактористов, комбайнеров и других работников МТС [6, с. 145].

На эту должность, как правило, назначались работники, имевшие опыт политической и хозяйственной работы. Например, в рамках этой кампании в 1947 г. из городского партийного актива Бурят-Монгольской АССР на должности заместителей директоров МТС по политической части было направлено 36 руководящих работников. Крайком ВКП(б) Красноярского края направил на эту работу секретаря Октябрьского райкома партии, бывшего рабочего ПВРЗ П. Я. Ястребова и многих других партийных работников [4, с. 51].

Свою деятельность заместители директоров МТС по политчасти начали с укрепления первичных парторганизаций и расстановки опытных кадров работников и специалистов МТС на основных участках их работы. Ярким примером этого является

деятельность М. К. Латышева, назначенного заместителем директора по политической части Хомутовской МТС Иркутской области, который, в первую очередь, «произвел расстановку специалистов и мастеров на решающих участках весеннего сева. Так, из 30 наиболее подготовленных и опытных членов коллектива 10 были направлены бригадирами тракторных бригад, 8 – трактористами, 6 – агрономами и механиками МТС и т. д.» [4, с. 51–52]. Это мотивировалось необходимостью рационального кадрового обеспечения каждого участка работы МТС и вело к жесткому управлению производственной системы «колхозы – МТС» под постоянным контролем партии.

Однако со временем в МТС сложилась ситуация, когда многие замполиты вместо организации политической работы среди механизаторов начали больше заниматься решением хозяйственных вопросов. Так, отмечалось, что «довольно часто областные управления сельского хозяйства использовали замполитов в качестве исполняющих обязанности директоров МТС, когда те уходили в отпуск, болели или уезжали в командировки»[2, с. 63].

Практика показала, что некоторые заместители директоров МТС по политической части на деле превратились в помощников директоров по снабжению запасными частями, горючим и т. д. и не занимались организацией массово-политической работы [5, с. 1].

К примеру, в докладной записке инструктора сельскохозяйственного отдела ВКП(б) Читинской области в связи с этим было указано, что имеется ряд недостатков в работе заместителей директоров по политической части Домасовской и Нерчинско-Заводской МТС. В частности, «заместитель директора по политической части Домасовской МТС не вполне правильно понял свои функции. Вместо того чтобы повседневно заниматься налаживанием партийной работы, ...увлекся хозяйственной работой, стал по существу прямым помощником директора в хозяйственных вопросах, забыв свои прямые обязанности» [3, д. 875, л. 20]. Подобная ситуация была отражена также в докладной записке секретаря Казанчинского РК ВКП(б) Красноярского края, в которой было отмечено, что «заместитель директора Октябрьской МТС по политической части, вместо политической работы занялся хозяйственными делами...Вместо проведения политической и воспитательной работы встал на путь собирания склок на директора

МТС, занялся частыми выпивками и в пьяном виде избил одного работника МТС» [1, д. 463, л. 1].

Наглядным примером также, является справка о работе заместителя директора по политической части Оловянинской МТС Читинской области Солдатенко, в которой указывалось, что, «работая с апреля 1947 г. на своей работе он показал себя малоинициативным работником. В период проведения летних полевых работ мало бывал в тракторных отрядах, а если бывал то в роли стороннего наблюдателя,... вместо повседневного общения с людьми занимался отсиживанием в кабинете и разводил мелкие дрязги во взаимоотношениях с директором» [3, д. 1690, л. 20]. О работе заместителя директора по политической части Ново -Михайловской МТС Хакасской автономной области поступали следующие отзывы: «месяцами т. Жданов не появляется в тракторных бригадах, а когда заявится, - только и слышишь ругань да угрозы» [5, с. 1]. В Нижне-Заводской МТС Читинской области заместитель директора по политической части не занимался своими непосредственными обязанностями, не интересовался хозяйственной деятельностью. В Ульзутуевской МТС Читинской области заместитель директора по политической части открыто заявлял, что работать не хочет, так как районные руководители с ним не считаются и он им не нужен [3, д. 875, л. 22, 73].

Между тем в некоторых МТС Восточной Сибири, по сведениям, поступавшим в руководящие советские и партийные органы, заместители директоров МТС по политической части не проявляли должной принципиальности и жесткости позиции. Например, в докладной заведующему сельскохозяйственным отделом Красноярского крайкома ВКП(б) в 1950 г. была представлена информация, что «директор Бартатской МТС т. Гераськин совершенно оторвался от партийной организации и рабочих масс, окружил себя чуждыми элементами. В частности, добился в краевом управлении сельского хозяйства снятия с работы старшего механика МТС и утверждения на его место беспартийного, отец и брат которого осуждены по ст. 58, на место завхоза поставил только что освободившегося из заключения человека, антисоветски настроенного»[1, д. 504, л. 165]. Все это происходило, как было отмечено, при прямом попустительстве со стороны заместителя директора МТС по политической части.

На наш взгляд, вышеуказанные причины были обусловлены тем, что заместители директоров МТС по политической части, в основном, не имели соответствующей сельскохозяйственному производству специальности и не знали его специфику, поэтому не вписывались в работу МТС. Об этом свидетельствует их уровень образования. Так, «из всего состава заместителей директоров МТС по политической части Тувинской автономной области, неполное среднее образование имело – 18 %, среднее – 9 %, окончило областную партийную школу – 73 %. При этом не было ни одного специалиста сельского хозяйства» [7, л. 226]. Такая ситуация по кадровому составу заместителей директоров МТС по политической части была характерна для многих регионов страны в этот период.

Вопрос о целесообразности иметь в МТС должность заместителя директора по политической работе был поставлен на обсуждение в работе сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, где и было принято решение об его упразднении [6, с. 343].

Подводя итоги, следует заметить, что введение института заместителей директоров МТС по политической части нельзя назвать исторической случайностью. Как свидетельствует опыт, за время всего существования МТС они укреплялись партийными кадрами в критических ситуациях, возникавших в функционировании производственной системы «колхозы – МТС». В частности, в 1933–1934 гг. политотделы МТС были созданы в качестве чрезвычайных органов управления для усиления политической и организационной работы ВКП(б) в деревне, с целью поддержки колхозного строя и безоговорочного выполнения колхозами и МТС государственных заданий в области заготовок сельскохозяйственной продукции. Образование осенью 1941 г. политотделов МТС также происходило в условиях чрезвычайного положения, и перед ними были поставлены аналогичные задачи, как в начале 1930-х гг.

Как известно, в первые послевоенные годы сложилась исключительно тяжелая экономическая ситуация в деревне, которая была обусловлена последствиями войны, засухой 1946 г., а в ряде мест и массовым голодом (1946–1947 гг.), что свидетельствовало о глубоком кризисе сельского хозяйства. В этой ситуации руководство страны сделало ставку на МТС, которые должны были выступить как центры механизации сельского хозяйства и органи-

зации всего колхозного производства. Учитывая, что руководство сельским хозяйством в послевоенные годы оставалось попрежнему жестким и централизованным, потребовалось повысить контроль со стороны партийных органов за деятельностью МТС, что и обусловило введение должности заместителя директора МТС по политической части. Это привело к заметному увеличению партийной прослойки в составе руководящих кадров в структуре МТС. Последние были выдвинуты на ответственные и трудные участки производственной и организаторской работы в МТС. Однако на практике, как и в ходе работы политотделов МТС в 1933-1934 гг. и 1941-1943 гг., их деятельность свелась к подмене и дублированию хозяйственных руководителей МТС. Последнее было обусловлено тем, что большинство руководителей партийных организаций МТС (во многих случаях заместители директоров МТС по политической части избирались секретарями этих партийных организаций) продолжали еще придерживаться методов военного времени, брали на себя административно-распорядительные функции, относящиеся к компетенции хозяйственных органов. Это, в свою очередь, приводило к недостаточному вниманию к вопросам внутрипартийной работы: нерегулярно проводились партийные собрания, мало уделялось времени партийно-массовой работе, контролю над соблюдением договоров между МТС и колхозами и т. д.

В заключение отметим, что период с 1946 по 1953 г. можно охарактеризовать как время консервативной политики «реставрации» довоенных принципов функционирования системы «колхозы - МТС». Партийно-государственная политика фактически вернулась к периоду начала 1930-х гг. и военного времени, когда политотделами МТС проводились кампании по «организационно-хозяйственному укреплению колхозов». Таким образом, советское руководство в послевоенное время предприняло попытку укрепления партийно-политического влияния в производственной системе «колхозы - МТС», используя прежний опыт, т. е. через введение института заместителей директоров МТС по политической части, деятельность которых, как выяснилось, оказалась неэффективной и не привела к ожидаемым результатам.

Литература

1. Архивное агентство администрации Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 20. Д. 504; Д. 463.

- 2. Вылцан, М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М.: Мысль, 1976. 263 с.
 - 3. Государственный архив Читинской области. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 875; Д. 1690.
- 4. Жукова Л. А., Серебренников А. М. Развитие сельского хозяйства Восточной Сибири (1946 1984 гг.). Иркутск, 2001. 301 с.
- 5. Заместитель директора МТС по политической части // Советская Хакасия. 1953. 14 августа.
- 6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. Т. 8. 1946–1955. М.: Политиздат,1985. 542 с.
- 7. Центральный государственный архив Республики Тыва. Ф. 59. Оп. 1. ед. хр. 567.

РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ - ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сопредседатели: Дятлов В. И., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет); Зуляр Ю. А., д-р ист. наук, профессор (Иркутский государственный университет).

АЛЕКСАНДРОВ Е. Ю. РЫКОВ П. В. ШЕХОВЦОВА Т. Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА)

Качество жизни населения конкретного региона или государства в целом складывается из оценки качества жизни населения отдельных муниципальных образований. Муниципальное образование - населенная территория, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеется муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы исполнительной и законодательной ветвей власти в виде глав местных администраций и депутатского корпуса. Такими территориями могут быть: 1) городские или сельские поселения; 2) часть поселения (район города); 3) несколько поселений, объединенных общей территорией; 4) городской округ. Органы местного самоуправления наделены полномочиями в социальной сфере, в сфере здравоохранения и лицензирования отдельных видов деятельности. В социальной сфере учреждения местного самоуправления осуществляют государственные полномочия по предоставлению мер социальной поддержки и социальному обслуживанию населения. Мониторинг социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях, в том числе оценка качества жизни местного населения, является важной составной частью процесса стратегического планирования местного развития и бюджета [1, с. 5–9].

Возникновение и становление категории «качество жизни населения» (КЖН) в философской и экономической литературе связано с развитием теории экономического благосостояния. Масштабные исследования КЖН начались приблизительно в 1960-х гг. Это обусловлено междисциплинарностью категории и ее основной особенностью - наличием объективных условий формирования и субъективным восприятием населением. Несмотря на широкое оперирование понятием «качество жизни» в разных науках, его исчерпывающего и принятого на междисциплинарном уровне определения пока нет. Отсутствует единый перечень индикаторов и показателей, на которые целесообразно опираться, характеризуя ситуацию на разных территориальных уровнях. У общественной географии появился новый социальный заказ: обосновать сущность категории «качество жизни» как социально-экономико-экологического единства условий существования и состояния населения на той или иной территории, а также выработать систему индикаторов, на которые могла бы быть возложена роль измерителей степени комфортности условий жизни, социальной прогрессивности экономики, социальной безопасности и сбалансированности развития тех или иных социально-территориальных общностей. Качество жизни населения - общественно-географическая категория, характеризующая условия жизнедеятельности и соответствующее им состояние населения с точки зрения его способности обеспечивать воспроизводство процессов жизнедеятельности и сбалансированное развитие территориальной общности [2, с. 3–17].

Цель нашего исследования – изучение особенностей качества жизни населения конкретных муниципальных образований. Методы исследования: анкетирование населения, статистический (запрос в органы местного самоуправления, органы социальной защиты, учреждения здравоохранения), визуального наблюдения. Территория исследования – Ольхонское районное муниципальное образование (ОРМО) Иркутской области. Состав ОРМО: 1) Хужирское городское поселение; 2) Еланцынское сельское поселение; 3) Шара-Тоготское сельское поселение; 4) Бугульдейское сельское поселение; 5) Куретское сельское поселение; 6) Онгуренское сельское поселение. Для проведения социологического опроса была разработана анкета, состоящая из 34 вопросов, касающихся различных аспектов и параметров качества жизни населения.

Полевые исследования проводились в два этапа. Первый этап был проведен в ноябре 2011 г. Место проведения социологического опроса - пос. Еланцы. Было опрошено 80 респондентов. Возраст респондентов: 50-59 лет - 28 %; 40-49 и 30-39 лет - по 23 %; 18-29 лет - 20 %; 60-79 лет - 6 %. Половая структура: женщины - 82 %; мужчины - 18 %. 53 % имеют высшее образование, а 26 % - среднетехническое (специальное). 57 % респондентов высказали мнение о том, что условия жизни в поселке их во многом не устраивают и многое необходимо менять. При этом 54 % участников социологического исследования отметили, что за последние годы условия жизни в населенном пункте остались без изменений. 64 % опрошенных акцентировали внимание на том, что санитарное состояние поселка неудовлетворительное. 45 % участников опроса сказали, что затрудняются ответить на вопрос о том, делают ли что-нибудь местные власти для изменения ситуации. Нами наблюдался интересный тренд при анализе ответа на вопрос о влиянии туризма. 42 % респондентов отметили, что развитие туризма отрицательно скажется на экономике ОРМО, так как будет разрушаться и загрязняться священное озеро Байкал.

Второй этап исследования проводился в июне 2012 г. Было запланировано провести анкетирование совместно с администрацией ОРМО в пяти муниципальных образованиях различного уровня. В общей сложности было опрошено 216 респондентов в Еланцынском, Бугульдейском и Онгуренском сельских поселениях. Особое внимание при проведении социологического исследования нами было акцентировано на Еланцынском и Бугульдейском сельских поселениях.

Всего в Бугульдейке было опрошено 32 респондента. Возраст респондентов: 50–59 лет – 32 %; 40–49 и 30–39 лет – по 21 %; 18–29 и 60–79 лет – по 11 %; старше 80 лет – 4 %. Половая структура: женщины – 68 %, а мужчины – 32 %. Среди респондентов доминирует среднетехническое (специальное) образование – 51,1 %. На вопрос о смене постоянного места работы 73 % ответили, что не планируют его менять и их все устраивает. При анализе собственного материального положения 57,1 % участников опроса ответили, что осталось все без изменений. Одним из характерных индикаторов, который показал реальное состояние социальной инфраструктуры, стал вопрос об удовлетворенности жителей Бугульдейки услугами различного характера. Респонденты особо

отметили, что их не удовлетворяют: 1) услуги ЖКХ и транспортное обслуживание – по 70,8 %; 3) медицинская помощь – 64,3 %; 4) дошкольное образование – 78,5 %; 5) спорт – 73,6 %. Также респондентам был задан вопрос об оценке санитарного состояния поселка и его окрестностей. Из 32 респондентов 59,4 % ответили, что санитарное состояние поселка неудовлетворительное.

На основе результатов социологического исследования в пос. Еланцы, проведенного в муниципальных учреждениях, можно подвести следующие итоги. Было опрошено 45 человек. Возрастная структура: 30-39 лет - 36,4 %; 40-49 лет - 29,5 %; 50-59 лет -15,9 %; 18-29 лет - 13,6 %; 60-79 лет - 4,5 %. Половая структура: женщины - 86 %; мужчины - 14 %. При анализе анкет некоторые экземпляры в графе о половой структуре не были заполнены. При ответе на вопрос о семейном положении было выявлено, что доминирует официальный брак - 42 %. Среди респондентов большинство имеют высшее образование - 82,2 %. Основная группа опрошенных работает в органах государственного и муниципального управления - 57,8 %. Интересный тренд - 56,4 % респондентов не намерены менять место работы, но условия жизни в поселке их не устраивают, многое необходимо менять. 54,7 % респондентов отметили, что за последние 5 лет материальное положение их семей осталось без изменений, 35,7 % отметили, что улучшилось, и только у 9,5 % – ухудшилось. Больше всего респонденты не удовлетворены: 1) жилищными условиями -63,2 %; 2) работой общественного транспорта - 54,8 %; 3) медицинским облуживанием - 86,9 %; 4) дошкольным образованием -58,6 %; 5) работой спортивных учреждений - 80,5 %. При ответе на вопрос, касающийся расходов на отдых и отпуск (процент от годового дохода), наблюдались следующие тренды: 1) 1 % -48,6 %; 2) 3 % - 5,4 %; 3) 5 % -13,5 %; 4) 10 % - 10,8 %; 5) 15 % - 2,7 %; 6) более 15 % - 18,9 %. При ответах на вопрос о санитарном состоянии территории поселка респонденты делали акцент на том, что оно неудовлетворительное - 59,5 %. На вопрос о семейном достатке были получены следующие результаты: средний -64,4 %; низкий - 33,3 % и только 2,2 % выбрали ответ «высокий». На вопрос о степени уверенности в завтрашнем дне были получены следующие результаты: 1) ответили «отрицательно» -52,4 %; 2) «утвердительно» и «неопределенно» - по 23,8 %. Респондентов больше всего волнуют следующие общественные яв-

ления в ОРМО: 1) рост цен - 89,7 %; 2) низкая оплата труда -89,1 %; 3) безработица – 91,7 %; 4) сложности решения жилищных проблем - 80,5 %; 5) алкоголизм - 88,9 %; 6) преступность и наркомания – 78,1 %; 7) неуважение старших – 68,9 %; 8) недостаточная социальная защита и помощь - 59,4 %. На вопрос о влиянии туризма на развитие района респонденты ответили следующим образом: 1) станет хуже, так как будет разрушаться и загрязняться Байкал – 51,1 %; 2) станет лучше, так как позволит в какой-то мере решить проблему безработицы - 26,7 %; 3) станет хуже, так как нарушатся священные территории - 22,2 %. При оценке деятельности местных властей по улучшению условий жизни в поселке получены следующие результаты: 1) затруднились ответить -41,5 %; 2) ответили утвердительно - 36,6 %, а отрицательно -21,9 %. На вопрос о смене места жительства респонденты ответили: 1) не собираются менять - 61,9 %; 2) собираются менять -33,3 %; 3) затруднились с ответом – 4,8 %.

Таким образом, при сравнении двух этапов нашего исследования можно выделить основные проблемы качества жизни населения на муниципальном уровне и конкретно на примере поселений Ольхонского района: 1) кризис экономических отношений между поселениями ОРМО, заключающийся в необеспеченности налоговыми ресурсами полномочий, переданных на поселенческий уровень; 2) несовершенство и противоречивость законодательных и нормативно-правовых актов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; 3) высокий уровень безработицы как в городских, так и в сельских поселениях; 4) неудовлетворенность населения предоставляемыми услугами различного характера и санитарным состоянием территорий поселений; 6) низкий уровень жизни населения; 7) аварийное состояние объектов здравоохранения; 8) слабое развитие туристско-рекреационной инфраструктуры и нехватка новых инвестиционных проектов.

Литература

- 1. Аралбаева Г. Г., Афанасьев В. Н. Экономическая безопасность и качество жизни в Оренбургской области // Вестн. СГЭУ. 2008 № 2 (28). С. 5–9.
- 2. Качество жизни в регионах России и Украины: общественногеографические исследования / И. В. Гукалова, С. В. Рященко, Л. Г. Руденко, Н. В. Воробьев, С. А. Лисовский, Е. А. Маруняк, К. Н. Мисевич. Иркутск ; Киев: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2010. 147 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX в.: К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЭТАПА НОРМОТВОРЧЕСТВА

Проблема методологии государственного регулирования этноконфессиональных отношений на современном этапе, безусловно, носит теоретико-правовой характер и имеет ряд особенностей, связанных, в первую очередь, с процессами правообразования и правотворчества. Не последнюю роль в этом играет и социально адекватный мониторинг общественных отношений, подлежащих регулированию. В связи с этим возникают вопросы, связанные с технико-юридическим оформлением результатов аналитики специфики социальных отношений в этноконфессиональной сфере, являющихся предметом государственного регулирования. Понятие государственного регулирования включает в себя не только позитивно-правовую составляющую, но и нормотворчество – создание, изменение и отмену норм позитивного права и позитивно-правового регулирования, связанное с фактическим упорядочением общественных отношений [2, с. 77].

Возникают вопросы и по понятийно-категориальному обеспечению адекватности нормативного оформления регуляции общественных отношений в религиозной сфере. Представляет безусловный интерес и генезис качества технико-юридической проработки данных норм. Этот блок проблем не нов для отечественного правоведения. Процессы выработки адекватных общественным отношениям форм социального управления, в том числе и государственного регулирования, характеризуются цикличностью. С каждым новым витком понимание категорий свободы совести, вероисповедания в их соотношении с этатистскими интенциями политической и правовой культуры российской государственности претерпевает качественное переосмысление. Одними из основных исторически сформированных в течение XVII - нач. XIX в. социальных институтов, обеспечивающих в рамках государственного регулирования социокультурную стабилизацию в Восточно-Сибирском регионе, являются институты ламаизма.

Специфика государственного регулирования этноконфессиональной сферы в Восточной Сибири имперского периода выявляется на примере теоретико- и историко-правового анализа процессов подготовки «Положения о ламайском духовенстве 1853 г.». Со второй половины XIX в. вплоть до начала XX в. данное положение являлось основным инструментом государственного регулирования процессов формирования институтов ламаизма.

До начала колонизационных процессов и укоренения ламаизма автохтонное население преимущественно придерживалось номадного (кочевого) способа производства и соответствующего данному цивилизационному типу общественных отношений мифорелигиозного комплекса шаманизма. Последнее обстоятельство определяло и специфику государственного регулирования процессов формирования институтов региональной формы буддизма, проникновение которого в Забайкалье по времени (начало XVII в.) фактически совпало с приходом в регион первых русских колонистов, исповедующих православие.

Объектом миссионерских усилий ламаизма (и православия) стали шаманистские родоплеменные культы в системе восточно-сибирских этносов. Именно в рамках мифорелигиозного сознания и культово-обрядовой практики шаманизма сформировались социально-нормативные механизмы регулирования внутрии межродового общения, что в последствии учитывалось при структурировании системы административного управления краем в XVII–XIX вв.

В отличие от миссионерской практики православия, ламаизм не требовал коренной ломки мировоззренческой системы. За сотни лет миссионерской работы среди автохтонного населения Монголии и Тибета выработались культово-обрядовые механизмы инкорпорации основных социальных регуляторов региональных родоплеменных сообществ, преимущественно связанных с культами предков и священных территорий. В этом заключались причины его стремительного (в исторической перспективе) укоренения среди автохтонного населения Байкальского региона в течение XVII–XIX вв. Данное обстоятельство явилось основным для понимания не только механизмов укоренения региональных институтов ламаизма, но и динамики формирования позитивно-правовой страты и видов государственного регулиро-

вания этих процессов в рамках этноконфессиональной политики России имперского периода.

В силу специфики инкорпорационных механизмов миссиологии ламаизма его институты, в результате легализации и формализации их положения в общероссийском конфессиональном поле, частично выполняли административные функции государственных регуляторов общинно-родовой жизни, отчасти заменив собой родоплеменные структуры управления (в рамках функциональных модификаций приходской системы при степных думах). Все вышеозначенное предопределило и достаточно осторожное отношение законодателя к динамике позитивации механизмов регуляции общественных отношений, связанных с формирующимися институтами ламаизма. Основные направления государственно-правового регулирования зависели и от взгляда на ламаизм как на геополитический фактор, определяемый трансграничьем с Монголией, находящейся под протекторатом Китая.

Конец первой четверти XIX в. ознаменовался принятием ряда законодательных актов: «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Устава об управлении инородцев», «Устава о ссыльных», «Положения и правил о земских повинностях», «Положения и правил о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь» и др.

Данные акты ознаменовали собой новый этап выработки методологии управления Сибирью. Генерал-губернаторы обладали достаточно обширными полномочиями, касающимися, в том числе, и практики вероисповедной политики.

В 1852 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев «по Высочайшему повелению» представил на имя министра внутренних дел доклад относительно преобразования ламайского духовенства в Восточной Сибири. Доклад, по сути, представлял собой проект положения, который был отредактирован в Сибирском комитете Сената, утвержден императором в 1853 г. Он вошел в историю как «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири». Доклад Н. Н. Муравьева примечателен тем, что определял основные направления последующей позитивно-правовой регуляции и тщательной регламентации административного контроля над этноконфессиональной стратой ламаизма в регионе.

К ключевым позициям контроля и регуляции, отраженным в представленном Н. Н. Муравьевым проекте, необходимо отнести:

- 1. Контроль над численным составом и введение в этих целях штатного расписания и централизации управления всеми существующими дацанами посредством создания института хамбо-лам.
- 2. Иерархическую регламентацию взаимодействия имперской администрации с институтами ламаизма.
- 3. Ограничение количества официально признанных дацанов и должностей.
- 4. Жесткий контроль над хозяйственной и финансовой деятельностью ламаистского духовенства.

Геополитический фактор центрально-азиатского внутреннего и внешнего политического курса России обусловил поэтапное развитие вероисповедной политики России в Центральной Азии. Именно данный аспект региональной специфики лег в основу данных Н. Н. Муравьевым характеристик этапов формирования государственно-правового регулирования положения ламаистского духовенства начиная с нач. XVIII в.: «В 1727 году после разграничения земель России с Китаем вместе с Забайкальскими бурятами осталось в Российской стороне несколько лам. В 1728 году в инструкции, данной пограничным дозорщикам Иллирийским Графом Владиславичем Рагузинским, число этих Лам показано не было, а только приказано было наблюдать, чтоб заграничные Ламы не переходили в наши пределы» [1, с. 115 об.]. Н. Н. Муравьев отмечает в преамбуле доклада, что с 1741 г. с назначением главного ламы при Килгонтуйской кумирне для ламаистов был определено духовное управление. На тот период большинство бурятских и тунгусских родов Забайкалья исповедовали шаманизм. Был закреплен штат из 150 лам при 11 дацанах. Далее генерал-губернатор Н. Н. Муравьев описывает ситуацию, при которой утвержденные правительством нормы штатного расписания нарушались в следующей динамике: «В 1756 году оказалось уже 324 лам, а в 1774 году 617 лам». Далее, со ссылкой на протокол Совета Иркутского общего губернского правления от 9 мая 1822 г. под № 43-м приводится цифра общего количества лам в 2502 человека при уже 19 «кумирнях». В 1825 г. (всего лишь через три года после последней правительственной ревизии. - И. А.) был утвержден очередной режим штатного количества лам в 293 человек при 20 «кумирнях», остальные же 2209 обращались в сверхштатные. Последующие правительственные комиссии в Восточной Сибири под руководством чиновника Министерства иностранных дел Шиллинга фон Канштадта в 1831 г., чиновника Департамента духовных дел Левашева в 1848 г. в Забайкалье также имели в своих задачах выяснение причин, связанных с бесконтрольным ростом численности лам и влияния на них китайских структур ламаизма. К 1842 г. по данным, приведенным Н. Н. Муравьевым по штату, составленному Иркутским общим губернским правлением, оказалось «120 035 душ, исповедующих Ламскую веру и при них 5545 лам» [1, с. 116, 116 об.].

Данная динамика роста и усиление вместе с тем влияния конфессиональных центров, находящихся в Пекине и Урге, не могли не подвигнуть Н. Н. Муравьева к осмыслению методологии решения этой проблемы. В качестве прецедента им был взят устав, утвержденный Богдыханом и изданный в Пекине в 1817 г. в целях регуляции процессов структуризации ламаизма в Тибете, Монголии и Китае. Н. Н. Муравьев пишет: «Мы видели, как правительство в течение столетия старалось весьма кроткими мерами ограничить чрезвычайно быстрое распространение Шигемонианской веры; но безмерное увеличение числа Лам, отяготительное для народа, все более и более усиливающееся влияние китайских Лам, неприязненное наконец расположение духа против христианства, которое они умели возбуждать и поддержать в народе, вынудили правительство изыскивать меры для уничтожения этого зла» [1, с. 120].

Отмечаемая специфика данной сферы этноконфессиональных отношений в условиях Восточной Сибири имперского периода предполагала различие субъектов, средств, степени централизации и сфер распространения государственного регулирования, что в дальнейшем требует развернутого историко- и теоретико-правового, а также политологического анализа.

Литература

- 1. Доклад Генерал-губернатора Восточной Сибири о разработке Положения о ламайском духовенстве, 1852 г. Главное Управление Восточной Сибири 4. Отд. V-е 5. Стол 2 6. 15 Мая 1852 года 7. № 746 8. URL: http://imbtarchive. ru/index. php?topic=10&id=77
- 2. Пьянов Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений: монография / Н. А. Пьянов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 249 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ СОБРАНИЯХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В 2000-Х ГГ.

Партийное представительство в региональных законодательных собраниях является значимым аспектом партийной системы России. Ростовская область и Краснодарский край дают пример укрепления правящей партии за счет консервативнопатриотических и клиентельных группировок 1990-х гг.

Региональные выборы до лета 2003 г. проходили в условиях плюрализма избирательных систем. Выборы законодательных собраний этого времени шли по мажоритарной системе. Если в Ростовской области, как и в большинстве регионов, уровень партийности депутатского корпуса был низок, то Краснодарский край отличался высокой степенью политизированности. 38 депутатов ЗСКК из 50 в 1998 г. избирались от краевого общественно-политического движения «Отечество» (Кондратенко) патриотического толка [1, с. 46].

В ЗСРО выше роль бизнеса и чиновников. На выборах ЗСРО 1998 г. из 45 депутатов 8 – руководители областных управлений и ведомств, 12 – руководители предприятий и их подразделений, 7 – руководители сельскохозяйственных предприятий, 2 – военнослужащие, 1 – рабочий, 1 – профсоюзный работник, 6 – предприниматели, 1 глава администрации района; 9 – депутаты 1-го созыва [2, с. 363]. Только 12 из 45 депутатов ЗСРО избраны от партий, а преобладали – от групп избирателей и самовыдвиженцы. Из 12 партийных депутатов КПРФ представляли 7; «Яблоко» – 3; «Шахтеров России» – 2 [2, с. 392].

В выборах ЗСРО 2003 г. участвовало 44,7 % избирателей (на 2,3 % больше, чем на предыдущих). Проголосовали «против всех» 11,3 % явившихся (на 4,6 % больше). Из 29 депутатов прежнего созыва, пожелавших выдвигать кандидатуры, избран 21 [2, с. 392]. От партий победили только 2 (от КПРФ) [2, с. 396–402]. В состав ЗСРО 2003 г. были избраны: 21 бывший депутат; 31 руководитель предприятий; 6 работников культуры, медицины и образования, 2 военнослужащих, 1 муниципальный служащий.

Соревновалось 15 региональных отделений партий, в том числе 5 – по единому федеральному округу. Избирательный

барьер – 7 %. 20 депутатов по партийным спискам были избраны от «Единой России» и 5 – от КПРФ. Из числа избранных: от КПРФ – 1, партии «Единая Россия» – 36, «Яблока» – 2, Аграрной партии России – 1 [3, с. 47–49] . Участвовало в выборах 69,7 % избирателей. «Единая Россия» набрала 71,9 %, КПРФ – 15,8 %; ЛДПР – 5,8 %. Итоги выборов Законодательного собрания Ростовской области 2003 г. показали, что бизнес-слой весом, чему способствовал «призыв» руководителей банков, крупных энергетических компаний. Среди депутатов – 31 руководитель различных предприятий промышленности и сельского хозяйства; 6 – работники культуры, медицины и образования; 2 – военнослужащие; 1 – муниципальный служащий (заместитель мэра города) [3, с. 6].

По сравнению с предыдущим созывом ЗСРО отмечены особенности. Представители «Единой России», «Яблока» и КПРФ прошли в Законодательное Собрание. Многие кандидаты, поддерживаемые партиями, не заявили о партийной принадлежности на этапе регистрации и проведения агитации. Лишь 1 зарегистрированный кандидат заявил о членстве в «Единой России», котя партия поддержала на выборах 40 кандидатов, 36 из них победили. Пошатнулись позиции «Яблока» – 2 депутата (в предыдущем созыве – 3). Крайне неудачными выборы 2003 г. стали для КПРФ. Если в Законодательное собрание 2-го созыва прошли 9 коммунистов, то 3-го – лишь 1.

В октябре 2004 г. Впервые была образована фракция «Единой России» в ЗСРО. Первоначально в нее вошли 23 депутата, позже фракция увеличилась. Губернатор и администрация области теперь могли рассчитывать на поддержку своих инициатив, поскольку фракция в состоянии обеспечивать большинство голосов.

В Законодательном собрании Краснодарского края 3-го созыва (2002–2007 гг.) также организовались партийные фракции. С лета 2003 г. потеряла право участия в выборах бывшая «партия власти» – движение «Отечество» (Кондратенко), ориентированное на КПРФ. Состав депутатского корпуса был динамичен. За 1998–2008 гг. число предпринимателей возросло с 15 до 29 чел., врачей – сократилось с 6 до 2. Удельный вес уроженцев края стабильно высок (62 %), как и лиц с аграрным и технологическим образованием (58 %). Среди 70 депутатов – 11 бывших сотрудников исполнительной власти, 7 руководителей товариществ и ак-

ционерных обществ, 1 казачий атаман. Состав председателей комитетов 3СКК от созыва к созыву меняется на 80 % [4, с. 55–56, 146–151]. Членами фракции «Единой России» к 2005 г. стали 55 депутатов из 70, КПРФ – 7. Из 21 депутата – представителя бизнеса – 20 вошли во фракцию «Единой России», лишь 1 – КПРФ [4, с. 145–149].

Состав ЗСКК 4-го созыва (2007–2012 гг.) формировался в новых институциональных условиях, созданных нормами федерального законодательства. Переход от мажоритарной избирательной системы к смешанной, избрание половины корпуса по партийным спискам, запрет участия в выборах общественным объединениям и блокам качественно повысили роль партий в ЗСКК. Из 70 депутатов 61 вошли во фракцию «Единой России», 6 – КПРФ и 3 – «Справедливой России». Удельный вес предпринимателей в легислатуре вырос с 30 до 46 % (с 21 до 32 чел.). 28 из 32 бизнесменов-депутатов ЗСКК поддержали партию «Единая Россия», по 2 – КПРФ и партию «Справедливая Россия» [5].

Для выяснения политического представительства важна сфера деловой активности депутатов-предпринимателей. 21 % из них в ЗСКК представляли интересы агропромышленного комплекса и 19 % – пищевой промышленности. По 12 % выражали интересы жилищно-коммунального сектора и обрабатывающей промышленности; по 10 % – торговли и финансов, транспорта и туризма [5]. С учетом структуры валового регионального продукта Краснодарского края и хозяйствующих субъектов можно признать участие предпринимателей агропромышленного комплекса завышенным, а «третичного сектора» – заниженным.

В Ростовской области выборы проходили 2 марта 2008 г. по смешанной системе: 25 депутатов избирались по одномандатным округам, 25 – по партийным спискам. Кандидаты «Единой России» были избраны во всех одномандатных округах со значительным отрывом. Оппозиционные партии не смогли составить единороссам конкуренцию. В Законодательном собрании были представлены только две партии: единороссы – 45 депутатов и КПРФ – 5 [6, с. 122]. «Справедливая Россия» выдвигала в основном пенсионеров, среди выдвиженцев коммунистов и либералдемократов – много временно не работающих. Это оттолкнуло от них значительную часть сторонников. Даже лидеры коммунистов В. И. и Е. И. Бессоновы не смогли победить в округах г. Ростова-на-Дону.

Самой упорной оказалась борьба в Новочеркасском округе № 9, где кандидаты от оппозиционных партий смогли получить голосов больше, чем в среднем по области. Так, кандидат от КПРФ А. И. Кондратенко набрал 29,6 % голосов, кандидат от ЛДПР А. М. Глазунов – 8,5 %, кандидат от «Справедливой России» Ю. В. Васильев – 6,5 %. Но победу одержал кандидат от «Единой России» В. Г. Лукьянов. Он собрал 50,3 % голосов при явке 55,4 % [6, с. 123].

По Ростовской области на выборах 2008 г. явка составила 69,7 %, что свидетельствует о высокой активности электората. Административный ресурс работал на «Единую Россию», что позволило ей получить 71,9 % голосов. КПРФ поддержали 15,8 % избирателей, ЛДПР – 5,8 %, «Справедливую Россию» – 5,1 % [6, с. 125]. Парламент представлял собой коалицию бизнесменов (25 чел.) и профессиональных политиков (12 чел.), интеллигенты были представлены 9 депутатами, госслужащие исполнительной власти – 4 [6, С. 125].

14 марта 2010 г. в Ростовской области были избраны 40 глав и 707 депутатов представительных органов муниципалитетов, 8 глав городских и сельских поселений. Итоги выборов показывают, что экономический кризис и рецессия негативно сказались на «партии власти». Из 26 действующих глав городов и районов, выдвинувших кандидатуры, избраны на новый срок 17 [6, с. 126]. В Ростове-на-Дону прогнозируемо одержал победу действующий глава города М. А. Чернышев с 74 %. Неожиданными оказались итоги голосования в Новочеркасске, где действующий мэр А. П. Волков, поддерживаемый «Единой Россией», набрал 25,8 % и уступил депутату Законодательного Собрания области от КПРФ А. И. Кондратенко (44,1 %). Упорной оказалась борьба за пост мэра Каменска-Шахтинского, где единоросс А. Н. Харин (27,5 %) с небольшим перевесом опередил самовыдвиженца П. Г. Лощилова (26,1 %) [6, с. 126]. Из особенностей выборов 2010 г. следует отметить активную, порой агрессивную избирательную кампанию «Справедливой России», которая выдвинула кандидатов во всех муниципальных образованиях.

Социокультурный фактор партийных предпочтений электората прояснен автором [7, с. 50–52] в итоге массового опроса с применением стратифицированной многоступенчатой, случайной выборки 1 тыс. респондентов в 8 сельских районах из 40 и г.

Краснодаре, Армавире, Горячем Ключе, Туапсе, Сочи, Новороссийске (март-апрель 2007 г.). Уровень участия респондентов в общественной жизни невысок. 9,0 % признают причастность к деятельности какой-либо партии [7, с. 50]. Степень доверия населения региональным институтам власти средняя. Доверяли губернатору 39,5 %, Законодательному собранию – 26,2 %. Надежды на будущее респонденты связывают, прежде всего, с собственной деятельностью (44,2 % ответов), Президентом РФ (28,7 %), Правительством РФ (19,3 %). С губернатором связывают надежды 13,9 % респондентов, с главой своего муниципалитета – 10,8 % [7, с. 51–52].

Эффективными способами восстановления прав респонденты называли: обращения к Президенту РФ (28,5 %), в суды (25,7 %), в прокуратуру (19,5 %), в органы местного самоуправления (12,2 %), в милицию (11,3 %), к губернатору края (10,5 %), к депутатам Госдумы РФ (7,7 %), к полпреду Президента РФ (7,3 %). Тревожный симптом – 27,0 % затруднились назвать хотя бы один эффективный способ защиты прав граждан [7, с. 52]. Это объясняет, почему трагедия в ст. Кущевской не вызвала в Краснодарском крае массовых протестов и требований отставок «первых лиц». Недовольство выразилось в локальных митингах и жалобах, комментариях блогеров.

Выявлены особенности институционализации партий в законодательных собраниях Ростовской области и Краснодарского края. На Дону раньше, чем на Кубани, сложился консенсус между Законодательным собранием и губернатором. Партийное представительство в Законодательном собрании Ростовской области в 1994–2003 гг. обеспечивало лояльность курсу либеральных реформ, а в Законодательном собрании Краснодарского края до доминировал блок коммунистов националконсерваторов. В донской легислатуре политическое участие корпоративного бизнеса выражено в большей мере, чем в кубанской. Уровень партийности легислатур вырос за 2003-2011 гг. с 20 % до почти 100 %, доминируют в обоих собраниях фракции партии «Единая Россия».

Итак, сравнительный анализ партийного представительства в законодательных собраниях Дона и Кубани позволяет отнести его к типу с моноцентрической властью и номинальным разделением властей, доминирующей политической партией. В социокультурном измерении преобладают ориентации подданнической культуры, традиции централистского восприятия политики.

Литература

- 1. Прилепский В. В. Становление субъекта Российской Федерации в системе федеративных отношений (на примере Краснодарского края). Ростов н/Д: Изд-во Сев. -Кав. научн. центра высшей школы, 2005. 204 с.
- 2. Выборы и референдумы в Ростовской области. 1989–2004. Сборник научных статей и электоральной статистики / Под ред. С. В. Юсова. Ростов н/Д: Местная власть, 2004. 430 с.
- 3. Выборы депутатов Законодательного Собрания Ростовской области третьего созыва 30 марта 2003 года: Факты, анализ, электоральная статистика / Под ред. С. В. Юсова. Ростов н/Д: Местная власть, 2003. 330 с.
- 4. Поляков А. В. Региональная политическая элита как субъект политического процесса (по материалам Краснодарского края). Армавир: ООО «Базис», 2005. 172 с.
- 5. Досрочные выборы депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края четвертого созыва. Режим доступа: http://www.krasnodar.vybory.izbirkom.ru/region/krasnodar (дата посещения: 30. 06. 2011).
- 6. Ревин И. А., Скорик А. П. Социально-политический портрет Ростовской области // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы Южн. федерал. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 110-127.
- 7. Баранов А. В., Мирошниченко И. В. Итоги социологического исследования «Социологический портрет Краснодарского края и перспективы региональной политики». Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2008. 112 с.

БИРЮКОВ И. Л.

«ТАБЛИГИ ДЖАМААТ» — СЕТЬ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ

В России исламский экстремизм и терроризм начал заметно проявлять себя с середины 90-х гг. Достаточно быстро он стал представлять реальную угрозу национальной безопасности и все чаще используется в антигосударственных деструктивных целях, а не в интересах консолидации общества и укрепления государства.

Религиозно-политический экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества, что связано, в первую очередь, с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране.

Под религиозно-политическим экстремизмом автором понимается религиозно мотивированная или религиозно камуф-

лированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях вражды и ненависти. Его можно отнести к одной из форм нелегальной политической борьбы, как не соответствующий нормам законности и этики, которые разделяются большинством.

Особенно актуальным и проблемным становится вопрос реальной угрозы со стороны ряда исламских экстремистских организаций. Поэтому целью статьи будет анализ деятельности организации «Таблиги Джамаат» как религиозно-политического объединения, включающий выявление степени активности организации и ее потенциальной опасности.

Одной из основных проблем является доступ к источникам информации. Сами «таблиговцы», являясь запрещенной организацией, не особо стремятся откровенно говорить о себе, другой источник информации имеет статус государственной тайны и недоступен для изучения. Скрытный характер объединения «Таблиги Джамаат» привел к тому, что почти все сведения о нем получены либо из кругов, разделяющих его цели, либо от исследователей и обозревателей, испытывающих серьезные сложности в доступе к надежной независимой информации.

«Таблиги Джамаат» в переводе означает «Общество по распространению веры». Организация была основана в конце 1920-х гг. в Индии. Первоначально она была создана в целях возрождения исламской веры, и поэтому делала большой акцент на миссионерской деятельности. Традиционно организация сторонилась политики и сосредотачивала свои усилия на укреплении веры мусульман. Создавая небольшие группы, представители «Таблиги Джамаат» функционировали из мечетей, пропагандируя цели организации по домам [1]. Здесь мы видим популярный тогда, в момент составления, и теперь призыв следовать «чистому исламу» (призыв практически всех подобных организаций, правда, с собственным пониманием «чистого ислама»), для чего предлагается следовать только предписаниям Корана и сунне Пророка.

«Таблиги Джамаат» обеспечивает жесткую дисциплину и подчинение лидеру, ее члены становятся профессиональными миссионерами. Активисты организации должны работать 40 дней в году, три полных дня ежемесячно, два раза в неделю

после обеда и по два часа каждый день. Многие последователи террористических и экстремистских групп посещали встречи, организованные «Таблиги Джамаат», однако еще не доказано, что организация пропагандирует джихад и имеет связи с террористами. Тем не менее, «Таблиги Джамаат» запрещена в ряде стран [2].

Заявления о том, что они отчуждены от политики – это естественный способ адаптации к местным условиям, где властные структуры, да и значительная часть населения, крайне настороженно относятся к любым формам политического ислама. О политических экстремистских лозунгах таблиговцев ничего достоверно неизвестно. Но не исключается, что они просто не афишируются, ибо пропагандисты орагнизации часто используются вслепую, сами не всегда понимая, какие стратегические задачи (не декларируемые, а настоящие) на них возложены. К тому же имеется ряд прецедентов вовлечения этой организации в политику, часто в весьма агрессивных формах, на своей родине в Пакистане и в соседней Индии – это более чем политизированная организация, причем достаточно агрессивная. В Пакистане таблиговцы отнюдь не чуждаются и «большой политики» и проникли в самые высшие политические сферы.

Движение аполитично лишь в том смысле, что не придает большого значения и не преследует краткосрочных политических целей. Идеи политического переустройства мира пока – это, скорее, абстрактные стратегические планы «всеобщей исламизации». Хотя организация (особенно ее верхушка) достаточно замкнута (о чем пишут почти все исследователи), не афиширует своих реальных планов и внешне декларирует «мирную исламизацию», несмотря на то, что иногда их декларации расходятся с реальными действиями [3].

Исследователь Алекс Алексиев считает, что для большинства молодых мусульман первым шагом на пути к радикализации их религиозного сознания становится присоединение к «Таблиги Джамаат» как «прихожей фундаментализма» [4].

Как отмечает доктор Бабаджанов из Института востоковедения при Академии наук Узбекистана, «Таблиги Джамаат» активно использует и распространяет запрещенную книгу экстремистского характера «Ценности Таблига». В ней есть предписание не участвовать в выборах в светскую власть («власть, которая не от

Аллаха»). Возможно, этим и проще объяснить внешнюю аполитичность «Таблиги Джамаат», по крайней мере, в нынешней Центральной Азии. Эта книга внесена в Федеральный список экстремистских материалов и запрещена в России. Содержание этой книги признано экстремистским, поскольку направлено против организаций, официально представляющих ислам на территории Российской Федерации, против исламских и неисламских народов, проживающих в ней. [5].

Противники движения рассматривают его как международную закрытую организацию, координирующую радикальных суннитских экстремистов. В 2009 г. Верховный Суд России признал экстремистской и запретил деятельность международной религиозной организации «Таблиги Джамаат» на территории РФ. Как сообщает официальный сайт Генпрокуратуры РФ, судом установлено, что деятельность структурных подразделений организации угрожает межнациональной и межконфессиональной стабильности в российском обществе, территориальной целостности РФ. Проповедники движения концентрируют усилия на замещении традиционного для России ислама его радикальными течениями».

Организация запрещена в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, Киргизии и Иране. Есть вероятность, что ее запретят в Казахстане, хотя здесь она себя открыто не проявляет. В Сибири «таблиги» пропагандировали исламские учения экстремистского характера в Чите, Барнауле, Горно-Алтайске. В Иркутской области небольшие ячейки расположены в Ангарске, Усолье-Сибирском, Братске, Усть-Илимске, Усть-Куте. В 2010 г. две группы проводили 40-дневный даваат на Дальнем Востоке, Сахалине, в Хабаровском и Приморском краях, Республике Саха (Якутия).

Прокуратура Республики Бурятии совместно с Центром по противодействию экстремизму МВД установила, что запрещенная международная организация ведет свою деятельность в Бурятии. Целями религиозного объединения являются установление мирового господства посредством распространения радикальной формы ислама и создание на базе регионов с традиционно мусульманским населением единого исламского государства «Всемирный халифат». Установлено, что в Бурятии в «Таблиги Джамаат» входит более десятка активных членов – граждане Узбекистана, Кыргызстана и России.

Сотрудники ФСБ совместно с миграционной службой пресекли в Иркутске деятельность религиозного экстремиста. Задержанный – 29-летний гражданин Кыргызстана. Как сообщила телекомпания «Вести Иркутск», в прошлом году мужчина приехал в Иркутск и вел религиозную пропаганду среди соотечественников. В Иркутской области около 80 % «таблиговцев» – граждане Кыргызстана, чаще всего мигранты.

Сотрудники ФСБ также пресекли в Чите деятельность ячейки «Таблиги Джамаат». «Таблиг» пытаются распространить свое влияние среди мусульман Забайкалья. Сотрудниками УФСБ в результате оперативно-разыскных мероприятий была задокументирована и пресечена их противоправная деятельность в Чите. Соблюдая конспирацию, они проводили свои собрания, изучение литературы, вовлекали в организацию новых членов». Задержаны более 20 ее членов, среди которых есть иностранцы, нарушившие миграционное законодательство РФ, а также лидер ячейки - житель Читы, в отношении которого возбуждено уголовное дело по статье 282. 2 VK РФ «Организация деятельности экстремистской организации». Н. Кыдыралиев «активно распространял в Забайкальском крае и Иркутской области идеи запрещенного экстремистского объединения, возбуждающие религиозную рознь и унижающие человеческое достоинство» [6]. В частности, организовывал семинары, занимался проповеднической деятельностью среди населения, возглавлял миссионерские группы, организовывал публичные чтения сборника «Фазаиль Амали», в котором содержатся идеологическая доктрина «Ценности Таблига» и призывы к джихаду.

Сейчас активно адепты «Таблига Джамаат» встречаются, помимо Сибири, в Урало-Поволжье и в Дагестане. Но больше всего таблиговцев обитает в Саратовской области, где в апреле 2009 г. даже состоялся съезд российских последователей этого течения исламского фундаментализма.

Все это дает основание для вывода, что «Таблиги Джамаат» религиозно-политическая организация, и оценивать ее надо именно в качестве таковой, со всеми вытекающими из этого определения настоящими и будущими последствиями, ее динамикой и трансформациями. На сегодняшний день это сеть разбросанных по всей России замкнутых ячеек, представляющих собой скорее потенциальную угрозу, чем явно действующую. Говорить

о создании на территории Иркутской области халифата неосуществимо, поэтому они выполняют здесь иную задачу. Поскольку социальный состав «Таблиги» - в основном мигранты, то можно предположить, что их действия направлены на вербовку людей с отъездом в Индию или Пакистан для обучения и дальнейшей переброски их в «горячие точки».

Ведь развитие и деятельность «Таблиги Джамаат» в условиях многостороннего конфликта (прежде всего, с остальными верующими и с государственными структурами) серьезно влияет на их трансформацию не в сторону либерализации или терпимости. Поэтому существует опасность дестабилизации религиозных отношений в регионах, отчего государство нуждается в точном определении и изучении границ, форм, направлений и целей политической активности ислама, а также в создании механизма воздействия на него.

Литература

- 1. Сулейманов Р. Джамаат Таблиг в Татарстане: структура численность, идеология [Электронный ресурс] // Muslem.ru. URL: http://muslem.ru/джамааттаблиг-в-татарстане-структур/
- 2. Центральную Азию обволакивает сеть «Таблиги Джамаат» [Электронный ресурс] // Центр.-Азиатский портал. URL: http://www.ca-portal.ru/ article:4961
- 3. Яновская М. «Таблиги Джамаат»: Скрытая угроза мирной проповеди [Электронный ресурс] // Информ. агентство Фергана. URL: http://www.fergananews.com/articles/6065
- 4. Алексиев А. « Таблиги Джамаат»: невидимый легион джихада [Электронный ресурс] // Отечественные записки / журнал для медленного чтения. URL: http://www.strana-oz.ru/2003/5/laquotabligi-dzhamaatraquo-nevidimyylegion-dzhihada
- 5. Бабаджанов Б. «Таблиг» политическая организация, цель которой исламизация мира» [Электронный ресурс] // Информ. агентство Фергана. URL: http://www.fergananews.com/articles/6066
- 6. Васильева А. Деятельность ячейки экстремистской организации «Таблиги Джамаат» пресечена в Чите [Электронный ресурс] // Чита.ru : городской портал. URL: http://news. chita. ru/21446.

УСИЛЕНИЕ РОЛИ КАСТЕИЗМА* В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ИНДИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ)

Индия – удивительная и уникальная страна, которая меняется у нас на глазах, но остается неизменной вот уже три тысячи лет. Страна представляет собой удивительную смесь модернизации, с ядерными программами, и традиционного средневековья, где массово распространен кабальный труд на феодала, где каста не просто элемент социальной иерархии и стратификации, это определенное самосознание, образ мысли, «картина мира».

Кастовый вопрос в Индии всегда интересовал множество исследователей как отечественных, так и зарубежных. Даже само понятие касты окончательно и однозначно еще до сих пор не сформировано в научной сфере, существует множество определений и трактовок кастовой системы. Зарубежные исследователи заинтересовались вопросами касты гораздо раньше, это позволило создать им ряд научных школ, связанных с такими именами, как Луи Дюмон, Сенарта Е., Рисли Х., Хаттона Дж., Уайзера В., Бейдельмана Т. Отечественная индология в основном концентрировалась на определенных проблемах в кастовом вопросе, поэтому исследовательские работы носят узкую направленность, определенную «штриховатость». Вопрос «касты и политики» стал особо актуален в современной индологии, много внимания этой теме уделяют такие видные исследователи, как М. К. Кудрявцев, А. А. Куценков, Г. Г. Котовский, Е. С. Юрлова, на фундаментальные труды которых, несомненно, необходимо опираться при изучении взаимодействия касты и политики.

Ритуальные и экономические основы каст постепенно разрушаются, трансформируясь во что-то новое, но сами касты не только живы как никогда, но уже действуют в качестве основания для политической идентичности через включение в политическую жизнь страны на всех уровнях, на местных сельских советах (панчаятах), на выборах в законодательное собрание штатов и

231

^{*} Кастеизм – это использование кастового фактора в политике, сопровождающееся культивированием недоброжелательного чувства по отношению к представителям других каст.

выборах в парламент и, конечно, в деятельность политических партий.

Поэтому проблемы касты и политики носят не только сугубо теоретический интерес, но и практический. Каста стала неотъемлемым элементом политической культуры в Индии, кастовая солидарность не просто шаблонными словами, а призывом к действию. В этих условиях касты стали акторами внутренней политики страны, его маятником, а кастеизм и «политизация каст» частью политической жизни в стране. Даже повседневная политическая жизнь и деятельность политических партий, заставляет индийское общество считаться со структурой и функциями кастовой системы.

С утратой на монополию власти Индийского национального конгресса (ИНК) в 80-90-х гт. ХХ в., и появлением реальной многопартийности, и происходит трансформация политической системы в рамках всей страны. Кастовая структура общества в северной части наиболее пестрая и разнообразная, это связано с запутанной этнической и конфессиональной историей региона с множеством завоеваний и вторжений, которые в последствии выливались в образование новых кастовых структур. Поэтому регион Северной Индии в процессе трансформации политической системы и образованием реальной многопартийности столкнулся с рядом уникальных проблем и особенным усилением в проявлении кастеизма и религиозного коммунализма.

Разгул кастеизма и его окончательное закрепление на политической арене страны начинается, как ранее говорилось в 80-90-х гг. XX в., отмеченных ростом социальной напряженности, межэтническими и межконфессиональными конфликтами в Индии. Тогда же приходит окончательное понимание того, что кастовый фактор в политике занимает одно из главенствующих мест, и этот фактор не исчезнет. Ухудшению ситуации поспособствовало правительство, когда после предоставления парламенту отчета комиссии Мандала в 1980 г., в рекомендациях которого существенное место уделялось увеличению квот на резервирование для «прочих отсталых классов», решение правительством было отложено, а «властям штатов по существу предлагалось решать эту проблему с учетом местных особенностей» [1]. Также в 1992 г. Верховный суд Индии ввел понятие «слой сливок», к которому отнесли наиболее экономически благополучные касты среди от-

сталых, и им было отказано в квотах на резервирование в сфере государственных предприятий [2]. Партии на местах незамедлительно стали пользоваться проблемой резервирования для предвыборной борьбы, и все чаще и чаще стали специально создаваться партии или отделяться фракции для представления интересов определенных каст или меньшинств.

Например, около 80 % всех далитов (неприкасаемых) страны проживает в Северной Индии, и неудивительно, что партия Бахуджан Самадж (БСП) была создана в 1984 г. в самом густонаселенном штате страны Уттар Прадеше, где проживают в основном далиты. Основатель партии Канши Рам заявил об отстаивании прав далитов и выбрал штаб-квартирой Нью-Дели, город на стыке двух северных штатов Уттар Прадеш и Харьярна. В 1996 г. по итогам выборов в парламент страны ей был присвоен статус национальной партии.

Пракеш Амбедкар в 1980-х гг. на основе одной из фракций Республиканской партии в штате Махараштра создал партию Бахуджан махасангх, в которую кроме далитов (неприкасаемых – махаров) вошли и другие низшие касты. Партия занималась организацией низов на борьбу за перераспределение излишков земли после аграрной реформы [8, с. 246].

Партия Бхаратия Джаната (БДП), основанная в 1980 г. благодаря Аталу Бихари Ваджпаи и Лалу Кришне Адвани, провозглашала идеологию «хиндутвы»*. В 1990-х гг. из-за скандала с разрушением мечети Бабура в Айодхье (штат Уттар Прадеш), последующих религиозных столкновений мусульман и индусов и напряженности в регионе правительство штата во главе с партией БДП было распущено. Также было распущено правительство штатов Раджастан, Химчал Прадеш, Мадхья Прадеш, где во главе была партия БДП. События в Айодхье имели серьезные последствия для партии, арест ее лидеров и запрет деятельности. В середине 90-х гг. после снятия запрета и восстановления деятельности БДП начала менять тактическую линию, и ее публичные заявления стали носить умеренный характер. БДП до сих пор выступает за создание государства индусов, но в то же время придерживается секуляристских принципов [3].

^{*}Хиндутва – движение, проповедующее индуистский национализм. Основоположник идеологии – Вир Саваркар; широкое распространение в политике идеология получила в конце 1980-х гг.

После событий в Айодхье мусульманский электорат в штате Уттар Прадеш частично перешел на сторону партии БСП, которая в своих речах незамедлительно стала утверждать, что отстаивает интересы всех угнетенных: не только далитов, но и религиозных меньшинств. И частично к партии Самаджвади, которая возникла в 1992 г. и адресной базой выбрала мусульман и ядавов – земледельцев.

Но БДП не только не ослабила свои позиции после скандала, а даже их укрепила; в связи с новой тактикой партия стала опорой «индуистской части» среднего класса, недовольной защитой меньшинств. На парламентских выборах в 1996 г. победила про-индусская партия БДП. Хотя она продержалась у власти всего тринадцать дней, это был громадный успех для партии, совсем недавно появившейся на политическом поле страны и пережившей запрет на свою деятельность.

В 1998 г. на внеочередных парламентских выборах победила БДП и ее партнеры по коалиции, имевшие различные политические силы в 17 штатах страны. С этого времени партия окончательно закрепилась на политическом олимпе и попала в струю со своей идеологией и тактикой. На следующих внеочередных выборах в октябре 1999 г. победа вновь была за ними. Это был пик популярности партии, которая получила 183 места в парламенте. Для этого периода правления БДП характерно культивирование недоброжелательных чувств к мусульманской общине не только в рамках отдельных штатов, но и всей страны. Происходит резкое увеличение индусско-мусульманских столкновений, сопоставимых только с разделом страны в 1947 г. А после событий 11 сентября 2001 г. опасение индусов стали усиливаться, и в стране стали активно консолидироваться силы религиозно-общинного направления. На Севере Индии, где проживает преимущественно все мусульманское население в стране, община почувствовала свою дискриминацию, стала очень активно появляться в политике и претендовать на большое количество квот в правительстве и льгот в других сферах жизни как религиозное меньшинство. Индусско-мусульманские погромы стали частью жизни в Индии в 2002 г. в штате Гуджарат и Уттар Прадеш; в 2008 г. на юге страны были гонения на христиан.

Несомненно, существуют партии, которые ориентированы на все слои населения, например ИНК, пропагандирующий идеи

социал-демократии. В 90-х гг. позиции партии в различных штатах падают. С отсутствием сильного лидера, способного взять управление ИНК на себя, к тому же связанного с семьей Неру-Ганди, что для менталитета индийцев, безусловно, приоритетно, авторитет партии незамедлительно упал. В конце XX в. в связи с социальными конфликтами и напряженными межконфессиональными отношениями идеология всеобщего равенства уже была не так привлекательна для населения страны, как в первые годы независимости. Соответственно, интересы всех каст одновременно ИНК представлять уже не мог, поэтому партия потеряла такие ключевые штаты, как Мадья Прадеш, Уттар Прадеш, Гуджарат. Резкий перелом наступил в 2004 г. ИНК тогда получил 145 мест в правительстве, а в 2009 г. - 206. Самое удивительное, что ИНК вступил в борьбу в 2004 г., не являясь правящей партией ни в одном штате на севере страны. Победа была одержана старыми способами, партия не выдвигала каких-то новых революционных идей или стремлений.

Говоря о кастеизме на современном этапе, мы, разумеется, имеем в виду всю Индию, но ситуация на юге, где раньше существовали острые кастовые противоречия, на сегодняшний момент миновала крайнюю стадию. Однако проблемы Тамилнада и Кералы бледнеют на фоне проблем севера, где он на данный момент процветает «буйным цветом». Некоторые исследователи [5, с. 154] полагают, что крайнюю стадию в кастеизме на юге помогла преодолеть высокая урбанизация, что способствовало ослаблению кастовых чувств. К северу такой подход неприменим, так как основное население региона – земледельцы, занятые сельскохозяйственными работами.

В начале 2000-х гг. численность населения Индии перевалила за 1 млрд жителей и разрыв в уровне жизни между бедными и богатыми принял угрожающие размеры. Вследствие этого, усилилась роль партий, отстаивающих интересы низших каст и далитов. Многие партии низших каст стремятся не к разрушению кастовой системы, а только к улучшению позиций своих каст за счет других и увеличению своей квоты на места в системе управления. Резервирование – единственный серьезный пункт в политических программах таких партий, кроме этого никакой серьезной идеологии ими индийское общество не транслируется.

Маявати, современный лидер БСП, далит по происхождению, в своих предвыборных политических выступлениях не обращалась к таким злободневным темам, как «управление страны», «национализм», «коррупция», а только к социальной иерархии и справедливости. Вообще все выборы, которые проходят в штате Уттар Прадеш – это определенная демонстрация силы, настроения и интересов населения страны, так как штат занимает в Индии первое место по числу жителей в стране. К тому же победа в штате обеспечивает представительство 80 депутатов в нижней палате парламента страны.

Поэтому на двух последних выборах в законодательное собрание штата в 2007 и 2012 гг. основная борьба проходила между партией БСП и Самаджвади, которые представляют примерно один «банк голосов». БСП представляет далитов и «всех» угнетенных, а Самаджвади - «прочие отсталые классы» (основные представители в штате земледельцы - ядавы) и мусульман. В 2007 г. победу одержала партия БСП, особо не выдвигая никакой программной политики и не прилагая усилий. В 2012 г. победа Самаджвади была обеспечена в основном провалом БСП, которая в списки партии ввела 117 кандидатов из числа высших каст, 74 из которых являются браминами, список кандидатов из далитов равнялся 201 человеку - почти 50 % на 50 %. Маявати рассчитывала так привлечь голоса высших каст и сделала на это ставку, в итоге от партии откололась значительная часть далитов. «Для многих далитов избирательный процесс - это борьба за утверждение их собственной идентичности» [8, с. 341]. Маявати в итоге проиграла и потеряла пост главного министра штата, который перешел к конкурирующей партии. В этой ситуации и заключается главный парадокс политической власти в Индии: голосуют за касту, а не за политические, экономические программы, идеи или идеологию. Борьба за влияние превратила государственную власть в предмет кастовой гордости и средство доказать свою преданность клану и роду [7, с. 282].

Весной 2006 г. министр социального развития предложил ввести квоты в сфере образования для «отсталых классов». Его стремление поддержали партии левого крыла. Партии, представляющие зарегистрированные касты и племена, «прочие отсталые классы» и далитов, выступили в поддержку такой политики государства, но партии БСП и Самаджвади теперь потеряли свой

главный козырь в манипулировании, и эти партии стали выдвигать лозунг за увеличение этих квот.

В октябре 2006 г. Верховный суд Индии постановил не предоставлять никаких квот для «слоя сливок» [4]. Это решение суда было революционным, и все индийское общество незамедлительно стало ожидать заявлений от политических партий. Партия БДП в свою программу внесла пункты о резервировании, хотя, как говорилось уже выше, в 1990-х гт. партия пробилась к власти с противоположным лозунгом. Северной Индии старалась выбрать средний путь, и, соответственно, умеренные высказывания партии стали основными. Партия не могла отказаться от своей адресной базы, но в то же время хотела получить голоса «прочих отсталых классов» и зарегистрированных партий. БДП в открытую высказывал мнение в поддержку решения суда, но с оговоркой, что квотами должны пользоваться те, кто в них нуждается.

ИНК в связи с тем, что его статус изменился после выборов 2004 г., затаился и не высказывался по поводу решения верховного суда. Партии, представляющие интересы угнетенных каст, выступили с резкой критикой такого решения.

Политические партии в Индии всегда используют кастовый фактор в своей деятельности, это определенный эквивалент «банка голосов», который в Индии невозможно игнорировать. Политическая борьба в стране в основном завязана на вопросе резервирования, так как этот вопрос действительно волнует все касты. Как только ввели в политику практику резервирования, в действии ее уже было не остановить, она разрастается, как «раковая опухоль»; все больше и больше каст считают себя угнетенными и угнетаемыми. На их поддержку при принятии закона или формировании правительства как на местном, так и на федеральном уровне можно рассчитывать только при наличии подарков в виде квот на резервирование и сопровождающей ее коррупции. И разорвать этот порочный круг на данный момент невозможно. Политика, основанная на тезисе «кто не с нами - тот против нас», приведет Индию к коллапсу власти, сепаратизму и терроризму.

Литература

- 1. The Hindustan Times. 1983. 12 авг.
- 2. Venkatesan V. Political consensus // Frontline 2006. 5 мая.
- 3. Bharatiya Janata Party [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: http://bjp.org/

- 4. The Times of India. 2006. 20 окт.
- 5. Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М.: Наука, 1992. 264 с.
- 6. Льюс Э. Без оглядки на богов: взлет современной Индии. М. : ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 395.
- 7. Нандан Нилекани. Образ новой Индии: эволюция преобразующих идей. М.: Альпина Паблишер, 2010. С. 508.
- 8. Юрлова Е. С. Индия: от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. С. 394.

БУХАНЦОВ В. В. КОМАРОВА М. В.

2013-Й - СНОВА РАЗВИЛКА?

Скоро уж четверть века хаотического, броуновского движения страны показали безусловную несостоятельность надежд на развитие без опоры на научное основание. Вместе с «деидеологизацией» победила точка зрения «прагматиков» – демократия и рынок расставят все по местам. Победа, как видим, оказалась пирровой. Без внятного плана правящий класс заблудился и всех нас завел за собой в темный лес. Оказался коллективным Иваном Сусаниным.

А ведь «демократия», «свободный рынок» не просто красивые слова или отвлеченные понятия. Затасканные нашими «реформаторами» «модернизация», «глобализация» далеко не так безобидно бессодержательны, как кажется наивным читателям. Крейг Калхун, глава влиятельнейшего Американского совета по исследованиям в социальных науках (SSRS - Social Science Research Council), еще в 2005 г. в Москве в своей лекции для «Русских чтений» «Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумал?» говорил: «Что касается модернизации, то очень важно понять, что это американская теория, возникшая именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки, прежде всего на Западную Европу. Сыграла свою роль и проблема деколонизации в третьем мире. Возник вопрос, как интегрировать новые независимые страны в мировой порядок. Существовал Советский Союз, и нужна была теория, способная объяснить, «кто хорошие парни в этом мире, а кто негодяи». Иначе говоря, теория модернизации возникает и развивается как идеология победителей с Запада» [1].

Это не беда. Беда в том, что наши «плохие парни» страстно хотели перебежать в стан «хороших парней». Назвавшись реформаторами, они рванули навстречу Западу, пытаясь отделаться от страны, как от гири, мешающей побегу. Однако это вряд ли возможно. «Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств» – книга, которая дала властям предержащим шанс освободиться от политических иллюзий, увидеть место и роль России в мире не через чужие идеологические очки, а с помощью отечественного научного инструментария [2]. К нему относятся пять критериев страновой классификации.

Качество государственности отвечает на два вопроса: реальная самостоятельность, суверенность власти на собственной территории; эффективность государственных институтов в экономике, политике, социальной сфере. Рейтинг государственности позволяет разделить 192 страны на три группы. К первой относятся «лидеры государственности». Таких 46. Во второй группе, из 55, – «неудавшиеся государственности», зависимые и управляемые извне. В третьей, «серой», группе – 91 страна.

Россия занимает 27-е место в первой группе. Она суверенна, независима, самостоятельна. Ее отличают относительная политическая стабильность, длительность государственности, минимум внешней экономической помощи.

Масштаб угроз и вызовов - второй критерий. Все страны, в той или иной степени, сталкиваются с внешними и внутренними проблемами. Но степень угроз и вызовов делит их на три больших группы. Незавидное лидерство в рейтинге, как правило, принадлежит государствам с низким качеством жизни, слабой государственностью, чаще всего с авторитарным режимом правления. 61-й стране практически ничего не грозит. Эти успешные государства смогли обеспечить своим гражданам высокое качество жизни при демократическом или «безопасном автократическом» развитии. В «серой» зоне угроз оказались самые разные по уровню и качеству жизни, государственности и международному влиянию страны. Здесь и Россия (81-е место), и Китай (78-е место), и США (118-е место). Угрозы и вызовы России разнообразны, но не чрезмерны. Хотя список их впечатляет: терроризм, территориальные споры, несбалансированный экспорт, уменьшение населения, эпидемия ВИЧ/СПИД. Окружение России - еще одна

проблема. Ведь Азербайджан, КНДР, Афганистан, Индия, Иран, Ирак испытывают постоянные, интенсивные внутренние и внешние угрозы и вызовы.

Ресурсы воздействия на международную среду: явное большинство государств мира такими ресурсами не обладают. В зоне минимального международного влияния находится также немало стран. А лидеры известны заранее: США, Китай, Япония, Германия, Франция, Великобритания. Среди них, на 7-м месте, - Россия. Она обладает огромным военным потенциалом, включающим размер Вооруженных Сил, наличие ядерного оружия, высокотехнологичных вооружений. За Россией зарезервировано место постоянного члена Совета безопасности ООН. У нее все еще приличный экономический вес. Непредвзятый анализ свидетельствует, что потенциал влияния России на международные отношения используется непродуктивно и не полностью.

Качество жизни. По этому показателю Россия далеко не благополучна. У нас низкая продолжительность жизни, высокая смертность, низкие расходы на здравоохранение. Мы явно уступаем по этим показателям западным демократиям, что можно признать закономерным. Но более высокие места постсоветских Эстонии, Литвы, Латвии говорят скорее о низком качестве управления и ущербной структуре экономического роста в России.

Институциональные основы демократии - этот критерий включает в себя традиции политической конкуренции, представительства, участия, ограничения исполнительной власти, соблюдения конституционных норм. Фактически индекс потенциала для демократического развития фиксирует степень зрелововлечения граждан в общественноусловий для политическую жизнь. На самый верх рейтинга забрались системы с высокой парламентской конкуренцией. Президентские демократии: США, Франция - несколько ниже. Всего же в группе с достаточными институциональными основами демократии - 30 стран. Россия - на 93-м месте, пропустив вперед, к примеру, Украину и Индонезию. Понятно почему. У нас непродолжительная демократическая традиция, невысокая конкуренция на президентских выборах, периоды политической нестабильности, попытки неконституционной смены власти, безобразные избирательные законы. Из постсоветских стран по данному показателю Россию обощли Литва, Украина, Латвия, Эстония, Армения,

Молдавия. Вывод: мы все еще не принадлежим к демократическим образцам, но у нас есть институциональные основы демократии. Надо более решительно искать собственную демократическую модель.

На основе пяти критериев (комплексных рейтингов всех стран мира) авторы атласа получили 4 главных компоненты – проекции мировой политической реальности. Это качество национального выживания; выбор между строительством государственности и развитием демократического потенциала; «человеческая цена» государственности; максимализация международного влияния в современном мире.

Четвертая компонента – проекция относится только к очень узкому числу стран. Обладающие этим уникальным ресурсом составляют своеобразный закрытый привилегированный международный клуб. Клуб, правда, весьма разнородный. В нем есть «абсолютные счастливчики»: Германия, Франция, Великобритания. Они достигли международного влияния в сочетании с высоким качеством государственности, демократии и качества жизни.

Россия, как Китай или Индия, обладания влиянием достигла если не вопреки, то уж, во всяком случае, не в гармонии с качеством жизни. Самое важное, однако, в другом. В мировом ядре есть три державы, имеющие свои собственные уникальные алгоритмы и логики развития. То есть они совсем «иные». Это Россия, США и Китай.

Кластерный анализ позволяет выделять группы стран, объясняемых на основе какой-то одной компоненты и в их сочетании. Например, все страны можно разделить на 2 кластера: «удачниц» и «неудачниц». Но чем больше кластеров мы получаем, тем интереснее результаты. При десятикластерном масштабе четко отграничивается группа лидеров: США, Великобритания, Германия, Италия, Китай, Россия, Франция, Япония. За ней следует кластер 53 «сытых и спокойных», без глобальных международных амбиций стран. К ним относятся европейские «старожилы» (Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Исландия, Австрия, Люксембург, Швейцария и т. д.); несамостоятельные заморские «демократические клоны», такие как Багамы или Тринидад и Тобаго; развивающиеся демократии Латинской Америки; посткоммунистические страны, завершившие демократический транзит (от Албании до Эстонии); Израиль, Тайвань... Самая обширная

группа стран – авторитарные, но при этом слабые государства. Их 58. Здесь и Ангола, и Афганистан, и Таджикистан, и Ирак, которым так всех насмешил остряк Дж. Буш-младший, признав его демократией. Остальные кластеры в десятичном масштабе: две группы недемократических режимов с относительно крепкой государственностью (к первой относится Узбекистан, ко второй – Белоруссия и Казахстан); группа несамостоятельных «демократических клонов» со слабой государственностью и без влияния на международные дела (таких как Армения, Молдавия, Украина); отдельная группа «во главе» с Бразилией; три самостоятельных кластера (Гана, Индия, Папуа-Новая Гвинея; Иордания, Тонга; Колумбия, Перу, Сальвадор).

При тридцатикластерном сравнении, из стран высокого потенциала влияния выделяется новый суперкластер - США, Россия, Китай.

Сорокакластерный масштаб в особую самостоятельную группу выводит Россию и США. Отсюда следует закономерный, хотя и тривиальный для многих вывод. Во-первых, уникальные место и роль России в структуре современного мира никто не придумывал. Они являются ее фатальной ношей. Во-вторых, исключительные амбиции и потенциал ресурса международного влияния России власть должна не прятать «за печку», периодически и невпопад оттуда вытанцовывая, а грамотно использовать для продвижения русских интересов. Всем нам во благо. Как это делают американские президенты, вне зависимости от партийной принадлежности и международной конъюнктуры.

Почему же этого не происходит? Российская элита далеко не однородна, и у нее нет единства ни в вопросах внутренней, ни в вопросах внешней политики. Господствовавшее весь постперестроечный период квазилиберальное крыло не сумело доказать состоятельность предъявленного курса. Конечно, Чубайс в свойственной ему амбициозно-грубой манере может сколько угодно выдвигать себя на роль гуру и шельмовать оппонентов [4], но само появление в окружении Путина таких фигур, как Рогозин и Глазьев, свидетельствует об исчерпанности предыдущего курса. Анахронизмом представляется и приватизация крупных государственных активов, о которой так печется западник-премьер. Нельзя не согласиться с тем, что передача госсобственности в частные руки не повысит эффективность бизнеса таких крупней-

ших компаний, как ОАК или РЖД. Эти представления из мифологии начала 1990-х [3].

На наш взгляд, Путин, как национальный лидер, именно сегодня имеет возможность развернуть государство к социализации экономики и других сфер общественной жизни. И само государство должно оправдать свое конституционное название «социального». Естественные союзники президента на этом пути - такие социально окрашенные государственники, как упоминавшиеся Глазьев и Рогозин, политические партии СР, КПРФ, значительная часть ЕР, национально-патриотическая буржуазия и, главное, широкие демократические круги, в первую очередь в регионах страны.

Литература

- 1. Калхун Крейг. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Русские чтения Института общественного проектирования, лекция 17. 01. 2006 на [Электронный ресурс]. URL: www. inop. ru/files/calhoun. doc (дата обращения: 28. 02. 2013).
- 2. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М. : МГИМО-Университет, 2007. 272 с.
- 3. Ходоровский А. Приватизация не спасет ОАК [Электронный ресурс] // Сайт Slon.ru. URL: http://slon. ru/economics/privatizatsiya_ne_spaset_oak-914280. xhtml (дата обращения: 28.02.2013).
- 4. Чубайс о Глазьеве: Экономист не может утверждать, что Европа и США эмитируют деньги для захвата российских активов [Электронный ресурс] // Ведомости. Власть. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/8131441/chubajs_o_glazeve_ekonomist_ne_mozhet_utverzhdat_chto_evropa (дата обращения: 28. 02. 2013).

БУШЕВ А. Б.

МЕДИАИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Современные исследования европейской интеграции проводятся юристами, политологами, экономистами, культурологами, историками и имеют достаточную библиографию (Топорнин Б. Н., Энтин М. Л., Кашкин С. Ю., Буторина О. В., Арбатова Н. К., Попова О. В., Малинова О. Ю., Орлов Б. С., Пашковская И. Г., Павлов Н. В., Рубинский Ю. И., Донова Е. В., Иванов И. Д., Бусыгина И. М., Вайнштейн Г. И., Погорельская С. В., Громыко А. А., Делягин М. Г., Кембаев Ж. М., Борко Ю. А., Зорькин В. Д., Мотрошилова Н. С,

Мчедлова Е. М., Фурман Е. Д., Марченко М. Н., Лукин В. П., Гутник В. П., Расторгуев В. Н.).

Элементы интеграционных процессов историки прослеживают еще в наследии Римской империи и римского права, в империи Карла Великого, в европейских идеях конца XIX - начала XX в., идеях А. Бриана о Пан-Европе. Но, как известно, лишь в послевоенное время в Европе устранены материальные основы войн между государствами и созданы условия для экономической интеграции.

В России Европа традиционно рассматривается как средоточие, квинтэссенция цивилизации и демократии. Внимание привлекает ценностный фундамент единой Европы. Европу объединяет согласие по вопросам, связанным с прошлым Европы, – отказ от войн, от тоталитарных режимов правления, защита прав человека, верховенство закона, демократия, рыночная экономика.

Европейская идея – интеллектуальное течение. Европу объединяют рациональные, лично свободные индивидуумы, верховенство закона, равенство всех граждан перед законом, принцип и институт частной собственности, интенсивный способ хозяйствования, культура добровольной ассоциации, разумного компромисса и солидарности, капитализм, наличие на определенном этапе буржуазии как главенствующего, руководящего класса общества, обладающего высокой степенью социальной ответственности, существование гражданского общества, политической демократии.

На глазах одного-двух поколений из сравнительно небольшого субрегионального объединения экономического характера ЕЭС – Евросоюз трансформировался в подлинно европейский интегративный орган универсальной компетенции. В единой Европе проживают 495 млн человек, ее ВВП – больше 12 трлн евро. Евросоюз – центр силы, значимый торговый партнер.

Сообщество создано правом, но является источником права и образует правопорядок. Исследователей европейского институционализма привлекает наднациональность, выражающаяся в сочетании признаков международной организации суверенных национальных государств и наднационального объединения государств-членов. Принципы субсидиарности и пропорциональности, отраженные в Лиссабонском договоре, трактуют особенности власти в ЕС. Субсидиарность – взаимная ответственность и

взаимная дополняемость органов государственной власти субъектов при совместном решении общегосударственных, региональных и местных проблем. Только после Лиссабона Европа начала реально существовать как политическое целое в глазах всего мира. В орбиту ЕС включились ЕЦБ, Счетная палата, суд ЕС.

В европейском дискурсе обсуждается европолитика в следующих сферах:

- 1. Экономическая и социальная сферы. Единый внутренний рынок основа основ европейской интеграции. Здесь нет границ, действуют четыре свободы свобода передвижения товаров, свобода движения услуг, свобода движения капиталов свобода движения физических лиц (рабочей силы). В связи с еврокризисом особенно обсуждается экономический и валютный союз (ЭВС).
- 2. Внешняя политика. Перспективы министерства иностранных дел Европы.
- 3. Политика безопасности ОВПБ (ОИПБ) и ЕПБО (=ОПБО). В 2003 г. ЕС принял стратегию безопасности, в которой он провозгласил такие задачи, как ответственность за безопасность в мире, борьба с терроризмом, распространением оружия массового поражения, предупреждение и урегулирование региональных конфликтов, развитие культуры стратегического мышления. Ведется дискуссия о функциях европейского оборонного агентства и сил быстрого реагирования.
 - 4. Полицейское и судебное сотрудничество.
- 5. Бюджет ЕС формируется из собственных доходов ЕС: фиксированные отчисления в зависимости от ВВП, фиксированные отчисления от ВВП, НДС, таможенные пошлины, налог на импорт сельскохозяйственной продукции. Расходы на сельское хозяйство самая большая статья ЕС (55 млрд евро в 2008 г.). Показательно, что некоторые члены ЕС считают условия в ЕС дискриминационными для себя. Вот, к примеру, немецкие платежи. В Германии проживает 17 % населения ЕС, но она располагает 13 % голосов в Европарламенте. Доля Германии в общем бюджете 20 %, а получает она из него 12 %. Немецкие платежи в расчете на душу населения составляют 87 евро. Те преимущества, которые дают Германии общий рынок, экспорт и низкая стоимость банковских операций вследствие существования единой валюты, как считают некотрые немцы, не компенсируются.

К критериям, по которым оценивается благосостояние отдельных стран Евросоюза, относят: экономический рост, инфляция, занятость, безработица, социальный стандарт. Многочисленные исследования отмечают глубокую внутреннюю дифференциацию, новый европейский колониализм, европейский кризис, кризис морали.

В состоянии ли постлиссабонский ЕС ликвидировать дефицит демократии и преодолеть возросшее отчуждение граждан от общеевропейской идеи? Наблюдается разрыв между «Европой институтов» и «Европой граждан». Европе не хватает привлекательных проектов на будущее, ей грозит омузеивание. Необходимо обосновать смысл дальнейшей интеграции. Сегодняшняя эрозия солидарности в ЕС выражается в применении гибкой интеграции в рамках экономического и валютного союза ЕС. Слабо расширяется область полномочий ЕС – вне их остаются налоги, соцстрахование, государственные доходы, общая внешняя политика, политика безопасности.

Евроскептики указывают на слабость Европарламента, отсутствие европейского народа, дисбаланс в соотношении европейского права и права национальных государств.

Дискуссионной предстает и европейская идентичность. Часто она строится на культурно-исторических основаниях. Играют роль христианские корни, пережитый тоталитаризм, две войны, закат Европы. В случае, если европейская идентичность формируется сверху, сторонники делают акцент на общем наследии, ценностях, этносах. Однако к Евросоюзу присоединилась православная Греция, ставился вопрос о вступлении мусульманской Турции. В случае, если идентичность формируется снизу, то отслеживается, сколько людей определяют себя как европейцы и что они под этим понимают. Суть подхода Ю. Хабермаса: перейти от этноса к демосу. В трактовке Ю. Хабермаса европейская общность - это не новая социальная группа, для которой принадлежность к Европе является первичной, а скорее общность коммуникаций гражданских обществ стран ЕС по политическим и социально значимым темам, в ходе которых формируется общеевропейский дискурс. Существуют разные теории интеграции, в том числе коммуникативная. Значимым представляется умение интерпретировать медийный и политический дискурс [Бушев, 2010, 2011, 2012].

Европейская национальная и политическая идентичность остается значимым вопросом общеевропейского дискурса. В современной политической науке основными объектами, с которыми соотносится понятие «идентичность», выступают территория, язык, идеи, культура и история. Продемонстрируем типичный пример дискурсивного понимания европейской идентичности.

European identity is a question of **collective identity** and as such, theoretically, is no different from the question of **national identity**. Thus, rather than begin with the vexed question of whether a **European identity** is replacing **national identities**, a more fruitful approach is to **address the idea of collective identity in the context of major social and political transformation**. As suggested by Malmborg and Strath, **the idea of a European identity is a discourse** in which competing claims are worked out, and this idea has been part of many national traditions. Rather than relate the identity of Europe to a set of values, goals, territory, people—what in general may constitute the *content* of Europe—it may be more fruitful to see it in terms of a cultural *form*, the chief characteristic of which is a **dialogic rationality**. In this respect there are clear parallels with **notions of discursive democracy and what may be called a cosmopolitan European identity**.

Усилия организаторов ЕС направлены на ускоренное формирование коллективной наднациональной идентичности через общность политических институтов, а также перенос акцентов с ИК оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую.

Существенной составляющей дискурса европейской интеграции является евроскептицизм. Существуют разные группы: евроскептики, которые критикуют европейскую интеграцию с крайне правых или консервативных позиций; евроскептики, которые в политических целях используют лозунги борьбы с коррупцией и бюрократической системой; третья группа, которая подчеркивает глобалистский, враждебный общим интересам характер интеграции. Во имя социально ориентированной равноправной Европы они выступают против создания системы институтов ЕС и утверждения в нем ценностей. Приведем пример евроскептицизма российского журналиста Ю. Латыниной:

Ценность № 3: социальная справедливость

Еще одной европейской ценностью в настоящий момент является социальная справедливость. Социальная справедливость выражается в том, что если у вас есть безработная наркоманка с пятью детьми, то она будет жить в роскошном особняке, потому что не должны же дети страдать! – это несправедливо, – а если у вас есть работа, муж и семья, то вы будете вкалывать, как ишак, и половину заработанного вами государство будет у вас отнимать, чтобы отдать безработной наркоманке.

Ну не знаю насчет справедливости - с моей точки зрения, несправедливо грабить тех, кто работает, чтобы отдать их деньги тем, кто бездельничает.

Но я о другом: какое это отношение имеет к европейским ценностям?

Напомнить вам, что было бы во времена Британской империи, когда над ней не заходило солнце, – с той же самой незамужней женщиной, у которой вдруг появился ребенок? Ей что, давали пособие? Квартиру? Особняк? Ответ: нет. Она становилась парией.

Во времена расцвета Европы вся забота о социальных благах - о воспитании детей, содержании родителей, медицине, образовании и пр. - была переложена на семью и ее главу, и общество жесточайше противилось любым попыткам переложить бремя этих расходов на общество».

Для исследователей информатизации науки особенно важным представляется отметить, что мы видим социальный эффект информационных технологий – возможности познакомиться с европейскими и мировыми документами, определяющими социальную политику в разных странах. Так, обучаемые при помощи источников Интернета знакомятся с целым корпусом документов европейской интеграции: договоры ЕС (особенно Лиссабонский), Хартия основных прав трудящихся 1989 г., Хартия фундаментальных прав ЕС, Европейская конвенция по правам человека, Европейская социальная хартия.

Приведем материал с сайта EUROPA, суммирующего европейское законодательство. Особенно важной представляется система перекрестных ссылок, характерная для информационной культуры сети Интернет:

Community Charter of Fundamental Social Rights of Workers

The <u>Community Charter of Fundamental Social Rights for Workers</u>, adopted in 1989, establishes the major principles on which the European labour law model is based. It applies to the following areas:

- free movement of workers;
- employment and remuneration;
- improvement of working conditions;
- social protection;
- freedom of association and collective bargaining;
- vocational training;
- equal treatment for men and women;
- information, consultation and participation of workers;
- health protection and safety at the workplace;
- protection of children, adolescents, elderly persons, and disabled persons.

These social rights represent a foundation of minimum provisions common to all the European Union (EU) Member States. The provisions of the Charter were kept by the Lisbon Treaty (Article 151 of the Treaty on the Functioning of the EU) and by the <u>EU Charter of Fundamental Rights</u>.

Context

The Charter was adopted in accordance with the preamble of the <u>Treaty</u> <u>establishing the European Economic Community</u>, which recognised the need to continually work towards improving the living and working conditions of European citizens.

It was only adopted by the United Kingdom in 1998 as part of the integration of the principles of the Charter into the <u>Amsterdam Treaty</u>.

Существенно, что наличествует возможность знакомства с узусом международных документов, их языком: EU Charter of Fundamental Rights, Community Charter of Fundamental Social Rights.

Обучаемые работают с сайтами европейских институтов: посещают сайты ЕС, Европарламента, Еврокомиссии, Европейского социального фонда, Европейского фонда регионального развития. При изучении предвыборного дискурса мировые медиа представляют возможность изучать дебаты – наличествующие в сети транскрипты дают возможность анализировать политическое дебатирование, точки зрения по основным вопросам повестки дня (issues of the agenda).

Обсуждая деятельность международных организаций, обучаемые осуществляют поиск актуальных источников: ОБСЕ – Хельсинкский заключительный акт, Парижскую хартию для Новой Европы, Хартию европейской безопасности. Предоставляет

Интернет и возможность получения современных актуальных материалов по европейскому кризису, например:

The rage in Spain

With protests and a secessionist threat, Spain's problems are growing. Better a bail-out now than later

THE *indignados* who took to the streets of Spain in 2011 belied their name by being rather meek and just a little nerdy. One of their most passionate demands was for Spanish elections to involve more proportional representation. But today, after a year of austerity, Spaniards have cast off their restraint. Rowdy protests in Madrid and growing pressure for independence in Catalonia leave Spain *at the mercy of dangerous forces*, just when trouble is flaring up elsewhere in the euro zone. Investors have taken flight. Unless the Spanish prime minister and his counterparts around Europe act, the single currency itself will once again soon be at risk.

Members of the Nobel committee lauded six decades of reconciliation among enemies who fought Europe's bloodiest wars while simultaneously warning against the hazards of the present. The decision sounded at times like a plea to support the endangered institution at a difficult hour.

"We see already now an increase of extremism and nationalistic attitudes," said Thorbjorn Jagland, the former Norwegian prime minister who is chairman of the panel awarding the prize, in an interview after announcing the award. "There is a real danger that Europe will start disintegrating. Therefore, we should focus again on the fundamental aims of the organization."

Yet on the very day that the award was announced in Oslo, leading European policy makers again publicly bickered over how to deal with Greece's bailout. Germany's finance minister, Wolfgang Schäuble, rejected calls from the French head of the International Monetary Fund, Christine Lagarde, to give Greece more time to make additional spending cuts to rein in deficits.

The *intractable debt* troubles in Greece have been at the heart of the financial crisis that has gone on for years and has taken a tremendous toll on Europe's economy, breeding ill will between the *suffering periphery* and officials in Germany, who have called for *painful austerity* as the price of continued German support for the *rising debt*.

"The leader of the E. U. is Germany, which is in *an economic war with southern Europe,*" said Stavros Polychronopoulos, 60, a retired lawyer in Athens. "I consider this war equal to a real war. They don't help peace."

С 1996 г. Россия – член Совета Европы. Совет Европы также является одним из центров гуманитарной, правовой интеграции. В уставе этой организации сказано, что его деятельность осуществляется во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействия экономическо-

му и социальному прогрессу. СЕ концентрирует свою компетенцию на обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Он традиционно рассматривается и функционирует как главный международный форум прав человека в Европе, правозащитная организация. В СЕ нет правотворчества. Неутешителен вывод в отношении постсоветской России: права провозглашены, но не соблюдаются. Сложно идет формирование гражданского общества. Оно отсутствовало и в российской, и в советской истории. Обращают внимание на себя важнейшие социальные показатели – уровень доходов, пенсий, пособий. Значима разница между регионами, группами. Известны причины невоспризводства населения (у нас иные, чем в Европе).

Социальная политика сталкивается с проблемами безработицы, ужасающей дифференциации доходов, неэффективного управления, бедности, отсутствия социальной ответственности государства, коррупции, оргпреступности, неконтролируемой миграции, экокатастрофы, слабым ответом на новые вызовы в международном распределении труда (сырьевой характер экономики).

Капитализм в РФ не принес социально ориентированную рыночную экономику. Социальное партнерство стало пустым звуком. Впервые претензии по нарушению партнерства предъявляются уже к частному капиталу. Нет объединения усилий ради развития производства, мало эффекта от программ по утверждению демократических и гуманитарных ценностей, программы соблюдения международных норм в области выборных технологий и управления. Традиционно низка правовая культура населения, существует правовой нигилизм.

Страхования от безработицы нет в России, недостижимы стандарты в области соцобеспечения. Год прав человека в РФ выявил множество серьезных проблем. Существенной остается проблема механизмов защиты – конституционного контроля, судебной защиты, административно-правовых форм защиты, международной защиты прав человека.

Никто не призывает считать все эти проблемы исключительно государственной задачей. Поглощение гражданского общества государством, огосударствление всех сфер жизни происходят там, где права человека либо отсутствуют, либо носят декоративный характер. Довлеет патерналистский подход государст-

ва по отношению к человеку. Для нескольких поколений советских юристов понятия прав человека как сферы его свободы, как ограничителя безмерных властных притязаний государства, как универсального фактора, обеспечивающего равенство и справедливость общественных отношений, автономию индивида, попросту не существовало.

Литература

- 1. Бушев А. Б. Русская языковая личность профессионального переводчика : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
- 2. Бушев А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика : монография. Lambert Acadenic Press, 2011. 276 с.
- 3. Бушев А. Б. Герменевтика актуального медийного дискурса // Современный дискурс-анализ : электрон. журн. 2012. Вып. 6. С. 1–27. www.discourseanalysis. org.
- 4. Бушев А. Б. Как учиться интерпретировать глобальные медиа?// Язык в пространстве коммуникации и культуры. Материалы VI Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 29 июня 2012 г. (ред. Н. В. Иванов) М.: Книга и бизнес, 2012. С. 380–386.
- 5. Бушев А. Б., Александрова С. К. Метафоризации дискурса экономического кризиса //Инновационные технологии бизнес-комуникаций: стратегии и тактики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25 ноября2011 г.) М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 126–134 (Коммуникативные исследования; вып. 7).
- 6. Бушев А. Б. Идеи предвыборных дебатов в США как культурнориторический феномен Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. / отв. ред. Г. И. Гладков. М. : МГИМО (У) МИД России, 2012. № 47 (62) С. 22–35.

ВОЛОСОВ Е. Н.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БИЗНЕС-ЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Мало какому понятию повезло с определениями так, как «элите». В науке существуют десятки, если не сотни определений данного термина. Принято считать, что слово «элита» происходит от французского «élite» и понимается как лучшее[ший], отборное[ный].

Рассматривая элиты как необходимый элемент социальной структуры общества, исследователи при определении этой социальной группы используют два макроподхода. Первый – альтиметрический, или позиционный, где главным критерием принадлежности к элите выступает формальный статус лица, занимающего видное место в иерархии государственной власти и по 252

этой причине являющегося субъектом политической и экономической жизни государства и общества. Данный метод удобен, потому что прост и эффективен. Понятие элиты, предлагаемое обывателю в рамках позиционного анализа, сводится к президентской администрации, высокопоставленным министерским чиновникам и депутатам высшего законодательного органа страны, видным представителям бизнес-сообщества. При анализе правящей элиты методы позиционного анализа используют ведущие российские политические социологи, в частности О. Крыштановская [1, с. 51].

Однако политическая субъектность тех или иных представителей истеблишмента – величина непостоянная и зависит от конкретной исторической ситуации, расклада политических сил, влияния различных акторов государственной и политической власти. Те, кто являлись субъектами политики в 1990-е годы, перестают быть таковыми при новых лидерах государства.

Среди других недостатков позиционного подхода следует отметить игнорирование им роли тех людей, которые, не занимая никаких официальных государственных постов, могут влиять на тех, кому право принятия решений принадлежит по статусу. Этот метод не позволяет определить границы фактических полномочий тех или иных ветвей власти.

Выходом из наметившегося противоречия могло бы стать использование гуманитарного подхода в виде репутационного и меритократического анализа. Суть первого заключается в том, что для выявления людей, обладающих властью, используются оценки экспертов (наблюдатели, участники политических событий), позволяющие определить тех, кто, занимая высокие посты, недостаточно влиятелен в политической сфере. Критериями второго являются социально-психологические достоинства, знания, креативность, мудрость. Оба метода довольно активно используются в современной практической политологии. К числу их недостатков можно отнести высокий уровень субъективности получаемых результатов, так как на мнение экспертов серьезно влияют политическая конъюнктура, ангажированность, уровень осведомленности, идеологические и личные предпочтения. Смена состава опрашиваемых экспертов зачастую радикальным образом меняет представления об иерархии и структуре правящей элиты.

Вероятно, оба подхода не являются идеальными. А интуитивная попытка объединить их может привести даже к крупному политическому скандалу. Так случилось, например, с депутатом Государственной Думы от партии «Единая Россия» Ильей Костуновым, который публично признался, «что самый тупой депутат умнее среднестатистического гражданина» [2]. Депутат всего лишь попытался актуализировать свое видение понятия «элита». С одной стороны, он использовал альтиметрический метод (членство в Государственной Думе), с другой, – меритократический (ум, мудрость, априори присутствующие у депутатов).

Несмотря на кажущуюся простоту понятия «региональная элита», методологически оно до настоящего времени разработано недостаточно. По справедливому замечанию В. Мохова, «...с точки зрения классической теории данное понятие не совсем корректно, поскольку "по определению" элита – это высшие, лучшие, наиболее влиятельные. Региональные слои власть имущих по своему положению занимают среднее место между высшими слоями общества и массами. Данную ситуацию не спасает оговорка о том, что региональная элита – это высшие, лучшие или наиболее влиятельные слои регионального сообщества» [3].

Вместе с тем значительно усложнившаяся в XX в. социальная структура западного и российского общества, рост политической субъектности лидеров регионов в странах западной демократии, а на определенном этапе и новой России (А. Тулеев, М. Шаймиев, М. Рахимов, Ю. Лужков, Э. Россель и др.), постоянное наличие центробежных тенденций в практике государственного управления, позволяют говорить о трансформации, расширении понятия «элита», включении в него и регионального уровня власти.

Позволим себе заметить, что определенная организационная самостоятельность (политическая субъектность) у региональной власти проявлялась даже во времена жесткого централизованного управления в СССР периода правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева [4, с. 229].

Возможная дискуссия о правомерности понятия «региональная элита», скорее всего, будет носить схоластический характер по причине его широкого использования в теории и практике прикладной политологии, публицистике, а также в исследованиях современных российских историков. Операционально чрезвычайно удобно пользоваться при анализе социальных групп, оп-

ределяющих региональную политику или имеющих влияние на ее формирование, хотя и спорным, формальным, но вполне универсальным маркером – «региональная элита».

Масштабных исследований о структуре постсоветской региональной элиты не проводилось. Поэтому стратифицировать данный объект можно, полагаясь на отработанные модели типологизации и стратификации элиты вообще. Как уже отмечалось ранее, элита никогда не являлась понятием, относящимся только к политике. Любая область общественной деятельности неизбежно продуцирует образование собственной элиты: экономической, технократической, военной, культурной, бюрократической, научной. Все они в силу различного рода обстоятельств вынуждены взаимодействовать друг с другом, соперничать, сотрудничать. Каждая из них в больших или меньших масштабах делегирует своих представителей в правящую элиту. Следует отметить, что, в отличие от оформившейся в основном центральной политической элиты, кристаллизация ее регионального отряда продолжается. В рекрутинге региональной политической элиты преобладают выходцы из административной и бизнес-элиты, хотя, как показывает анализ законодательной и исполнительной ветвей региональных органов власти, представители других элитарных групп также занимают в них определенное место [5].

В работах Г. Ашина, А. Понеделкова, Н. Лапиной, других известных российских политологов выделяются следующие категории населения, которые можно отнести к региональной правящей элите:

- 1. Глава исполнительной власти (губернатор, президент национальной республики).
- 2. Высокопоставленные сотрудники органов исполнительной власти (администрации, правительства и их структурных подразделений).
- 3. Члены законодательных органов региона (председатель, председатели комитетов, часть депутатов).
- 4. Представители региональных отделений федеральных структур (ФСБ, МВД, налоговых служб, прокуратуры и др.).
- 5. Собственники компаний, играющих ключевую роль в экономике региона, руководители фирм регионального уровня, топменеджеры, представляющие интересы общероссийских и транснациональных корпораций.

- 6. Руководители неправительственных организаций, партий, средств массовой информации.
- 7. Организованная преступность. Ее участники серьезно влияли на политические процессы в регионах в 1990-е и в начале 2000-х гг. В настоящее время их политическая субъектность стала носить более латентный характер, но вряд ли сошла на нет.

В системе региональной политической власти важное место занимает пятая группа. В странах с устоявшейся политической системой ее принято называть бизнес-элитой. Сформировавшаяся в современной России центральная и региональная бизнес-элиты стали наряду с административно-политической элитой влиятельнейшей макрогруппой, оказывающей существенное воздействие на развитие экономических и политических процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

О. Крыштановская характеризует бизнес-элиту как «верхушку крупных предпринимателей, которые благодаря своему финансовому могуществу и наличию экономических ресурсов оказывают существенное влияние на принятие общегосударственных решений» [6, с. 17]. А. Мухин относит к ней «персон, сделавших свое состояние в период приватизации и либерализации экономики, приблизившихся за счет этого к властным структурам настолько, что стали олицетворять власть» [7, с. 4].

Развернутое определение бизнес-элиты дал В. Белов. По его мнению, это внутренне дифференцированная макрогруппа крупных собственников, включающая в себя субслои и конкурирующие группы, но объединенная групповыми и корпоративными интересами, в том числе и стремлением сохранить контроль за ресурсами и исключительный доступ к центрам власти, отсечь контрэлиты [8, с. 21].

Существует некоторое тождество между понятиями «экономическая элита» и «бизнес-элита». Однако по справедливому замечанию А. Мордасова, понятие «бизнес-элита» содержит в себе больше «властной конкретики», чем «экономическая элита», к которой относят и директорский корпус государственных предприятий и закрытых унитарных предприятий, и руководителей сельских хозяйств и менеджеров-управленцев высшего звена; не участвующих в политике [9, с. 18]. В 1990-е – начале 2000-х гг. к региональной элите можно было отнести собственников и топменеджеров региональных банков. Однако концентрация банковского сектора в руках нескольких московских структур, по-

глощение ими местных банков привели к исчезновению этой профессиональной группы.

Очень интересным может быть исследование проблемы позиционирования в системе региональных элит представителей исполнительной и законодательной власти, явно и неявно аффилированных с бизнес-структурами. Несмотря на законодательный запрет заниматься предпринимательской деятельностью, значительная часть региональных чиновников и депутатов продолжает так или иначе руководить «своим» бизнесом, лоббировать его интересы.

Литература

- 1. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
 - 2. http://www.gazeta.ru/politics/news/2012/11/13/n_2614913. shtml
- 3. Мохов В. П. Проблемы анализа российских региональных элит в переходный период: к вопросу о методологических основаниях [Электронный ресурс]. URL: http://www.elis.pstu.ru/mokh3.htm
- 4. Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них.... М., 1990.
- 5. Волосов Е. Региональная политическая элита Сибири (опыт статистического анализа) // Вестн. Евразии. 2003. № 1. С. 138–155.
- 6. Крыштановская О. В. Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социологические исследования. 2002. № 8.
- 7. Мухин А. А. Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков. М., 2001.
- 8. Белов В. В. Теоретико-политологический анализ становления бизнес-элит в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : МГУ, 2009. 28 с.
- 9. Мордасов А. А. Новое позиционирование бизнес-элиты в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит наук: 23.00.02. М., 2005. 172 с.

ВОЛЬТЕР О. В.

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Термин «идеология» ввел в научный и политический обиход А. Дестют де Траси в 1796 г. в докладе «Проект идеологии». Понятие «идеология» первоначально использовалось им для обозначения науки, предметом которой, как предполагалось, должны были стать всеобщие законы образования и изменения идей, их влияние на жизнь различных социальных групп и классов, а на выработанные ею принципы должна была опираться политика [6, с. 185].

Важным этапом эволюции категории идеологии стало творчество К. Маркса и Ф. Энгельса. Под идеологией, рассмотренной ими в произведении «Немецкая идеология», они понимали совокупность представлений современной немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли немецкую философию критическому анализу и определили ее как идеалистическую, так как исходным ее принципом является положение: реальный мир есть воплощение идей, а существующие общественные отношения являются продуктами сознания людей. Это положение они определяли как ложное сознание, т. е. извращенное понимание действительности. Воззрения людей, содержание которых основывается на данном постулате, они определили как идеологию, а творцов и пропагандистов таких представлений называли идеологами.

Важным моментом в понимании К. Марксом и Ф. Энгельсом идеологии является выдвинутое ими положение о том, что идеология во всех ее проявлениях, включая философию и другие идеологические формы сознания, есть феномен, присущий классово-антагонистическому обществу. Общественное сознание всех веков, отмечали они, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, а именно в идеологических формах [3, с. 18]. Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс положили начало пониманию идеологии как формы сознания, содержание которой обусловлено положением его носителя в системе общественных отношений. Они первыми обратили внимание на то, что положение, занимаемое социальным субъектом в обществе, накладывает отпечаток на его понимание действительности и потому его сознание не свободно от предвзятых идей и представлений.

К. Маркс и Ф. Энгельс связывали идеологию исключительно с идеями правящего класса - идеями, которые освящают социальное неравенство. По их мнению, идеология выступает в качестве инструмента в руках господствующих классов, который они используют для того, чтобы навязывать низшим классам «ложное сознание» и всевозможные иллюзии, мешающие им осознавать свое эксплуатируемое положение. С преодолением социально-классовых противоположностей, считали они, идеологические формы сознания будут исчезать, а их место будет замещаться «положительной наукой о природе и истории» [3, с. 12]. Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс квалифицировали идеологию,

понимаемую как совокупность саморазвивающихся и производящих мир идей, как ложное сознание, т. е. не соответствующее действительному положению. Они противопоставили свое понимание идей как представлений, порождаемых реальным жизненным бытием людей. Классическая формулировка данного положения содержится в следующих словах К. Маркса: «Не сознание людей порождает их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [3, с. 27].

Идеология, с точки зрения К. Манхейма, есть продукт (идеи, понятия, представления, принципы, цели) такого способа мышления групп людей, при котором эти группы воспринимают, объясняют и оценивают явления окружающей их действительности с позиций своего положения в ней, своих жизненных потребностей и интересов. К. Манхейм, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, признает наличие в структуре сознания социального субъекта (коллективного или индивидуального) идей - определенных мнений, утверждений и представлений, обусловленных не присущими явлениям объективной действительности свойствами, а характером субъекта и его положением в системе общественных отношений. Эти идеи он также обозначает термином «идеология». Однако в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса К. Манхейм не отбросил их как «ложное сознание» и потому не представляющие по сравнению с позитивным знанием никакого практического значения, а, напротив, рассмотрел в них особый феномен, выполняющий важную функциональную роль в жизнедеятельности субъекта. В понимании К. Манхейма содержание идеологии, равно, как и утопии, составляют те идеи и представления, которые определяются социальным бытием субъекта и отвечают его интересам и устремлениям.

Данные положения К. Манхейма так или иначе находятся в основе всех последующих интерпретаций феномена идеологии, поэтому благодаря К. Манхейму понятие «идеология» заняло свое место в ряду важнейших категорий политической науки. Таким образом, согласно К. Манхейму, идеология – это продукт мышления определенных групп людей, который, как и тип их мышления, обусловливается характером этих групп и их положением в существующей действительности. Предметом мышления определенной группы людей являются те элементы действительности, которые представляют для нее практический интерес.

Результатом мышления выступает определенное понимание и, следовательно, объяснение данной группой существующей действительности, осознание своего положения в ней и выражение своего отношения к ней. В этом состоит суть идеологии как социально-духовного феномена, критерий того, что «во всей совокупности идей является идеология» [2, с. 7]. Указанное понимание идеологии лежит в основе всех имеющихся ныне ее определений. Встречающиеся же отступления от него означают ни что иное, как использование термина «идеология» для обозначения какихлибо иных социальных явлений.

Современные подходы к пониманию рассматриваемого социального явления основываются как на положении К. Маркса и Ф. Энгельса об идеологии как отличном от науки феномене, так и на положении К. Манхейма об идеологии как результате мышления определенных групп людей. При этом большинство исследователей связывают идеологию в основном или полностью с выражением интересов групп людей, обычно в качестве социальных субъектов противостоящих друг другу. Современные исследователи, основываясь на положениях классиков теории идеологии, акцентируют внимание на том, что ядро содержания конкретной системы идей образуют интересы определенной группы людей. Данным компонентом содержания идеологии в значительной мере предопределяются и отношение ее носителей к существующей социальной действительности, и характер их целей и устремлений, и выбор путей и средств их достижения.

Таким образом, идеология как социально-духовный феномен заключается в следующем: это относительно систематизированная совокупность идей, ценностей и представлений, которые обусловлены положением, интересами и устремлениями определенных групп и общностей людей, выступают по форме или по существу как выражение интересов и устремлений всего общества и служат в качестве инструмента коллективного социального действия.

Идеология, любая ее форма всегда выступают как система идей и представлений, в которых определенные группы людей осознают существующую действительность и свое положение в ней, выражают свои потребности и интересы, формулируют свои цели и устремления и обосновывают пути и средства их достижения. В современной науке группы людей – социальные слои,

классы, общности и их объединения – принято называть субъектами политических отношений, или субъектами политики. В науке соотношение между идеологией и политикой принято определять так: идеология есть детерминанта политики [4, с. 130]. Идеология и политика неразрывно связаны друг с другом: если идеология – это форма выражения интересов определенных групп людей, то политика – это деятельность этих групп людей, направленная на реализацию своих интересов.

Политическая идеология – это относительно систематизированная совокупность идей, ценностей, принципов, целей и представлений, посредством которых определенные субъекты социально-политических отношений осознают себя, свои потребности и интересы, выражают свое отношение к существующей социально-политической действительности, формулируют и оправдывают свои цели, обосновывают пути и средства их достижения с помощью государственной власти. Политическая идеология представляет собой систему идей, ценностей и представлений, оправдывающую притязания социального субъекта на власть и ее использование с целью реализации своих интересов [5, с. 30].

Политическая идеология является одним из важнейших компонентов политического процесса. Вне идеологии не бывает политического действия. У. Мац говорил: «Идеология есть нечто большее, чем ложная теория, а именно – учение, вызывающее к жизни определенную политическую практику» [4, с. 37]. Идейнополитические представления, трансформируясь в систему убеждений человека, предрасполагают его к действию, нацеленному на осуществление признанной им наилучшей формы общественного устройства. Без таким образом понимаемой идеологии не может существовать никакое политическое движение, ни одна политическая партия, вне зависимости от своих высказываний по данному поводу: в пользу идеологий или деидеологизации политической жизни.

Растущее влияние науки на жизнедеятельность современного общества, превращение ее в основной фактор социальноэкономического развития вызвали к жизни в начале 60-х гг. ХХ в. теорию деидеологизации общества, авторами которой стали американские социологи Д. Белл, Э. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт. Они утверждали, что идеология как выражение интересов и устремлений противостоящих друг другу социально-классовых сил в постиндустриальном обществе утрачивает свое прежнее значение. Так как ведущей социальной силой становится не класс, владеющий собственностью, а класс профессионалов, владеющий знанием, то на смену социальным конфликтам приходит согласие различных профессиональных групп относительно целей общественного развития. Политика в таком обществе, пишет Д. Белл, «будет не спорами между функциональными группами с экономическими интересами по поводу распределения национального продукта, а заботой о коммунальном обществе, в частности о малообеспеченных группах населения» [1, с. 42]. В этих условиях на смену идеологиям приходит научно-рационалистический подход к решению конкретных общественных проблем, а на смену идеологам приходят научные эксперты.

Объективной предпосылкой возникновения теории деидеологизации является тот факт, что со вступлением в постиндустриальную стадию развития западные общества действительно стали более консолидированными, прежняя острота социальных противоречий оказалась в них снятой. Теоретики заговорили о том, что все те проблемы, которые пытались решить революционеры и реформаторы, автоматически решаются в ходе научнотехнического прогресса. Скачкообразно повышая производительность труда, научно-техническая революция ведет к вытеснению тяжелых, опасных и вредных видов труда и повышает уровень жизни, делая элитное по прежним меркам потребление доступным для всех категорий населения. В этих условиях потребители могут организовываться уже не по идейно-политическим мотивам, а по своим досуговым интересам. Теория деидеологизации отражает снижение значения частных идеологий в новом обществе и выдвижение на приоритетное место теоретических, а по сути идеологических, построений, отражающих общенациональные интересы и цели.

Еще одним фактором, давшим в начале 90-х гг. XX в. новый повод утверждениям о «конце идеологии», стало прекращение холодной войны вследствие распада советского блока и самого Советского Союза. Наиболее показательными в этом отношении стали положения, выдвинутые американским философом Ф. Фукуямой в статье «Конец истории?». «То, чему мы, вероятно, свидетели – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, за-

вершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [7, с. 134]. Ф. Фукуяма утверждал, что конфликты могут иметь место в странах третьего мира, но глобальный конфликт позади, и не только в Европе. Именно в неевропейском мире произошли огромные изменения: в Китае и Советском Союзе. Война идей подошла к концу. Марксистсколенинская идеология потерпела поражение, победу с триумфом одержала всемирная либеральная демократия. «Конец истории печален - борьба за призвание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, - вместо всего этого экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала» [7, с. 148]. Подобные взгляды на тот момент были широко распространены, их развивали политики и известные представители интеллигенции в различных странах.

И все же выводы о «конце идеологии» оказались преждевременными. В конце 60-х - начале 70-х гг. XX в. обострение социальных противоречий на Западе, вызвавшее к жизни новые социальные движения (зеленые, пацифисты, феминисты, антиглобалисты, коммунисты), поставило под сомнение теорию деидеологизации, и ее авторы были вынуждены смягчить свою позицию. Поскольку стал очевидным «идеологический вакуум», который заполнялся различными оппозиционными идейными воззрениями, то был поставлен вопрос об идеологическом обновлении западного общества. Результатом соответствующих усилий стала теория реидеологизации, которая является одновременно и отрицанием, и своеобразным продолжением теории деидеологизации. Сохранив основной тезис концепции деидеологизации противопоставление науки и идеологии, авторы концепции реидеологизации признают, что общественные науки не способны дать ответы на вопросы о смысле человеческой жизни, о социальных ценностях, идеалах и целях. Ответы на подобные вопросы, считают они, призвана давать идеология. Поэтому авторы данной концепции разработку и обновление идеологии возводят в ранг постоянной задачи по самовоспроизводству общества.

Таким образом, утверждения о «конце идеологии» и «конце истории» оказались иллюзией. Мир действительно стал другим по сравнению с началом 1990-х гг., но это отнюдь не означало, что ушли в небытие интересы и противоречивые устремления различных групп и общностей как внутри отдельных стран, так и в рамках мирового сообщества. После окончания холодной войны мир столкнулся с многочисленными этническими конфликтами, новыми противостояниями между государствами и группами государств, интенсификацией религиозного фундаментализма, возрождением неофашистских движений. Главной же особенностью картины мира в начале XXI в., как считает видный американский политолог С. Хантингтон, является его деление на две неравные части с несовпадающими интересами - Запад и все остальные (не-Запад), между которыми нарастает состояние конфронтации [8, с. 34]. В создавшихся условиях вопрос о деидеологизации отошел на задний план. Д. Белл, один из авторов теории деидеологизации, в предисловии к новому изданию своей книги «Конец идеологии» говорит: «В завершение я скажу: «конец идеологии» как гигантская историческая смена убеждений и ориентиров, на мой взгляд, исчерпал себя. И теперь вновь начинается история» [1, с. 25]. Таким образом, это была не деидеологизация, а лишь смена идей и убеждений, т. е. процесс замены одних идеологий другими.

Литература

- 1. Белл Д. Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии» //Вопр. философии. 2002. №5.
 - 2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
 - 3. Маркс К. Соч. : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1961. Т. 4.
- 4. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. №1.
 - 5. Мельник В. А. Политические идеологии. Минск. 2009.
 - 6. Словарь философских терминов. М., 2004.
 - 7. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопр. философии. 1990.
 - 8. Ханингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И МОНГОЛИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

С конца 80-х гг. ХХ в. Монголия вступила в стадию исторических перемен во всех сферах общественно-политической и экономической жизни общества. Наиболее зримо эти изменения проявились в области мировоззрения, духовной культуре. В духовной сфере произошел возврат к многовековым ценностям народов монголоязычной этносферы - возрожден культ Чингисхана, активно эволюционирует буддизм, восстанавливается в государственном делопроизводстве старая монгольская письменность, трансформируются традиции кочевой цивилизации в ведении пастбищного скотоводства. Анализируя современное положение Монголии в мировой политике, ведущий монголовед мирового востоковедения М. И. Гольман указывает: «Во внешней политике произошли деидеологизация и переориентирование Монголии на развитие всесторонних отношений со всеми государствами мира на принципах равноправия, взаимной выгоды, открытости и неприсоединения» [1, с. 24].

В новых геополитических условиях мировое сообщество и, прежде всего, развитые страны Запада и Восточной Азии оказали помощь в становлении самостоятельного монгольского государства сначала посредством оперативной гуманитарной помощи и политической поддержки, а затем реализации экономических программ рыночного формата и постепенного вмонтирования в мировые хозяйственные отношения. В политической сфере Монголии были созданы конституционные условия для необратимого процесса становления демократического государства. Вместе с тем не вызывает сомнения то, что новых зарубежных партнеров Монголии привлекают природные ресурсы страны для их более активного включения в мировую экономику, в неравноправный оборот транснационального капитала [3].

Усиление американского и европейского влияния особо ощущается в значительной корректировке приоритетов в социально-культурной сфере, включая языковую доминанту общественного сознания. Функции и глубина проникновения английского и других европейских языков в сознание и менталитет мон-

голов молодого поколения, поддержанные официальной политикой государства и волонтерским движением зарубежных партнеров, ощутимо возросли.

В результате переговорных процессов монгольского правительства и зарубежных партнеров создана широкая базовая основа двусторонних соглашений в сфере социально-экономического и культурного сотрудничества. Это позволило достаточно быстро организовать инфраструктуру инвестиционных корпораций и начать согласованное продвижение проектов. Заметно возрастание коммуникационных связей европейского сообщества с Монголией в сфере воздушного транспорта, в информационных системах и технологиях, которое вовлекает монгольское сообщество в мировую систему обмена информацией и международный туризм.

Сегодня монгольское правительство в качестве ключевого партнера среди стран Европейского союза рассматривает Германию. Германия стала первым европейским государством, чьи представители совершили официальный визит в Монголию по случаю выборов первого демократически избранного президента Монголии Очирбата в сентябре 1995 г. [2].

Президент Херцог в сентябре 1998 г. и президент Келер в сентябре 2008 г. посещали страну с официальным визитом. В ходе визита президента Келера была подписана «Декларация о комплексном партнерстве между Германией и Монголии», основанная на общих ценностях, разделяемых обеими сторонами, и предусматривающая укрепление отношений в политической, экономической и культурной областях жизни обоих государств [4].

Визит канцлера ФРГ Ангелы Меркель в Монголию в октябре 2011 г. стал не только важной вехой в отношениях между двумя странами, но также и первым визитом главы правительства государства – члена ЕС и вторым визитом лидера страны – члена G-7 в Монголию с момента ее преобразования. [5]

В современном внешнеэкономическом поле Германия является крупнейшим торговым партнером Монголии среди стран Европейского союза. Объем торговли растет быстрыми темпами, и в 2011 г. он составил около 156 млн евро, притом что Германия является одним из мировых лидеров по экспорту, а Монголия – одним из богатейших ресурсами государств в мире [4].

В то же время налицо диспропорции во внешнеторговом обороте. В частности, в 2011 г. Германия импортировала в Монго-

лию товары на сумму 145,5 млн евро, сумма экспорта же составила 10,4 млн. По объему поставок в Монголию Германия занимает 6-е место в мире. Наиболее важными товарами экспорта в Монголию стали машины с экспортной долей в 34,2 %, а также электротехника и транспортные средства, доля которых в экспорте составила 12,1 %, и продукты питания с долей 9,5 % [4].

Визит трех министров немецкого правительства и многочисленных экономических делегаций в Монголию во второй половине 2010 г., а также визит федерального канцлера Ангелы Меркель в октябре 2011 г. свидетельствуют о растущем немецком интересе в сфере экономического обмена и хороших политических отношений с Монголией. Фокусом многочисленных политических и экономических переговоров стало сотрудничество в горнодобывающей промышленности и в области развития инфраструктуры горнорудной промышленности Монголии.

В присутствии канцлера ФРГ и премьер-министра Монголии С. Батболд были подписаны различные договоры о сотрудничестве, в том числе правительственный договор о сотрудничестве в сфере горно-добывающей промышленности, индустрии и технологий. Это соглашение представляет собой рамочные условия для заключения дальнейших договоров немецкими компаниями.

Активное внедрение немецкого капитала в Монголию выражается в создании целой сети компаний, работающих под прикрытием различных общественных и благотворительных фирм. Помимо экономических и политических взаимоотношений, монголо-германское сотрудничество выражается в виде деятельности 15 ассоциаций дружбы, таких как Ассоциация дружбы между Монголией и Германией, Mongolian-German Bridge, Ассоциация говорящих на немецком языке, Совет содействия монгологерманскому бизнесу, Монгольская ассоциация учителей немецкого языка, монголо-германская медицинская ассоциация Doctors и Форум монголо-германского диалога. Монголо-немецкое языковое агентство действует в Монголии при финансировании правительства Германии.

Развивающееся многогранное сотрудничество двух государств коснулось и научной сферы. С объединением Германии руководство ФРГ взяло на себя многочисленные проекты развития в этой области, принятые в ГДР и касающиеся поддержки

сотен монгольских ученых в бывшей Восточной Германии, и продолжило большинство программ. Германия является крупнейшим европейским партнером по развитию сотрудничества с Монголией и третьим по величине в мире после Японии и США. Приоритетами сотрудничества в области развития являются: содействие устойчивому управлению ресурсами, адаптации к изменению климата, сохранение биологического разнообразия и поощрение энергоэффективности в Монголии.

Высокой оценки в развитии межгосударственных отношений заслуживает деятельность фондов Конрада Аденауэра, Ханса Зейделя и Фридриха Эберта, которые располагают офисами в Улан-Баторе и вносят важный вклад в укрепление демократических структур в Монголии. В 2010–2011 гт. объем сотрудничества в целях развития оценивался в 26 млн евро [5].

Еще со времен ГДР, в период обучения в рамках социалистического содружества, около 30 тыс. монголов получили хорошие знания немецкого языка. В Монголии в настоящее время работают три университетских преподавателя немецкого языка из Немецкой службы академических обменов (DAAD). Кроме того, немецкий язык преподают многочисленные монгольские учителя в школах, университетах и других учебных заведениях. С 2000 г. Германский археологический институт, университет Бонна и Монгольская академия наук проводят совместные раскопки в древней столице Каракорум («Монгольско-Германская экспедиция в Каракорум») [4].

В июле 2006 г. германо-российско-монгольская археологическая группа сделала сенсационное открытие в горах Алтая: ученые обнаружили под курганом скифского всадника-воина с предметами могильного инвентаря. Мумия датируется ІІІ в. до н. э. Это открытие привлекло внимание международной общественности.

Германский археологический институт (DAI) открыл в августе 2007 г. исследовательский центр в Улан-Баторе. С составления первых топографических работ летом 2007 г. начался другой археологический проект сотрудничества между DAI и Академией наук Монголии. Монголо-немецкая орхонская экспедиция направлена на изучение важных объектов в долине р. Орхон – одного из ключевых мест в истории Монгольской империи.

В июне 2010 г. между DAAD и Министерством образования, культуры и науки Монголии подписано соглашение о совмест-

ном финансировании программы стипендий в области технических и естественных наук. Целью программы является удовлетворение спроса на квалифицированных работников для ожидаемого быстрого экономического развития в секторах добычи и переработки.

В сентябре 2008 г. было подписано соглашение между Фондом Герды Хенкель и Монгольской академией наук и Национального университета Монголии, целью которого было провозглашено продвижение монгольской исторической науки и археологии с привлечением дополнительных ресурсов [5].

Регулярный характер визитов монгольских и немецких руководителей на высшем уровне говорит о взаимной заинтересованности государств, а наличие полной юридической базы позволяет говорить о серьезности намерений Монголии и Германии в области двустороннего партнерства. Поэтому взаимодействие развивается во всем спектре международного сотрудничества. Республика Монголия, ведущая безблоковую политику в Азиатско-Тихоокеанском регионе, памятуя об опыте социалистического содружества с ГДР, активно развивает взаимовыгодное сотрудничество с ФРГ.

Литература

- 1. Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е середина 90-х годов XX века. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. 334 с.
- 2. Монголия Германия сотрудничество расширяется // Монголия сегодня. 2006. 31 авг.
- 3. Монголия привлекла внимание немецких инвесторов // Одрийн Сонин. 2006. 24 сент., № 239.
- 4. Beziehungen zwischen der Mongolei und Deutschland. http://www. auswaertiges-amt.de/sid_4470F5A5A4453996A0F3414C83B7EED9/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Mongolei/Bilateral_node. html
- 5. Merkel vereinbart Kooperation mit Mongolei // Augsburger Allgemeine, http://www. augsburger-allgemeine. de/politik/Merkel-vereinbart-Kooperation-mit-Mongolei-id17104106. html

РАЗВИТИЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ

Развитию восточных регионов России в последние годы уделяется более пристальное внимание: очередным шагом стало утверждение государственной программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. Размеры государственной поддержки региона в рамках программы велики – более 3,8 трлн руб., однако пока в федеральном бюджете предусмотрены только 296 млрд руб., что вызывает вопросы о будущей эффективности программы, в том числе у президента [1]. Проблемы с поиском источников финансирования программы могут привести даже к ее частичному пересмотру уже через 3 месяца после утверждения [3].

Забайкалье в составе Бурятии, Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа вместе с Дальним Востоком еще с 1996 г. входит в Федеральную целевую программу социально-экономического развития. Данная программа должна была завершить свое действие в 2002 г. (так и не достигнув поставленных задач), но была продлена до 2010 г. Именно эта программа была взята за основу первой крупной программы развития целого макрорегиона, для чего была продлена снова вплоть до конца 2013 г.).

Нужно сказать, что мероприятия, предусмотренные действующей ФЦП (а также представленные в неутвержденном проекте новой программы), часто не включают многих крупных инвестиционных проектов, реализации которых способствует федеральное правительство. Чаще поддержка данных проектов оказывается в рамках других федеральных программ или не учитывается в них, т. к. оказывается государственными корпорациями, имеющими собственные капиталы. Но все же мы считаем необходимым привести краткий обзор действующей ФЦП, в рамках которой государство осуществляет вложение значительных инвестиций, направленных на достижение целей и задач программы (в частности, территориальное развитие регионов Дальнего Востока и Забайкалья).

В рамках действующей программы за 2008–2013 гг. на территории Бурятии должно быть реализовано в общей сложности 16

различных проектов, в Забайкальском крае – 24. При этом распределение федеральных средств между регионами обратное: республике полагается почти 10 млрд руб. федерального бюджета, тогда как Забайкальскому краю только чуть более 3,85 млрд руб. Эта разница в финансировании сказывается на роли, которую играет программа в экономике двух регионов. Если федеральное финансирование для Бурятии составило в 2008 г. более 11 % от всех инвестиций в основные фонды (2009 г. – 10 %, 2011 г. – 5,3 %), то для Забайкальского края максимальный процент – 2,6 – был профинансирован в 2010 г.

Одной из главных задач ФЦП указано улучшение транспортной и энергетической инфраструктуры, значительные увеличения мощности которых смогут, по мнению разработчиков, способствовать ускоренному развитию региона. Вполне соотносится с поставленной задачей распределение финансирования по различным мероприятиям в Забайкальском крае: на строительство четырех ЛЭП с разным напряжением (от 0,4 до 220 кВ) вместе с реконструкцией автодорог и строительством подъездных путей от автодороги «Амур» направляется более 55 % федеральных средств. Значительная часть - 21 % - выделяется на развитие инженерной инфраструктуры: всего восемь проектов, три из которых касаются водоснабжения, один - строительства очистных сооружений, два - котельных, два - комплексного развития инженерной инфраструктуры. Развитие социальной инфраструктуры аккумулирует 14 % средств, направляемых на медицинские учреждения. Десятая часть средств должна обеспечить строительство инженерных защитных сооружений на реках края.

Совершенно по-другому выглядит распределение средств Бурятия. развитие Республики Здесь на топливноэнергетического комплекса (строительство ЛЭП 220кВ) выделяется только 2 % от общей суммы федеральных средств. Доля финансирования транспорта выше - 34 % (реконструкция двух участков автодорог и аэропорта в Улан-Удэ), что сопоставимо с долей расходов на транспорт в Забайкальском крае. Развитие инженерной инфраструктуры аккумулирует 21 % средств, направляемых на пять проектов, среди которых: строительство одного полигона ТБО, двух комплексов очистных сооружений, два проекта комплексного развития инженерной инфраструктуры. Остальные средства (более 40 %) направлены на развитие социальной

сферы, вобравшей в себя семь проектов, три из которых относятся к медицинским объектам, три - к спортивным, один - к сфере культуры. Такое преобладание социальной сферы в федеральном финансировании объектов в Бурятии, возможно, объясняется празднованием 350-летия вхождения Бурятии в состав России в 2011 г. [127]. Во время корректировки размеров федерального финансирования ФЦП в 2011 г. объекты социальной сферы Бурятии не только не подверглись секвестированию, но и получили дополнительно почти 130 млн руб., тогда как объекты Забайкальского края потеряли 100 млн руб. Разница подходов объясняется «привязанностью» бурятских объектов к празднованию, что позволило «отстоять» выделение федеральных средств на них. Это же подтверждает анализ распределения средств между проектами: среди 40 проектов Забайкальского края и Бурятии только 3 получили сравнительно крупное федеральное финансирование. Среди них: реконструкция автомобильной дороги Улан-Удэ -Турунтаево - Курумкан - Новый Уоян (2,32 млрд руб. федеральных средств), строительство физкультурно-оздоровительного комплекса в Улан-Удэ (1,585 млрд руб.), реконструкция здания кинотеатра «Дружба» для размещения Государственного русского драматического театра им. Н. Бестужева (1,383 млрд руб.) - все эти объекты расположены на территории Бурятии [163].

Имеется еще одно существенное различие в распределении средств ФЦП в Забайкальском крае и Республике Бурятия. Столица края – Чита – получает финансирование в рамках 4 проектов (3 – относятся к медицинским объектам, 1 – к строительству инженерной защиты города от паводков) на общую сумму 0,59 млрд руб., что составляет 15,3 % от суммы финансирования всех проектов края. Обратная ситуация в Улан-Удэ, в котором должно быть профинансировано 6 проектов (включая реконструкцию аэропорта, строительство здания театра, двух спортивных объектов и двух медицинских) на общую сумму 4,53 млрд руб. бюджетного финансирования, или 45,4 % всех федеральных средств по ФЦП для республики.

В целом ФЦП является яркой иллюстрацией проектного подхода. Почти две трети финансирования по программе направляется в одну точку – г. Владивосток, тогда как остальные регионы получают лишь малую долю средств. Конечно, в этой ситуации совершенно не учитывается такой показатель, как численность насе-

ления, иначе доля Бурятии и Забайкальского края в федеральном финансировании по программе могла бы быть выше.

Такой очевидный крен ФЦП в сторону финансирования развития одного города ставит под сомнение эффективность программы в плане ее влияния на развитие всего Дальнего Востока и Забайкалья. К тому же проекты, не связанные с Владивостоком, часто не объединены между собой общими целями и создают впечатление простой суммы проектов, чье количество не переходит в качество. Конечно, одна из главных причин этого – отсутствие в ФЦП множества других проектов, государственное финансирование которых часто многократно превосходит проекты, указанные в программе.

Новая программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. должна избежать данных недостатков и представить действительно целостную картину развития территории, включающую все стороны государственной экономической и социальной поддержки.

Литература

- 1. Кувшинова О. Долой формализм // Ведомости. 2011. №79 (3341). 28 нояб.
- 2. Миндуева Е. Праздник к нам приходит [Электронный ресурс] // Newbur. ru. Независимая газета «Новая Бурятия». [7.05.2012]. URL: http://newbur.ru/articles/8690 (дата обращения 20.06.2012).
- 3. Поручения по итогам заседания Государственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области [Электронный ресурс] // Интернетпортал Правительства Российской Федерации. [16.04.2013]. URL: http://xn-80aealotwbjpid2k. xn--p1ai/docs/23912/ (дата обращения 14. 05. 2013).
- 4. Постановление Правительства РФ от 15. 04. 1996 N 480 (ред. от 17. 04. 2012) «Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» [Электронный ресурс] / Федеральные целевые программы России. Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». URL: http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/136/ (дата обращения 20. 06. 2012).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЙИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЕТЕЙ В УКРАИНЕ

Постановка проблемы. В переходном социально-экономическом периоде здоровье населения стран Восточной Европы и СНГ резко ухудшилось, что видно, например, из официальных источников о продолжительности жизни и младенческой смертности. Отставание в показателях здоровья от Западной Европы становится еще более ощутимо.

Анализ достижений и публикаций. Удовлетворительное состояние здоровья населения – это фундаментальный ресурс для обеспечения социального и экономического процветания. В Европе в течение последних десятилетий состоялось улучшение его основных показателей [1].

Большинство детей и подростков Европейского региона растут в хороших условиях и имеют достаточно удовлетворительное и даже хорошее состояние здоровья. В состав Европейского региона входят страны с самими низкими показателями младенческой и детской смертности.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) считает, что дети – это наши инвестиции в будущее. Их здоровье и то, как мы заботимся о них, воспитываем и готовим к взрослой жизни, будут определять процветание страны в будущем. От этих инвестиций будут зависеть будущие дивиденды.

Среди основных стратегий деятельности ВОЗ приоритетными были и остаются вопросы здоровья детей. Этого курса придерживается и Украина, ведь период трансформации, который переживает наша страна, сопровождается социально-экономическим спадом.

Каждое общество является перспективным при условии истинной любви к детям и заботе о них на любом уровне: индивидуальном, семейном, национальном, международном. Истинная забота проявляется в конкретных результатах и достижениях относительно социальной защиты детей в процессе формирования будущего взрослого члена общества.

Последние годы система здравоохранения женщин и детей на Украине вследствие глубоких социально-экономических процессов, предопределенных радикальными изменениями государственных, общественно-политических и хозяйственных структур, переживает непростые времена. Сложилась небывалая для мирного времени негативная медико-демографическая ситуация. Нарушено привычное для Украины воссоздание населения, резко снизилась рождаемость, ухудшились показатели качества здоровья беременных женщин, новорожденных детей, отмечается рост числа хронических заболеваний и др. [3]

Принципы системы охраны здоровья, которые определяются в первую очередь социальным укладом общества и государства, существенно различаются в разных странах мира, хотя их цель одинакова – изучение состояния здоровья и болезней, предотвращение их возникновение, лечение, сохранение здоровья и работоспособности.

Стратегически важной и приоритетной задачей государства является сохранение жизни и здоровья детей. Основой этого направления государственной политики здоровье новорожденных детей, безопасность родов, предупреждение младенческой смертности, и, бесспорно, – здоровье детского населения страны, в целом снижение уровня их заболеваемости и инвалидности.

Обеспечение достойных социальных условий для надлежащего формирования и развития детского организма предусматривает выявление особенностей и тенденций здоровья детей, определение приоритетных проблем, обоснование путей профилактики.

Здравоохранение детей, обеспечение условий для их всестороннего развития объявлены на Украине общенациональным приоритетом, что закреплено законодательными актами и Концепцией развития здравоохранения населения Украины [4].

Вопросы социальной защиты, юридических прав ребенка относительно обеспечения доступности полноценной медицинской помощи регулируются Основами законодательства Украины о здравоохранении, что имеет характер государственных гарантий.

Весомой составляющей формирования здоровья детского организма является ограничение курения и употребления алкогольных напитков на государственном уровне. Оно осуществляется через законодательные акты. Также проводятся мероприятия

по профилактике и лечению социально опасных заболеваний, таких как хронический алкоголизм, наркомания и др. [5].

Доказано, что больная женщина репродуктивного возраста не может родить абсолютно здорового ребенка, а больная новорожденная девочка в будущем с большой вероятностью будет иметь проблемы с репродуктивным здоровьем [6].

Ситуация, которая сложилась сегодня со здоровьем детей, нуждается в немедленном разрешении. Первоочередным является предотвращение ухудшения здоровья, что может быть достигнуто путем осуществления государственной политики в области здравоохранения через экономические, социальные и другие рычаги.

С целью улучшения состояния здоровья детей и молодежи определены такие государственные социальные мероприятия:

- обеспечить создание надлежащих условий для укрепления физического, психического и социального благополучия детей и подростков, расширения их доступа к спортивным и оздоровительным заведениям, молодежным клубам;
- принять меры относительно обеспечения детей и подростков на льготной основе качественными пищевыми продуктами и чистой питьевой водой с организацией общего питания в дошкольных заведениях, школах, профессионально-технических учреждениях;
- внедрить медико-профилактические мероприятия по адаптации детей к учебной и психологической нагрузке в школах нового типа (гимназии, лицеи и т. п.);
- разработать проект Национальной государственной комплексной программы «дети-инвалиды»;
- определить и внедрить новые подходы к организации профилактических осмотров и диспансерному надзору за детьми и подростками, реализовать эффективные скрининговые программы выявления наиболее распространенной патологии у детей и подростков, превентивные диагностические технологии;
- обеспечить аттестацию и функционирование «Клиник, дружественных к молодежи», и «Больниц, доброжелательных к ребенку»;
- усовершенствовать деятельность центров медикосоциальной реабилитации несовершеннолетних;
- расширить сеть перинатальных центров, создать в них условия, которые отвечают потребностям новорожденных детей,

обеспечивают досмотр матерей, грудное вскармливание, предотвращение внутрибольничных инфекций [7].

Правовая защита детей на Украине в рамках государственной политики в сфере здравоохранения осуществляются через мероприятия, направленные на конкретную правовую помощь детям-сиротам, беспризорным, детям из неполных семей и малообеспеченных семей, а также кризисным категориям детей.

Государственная социальная политика должна влиять на условия жизни детей на основе эффективной адаптации международного законодательства. Анализ возможностей приводит к выводу, что Правительство имеет полномочия и мотивацию, необходимые для выполнения своих обязанностей. Однако недостаточная эффективность использования своих возможностей правительством обусловливается нехваткой финансовых и технических ресурсов, необходимых для обеспечения этих целей.

Один из путей решения проблем здоровья населения видится в создании экологических городов. Это возможно через привлечение местных органов власти к решению проблем охраны здоровья.

Поскольку здоровье является наибольшей общественной и индивидуальной ценностью, в значительной мере влияет на процессы и результаты экономического, социального и культурного развития страны, демографическую ситуацию и состояние национальной безопасности, а также является важным социальным критерием степени развития и благополучия общества, проблемы здравоохранения, требуют постоянного внимания государства, а их решение должно быть одним из приоритетных направлений социальной политики.

Согласно общественным оценкам и представлениям, здоровье – главный показатель социально-культурного развития и качества жизни в стране, эффективности системы государственного управления в целом.

В настоящее время на повестке дня общества и государства стоит проведение комплекса глубоких социально-экономических реформ, направленных на приумножение и сохранение человеческого и социального капитала. В этом контексте программа Президента Украины относительно экономических реформ на 2010-2014 гг. «Зажиточное общество, конкурентная экономика,

эффективное государство» предусматривает создание условий для формирования здорового образа жизни у подростков.

Проблема создания условий для самой полной реализации индивидуального потенциала здоровья человека в первую очередь касается детей и подростков. Такой подход определяет необходимость нового понимания известного лозунга «Здоровая молодежь – будущее нации».

Выводы. Таким образом, охрана здоровья детей в обществе - это социальная деятельность, содержание которой заключается в осуществлении комплекса организационных, правовых, финансовых и медицинских мероприятий, направленных на укрепление здоровья, которое можно рассматривать как определяющий фактор уровня человеческого развития общества и его прогресса, социальной политики государства и его национальной безопасности.

Следовательно, государственная социальная политика является чрезвычайно сложной системой государственных и общественных мероприятий правового, экономического, социального, научного, культурного, образовательного, организационного, технического, санитарно-гигиенического и медицинского характера, направленных на сохранение и укрепление здоровья, удлинение продолжительности активной жизни и работоспособности, создание благоприятных для здоровья условий быта и труда, обеспечение гармонического физического и психического развития детей и подростков, предотвращение болезней и их лечение.

Литература

- 1. Health in the European Union. Trends and analysis. World Health Organization., On behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies. Копенгаген, 2011. 164 p.
- 2. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии / Suhrcke M. МсКее М. Rocco L. // Европейская Обсерватория по системам и политике здравоохранения. Копенгаген, 2008. 274 с.
- 3. Європейська стратегія «Здоров'я-2020» / [Електронний документ]. Шлях доступу: http://www.moz. gov. ua. Назва з екрана.
- 4. Основи законодавства України про охорону здоров'я 1992 року зі змінами і доповненнями, внесеними Законами України, Безпека життєдіяльності: Курс лекцій. Ірпінь: Академія ДПС України, 2001. 356 с.
- 5. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо обмеження споживання і продажу пива та слабоалкогольних напоїв: Закон України. [Електронний документ]. Шлях доступу: http://www. rada. gov. ua Назва з екрана.

- 6. Молодь за здоровий спосіб життя: щоріч. доп. Президентові України, Верхов. Раді України, Каб. Мін. України про становище молоді в Україні (за підсумками 2009 року) / М-во України у справах сім'ї, молоді та спорту, Держ. ін. т розв. сім'ї та молоді [Редкол: Н. Ф. Романова (голова та ін.]. К. : СПД Крячун Ю. В. 2010. 156 с.
- 7. Ковчина І. М. Аналіз законодавчої бази щодо соціально-правового захисту дітей від шкідливих звичок // Теорія і практика упр. соц. системами: філософія, психологія, педагогіка, соціологія. 2003. № 3. С. 85-92.

ЖУКОВ К. С.

ПОРТРЕТ «ИДЕАЛЬНОГО ДЕПУТАТА» ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕГИОНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ (НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В апреле-мае 2012 г. межкафедральной лабораторией гуманитарных и политических технологий (кафедры педагогики и гуманитарных технологий и политологии и истории ИГУ) было проведено исследование по теме: «Социально-политический климат в Иркутской области накануне выборов депутатов Законодательного собрания» по методике, разработанной доктором психологических наук, профессором А. Д. Карнышевым.

Были поставлены следующие задачи при его проведении:

- выяснение особенностей восприятия жителями области политической, социально-экономической ситуации; их психологического самочувствия; уровня оптимистической настроенности на будущее;
- изучение особенностей оценок жителями региона деятельности федеральных, региональных и местных органов власти;
- определение уровня знания избирателями депутатов законодательного собрания по конкретным избирательным округам;
- оценка степени информированности людей о деятельности депутатов;
- анализ электоральной активности избирателей на выборах Государственной Думы РФ в 2011 г. и возможность влияния данной активности на их последующее политическое поведение;
- выявление отношений респондентов к политическим партиям;

- выяснение ожиданий избирателей в отношении образа будущего депутата законодательного собрания по его социальнодемографическим, политическим и личностным характеристикам (что позволило бы наметить контуры «идеального депутата»).

Для сбора информации были использованы количественный (анкетный опрос) и качественные (стандартизированное индивидуальное интервью и групповое интервью - фокус-группы) методы исследования.

Количественный метод

Исходя из принятой методологии проведения опросов общественного мнения, стандартов статистического анализа данных, а также задач исследования, была спроектирована стратифицированная пропорциональная выборка по параметрам: район проживания, пол, возраст, уровень образования и определены квоты. Объем выборки составил 2350 респондентов.

Метод построения выборки и набор респондентов, приравненный к случайному, позволяет оценить степень доверия к собранным данным. Статистическая погрешность не превышает 3,5 %. Таким образом, общий объем опрошенных обеспечивает необходимую точность измерения, что предполагает возможность экстраполировать выводы данного исследования на мнение жителей Иркутской области.

Контроль полевых работ осуществляется с помощью выборочного контакта с опрошенными респондентами (10~% от массива) методом повторных посещений.

Качественные метолы

Индивидуальное структурированное (стандартизированное) интервью экспертов (сотрудники правительства региона, органов муниципальных образований, руководители предприятий, организаций, представители учреждений здравоохранения, образования, культуры, научные работники, журналисты, представители руководящих региональных органов политических партий); а также групповое фокусированное интервью.

Так, специалистами были опрошены 21 эксперт и проведены 19 фокус-групп (Иркутск – 3 группы, Ангарск – 2 группы, Усолье-Сибирское – 1 группа, Черемхово – 1 группа, Шелехов – 1 группа, Саянск – 1 группа, Заларинский район – 1 группа, Тулун – 1 группа, Нижнеудинск – 1 группа, Тулунский район – 1 группа,

Братск – 2 группы, Усть-Илимск – 2 группы, Усть-Орда – 1 группа, Боханский район – 1 группа).

В фокус-групповом исследовании приняли участие 186 респондентов (87 мужчин и 99 женщин) в возрасте от 18 до 75 лет, различного уровня образования, разных профессий, социальных слоев.

В ходе интервью обсуждались в основном особенности восприятия респондентами необходимых качеств, которыми должны обладать кандидаты в депутаты (построение так называемого стратегического образа кандидата).

Метод фокус-групп позволил выявить глубинные механизмы политических предпочтений респондентов, изучить весь спектр мнений избирателей по интересующим вопросам в соответствии с задачами исследования, а также основные мотивы голосования «за» и «против» отдельных вероятных кандидатов.

В анкетном опросе, как уже отмечалось, приняли участие 2350 респондентов из 23 городов и районов региона (52,2 % – женщины, 47,8 % – мужчины).

Мы посчитали возможным проанализировать в этой статье только один аспект исследования: ожидание избирателей в отношении образа будущего депутата законодательного собрания региона, и на этой базе составить условный «портрет идеального депутата» с точки зрения социальных, демографических, политических и личностных характеристик.

Социально-демографические характеристики

Итак, большинство респондентов хотели бы видеть депутатом от своего округа мужчину (59,3 % от числа опрошенных; в 2004 г. таких респондентов при проведении аналогичного исследования было 66 %).

Большие надежды – по сравнению с другими группами и со средним по выборке – связывают с мужчиной-депутатом респонденты мужского пола (74,8 % от числа опрошенных мужчин; в $2004 \, \text{г.} - 80,7 \, \%$).

Значительная доля опрошенных считают, что идеальный возраст депутата Законодательного собрания 40–49 лет (в среднем по выборке 31,8 %; в 2004 г. таких респондентов было 39,9 % от числа опрошенных).

Меньше респондентов отдают предпочтение кандидату в возрасте 30–39 лет (20,5 %; в 2004 г. – 23,2 % от числа опрошенных).

В основном группа респондентов, готовых голосовать за более молодого кандидата, складывается из избирателей до 29 лет (28.4%), студентов (33.7%). Примерно такие же данные были получены при проведении исследования в 2004 г.

Участники фокус-групп соглашаются с тем, что «идеальный депутат» должен быть «не очень молодым и не слишком пожилым».

По мнению ряда респондентов, «...молодые опыта не имеют, да идут во власть только для того, чтобы захватить побольше для себя» (Заларинский район); «Молодой – да хваткий... себе в карман» (Нижнеудинск); «Молодые знают поболе нашего. И языки, науки сложные, но почему-то доверия к ним нет. Сейчас воспитание такое, что главное – деньги» (Иркутск). *

Надо отметить, что было много и позитивных высказываний в пользу молодых кандидатов в депутаты. «Молодые умеют держать удар... И головы у них светлые, и здоровье крепкое. Люди моего возраста уже не могут выдержать такие нагрузки» (Иркутск); «Многие сегодняшние депутаты только о гипертонии своей и говорят... Правильно пелось: молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет. Так и должно быть» (Усть-Илимск).

Правда, значительная часть участников фокус-групп пояснила, что депутатами как и вообще сотрудниками органов власти, – «...должны быть и молодые, и не очень», (Ангарск); «Пусть губернатор и мэр будут молодые, а уж депутатам надо мудрость иметь. Это как бы старейшины наши...» (Заларинский район); «Главное для депутата – это жизненный опыт... Как же без него?! Но и молодых учить надо, а то так опытными и не станут» (Черемхово).

От участников фокус-групп отличались мнения экспертов (средний возраст 47 лет). Пятнадцать из 21 экспертов считали, что ставка в последние десятилетия только на молодых «...nри θ ела к огромным издержкам θ экономической и социальной сферах (ученый-экономист).

Один из экспертов заявил: «Многие из молодых руководителей, депутатов на знают реального производства...».

«В стране сложилась порочная практика – ставить там и тут так называемых эффективных менеджеров, которые оказываются во многих случаях абсолютно некомпетентными в сфере производства, управления трудовыми коллективами, депутатской деятельности, становятся просто рвачами. Они в ущерб производству, общему делу стремятся извлечь

^{*} Курсивом напечатаны высказывания участников фокус-группы. 282

из своей работы как можно больше личных выгод... С такими далеко не уедешь» (руководитель промышленного предприятия).

Необходимо отметить, что выбор кандидата в депутаты определенного возраста не связан ни с полом, ни с уровнем образования респондентов (это проявилось и в исследовании 2004 г.).

Профессиональный статус и политическая активность влияют на уверенность опрашиваемых голосовать за кандидата 40–49 лет. Так, среди работников культуры, науки, образования, здравоохранения доля сторонников данного возраста увеличивается до 53,4 % (в 2004 г. – 50,1 %). Желание видеть депутатом законодательного собрания человека 40–49 лет более выражено в группе активных избирателей (39,7 %; в 2004 г. их было 43,4 %); в группе знающих депутата от своего округа – 42,5 % (в 2004 г. – 47,5 %).

Часть респондентов полагает, что возраст «идеального депутата» не имеет значения (таких в 2012 г. было 22,3 % в среднем по выборке; в 2004 г. – 18,6 %). В основном такой позиции придерживаются жители Иркутска, Ангарска, Черемхово, Иркутского, Шелеховского районов.

При анкетном опросе респондентам был задан вопрос: «За кого Вы скорее бы проголосовали на выборах депутатов законодательного собрания области?». Опрашиваемые должны были выбрать только один ответ: «За производственника», «За специалиста социальной сферы», «За администратора», «За политика», «За предпринимателя», «За силовика», «За специалиста сельского хозяйства» и «Затрудняюсь ответить».

19,7 % респондентов намерены голосовать «За производственника» (руководителя предприятия промышленности, строительной организации, главного инженера и т. д.). «...На данном этапе надо поднимать хозяйство, надо искать депутата-хозяина», - говорил на фокус-группе один из участников (Черемхово).

Несколько меньшее число опрошенных (14,2 %) хотели бы видеть депутатом Законодательного собрания «специалиста социальной сферы» (главврача, известного учителя, деятеля культуры, науки). При этом надо подчеркнуть, что за «специалиста социальной сферы» более склонны голосовать были женщины – 19,3 % против 9,7 % в выборке респондентов-мужчин.

В свою очередь мужчины, участвовавшие в опросе, в большой степени, чем женщины, готовы отдать свои голоса «за политика» или «за администратора» (по 12 % – ответы разделились поровну).

В группе респондентов до 40 лет больше доля тех, кто предпочитает в роли депутата «специалиста социальной сферы», а среди опрошенных старших возрастных групп лидирует образ депутата-производственника.

При анализе готовности отдать свои голоса за кандидата определенного социального, профессионального статуса выделяется группа респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием. Эти респонденты определеннее других называют желанный социальный статус кандидата в депутаты; тогда как среди опрошенных со средним и незаконченным средним образованием значительна доля затруднившихся ответить (27,2 % и 36,5 % соответственно).

Вызывает интерес распределение социального статуса кандидата в депутаты в зависимости от сферы занятости респондентов. В данном случае они значительно чаще склонны голосовать за кандидата – представителя собственной социальнопрофессиональной группы. Данная тенденция сохраняется на протяжении более чем десяти лет.

Анализируя предпочтения сторонников действующего депутата и желающих голосовать за новую кандидатуру, можно заметить, что те и другие респонденты готовы голосовать «за производственника». Однако те опрошенные, кто намерен голосовать за нынешнего депутата законодательного собрания, в той же мере готовы отдать свои голоса «за администратора» (26,4 %).

Те же, кто на предстоящих выборах станут голосовать за новую кандидатуру, предпочитают наряду с «производственником» «специалиста социальной сферы» (19,9 %).

Политические характеристики

Большая часть опрошенных считают, что «идеальный депутат» не должен представлять никакую партию (27,8 % от общего числа респондентов). Особенно твердо придерживаются этой позиции респонденты в возрасте 40-49 лет (35,4 %), а так же пассивные избиратели, не голосовавшие на выборах в Государственную Думу в 2011 г. (31,2 %). Среди электорально пассивных большая доля затруднившихся ответить на вопрос о желаемой партийной принадлежности кандидата в депутаты (38.1 %).

Почти половина участников фокус-группы заявили, что безразличны к партийной принадлежности депутатов законодательного собрания.

Характерно выразился один из респондентов: «Если человек приносит пользу людям, если он человек, который добивается своей цели, то в партии он или нет – не имеет значения» (Иркутск).

Лидером в рейтинге партийной принадлежности «идеального депутата» явилась «Единая Россия» (23,4 %). Больше всего респондентов, намеренных голосовать за кандидата от «Единой России», было среди работников бюджетной сферы (сфера культуры, науки, образования, здравоохранения – 41,7 %); в группе активных избирателей (27,4 %) и респондентов, которые высказали желание голосовать за действующего кандидата (37,2 %).

Представителям любой другой партии готовы отдать свои голоса на предстоящих выборах в законодательное собрание в $2013 \, \Gamma$. $17.8 \, \%$ от числа опрошенных.

При анализе предпочтений отдельных групп можно выделить некоторые особенности. Респонденты, например, старше 60 лет намерены голосовать за представителя КПРФ (20,3 %).

Также значительное предпочтение депутатам-коммунистам отдают пенсионеры и труженики сельского хозяйства (18,6 % и 14,5 % соответственно).

В целом можно отметить, что активные избиратели, знающие своего депутата и готовые его поддержать на предстоящих выборах, более определенно ответили на вопросы об образе «идеального депутата», а среди электорально пассивных респондентов, не знающих действующего депутата, большое количество затруднившихся ответить.

Личностные характеристики

Анализ протоколов фокус-групп дает возможность говорить о некоторых личностных характеристиках «идеального депутата», на которые обратили внимание респонденты.

40 % участников фокус-групп в позитивный образ кандидата в депутаты включили нравственные качества – справедливость, честность, порядочность и др.

35 % респондентов говорили о необходимости прежде всего иметь деловые качества – профессионализм, образованность, наличие производственного опыта, умение грамотно выстроить стратегию своей депутатской деятельности и т. д.

15 % участников фокус-групп считали, что депутату необходимо быть «сильным лидером» (независимость, самостоятельность, настойчивость, требовательность и т. д.).

Только 7 % респондентов назвали качества «заботливого лидера» (внимание к людям, сочувствие, сопереживание и т. д.).

Важность других качеств (внешность, принадлежность к той или иной конфессии и т. д.) отметили 3 % участников фокусгрупп.

В ходе исследования использовался метод ассоциаций с героем (в том числе фильмов, литературных произведений), политическим, государственным деятелем.

Если говорить об ассоциации с политическим, государственным деятелем, то наиболее популярными среди респондентов (участников фокус-групп) являлись Петр Первый, Сталин, Жуков, Шойгу. Основным аргументом в их пользу была, по мнению опрошенных, способность навести порядок в стране.

В целом наши исследования, последнего десятилетия, стратегического образа кандидата на выборную должность, в том числе в депутаты законодательного собрания региона, показывают, что избиратели в своем большинстве ориентируются уже не на пресловутую позицию «выбора из двух зол меньшего», а на вполне конкретную (пусть даже идеализированную) модель кандидата. Именно она выступает эталоном, во многом определяющим доверие к власти.

Анализ ожиданий опрошенных жителей Иркутской области позволяет составить условный портрет «идеального депутата».

Большинство респондентов хотели бы видеть в законодательном собрании мужчину 40–49 лет, «производственника» или «специалиста социальной сферы», не связанного ни с какой политической партией.

Но поддержка «Единой России», по мнению респондентов, может повысить шансы кандидата на победу.

Значительная часть респондентов скорее бы отдали свои голоса на выборах кандидату, личностные качества которого ассоциируются у них с личностными качествами Петра Первого, Сталина, Жукова, Шойгу.

Они их считают людьми «решительными», «сильными», «смелыми». Именно такие, по мнению большой части респондентов, смогли бы навести порядок в стране.

Можно не соглашаться с этим мнением, критиковать, но так думает значительная часть наших земляков. И надо понять, почему они так считают.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ АКТИВНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ?

Местное самоуправление – единственная форма публичной власти, в которой народ непосредственно реализует свои властные полномочия. Важнейшей формой непосредственного волеизъявления членов местного сообщества, напрямую связанной с признанием местного самоуправления, является участие избирателей в местных выборах. Более того, институт выборов – один из важнейших демократических механизмов осуществления народом своей власти, и именно он является базовым в поддержании активности населения.

Какие факторы влияют на избирательную активность граждан на местных выборах? Почему в муниципальных образованиях, имеющих схожие социально-экономические и политические условия, явка избирателей может различаться в два и более раза? Результаты социологических исследований, проведенные автором на муниципальных выборах в Красноярском крае, позволяют сделать ряд важных выводов и обобщений.

Во-первых, избирательная активность населения мало зависит от их социального самочувствия и актуальности социальных проблем.

Во-вторых, активность избирателей напрямую связана с уровнем демократичности выборов, главные составляющие которого – это реальная, а не номинальная, альтернативность выборов, подлинная, а не имитационная конкуренция между кандидатами. Чем в большей степени избиратель ощущает себя в роли политического арбитра в соперничестве между претендентами на выборную должность, тем выше его активность. И, напротив, чем отчетливее гражданин осознает свою роль политического статиста на выборах с заранее предрешенным исходом голосования, тем реже выражает готовность посетить избирательный участок.

В-третьих, избирательная активность населения зависит от используемой избирательной системы. Переход в Красноярском крае в 2010 г. на мажоритарно-пропорциональную систему выборов депутатов и отказ в подавляющем большинстве муниципальных образований от прямых выборов глав привел к снижению избирательной активности граждан на треть по сравнению с

предыдущими выборами (с 62,4 до 39,6 %). Это реакция избирателей на потерю права самим избирать главу муниципального образования и опосредованный выбор депутатов (по партийным спискам и в многомандатных округах). При этом важно подчеркнуть: снижения избирательной активности населения края в указанный интервал времени на федеральных выборах не зафиксировано.

Коротко проиллюстрируем сформулированные выводы результатами массовых опросов и анализом электоральной статистики.

Весной 2005 г. проводились выборы 29 главы муниципальных образований края. В восьми территориях (пять районов и три города) проводились предвыборные опросы избирателей. Социальное самочувствие населения измерялось через постановку следующих вопросов: «Если говорить о Вас и Вашей семье, с каким из ниже приведенных высказываний вы согласны?», «Как вы оцениваете материальное положение своей семьи?», «Если взвесить все "за" и "против", за последние 3-4 года Вы стали жить лучше или хуже?» «Как вы считаете, жизнь в районе в ближайшем будущем...». Анализ полученных данных проводился с помощью сводного и частных индексов социального самочувствия. Частный индекс по каждому из рассматриваемых индикаторов рассчитывался как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок; сводный индекс социального самочувствия - как среднее значение четырех частных индексов. К примеру, в Емельяновском районе, отвечая на вопрос: «Если говорить о Вас и Вашей семье, с каким из нижеприведенных высказываний Вы согласны?» 12,2 % респондентов отметили позицию «все не так плохо и можно жить», 59,8 % - «жить трудно, но можно терпеть», 24,9 % - «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Частный индекс по данному индикатору составляет +47,1 %, сводный индекс по району +27,9 %. В табл. сведены данные по пяти муниципальным районам. Позитивная оценка деятельности главы муниципального образования определялась через число респондентов, которые на соответствующий вопрос анкеты отметили позиции «положительно» и «скорее положительно» (% от числа опрошенных). Электоральный результат - число избирателей, проголосовавших за главу муниципального образования (% от числа избирателей принявших участие в выборах).

Таблица 1 Связь между избирательной активностью населения и их социальным самочувствием и оценкой деятельности главы муниципального образования

Муниципальные районы	Сводный индекс самочувствия	Позитивная оценка деятельности главы муницип. образования	Электораль- ный результат главы муни- цип. образо- вания	Явка избирате- лей
Енисейский	+30,0	34,9	18,4	65,6
Емельяновский	+27,9	57,1	49,2	61,6
Богучанский	+33,1	22,9	20,1	60,3
Шушенский	+21,0	26,4	14,3	58,6
Иланский район	+25,6	41,9	39,3	55,4

При анализе данных табл. можно выделить два существенных момента. Во-первых, не прослеживается прямой зависимости между избирательной активностью и социальным самочувствием населения и его оценками деятельности главы района. Так, при практически равной явке избирателей Емельяновского и Богучанского районов у первых хуже социальное самочувствие, а оценки деятельности главы в два с половиной раза выше, чем у вторых. Судя по анализу электоральной статистики, различия в активности объясняются спецификой территорий и сохраняются на региональных и федеральных выборах. Полученные данные позволяют сделать еще одно предположение: избиратели не возлагают ответственность за свое материальное положение на главу района. Их отношение к руководителю, скорее всего, формируется под влиянием социально-психологических факторов.

Во-вторых, результат участия в выборах главы муниципального образования определяется оценками его деятельности в отчетный период. Руководитель, не сумевший за четыре года завоевать симпатии и доверие большой части избирателей, вторично кредит доверия не получает (Енисейский, Богучанский, Шушенский и Иланский районы). На этом примере хорошо прослеживается механизм реализации населением своих властных полномочий по управлению территорией.

О том, в какой мере наличие реальной альтернативы и конкуренции на местных выборах влияет на избирательную активность населения, можно судить по следующим данным. В 2010 г. одновременно с выборами депутатов городского/районного

уровня проводились прямые выборы 22 глав административных центров муниципальных районов Красноярского края. Явка избирателей на этих выборах колебалась в диапазоне от 30,0 % (пос. Краснотуранск) до 57,7 % (пос. Тюхтет). В первом случае глава района, имея технических соперников, получил поддержку 84,3 % избирателей. Во втором случае, в условиях реального выбора и конкуренции, 4 кандидата получили соответственно 29,7 %, 29,3 %, 22,7 % и 15,0 % голосов избирателей. Столь значительное различие в избирательной активности, скорее всего, объясняется разной ролью избирателей. В пос. Краснотуранск она сводилась к роли политического статиста на выборах с «предрешенным» исходом и заранее «назначенным» победителем; в пос. Тюхтет – политического арбитра, чей голос может решить судьбу выборов.

Как свидетельствует избирательная практика, на уровне административных центров муниципальных районов конкуренция возникает только в случае участия в выборах действующего главы в качестве самовыдвиженца, имеющего соперником, как правило, статусного чиновника, поддерживаемого партией «Единая Россия». На уровне городов и районов наблюдаются отдельные случаи конкуренции с представителями партии власти со стороны кандидатов от крупных промышленных предприятий. Подобная ситуация наблюдалась в городах Саяногорск, Абаза, Сорск (Республика Хакасия), Бородино и Шарыпово (Красноярский край) и приводила к заметному увеличению избирательной активности населения (в 1,5 и более раза). Приведенные примеры указывают на весьма ограниченные возможности создания конкурентной среды на муниципальных выборах.

Выше отмечалось, что осуществленный в 2010 г. переход в большинстве муниципальных образований края на новую систему выборов органов местного самоуправления привел к заметному снижению избирательной активности граждан. В шести территориях сохранились прямые выборы главы, и явка избирателей оказалась на четверть выше, чем в целом по краю (51,9 % против 39,6 %). Более чем на четверть выше избирательная активность и в территориях (всего таковых четыре), сохранивших мажоритарную систему выборов депутатов (54,5 % против 39,6 %). Судя по представленным данным, население отчетливо указывает на желаемый механизм выборов местных руководителей.

Новая система местных выборов лишила большинство избирателей возможности напрямую избирать главу муниципального образования. Более того, население фактически потеряло право и на его отзыв. Данное право декларативно, так как требует для его реализации предваряющего решения суда о несоблюдении руководителем действующего законодательства. Возникает вопрос: если руководитель нарушил закон, для чего проводить референдум? Нисколько не лучше ситуация и с депутатами. Выбор избирателей становится более опосредованным (при выборах по партийным спискам), а затем возникают сложности с идентификацией «своего» депутата. При выборе депутатов в многомандатных округах появляется другая проблема: их «доступность». В муниципальных районах депутаты, будучи, главным образом, жителями районных центров, нередко проживают на расстоянии 50 и более километров от своих избирателей, а в отдельных случаях и 80-90.

Сказанное заметно ослабляет возможности населения осуществлять свое право по управлению территорией. В этом отношении весьма показательны результаты опроса жителей края, выполненные автором в сентябре 2011 г. Во многих муниципальных образованиях доля респондентов, затруднившихся оценить деятельность главы администрации (сити-менеджер, принимаемый на работу конкурсной комиссией по контракту), доходит до трех четвертей от общего числа опрошенных. Значительное число респондентов (на уровне 50 %) не знает о том, что глава муниципального образования одновременно является и председателем совета депутатов.

Таким образом, представленные результаты показывают заметное снижение избирательной активности населения на муниципальных выборах, вследствие чего снижается легитимность муниципальной власти и усиливается процесс ее отчуждения от населения. При сохранении указанных тенденций институт выборов на муниципальном уровне как важнейший демократический механизм осуществления народом своей власти начнет утрачивать свое значение, а у населения продолжат снижаться возможности для реализации своих полномочий в осуществлении местного самоуправления, гарантированного Конституцией РФ.

Выход из сложившейся ситуации очевиден. Необходимы демократизация политической жизни и политический плюрализм,

развитие гражданского общества, создание условий, при которых избиратели имели бы возможность напрямую избирать местные органы власти, обладали бы реальными механизмами влияния на своих избранников. Вопрос о том, возможно ли это в условиях тотального доминирования на муниципальном уровне «партии власти» в лице краевого правительства и партии «Единая Россия» (97,1 % – среди глав муниципальных образований и городских округов, избранных в 2010 г., и 68,2 % – среди депутатов), остается открытым. Едва ли региональная власть, получившая в 2010 г. контроль над местным самоуправлением, добровольно от него откажется. Поэтому решение поднятой проблемы целиком зависит от федеральных властей.

КОВАЛЬЧУК В. Г.

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Реформирование системы управления региональным развитием предполагает введение нового качества региональной политики, призванной соединить задачи модернизации экономики страны с задачами обеспечения комплексного сбалансированного развития регионов [2, с. 4].

В настоящее время основной целью развития большинства стран мира и их регионов является улучшение качества жизни населения. Процесс социально-экономического развития включает в себя три составляющие:

- повышение доходов, улучшение здоровья населения и повышение уровня его образования;
- создание условий, способствующих росту самоуважения людей по результатам формирования социальной, политической, экономической и институциональной систем, ориентированных на уважение человеческого достоинства;
- увеличение степени свободы людей, в том числе их экономической свободы.

Последние две составляющие качества жизни не всегда учитываются при оценках степени социально-экономического развития стран и регионов, однако в последнее время в экономической науке и политической практике им придается все большее значение.

В последние годы процесс регионализации экономического и социального развития приобрел характер общей тенденции, отражающей закономерности демократизации всех сфер жизни современного общества. В отечественных условиях, совпав с преобразованиями в экономике и обществе, он оказался активизирован процессами децентрализации управления, передачей в регионы определенных полномочий местным органам власти и ответственности за их деятельность, что существенно расширяет социально-экономический и государственный статус отдельных территорий.

Этим объясняется системный характер регионализации на Украине, обусловленный также вектором либерализации всех сторон жизнедеятельности страны и регионов по мере трансформации общества от командно-административной модели к социально ориентированной рыночной экономике. Учитывая то, что гуманитарная сфера сегодня становится системообразующим и стратегически важным фактором деятельности государства, значительное усиление взаимозависимости и взаимовлияния с экономикой, политикой, социальными отношениями определяет необходимость ее глубокого изучения.

Гуманитарная сфера «пересекает» другие общественные сферы, трансформируясь в новое гуманитарное пространство, которое приобретает комплексный характер и даже принципиально иные качества. И это новое пространство становится своеобразным индикатором научного, культурного, образовательного, инновационного уровня страны и отдельных регионов, концентрирует их достижения.

Украина – молодое независимое государство, строящее демократическое общество, поэтому стратегическими приоритетами ее современной гуманитарной политики являются, прежде всего: формирование украинской политической нации, становление гражданского общества, нормативно-правовое обеспечение этнокультурных потребностей коренных народов и национальных меньшинств, кадровое обеспечение развития государства.

В последние годы ключевым направлением внешнеполитического развития Украины, с которым связаны значительные преобразования всех сфер общественной жизни, является евроатлантическая интеграция, определенная соответствующим законом [4]. С целью обеспечения реализации и широкой общественной поддержки этой политики осуществляются мероприятия

и в гуманитарной сфере. Как отмечено в Государственной программе экономического и социального развития Украины на 2012 г. и основных направлениях развития на 2013–2014 гг., главная задача правительства – трансформировать экономику в конкурентоспособный хозяйственный комплекс, который должен обеспечить дальнейшее гуманитарное развитие общества [1].

Гуманитарное развитие общества – это процессы роста возможностей человека, его благосостояния, безопасности, здоровья и духовности. В настоящее время недооценена роль гуманитарной сферы, гуманитарной политики как приоритетного направления деятельности государства, что отмечают специалисты, справедливо подчеркивая, что именно человеческий капитал определяет экономическое и политическое развитие государства, его могущество [5, с. 3–4].

Важным является обоснование принципов, на которых строится государственная гуманитарная политика. При их рассмотрении следует указать, что основные принципы гуманитарной политики должны отвечать главным правовым положениям, принятым как в нашем государстве, так и в международном сообществе. Кроме Конституции Украины к ним, безусловно, относятся: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; Европейская социальная хартия и другие документы.

Осознание главных принципов, на которых строится государственная гуманитарная политика, имеет большое значение. В основу принципов стратегии гуманитарной политики Украины должны быть положены выработка и закрепление новой системы ценностей, в том числе и идейно-мировоззренческих ориентаций, которые отражают своеобразную духовную субстанцию украинского общества. Но, вместе с тем, не следует забывать, что мы живем в мире, который стремительно интегрируется. Именно поэтому принципы гуманитарной политики на Украине должны соответствовать и общепринятым в мире, и в первую очередь в Европе, поскольку о своем европейском выборе как о стратегическом приоритете на перспективу наше государство заявляло уже неоднократно.

В условиях растущей международной конкуренции шанс на успех получают лишь те государства, которые способны обеспечить эффективную реализацию человеческого потенциала. Следовательно, как указано в Послании Президента Украины В. Януковича к украинскому народу, «задачи экономической и цивилизованной модернизации, которые стоят перед Украиной, мы решим лишь при условии опережающего развития гуманитарной и социокультурной сферы» [3].

Гуманитарное развитие базируется на принципе мировоззрения, основанном на убеждении, что человек является высшей общественной ценностью; на уверенности в способности человека к неограниченному совершенствованию и самореализации всех его способностей и талантов; предусматривает защиту права личности на свободу и счастье.

Гуманитарная политика независимого демократического украинского государства должна заключаться в последовательном проведении мероприятий, направленных на действенную поддержку и интенсификацию гуманитарного развития общества согласно определенным приоритетам в общенациональных и общечеловеческих интересах. Так, главным общим приоритетом на ближайшую перспективу определены создание объединенного общества, единого гуманитарного пространства, прорыв в круг наиболее успешных народов мира [3].

Учитывая все названные нами как внутригосударственные, так и международные факторы, к основным принципам гуманитарной политики на Украине относятся следующие: человеческая направленность государственной деятельности; ответственность за свою деятельность перед человеком; верховенство права; законность; народовластие; разделение властей; многообразие; отделение государства и церкви; защита достоинства человека; нерушимость прав и свобод человека; национальный суверенитет; поддержки украинской нации и национальных сообществ, проживающих в Украине.

Назовем еще несколько принципов.

Принцип децентрализации, согласно которому ответственность за осуществление гуманитарной политики в Украине несут не только органы центральной власти и их представительства на местах, но и органы местного самоуправления.

Принцип справедливости, имеющий особую значимость. Он в наибольшей степени выражает социальную сущность гуманитарной политики, желание искать компромиссы между социальными субъектами, между личностью и обществом и между отдельными лицами. Справедливость требует соответствия между действиями и их социальными последствиями. Отсутствие в обществе чувства справедливости у большинства населения негативно влияет на все стороны и сферы социального бытия, тормозит развитие страны, подрывает ее внутреннее единство и может привести в перспективе, в случае ее устранения, к социальным конфликтам.

Принцип равенства и равноправия. Все люди равны перед законом и перед государством, недопустима любая дискриминация. Этот принцип фактически означает равенство стартовых правовых возможностей человека, которые каждый будет использовать согласно своим личным способностям и возможностям. Одновременно это не только не исключает, а, напротив, предполагает помощь со стороны социального государства тем ее гражданам, которые, по общим стандартам, в такой помощи нуждаются.

Принцип социальной справедливости. Практическое воплощение в реальность прав человека и гражданина на существование доступных и эффективных систем образования, здравоохранения, культуры.

Отдельно выделим принцип учета региональных особенностей. При осуществлении гуманитарной политики властные структуры должны учитывать региональные особенности и многообразие Украины, не допуская бездумной унификации и обезличивания ее областей.

Именно учет указанных выше принципов, воплощение их в жизнь позволит сформировать пути совершенствования гуманитарной политики в новых экономических и общественно-политических условиях Украины и ее регионов.

Гуманитарная политика, как и политика в целом, характеризуется тем, что это процесс подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений. Поэтому следует обращать внимание на: конкретно-исторические условия развития того или иного социума; уровень участия или отчуждения населения в отношении власти и государственно-общественных дел; уровень развития политического и правового

сознания; национальный и демографический фактор общественного развития; исторические традиции; политические ценности общества; реальную международную ситуацию, отношение к государству мировой общественности.

Все это заложено в рассмотренных основных принципах гуманитарной политики, которые необходимо четко соблюдать. Внедрению современной государственной политики также будет способствовать реформирование отраслей гуманитарного направления, что может стать предметом дальнейших исследований.

Литература

- 1. Державна програма економічного і соціального розвитку України на 2012 рік та основні напрями розвитку на 2013-2014 роки [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://www.kr-admin.gov.ua.
- 2. Інноваційні підходи до регіонального розвитку в Україні: аналіт. доп. / С. О. Біла, Я. А. Жаліло, О. В. Шевченко, В. І. Жук [та ін.] ; за ред. С. О. Білої. К. : НІСД, 2011. 80 с.
- 3. Послання Президента Украніни Віктора Януковича до Українського народу «Україна XXI століття. Стратегія реформ і сусальної консолідації» [Електронний ресурс]. Режим доступу: www. president. gov. ua/news/17307. html
- 4. Про засади внутрішньої і зовнішньої політики : Закон України від 01. 07. 2010 р. № 2411-VI [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://zakon1.rada.gov. ua/laws/show/2411-17
- 5. Скуратівський В. А. Гуманітарна політика в Україні : [навч. посіб.] / В. А. Скуратівський, В. П. Трощинський, С. А. Чукут. К. : Вид-во УАДУ, 2002. 262 с.

КОВРИЖНЫХ О. А.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Сегодня проблема безопасности личности на фоне проявления широкомасштабного политического насилия в мире требует более детального философского осмысления как ключевой вопрос становления гражданского общества и правового государства. Концепция безопасности личности тесно взаимосвязана с проблемой реализации прав человека. Для достижения и сохранения человеческой безопасности необходимы защита граждан от политического насилия, а также защита людей в насильственных конфликтах, поддержка экономической и социальной безопасности «путем обеспечения приемлемого уровня жизни во всем мире и предоставления людям возможности выбраться из бедно-

сти; поддержка всеобщего доступа к базовому медицинскому обслуживанию, к базовому образованию...» [5, с. 75].

Таким образом, главным в проблеме безопасности личности будет защита граждан от внутреннего и внешнего насилия (прежде всего в условиях вооруженных конфликтов и нестабильности общества). Кроме того, без обеспечения нормального уровня жизни населения невозможно создать основу для безопасного мира. Как справедливо отмечает А. В. Худайкулова, можно выделить ряд ключевых составляющих личностной безопасности: «Во-первых, возможность для всех граждан жить в мире и безопасности в пределах границ государства. Во-вторых, использование гражданами всего набора гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав. В-третьих, социальная включенность граждан и возможность участвовать в общественной жизни. В-четвертых, верховенство закона и независимость судебной системы» [5, с. 77]. В данном контексте идет речь как о внешней государственной безопасности индивида, так и о его внутригосударственной безопасности.

Известный исследователь международных отношений П. А. Цыганков отмечает большой вклад в разработку данной проблемы концепции «HUMAN SECURITY», которая ставит проблему безопасности наравне с другими глобальными проблемами современности. Он пытается ответить на вечный философский вопрос: возможно ли решить проблему безопасности личности и какими путями? «Поиски решения проблемы человеческой безопасности имеют перспективы, скорее всего, не на пути противопоставления интересов государств, международного сообщества и человека, а на пути их согласования. Движение к глобальному социуму, в котором человеческая безопасность может найти наиболее полные гарантии, неосуществимо без достижения компромиссов в том, что касается предпочтений, целей и ценностей различных стран, культур и их представителей...» [6, с. 29].

Анализируя разные точки зрения на эту проблему, можно сделать вывод о влиянии на безопасность личности политического насилия, как открытого, так и скрытого. Латентное политическое насилие проявляется через воздействие СМИ, через политику властей и правительства, через проявление нетолерантных отношений между людьми.

Рассмотрим более подробно характеристику открытого политического насилия и его проявления в обществе. Главной особенностью политического насилия является его низкий созидательный потенциал. В период социальных кризисов насилие служит средством защиты населения или политической власти от внешней угрозы, активно также применяется для устранения политических противников. В любом случае оно носит временный характер, однако последствия применения политического насилия могут оказывать негативное воздействие на общество в целом довольно продолжительное время.

Необходимо отметить ограниченность возможностей насилия как регулятора общественных отношений, но при этом соблазн найти быстрый и эффективный способ захвата и удержания государственной власти делает его одним из главных ее ресурсов. Все государственные перевороты в российской и зарубежной истории опирались на политическое насилие, либо применяли его в различных масштабах. Социальные группы, стремившиеся к захвату государственной власти, также активно использовали физическое принуждение. В текущей политической жизни насилие как средство обостряет противостояние и конфронтацию сторон, сокращает пространство для лавирования, поиска союзников и заключения компромиссного решения. Важно отметить, что насилие способствует распространению в обществе авторитарных тенденций. Страны, пережившие военные, политические и социальные насильственные конфликты, характеризуются ужесточением политических режимов. Правительство кроме политического насилия всегда использовало и использует целый комплекс других политических средств: авторитет лидера, авторитарные тенденции и традиции, манипулирование общественным сознанием, духовное принуждение, усиление вертикали власти.

Кроме того, применение насилия нуждается в соответствующем аппарате (армия, органы внутренних дел, спецслужбы), руководители которого приобретают высокий политический вес и социальный статус. Их влияние на принятие политических решений становится значительным. Например, единая массовая политическая партия может взять на себя роль аппарата принуждения (КПСС в советские годы).

Следующий немаловажный фактор - это то, что насилие основано на страхе, который может сыграть определенную роль в процессе принуждения индивида к каким-то действиям. Однако формы и ценности, передаваемые индивидам в виде приказов, распоряжений и угроз, становятся частью их внутренних личностных убеждений и поэтому нелегко исчезают из их сознания. При этом насилие кажется одним из дешевых методов, но на самом деле относится к числу дорогостоящих политических средств. Его использование связано с разрушением материальных ценностей и непредсказуемыми человеческими жертвами. В экономическом, политическом, социальном плане происходит замедление темпов развития и роста тех стран, которые становятся ареной гражданских войн и политических конфликтов. Происходит и духовный кризис такого общества, теряют свое значение морально-нравственные устои социума. Чем более масштабный характер носит использование физического принуждения в политике, тем значительнее его негативные последствия в духовной жизни общества. Например, Северная Корея - это авторитарное милитаризованное государство, население которого находится в атмосфере ожесточения, усиления агрессивности поведения, страха внешней угрозы и ожидания нападения. Особенностью насилия является также и высокая степень непредсказуемости результатов его применения. Им достаточно сложно управлять и его контролировать. Последствия применения политического насилия могут быть более масштабными и непредвиденными. В этом есть и политический риск просчетов и недооценки негативных последствий его применения.

Таким образом, видимость эффективности насилия для власти определяется, на наш взгляд, следующими факторами: легитимностью власти; достаточностью военно-технического потенциала; владением искусством использования насилия, которое включает гибкое применение наряду с насильственными других политических средств; наличием внешней помощи поддержки; адекватностью экономических возможностей; моральной оправданностью насилия. Как отмечает исследователь И. В. Радиков, «...безопасность – это глобальная ценность всего человечества, сущность и причина действий каждого человека» [4, с. 31]. Он справедливо указывает на ряд моментов, которые должны учиты-

ваться в реальной политике для обеспечения безопасности личности и ограничения политического насилия:

- 1. «Права и свободы человека, равно как и право на безопасность принадлежат ему от рождения, а не предоставляются (или государством даруются).
- 2. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина...и права человека на безопасность обязанность государства.
- 3. Права и свободы предоставлены в равной мере всем и каждому.
- 4. Нормы о правах и свободах человека должны быть непосредственно действующими, а не декларативными» [4, с. 30].

Подводя определенный итог, хотелось бы надеяться, что проблема обеспечения безопасности личности будет решаться с помощью ограничения и контролирования политического насилия в российском и мировом масштабе. Каждый человек имеет право на достойные, мирные и безопасные условия жизнедеятельности.

Литература

- 1. Антология ненасилия / редкол.: Е. Алексеева [и др.] М. : Бостон : Московский журнал, 1992. 254 с.
- 2. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. д-ра полит. Наук. Ростов H/Д, 2009. 55 с.
- 3. Пиджаков А. Ю. Сущность и разновидности политического насилия. М., 2008. 136 с.
- 4. Радиков И. В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: материалы науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2011. 224 с.
- 5. Худайкулова А. В. HUMAN SECURITY в политическом дискурсе и международной практике // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: материалы науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2011. 224 с.
- 6. Цыганков П. А. Человеческая безопасность: теоретические споры и ответственность ученых // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики: материалы науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2011 224 с.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ

В условиях активной интеграции в мировое сообщество важнейшей стратегической задачей для украинского государства становится утверждение его права на достойное место среди развитых стран мира, повышение национальной конкурентоспособности, обеспечение устойчивого социально-экономического развития и высоких стандартов жизни граждан [3, с. 7]. Высокий уровень социально-экономического развития Украины на сегодня может быть достигнут только путем стремительного развития всех ее регионов, которое в значительной мере зависит от эффективного функционирования и плодотворного взаимодействия местных органов государственной власти и местного самоуправления.

Недостаточная эффективность работы органов публичного управления в любом государстве препятствует его полноценному развитию, снижает доверие населения к властным структурам и негативно влияет на имидж страны на международном уровне. Поэтому проблема построения эффективной модели публичной власти была и остается актуальной для многих стран мира. Выбранный Украиной демократический путь развития, переход к децентрализованной модели управления, внедрение европейских принципов управления требует проведения комплексных реформ системы государственного управления и местного самоуправления, которые являются составляющими элементами системы публичного управления государства.

Совершенствование национальной системы публичного управления можно осуществлять согласно двум основным существующим в мире подходам – стратегическому и тактическому, которые дополняют друг друга [4, с. 37]. Стратегический подход предусматривает разработку стратегии развития публичного управления, ориентированную на будущие потребности общества и решение долгосрочных задач в контексте достижения стратегических целей. При использовании этого подхода необходимо проведение анализа современных тенденций развития государства и общества, обобщение европейской и мировой практики с

целью определения основных параметров развития национальной системы публичного управления. Другой подход, тактический, предусматривает постепенное устранение имеющихся недостатков, решение тактических задач в отдельных сферах, совершенствование функций и методов управленческой деятельности. Именно этот подход применяют сегодня на Украине.

За период независимости на Украине произоппи сложные и противоречивые процессы становления и развития системы государственного управления и местного самоуправления, однако создать целостную, сбалансированную, надежную и эффективную систему публичного управления так и не удалось. Основной причиной, по которой на сегодняшний день на Украине не закончена реформа системы органов власти, является несогласованность некоторых проводимых реформ, их непоследовательность и несоответствие реальным процессам, происходящим в украинском обществе и в мире в целом. При этом наукой государственного управления наработаны перспективные концепции комплексного реформирования публичного управления и административно-территориального устройства, но они пока еще ждут своего внедрения.

Научные публикации, посвященные совершенствованию административно-территориального устройства Украины, содержат много вариантов выделения регионов, в состав которых должны входить несколько современных областей Украины. Количество укрупненных регионов, на которые может быть административно разделена территория страны, существенно различается, колеблясь от 5 до 12 против существующих на сегодня 27 регионов, среди которых 25 областей, а также города Киев и Севастополь, имеющие специальный статус.

При обосновании целесообразности формирования в Украине укрупненных регионов, объединяющих по несколько существующих областей, чаще всего используется ссылка на зарубежный опыт, который якобы свидетельствует о необходимости уменьшения количества административно-территориальных образований на всех уровнях. Однако анализ выделения региональных систем, эффективно функционирующих в крупнейших странах Европы, доказывает, что размер и количество административно-территориальных единиц не влияет на степень развития государства и решение социально-экономических проблем [2,

с. 62-63]. Необходимо подчеркнуть, что продвижение Украины к европейским стандартам жизни вообще не должно предусматривать слепое перенесение зарубежного опыта, в частности в вопросах административно-территориального устройства государства.

На основе сравнительного анализа характеристик административно-территориального деления Германии, Франции, Великобритании, Италии, Испании и Польши можно сделать вывод, что по ним Украина достаточно близка к крупнейшим странам Европы, а также к наиболее развитым государствам мира [2, с. 63-64], поэтому объективной необходимости в изменении устопроверенного десятилетиями административнотерриториального устройства Украины не существует. Кроме того, широкий анализ литературных источников позволяет сделать вывод, что на сегодня преобладают утверждения ученых о нецелесообразности немедленного перевода теоретических исследований в области административного деления Украины в практическую сферу. Следовательно, реформирование публичного управления в Украине должно быть направлено преимущественно на совершенствование деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также на их взаимодействие между собой и с общественностью.

Действующей системе публичного управления на Украине присущи существенные противоречия, связанные с тем, что управление на региональном и районном уровнях одновременно и относительно одних и тех же объектов (социально-экономических территориальных комплексов) осуществляют органы государственной власти и органы местного самоуправления. Несмотря на то, что деятельность органов государственной власти местного самоуправления направлена на реализацию интересов различных субъектов: государства и конкретных территориальных сообществ, их полномочия на региональном и районном уровнях постоянно пересекаются (см. рис.).

Установленное Конституцией Украины [1, ст. 118, 119, 140, 143] разделение полномочий между органами государственной власти местного уровня и местным самоуправлением построено таким образом, что управление административными регионами Украины практически находится в ведении государственных ад-

министраций регионального и районного уровня, а также организаций, которые представляют центральные органы государственной власти. Что касается местного самоуправления, то областные и районные советы в результате принудительного делегирования собственных полномочий в пользу местных государственных администраций лишены действенности из-за отсутствия исполнительных органов, а сельские и поселковые советы практически оказались в прямом подчинении у районных государственных администраций.

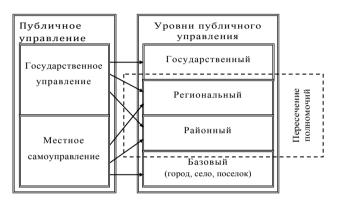

Рис. Пересечение полномочий органов государственного управления и местного самоуправления на региональном и районном уровнях

Все вышеперечисленное обусловливает необходимость реформирования публичного управления на местном уровне, которое должно быть направлено на реализацию таких взаимосвязанных процессов:

- реформирование системы органов публичной власти на местном уровне (состав элементов и взаимосвязи между ними);
- структурно-функциональное реформирование каждого местного органа публичной власти;
- реформирование деятельности органов публичной власти местного уровня по предоставлению управленческих услуг;
- реформирование взаимодействия местных органов публичной власти в процессе управления территориальными комплексами.

Проведенные исследования показали, что при реформировании публичного управления на Украине целесообразно исходить из следующих положений:

- органы государственного управления и их должностные лица должны действовать исходя из приоритета общегосударственных интересов при обязательном учете интересов всех подсистем низшего уровня;
- осуществление государственного управления должно распространяться только на те сферы общественной жизни, которые не могут эффективно обеспечиваться системой местного самоуправления;
- полномочия местного самоуправления по обеспечению всестороннего развития соответствующих социально-экономических территориальных систем должны быть существенно расширены путем восстановления исполнительных органов при областных и районных советах;
- государственные администрации целесообразно оставить только на региональном уровне, предоставив им полномочия по внедрению государственной региональной политики и выполнению тех функций, которые не могут эффективно выполняться системой местного самоуправления;
- для реализации координированного государственного управления развитием каждого административного региона территориальные подразделения центральных органов исполнительной власти необходимо ввести в состав государственных администраций.

Таким образом, в ходе реформирования публичного управления необходимо особое внимание уделить расширению полномочий, повышению ответственности и самостоятельности местных органов власти, причем основные управленческие функции с предоставлением соответствующих полномочий и финансовых ресурсов должны быть закреплены за местным самоуправлением. Будучи важной составляющей публичной власти, органы местного самоуправления являются наиболее приближенными к человеку, поэтому они лучше смогут обеспечить население широким спектром качественных управленческих услуг, направленных на развитие территориальных комплексов разных уровней.

Литература

1. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року [Электронний ресурс] – Режим доступа: http://zakon1. rada. gov. ua/cgi-bin/laws/main. cgi?nreg=254 %EA %2F96- %E2 %F0

- 2. Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України: [Монографія] / О. Б. Коротич. Х. : Вид-во ХарРІ НАДУ «Магістр», 2006. 220 с.
- 3. Модернізація України наш стратегічний вибір. Послання Президента України до Верховної ради України на 2011 рік. [Электронний ресурс] Режим доступа: http://www.president.gov.ua/docs/Poslannya_sborka.pdf
- 4. Реформа публічного управління в Україні: виклики, стратегії, майбутнє: монографія / Нац. акад. держ. упр. при Президентові України; відп. редактор І. А. Грицяк. К. : «К. І. С.», 2009. 240 с.

ПЕТРОВ А. В.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

8 сентября 2013 г. состоялись выборы депутатов Законодательного собрания Иркутской области второго созыва. К сожалению, в последние годы можно говорить о постоянно снижающейся явке избирателей на любого рода выборы. Ряд экспертов признают, что в этом вина собственно кандидатов и политических партий, участвующих в выборах. Другие эксперты говорят, что органы местного самоуправления не всегда приветствуют информационные кампании по выборам, выделяя на это незначительные средства, поэтому до большинства граждан информация не доходит.

Уже более пяти лет территориальные избирательные комиссии (далее - ТИК) Иркутской области работают на профессиональной основе. Этому способствовало принятие закона Иркутской области № 41-оз «О территориальных избирательных комиссиях Иркутской области» от 11 июля 2008 г., в котором закреплена правовая основа деятельности ТИК. За это время территориальные избирательные комиссии не только занимались организацией и проведением выборов, но и вели работу по просвещению граждан в области избирательного законодательства. Важнейшим из таких пунктов стало появление собственных сайтов и информационных страниц на порталах органов местного самоуправления (см. табл.).

На территории Иркутской области действуют 44 территориальных избирательных комиссий. Накануне выборов автор проанализировал их открытость для общества, изучил информационную доступность и обеспеченность избирателей и кандидатов

значимой для них информации. Для мониторинга были отобраны все ТИК Иркутской области, поскольку выборы 8 сентября 2013 г. имели региональный статус и проводились на территории всей области.

Автор выяснил, что из всех исследованных территориальных избирательных комиссий лишь у 12 есть собственные сайты. Остальные располагаются на страничках администраций городов и районов, однако их наполнение абсолютно разное, а в некоторых комиссиях контент и вовсе оставляет желать лучшего. Страница на сайте муниципального образования делает информационная деятельность комиссии более уязвимой, поскольку исполнительная власть является наиболее активным игроком избирательных процессов, но представляет лишь одну сторону. На таких страницах отсутствует возможность написать письмо или задать вопрос, получить ответ на жалобу, поскольку, по информации прямой линии избирательной комиссии Иркутской области, наибольшее количество жалоб, поступающих в избиркомы, кассается критических замечаний в отношении деятельности органов местного самоуправления. Наличие такой страницы для территориальной избирательной комиссии является визитной карточкой и не более.

Изучим указанные ресурсы более подробно. Первая группа имеет собственные сайты - Ангарская, Баяндаевская, Боханская, Иркутская городская № 2 (Октябрьский округ), Иркутская городская № 4 (Свердловский округ), Нижнеудинская, Ольхонская, Свирская, Тайшетская, Тулунская городская, Усолье-Сибирская, Усть-Кутская территориальные избирательные комиссии. На каждом сайте имеются не менее 12-15 разделов, где можно подробно узнать состав комиссии, информацию о работе и решения ТИК, фотоотчеты, список региональных или местных отделений политических партий, сведения о кандидатах в депутаты Законодательного собрания Иркутской области, кое-где есть разделы для слабовидящих избирателей. Однако можно отметить, что новостные страницы не всеми заполняются одинаково. Так, последняя новость в Бохане датируется 29 апреля 2013 г., в Ольхонской ТИК - 14 мая 2013 г., следовательно, никакой информации о предстоящих выборах там нет.

На сайте Иркутской городской N 4 комиссии можно найти информацию о своем избирательном участке, попытаться найти

своего депутата городской думы и даже «себя в списке избирателей», есть все решения комиссии с 2008 г. Иркутская городская № 2 комиссия публикует информацию о численном составе избирателей с 2007 г. в графическом исполнении. «Ноу-хау» Нижнеудинской ТИК – это историческая страничка, которая позволяет узнать, как начинала свою работу данная комиссия. На сайте Тулунской ТИК опубликованы изречения и афоризмы Б. Н. Ельцина, Г. А. Явлинского, Ницше, И. С. Тургенева и др. Многие ТИК активно работают на просветительском поле с молодежью, рассказывают о созданных молодежных избирательных комиссиях. Можно отметить, работу Нижнеудинской, Свирской, Усоль-Сибирской, Усть-Кутской ТИК.

Вторая группа комиссий - это имеющие странички на сайтах органов местного самоуправления, но постоянно обновляющиеся и освещающие предстоящие региональные выборы. Сюда отнесем Братские городскую и районную, Жигаловскую, Зиминские городскую и районную, Иркутские городские № 1, № 3 и районную, Казачинско-Ленскую, Катангскую, Качугскую, Куйтунскую, Саянскую, Тулунскую районную, Усть-Илимские городскую и районную, Черемховскую городскую, Чунскую, Шелеховскую ТИК. Здесь можно говорить о наличии сведений о кандидатах в депутаты Законодательного собрания Иркутской области, постоянных обновлениях решений комиссии. Практически везде есть пофамильные составы членов комиссий, сроки полномочий, новости о формировании участковых избирательных комиссий. На некоторых порталах можно встретить переход на сайт избирательной комиссии Иркутской области и Центральной избирательной комиссии РФ. Например, Братская городская ТИК выделила выборы 8 сентября 2013 г. в отдельный раздел, что сделало их более доступными для избирателей. Их районные коллеги расширили страничку блоками «Антикоррупционные мероприятия», «Судебная практика». Катангская ТИК приглашает нас на страничку «Перечень законов», но там, к сожалению, присутствуют только их названия без собственно текстов.

Отдельно необходимо отметить наличие на порталах раздела «Политические партии». К сожалению, в большинстве случаев он не менялся год и более, когда партий было всего семь, и поэтому большая часть избирателей области при желании не смогут этого узнать. В Черемхово список партий не менялся с марта 2012 г., в

Чуне и Зиминском районе - с октября 2012 г., в Усть-Илимске - с декабря 2012 г. «Рекордсменом» выглядит Жигалово, где висит список партий на 1 апреля 2011 г. На страничке Осинской ТИК данная информация и вовсе пустует. Создание разделов - это, несомненно, хорошая вещь, но есть ли в этом резон, если они не заполняются? Так, сотрудники Тайшетской ТИК добавили раздел «Финансирование избирательных процессов», но не опубликовали там никакой информации. Самый же пустой сайт у Иркутской районной ТИК - из 13 разделов пустуют 5, т. е. почти половина.

Третья группа включает в себя информационные странички территориальных избирательных комиссий, которые находятся на сайтах органов местного самоуправления, но не имеют нили почти не имеют никакой информации о выборах в Законодательное собрание Иркутской области. К таким можно отнести Балаганскую, Бодайбинскую, Заларинскую, Киренскую, Мамско-Чуйскую, Нижнеилимскую, Нукутскую, Осинскую, Слюдянскую, Усольскую районную, Усть-Удинскую, Черемховскую районную, Эхирит-Булагатскую территориальные комиссии.

Новости Киренской ТИК закончились 22 февраля 2013 г. сообщением о последнем решении комиссии; раздел «Правовая культура» совсем не заполнен. Мамско-Чуйская ТИК сообщала, что 8 сентября 2013 г. пройдут выборы в местную районную думу, и у избирателей даже не возникло сомнений, что эти выборы не единственные. План Нижнеилимской ТИК заканчивается в июне 2013 г., следовательно, комиссия предполагает, что позднее она будет распущена. А страничка Нукутской ТИК вовсе напоминает сайт одной из политических партий. Здесь можно ознакомиться не только со списком ее фракции в районной думе в составе 12 человек пофамильно, но и перечнем 25 первичных партийных организаций. Других партий в районе и регионе просто нет. Зато раздел «Новости» и «Правовая культура» стоят абсолютно пустыми, а план мероприятий комиссии ограничивается февралем 2013 г.

В полупустом состоянии находится и страничка Осинской ТИК. Разделы «Новости», «Уставы муниципальных образований», «Политические партии» просто не заполнены, последнее решение комиссии датировано 13 февраля 2013 г., выборы в Законодательное собрание области, согласно данным ТИК, в рай-

оне не проводятся, поскольку об этом нет ни единого упоминания ни в одном из разделов.

Всего два раздела, один из которых пустой - новостной - у Усольской районной территориальной избирательной комиссии. Один раздел - и тоже пустой - у Черемховской районной ТИК. Очень тяжелой для просмотра является страничка Усть-Удинской территориальной избирательной комиссии. Для того чтобы найти новость (она в этом году единственная, датирована 26 февраля 2013 г.), нужно «кликнуть» не менее четырех раз.

Наличие электронного ресурса о выборах в каждом муниципальном образовании, особенно если там работает территориальная избирательная комиссия, в современных условиях - вещь необходимая. Отсутствие такого ресурса означает, что у избиркомов нет связи с самой проблемной (с точки зрения явки на выборы) и одновременно с самой значимой частью электората - молодежью, а также социально активными и образованными группами местных сообществ. Территориальные избирательные комиссии много говорят о политическом и правовом просвещении, но в то же время сами недостаточно уделяют внимания взаимодействию с мобильными группами, рассчитывая на голосование более старших групп избирателей либо менее информированных граждан. У многих электронных страниц избиркомов отсутствует важнейшая предвыборная информация: актуальные новости о ходе избирательного процесса, его этапах; требования и инструкции по оформлению документов; нет достаточной информации об избираемых органах, кроме названий, о применяемой на данных выборах избирательной системе; практически нет информации об установленных местах для встреч кандидатов с избирателями, о местах для размещения агитационных материалов, адресов избирательных участков. Если информация о прошедших заседаниях комиссий выставляется на сайт, то анонсы можно увидеть только на сайте избирательной комиссии субъекта. Практически вся существующая на сайтах информация является перепечаткой официальных документов и не всегда адаптирована для простого избирателя - с точки зрения информирования она избыточно многословна, зачастую просто ему непонятна.

При этом сайты ЦИКа РФ и избирательной комиссии Иркутской области весьма информативны, и их можно оценить как «положительные образцы». Особенно стоит отметить официаль-

ный сайт избирательной комиссии Иркутской области www.irkutsk.izbirkom.ru, который является наиболее полным по информированию всех сторон, интересующихся избирательным процессом, богат на архивные материалы, содержит все выпуски газеты «Право выбора», интересную информацию о прошедших за последние годы выборы. Из исследованных же территориальных избирательных комиссий почти образцовым наполнением своей страницы могут похвастаться Ангарская, Иркутские № 2 и № 4, Шелеховская, Братская городская и Тайшетская ТИК.

Таким образом, можно сделать вывод, что почти у половины территориальных избирательных комиссий отсутствует регулярная публичная и оперативная связь с избирателями и кандидатами. При условии, что во многих муниципальных образованиях местные газеты выходят раз в неделю, а местное телевидение отсутствует, ситуация, с точки зрения информированности избирателей, представляется просто тревожной. В условиях такого скудного информационного обеспечения предвыборной кампании избирателям, журналистам, политологам и просто заинтересованным жителям Иркутской области приходится довольствоваться слухами и непроверенной информацией, а иногда и подозревать комиссии в утаивании информации, что усиливает недоверие к институту выборов и снижает качество их освещения.

В качестве рекомендаций на ближайшем заседании председателей территориальных избирательных комиссий следует обсудить вопрос усиления контроля за деятельностью и наполнению действующих интернет-ресурсов территориальных избирательных комиссий, действующих в Иркутской области, а в случае их переформатирования добавления обязательных интерактивных разделов, в которых избиратели и кандидаты могли бы задавать вопросы членам ТИК, сообщать о нарушениях в ходе предвыборной кампании, а избиркомы могли бы отчитываться перед избирателями о принятых мерах. Данные предложения направлены автором в адрес избирательной комиссии Иркутской области.

Результаты мониторинга интернет-ресурсов территориальных избирательных комиссий Иркутской области

	1	T .	T
	Комиссия,	Сайт, страница	Содержание инфор-
	организую-		мации
	щая выборы		
1	Ангарская	Официальный сайт	15 разделов, есть све-
		http://www.tikangarsk.ru/	дения о кандидатах в
			депутаты, новости
			обновляются
2	Балаганская	Страница на официальном	Ни одной новости
		сайте района	
		http://www.balaganskayatik.	
		adminbalagansk. ru/	
3	Баяндаевская	Официальный сайт	Поставлена работа с
		http://tik-bayanday. ucoz. ru/	молодежью, есть зако-
			нодательство выборах,
			новости устарели
4	Бодайбинская	Раздел на официальном сай-	Не открывается
		те района	
		http://bodaibogold.	
		ru/Bodaybinskiy_TIK/index.	
		html	
5	Боханская	Официальный сайт	Хорошая фотогалерея
		http://bohantik.ru/	и работа с молодежью,
			новости устарели
6	Братская го-	Раздел на официальном сай-	17 разделов, удобный
	родская	те администрации города	для читателей, отдель-
	1	http://www. bratsk-city.	ный раздел по выбо-
		ru/agency/tik/	рам 08.09.2013, адми-
		http://59agmr.	нистративная и судеб-
		ru/terizbirkom.html	ная практика
7	Братская рай-	Раздел на официальном сай-	Антикоррупционные
	онная	те администрации района	мероприятия, судеб-
		http://www.bratsk-	ная практика, новости,
		raion.ru/index.	решения комиссии
		php?option=com_content&vie	обновляются постоян-
		w=article&id=49&Itemid=69	но
8	Жигаловская	Раздел на официальном сай-	13 разделов, интересен
	71011 WIODERWA	те администрации района	раздел «Правовая
		http://zhigalovo.irkobl.ru/ele	культура», есть зако-
		ctoral/	нодательство о выбо-
		ctorur,	рах и референдумах
9	Заларинская	Раздел на официальном сай-	Ошибка в названии
	1	те администрации района	района, есть список
		http://www.zalari.ru/page.	участковых комиссий,
		php?razdel=5&id_page=5&id_	список партий устарел
		blok=5&id_level_1=0&id_level	
	l	Didn dara_rever_1 dara_rever	l

		_2=0&id_level_3=0&id_level_4 =0&id_level_5=0&id_level_6=0 &id_level_7=0	
10	Зиминская городская	Раздел на официальном сайте администрации города http://www.zimadm.ru/qa/642.html	Много информации устарело
11	Зиминская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://www.rzima.ru/index.php?option=com_content&vie w=category&id=64	Есть новости, информация о резерве УИК, решения ТИК
12	Иркутская городская №1 (Ленинский округ)	Раздел на официальном сайте администрации города http://www.admirkutsk.ru/?rubr=376	Итоги голосования с 2008 г., информация для избирателей
13	Иркутская городская №2 (Октябрьский округ)	Официальный сайт http://irk-tik2ok. ru/	Есть количество про- смотров каждой ново- сти, численность из- бирателей с 2007 г., уголок избирателя
14	Иркутская городская №3 (Правобережный округ)	Раздел на официальном сайте администрации города http://www.admirkutsk.ru/?rubr=378	Протоколы выборов с 2007 г., работа с молодежью, все решения ТИК
15	Иркутская городская №4 (Свердлов-ский округ)	Официальный сайт http://irktik4sv. my1. ru/	Можно найти своего депутата и свой УИК, все решения ТИК с 2008 г., раздел для слабовидящих
16	Иркутская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://tik. www. irkraion. ru/	Сайт наполовину пуст
17	Казачинско- Ленская	Раздел на официальном сайте администрации района http://www.adminklr.ru/тик	Новости устарели, есть фотогалерея, решения ИК, информация об УИК и политических партиях
18	Катангская	Раздел на официальном сайте администрации района http://катанга. pф/?page_id=508	Из законов о выборах одни заголовки
19	Качугская	Раздел на официальном сайте администрации района http://kachug.irkobl.ru/electoral/	Новости, состав ТИК, молодежь и выборы, перечень политических партий
20	Киренская	Раздел на официальном сайте администрации района http://kirenskrn.irkobl.ru/kire	Решения ТИК слабо заполнены, пустой раздел о правовой

		nskaya_territorialnaya_izbirate	культуре
		lnaya_komissiya/	
21	Куйтунская	Раздел на официальном сай-	Есть список кандида-
		те администрации района	тов в депутаты, ново-
		http://kuitun.irkobl.ru/elector	сти, документы ТИК
		al/	
22	Мамско-	Раздел на официальном сай-	Большая часть ин-
	Чуйская	те администрации района	формации заканчива-
		http://mchr.irkobl.ru/electora	ется 2012 г.
	**	1/	-
23	Нижнеилим-	Раздел на официальном сай-	Приглашение на вы-
	ская	те администрации района	боры 10 марта 2013 г.,
		http://nilim.irkobl.ru/tik/ind	план работы до июня
2.1	T.T.	ex.php	2013 г.
24	Нижнеудин-	Официальный сайт	16 разделов, историче-
	ская	http://нижнеудинская-тик.	ская справка, день
		рф/	молодого избирателя,
25	Llywayme	Degrap ve a hyer	судебная практика
25	Нукутская	Раздел на официальном сай-	Много EP, страница
		те администрации района	новостей пустая
		http://nukut.irkobl.ru/news/	
		nukutskaya_territorial_election _commission/nukutskaya_ti/o	
		verview/	
26	Ольхонская	Официальный сайт	Планы, отчеты, право-
20	Ольхонская	http://olchontik.my1.ru	
		Ittp://oichonik.my1.ru	вая культура не запол- нены
27	Осинская	Раздел на официальном сай-	Новости, информация
		те администрации района	о выборах 08. 09. 2013,
		http://www.osaadm.ru/index	политических партиях
		.php?option=com_content&vie	не заполнена, решения
		w=section&id=10&Itemid=60	ТИК не заполнялись с
			февраля 2013г.
28	Саянская	Раздел на официальном сай-	Есть сведения о канди-
		те администрации города	датах в депутаты ЗС,
		http://www.admsayansk.ru/q	но список партии на
		a/tik.html	март 2012 г.
29	Свирская	Официальный сайт	Слабо представлен 2013 г.
30	Слюдянская	http://tic. svirsk. ru/ Раздел на официальном сай-	
30	Слюдинская	те администрации района	Есть историческая справка, информация
		http://www.sludyanka.ru/ad	о дополнительных
		ministration. html	выборах в марте 2013
		ministration, milli	г., работа МИК
31	Тайшетская	Официальный сайт	Отдельный раздел о
	1 aviiiic remazi	http://ттик.рф/	выборах 08. 09. 2013,
			хороший архив выбо-
			ров, границы избира-
			тельных округов
Ь			12.151151A ORPYTOB

	-		1
32	Тулунская городская	Официальный сайт http://tgtik.ru	Допущена орфографическая ошибка (комиссия с одной «с»), новости, афоризмы и слоганы
33	Тулунская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://tulunr.irkobl.ru/electoral/	Есть новости, решения ТИК, законодательство о выборах и список политических партий
34	Усолье- Сибирская городская	Официальный сайт http://www.tik-usolie.ru/	Список партий на 2011 г., есть депутаты вашего округа, памятка избирателя
35	Усольская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://www. usolie-raion.ru/power/2011-02-28-04-18-32. html	Очень мало информа- ции
36	Усть- Илимская городская	Раздел на официальном сайте администрации города http://www. ust-ilimsk. ru/index. php?option=com_content&vie w=article&id=120&Itemid=117	Члены ТИК, резерв
37	Усть- Илимская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://uiraion. irkobl.ru/district/index. php	Отдельно раздел о выборах 08. 09. 2013, словарь избирателя, найди свой избира- тельный участок
38	Усть-Кутская	Официальный сайт http://ust-kuttik. ucoz. ru/	Отдельно раздел о выборах 08. 09. 2013, законодательство о выборах
39	Усть- Удинская	Раздел на официальном сайте администрации района http://adminust-uda.ru/main.php?otdel=31&razdel=0&categ ory=0	Есть счетчик просмотров новостей, но очень тяжелый в просмотре
40	Черемховская городская	Раздел на официальном сайте администрации города http://www.admcher.ru/tik_main.php	Ссылка на сайт ИКИО и ЦИК РФ, антикоррупционная экспертиза, новости, список партий на март 2012 г.
41	Черемховская районная	Раздел на официальном сайте администрации района http://cher.irkobl.ru/tik/inde x. php	Только 1 раздел, нет информации о выборах вовсе

42	Чунская	Раздел на официальном сай-	Есть судебная практи-
		те администрации района	ка, «найди свой уча-
		http://chuna.irkobl.ru/elector	сток», список партий
		al/	на октябрь 2012 г.
43	Шелеховская	Раздел на официальном сай-	Решения ТИК, план,
		те администрации города	список партий, фото-
		http://www.sheladm.ru/qa/2	галерея
		10.html	
44	Эхирит-	Раздел на официальном сай-	Новости без дат, ин-
	Булагатская	те администрации района	формация только о
		http://new.ehirit.ru/tik.html	муниципальных выбо-
			pax

пинягин п. ю.

ИМИДЖЕВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Средства массовой информации (СМИ) не могут быть целиком подконтрольны ни государству, ни обществу. Практика показала, что это особая, относительно самостоятельная и автономная структура. Как заметил Б. Макнайр, «то, что хочет сказать политический деятель, не обязательно отражается в том, что говорят СМИ» [1]. Не обязательно и не всегда отражается там и точка зрения общественности. Автономность политической позиции СМИ создает трудности как для элиты, так и для гражданских структур. Поэтому интерес к выступлениям СМИ всегда зависит от контекста и позиции правящих кругов и общественности по тому или иному вопросу. Однако наиболее постоянными потребителями продукции СМИ следует считать политиков, для которых массовая информация является важнейшим условием их профессиональной деятельности.

Верным представляется вывод Тимоти Е. Кука: «СМИ функционируют как политический институт, выполняющий посредническую функцию, но к лучшему это или к худшему, зависит не только от общественности. Необходимость в СМИ, с чьей помощью достигаются политические и управленческие цели, определяется без прямого участия широкой публики. Основное в деятельности СМИ – вывод коммуникаций в среде политических элит на качественно новый уровень» [2].

Прежде всего СМИ в условиях демократии – это элемент системы представительства интересов граждан, так как они стали незаменимым механизмом трансляции потребностей населения и в то же время объектом внимания политического класса и официальных институтов. Именно в этом качестве СМИ существенно изменили не только стиль, но и процедуры формирования государственных органов, процесс отбора правящей элиты, проведения основных политических кампаний в государстве. На выборах люди зачастую ориентируются не на программы кандидатов и их партийную принадлежность, а на то, что и как покажет телевидение о жизни и деятельности кандидата, какие сведения об этом человеке появятся в газетах.

Обозреватели популярных изданий оказались едва ли не главными выразителями общественного мнения и тем самым вошли в круг интеллектуальной политической элиты, обслуживающей интересы публики. СМИ превратились в необычайно эффективного посредника в отношениях населения и власти благодаря определенной открытости, оперативности в формулировании оценок и позиций, широким возможностям отражать интересы и чаяния самых разнообразных групп и слоев населения. СМИ могут существенно влиять на политическую игру и даже модифицировать ее правила, формировать новые отношения между верхами и низами. В этом своем значении они больше зависят от общества, чем от государства.

Ориентируясь на массовое внимание, СМИ убирают одни «скучные» факты и придают характер сенсационности другим, стремятся сделать свои материалы оригинальными, своеобразно подают те или иные сообщения. Используя технологии политического маркетинга, они выстраивают рейтинги лидеров, формируют их имидж, поддерживают их контакты с населением. Конфликты в поле власти предстают в глазах обывателя не как групповая борьба, связанная с определенными политическими структурами, участники которой жестоко конкурируют друг с другом, а как жизненная драма, на первом плане которой – эпизоды биографий героев, их моральные переживания, внешние атрибуты жизни.

Одним из основных принципов работы со СМИ, помимо доверительных и корректных отношений, является достоверность, а главное, новостной характер информации.

Не существует конкретного определения информации, являющейся новостью, но специалисты выдвинули ряд требований к сообщениям такого рода: своевременность проводимого мероприятия, его значимость, актуальность для данного региона, эмоциональность мероприятия, интерес со стороны общественности, отсутствие ли негативных эмоций, ассоциаций; наличие ли событие элемент конфликта.

Безусловно, этот список не полон, но он создает представление о том, какая информация может стать новостью. Лучший способом для кандидата стать объектом новостей - «вести себя так, как будто он уже избран должностным лицом». Существуют некоторые приемы создания и усиления новости, например, привязка новостей к «круглой» дате - один из самых распространенных приемов. Похожим является прием привязки новости к дате, когда произошло или должно будет произойти «важное для всего общества или значительной его части событие». Это событие и сам праздник можно просто придумать. Интересным считается прием «предложения события на выбор». Если специалист не уверен в важности самого мероприятия, то он предлагает второе, иного профиля, «в довесок». В одном событии можно найти различные составляющие, что может существенно расширить спектр обрабатывающих новость СМИ. Демонстрация разных взглядов на проблему также может служить приемом создания новости. Очень эффективен прием усиления новости за счет присутствия влиятельных людей.

Сочетание новости с общественно важной проблемой повысит значимость новости, при этом ее необходимо максимально конкретизировать. В некоторых случаях необходимо превратить проблему в общественно значимую.

Почти универсальной является формула «солидные люди плюс значимая проблема». Она способна сделать новостью «практически любой выход носителей информации» к представителям СМИ. Важнейшим двигателем новости является интрига. Безусловно, лучшей интриги, чем скандал, человечество еще не изобрело. Если нет реального скандала, то можно истолковать некоторые события как скандал.

Все сказанное выше относится в основном к производству содержательной части новости. «Основной вес» новости формируется за счет ее содержания. Путем использования специальных

приемов можно прирастить к первоначальной весомости новости «дополнительный вес». Одним из таких способов является сообщение новости быстрее других, а также подача новости как эксклюзивной. Вес новости усиливается, когда она становится звеном в цепочке нескольких объединенных единым замыслом событий.

Можно также разбить новость на части, что даст большее количество упоминаний о ней в прессе. Количество информационных акций вокруг одной новости можно увеличить с помощью анонса новости – изложения новости – комментария новости – дополнительных подробностей – промежуточных итогов – окончательных итогов и т. п.

Средства массовой информации можно представить как элемент структуры управления обществом. В данном контексте они больше зависят от власти, чем от социума. С их помощью государство и другие политические субъекты могут не только информировать население о целях и ценностях своей политики, но и моделировать отношения с общественностью по вопросам формирования представительных органов власти, состава правящих элит, поддержания авторитета соответствующих общественных целей, традиций и стереотипов. Государственные органы через СМИ влияют на общественное мнение, направляют его в нужное русло.

По мнению многих исследователей, мировосприятие людей информационного общества находится под сильнейшим влиянием СМИ. Влияние СМИ носит столь глобальный характер, что от них зависит судьба государств; СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и наиболее влиятельного механизма формирования личности [3].

Роль СМИ в системе массовой коммуникации определяет их политические функции. Прежде всего, они выполняют информационную функцию, решая задачу распространения сведений и сообщений в обществе и государстве. При этом, как считают некоторые западные авторы, информация СМИ оказывает воздействие на население по трем направлениям: «дает им возможность следить за тем, что происходит в мире», «распределяет основные политические вопросы по степени важности» и «формирует политические предпочтения людей» [4].

Сигнализируя обществу о социальных и политических конфликтах, предупреждая людей о необходимости обращения к властям, СМИ выполняют функцию представительства интересов. Действуя таким образом, они зачастую в диалоге с властью подменяют и саму общественность. Кроме того, политические журналисты в значительной степени взяли на себя функции творцов политических мифов и идей, вдохновляющих граждан на политическое участие.

Выражая те или иные потребности населения и неизбежно затрагивая позиции власти, СМИ вынуждены подвергать ее критическому анализу, рассматривать с точки зрения той или иной группы граждан, имеющих зачастую собственное видение проблемы. Тем самым они выполняют функцию критики правительства и центров власти. Оперативность публикаций СМИ повышает активность центров власти. Ведь публичность высказываний, свидетельствующих о степени терпимости населения к тем или иным проблемам, требует уточнения или корректировки их деятельности. В ряде случаев скоординированные действия СМИ могут поставить власть перед судом общественного мнения, сформировать атмосферу нетерпимости к тому или иному режиму. Имея столь мощного оппонента, государство стремится так решать задачи согласования интересов, чтобы оперативно и конструктивно реагировать на мнение общественности.

Примечания

- 1. Mcnair B. An introduction to Political Communication. L; N. Y., 1995. p. 3 // Цит. по: Соловьев, с. 90.
- 2. Timothi E. Cook. The Future of the Institutional Media. 2001 // Цит. по: Соловьев, с. 73.
- 3. Павлова Е. Д. Средства массовой информации инструмент скрытого воздействия на сознание. М.: Наука, 2007. С. 74
 - 4. On Message. Communicating the campaign / P. Norris, J.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И РОЛЬ ДИРЕКТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, способствуют формированию комплексной системы экологического регулирования как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств и регионов. Накопленный опыт в регулировании состояния окружающей природной среды дает возможность увидеть результаты совместных действий, а также нерешенные проблемы и перспективные направления в социально-экологической сфере.

Система экологического регулирования начала формироваться с середины XX в. Именно в этот период большинство стран мира осознало необходимость принятия мер для решения экологических проблем глобального масштаба. Первоначально деятельность созданных в структуре ООН различных межправительственных групп и проводимых ими конференций была направлена на решение отдельных природоохранных вопросов. Эти меры хотя и давали результаты, но в то же время показали необходимость перехода к использованию комплексных мер в природоохранной сфере.

Основы комплексной системы экологического регулирования на международном уровне были заложены решениями Стокгольмской конференции 1972 г. Впервые внимание мирового сообщества было обращено на необходимость экономического развития с учетом охраны природной среды, создания глобальной системы наблюдений за ее изменениями. Решения конференции носили рекомендательный характер для государств, но большинство сочли необходимым строить свои планы на будущее с учетом основных положений, указанных в декларации. Практическим результатом стало создание в структуре ООН специального департамента - Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Совместно с Международным союзом охраны природы (МСОП) и Всемирным фондом охраны дикой природы (WWF) была разработана Всемирная стратегия охраны природы (ВСОП). Этот документ был обсужден на конференции МСОП в Ашхабаде в 1979 г. Вторая редакция ВСОП получила название «Забота о Планете Земля – стратегия устойчивой жизни» (1981 г.). В ней говорилось о необходимости обеспечения устойчивого (неистощительного) использования возобновляемых ресурсов.

В 1980 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений», а в 1982 г. была принята Всемирная хартия природы, в которой содержались основные принципы взаимоотношений человечества с окружающей природной средой. Международная комиссия по окружающей среде и развитию в 1987 г. опубликовала доклад «Наше общее будущее», в котором предлагалось разработать новую модель развития цивилизации. Под идеей «устойчивого развития» понималась модель движения вперед, при котором достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего и будущего поколений.

Подведение итогов двадцатилетнего периода совершенствования международного сотрудничества в решении природоохранных проблем на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. показало эволюцию представлений мирового сообщества по обсуждаемым вопросам. Среди наиболее актуальных проблем были названы: климатические изменения, сокращение лесов, деградация почв, накопление промышленных отходов и др. В Декларации «Повестка дня на XXI век» были заложены принципы решения экологических проблем. Среди них: принцип сотрудничества государств с целью сохранения и защиты природы; принцип предотвращения ущерба окружающей среде; принцип ответственности, предполагающий участие всех стран в ликвидации причиненного ущерба природной среде; принцип открытости, означающий прозрачность проводимой политики и участие в ней общественности и др. Каждой стране рекомендовалось разработать национальную устойчивого развития основе на социальноэкономических и экологических планов.

Следующим шагом в создании комплексной системы экологического регулирования стали решения Всемирного саммита в Йоханнесбурге в 2002 г. Его участниками были достигнуты договоренности по решению проблем водоснабжения, энергетики, здравоохранения, сельского хозяйства и биоразнообразия. Был сделан вывод, что для достижения глобального устойчивого раз-

вития необходимы коренные изменения в сложившемся порядке производства и потребления. В «Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию» содержалось более 50 пунктов, конкретизирующих достижение поставленных задач.

Несмотря на то, что возможности глобального регулирования ограничены, так как международные соглашения носят в основном рекомендательный характер, тем не менее, за прошедший период произошли качественные изменения в формировании государственных природоохранных структур, экологических стратегий государств и механизме их осуществления.

Интересно то, что первые законодательные акты об охране окружающей среды в ряде стран принимались до создания специализированных государственных структур. В Японии закон об охране окружающей среды был принят в 1967 г., в США - в 1969 г. Для их реализации создавались государственные природоохранные учреждения. К концу 1970-х гг. они действовали более чем в 50 странах мира, а в современный период - более чем в 100 странах. В 1980-е гг. в большинстве стран были приняты законы об охране качества воды, атмосферы, исчезающих видов животных и растений, о контроле за опасными отходами производства. Особенностью являлось то, что в большинстве стран законы принимались под давлением общественного экологического движения. Интересен тот факт, что в 2000-е гг. в некоторых странах функция реализации экологической политики была передана из специализированных ведомств по охране окружающей среды на уровень отраслевых министерств. Эта мера считается более эффективной, так как ответственность несет каждое министерство, осуществляющее хозяйственную деятельность.

В истории создания российских природоохранных структур наблюдался иной процесс. В 1920–1940-е гг. правительством было принято свыше 200 законов и распоряжений природоохранного содержания [1, с. 4–12]. Были созданы Госкомитет по охране памятников природы, Комитет по заповедникам. В 1935 г. состоялся Первый Всесоюзный съезд по охране природы [2]. Принимаемые меры были направлены на решение отдельных проблем, декларировался принцип рационального природопользования. Принятие 1960 г. Закона «Об охране природы в РСФСР» [3] свидетельствует об опережающем внимании к проблемам экологии

советского правительства в сравнении с другими странами. В 1970–1980-е гг. в СССР разрабатывались природоохранные меры уже с учетом международных соглашений [4]. Но природоохранные функции выполняли отраслевые министерства и, как свидетельствую результаты, неэффективно.

Специализированные государственные структуры в области охраны окружающей среды были созданы под влиянием общественно-политических изменений в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: Государственный комитет СССР по охране природы, Министерство РФ по охране окружающей природной среды (Минприроды, затем Минэкологии). Именно в этот период контроль в сфере природоохранных мер давал наиболее заметные результаты. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.), в «Экологической доктрине России» (2002 г.) [5] и других документах были учтены рекомендации международных экологических форумов. Но как показала практика начала XXI в., социально-экологические вопросы не стали доминирующими над экономическими интересами. Свидетельством этого является передача природоохранных функций Министерству природных ресурсов Российской Федерации, в ведении которого сосредоточились задачи по их использованию и контролю. В условиях начального этапа формирования рыночной экономики экологические цели противостояли интересам производства, стремящегося к максимальному получению прибыли и ценностям общества потребления. В экологическом законодательстве начала 2000х гг. был недостаточно проработан механизм контроля за деятельностью предпринимателей и их экономической заинтересованности. Экономическое развитие по-прежнему осуществлялось за счет неограниченного использования природных ресурсов.

В то же время опыт зарубежных стран свидетельствует о возможности соединения интересов государства и бизнеса в условиях рыночной экономики. Рекомендации международных конференций нашли выражение в принятии экологических программ, в том числе в Австралии (1992 г.), Великобритании (1994 г.), США (1996 г.). Европейский союз принял «Стратегию на пути к устойчивости» в рамках своей пятой экологической программы. Каждая из них различалась по направлениям. Среди приоритетных перечислялись: экологическая эффективность бизнеса, устойчивое сельское хозяйство, создание «чистой» энергетики, транспорта.

Среди государств, добившихся заметных результатов, следует назвать Нидерланды, где уже в 1992 г. был разработан «План действий – устойчивые Нидерланды» и приоритетной была выделена задача снижения энергопотребления. Это привело к переориентации с тяжелой промышленности на специализацию по экологически чистым информационным технологиям. Каждые четыре года в программу вносятся изменения. Разработанная в последний период стратегия «системных инноваций» предусматривает изменения в технологической, социальной, управленческой и других сферах.

Механизм осуществления экологической политики в европейских государствах, несмотря на введение общих норм, имеет различия. В Германии существует разветвленная институциональная система, применяются преимущественно директивные методы экополитики с жесткими ограничениями в природопользовании. Неслучайно именно Германия являлась главным инициатором принятия жестких мер контроля за изменениями климата.

Важным направлением решения экологических проблем считается проблема снижения объемов использования природных ресурсов и переработка отходов. В Великобритании внедрение Программы действий по отходам и ресурсам в 2000 г. позволило компаниям увеличить продажу продукции, полученной из переработанных отходов. В Японии в 2003 г. был принят план создания экономики замкнутого цикла, реализация которого рассчитана на 10 лет. Это направление стало основой для появления новых экологичных производств.

Таким образом, на основе директивных инструментов осуществлялось формирование комплексной системы экологического регулирования в индустриально развитых странах. Во второй половине 1990-х гг. это выражалось в интегрировании экологии в экономику, а с начала XXI в. природоохранные вопросы вышли за рамки отдельных отраслей и стран, превратившись в часть международной стратегии. Начала формироваться новая модель развития – «экологически ориентированного роста», т. е. экология не просто учитывалась при разработке экономической политики, а выходила на первый план в глобальных отношениях. Это направление было подтверждено на встрече Специальной рабочей группы по реализации Программы действий в области охраны окружающей среды в 2008 г. В решениях говорилось об эколо-

гически ориентированном росте как об основном направлении развития мировой экономики, предполагающем уход от ресурсоемкого производства. Считается, что «бизнес на экологии» может стать основой новой технологической «зеленой» революции [6].

Литература

- 1. Охрана природы: сб. законодательных актов. М., 1961. С. 4-12.
- 2. Труды Первого Всесоюзного съезда по охране природы в СССР. М., 1935. 346 с.
- 3. Об охране природы в РСФСР : закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Охрана природы: сб. законодательных актов. М., 1961. С. 152–161.
- 4. Сборник нормативных актов по экологическому праву Российской Федерации. М., 1995; Экологическое законодательство Российской Федерации: сб. законов. М.; СПб, 1998.
- 5. Экологическое право России: сб. нормативных правовых актов и док. М., 1997. С. 189–196; Сборник законов РФ. М., 2002. №36. Ст. 3510.
- 6. Медовников Д. Ничего лишнего. [Электронный ресурс] // Эксперт. 2008. 7 июля. Режим доступа: http://www.expert.ru (дата обращения: 04. 10. 2008).

СОКОЛОВ А.В. КИРИЛЛОВА Е.В.

ПРОТЕСТНАЯ КАМПАНИЯ «ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ!»*

4 декабря 2011 г. в России прошли выборы в Государственную Думу. В режиме онлайн наблюдатели могли следить за ходом голосования. Многие из них впоследствии разместили в Интернете материалы, демонстрирующие, по их мнению, доказательства нарушений, махинаций и фальсификаций (видео, аудио, фото). После объявления результатов выборов по всей стране были организованы протестные акции не согласных с результатами выборов.

Участники акций заявили, что выборы сопровождались нарушениями законодательства и массовыми фальсификациями. Один из основных лозунгов большинства акций - «За честные выборы!». Кроме того, митингующие также требовали отставки председателя Центральной избирательной комиссии Владимира Чурова и отмены итогов выборов в Госдуму. Акции в Москве и Санкт-Петербурге начались вечером 4 декабря 2011 г. Всего в Мо-

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта № 6.7594.2013.

скве прошло около 10 акций «За честные выборы!», аналогичные митинги состоялись во всех регионах России (см. табл.).

Таблица

Дата	Митинг
05.12.2011	г. Москва, Чистые Пруды (около 8 тыс. человек)
10.12.2011	г. Москва, Болотная площадь (от 20 до 150 тыс. человек)
24.12.2011	г. Москва, пр-т Сахарова (от 2 до 120 тыс. человек)
29.01.2012	г. Москва, Автопробег по Садовому кольцу «За честные
	выборы!» (от 300 до 3500 участников)
04.02.2012	г. Москва, Болотная площадь (от 38 до 120 тыс. человек)
05.03.2012	г. Москва, Пушкинская площадь (от 14 до 25 тыс. человек)
10.03.2012	г. Москва, Новый Арбат (от 10 до 25 тыс. человек)
06.05.2012	г. Москва, «Марш миллионов» (от 8 до 20 тыс. человек)
13.05.2012	г. Москва, «Контрольная прогулка писателей» (от 2 до
	10 тыс. человек)

Субъектами проекта «За честные выборы!» стали разные группы активистов и участников. Их можно условно разделить на несколько масштабных подгрупп:

- 1. Оргкомитет митингов «За честные выборы!»: О. Романова, С. Пархоменко, Б. Немцов, Г. Чхартишвили, Л. Парфенов, В. Рыжков, Д. Быков, Е. Лукьянова, А. Удальцова.
- 2. Известные политики: А. Кудрин, С. Удальцов, А. Навальный, М. Горбачев, И. Яшин, Г. Явлинский, М. Прохоров, М. Касьянов, Г. Каспаров. Стоит отметить отказ активистов и оппозиционных политиков от узкой партийной логики в пользу модели социальных движений.
- 3. Публичные персоны: Ю. Шевчук, Т. Лазарева, М. Шац, Е. Чирикова, Р. Агдамов, Б. Рынска, К. Собчак. На митингах «За честные выборы!» произошла публичная политизация лидеров мнений из разных сфер, которые обычно не говорили о политике, но на митингах начали активно и личностно комментировать политические новости.
- 4. Объединения активистов: «Гражданское движение России», «Лига избирателей», «Гражданская курия», «Белая лента», «Сопротивление», «Гражданин наблюдатель», «Левый фронт».
- 5. Участники митингов. ВЦИОМ и «Левада-центр» провели опросы участников митингов, на основе которых можно составить психологический портрет демонстрантов. По данным социологов, на митингах было больше мужчин (ВЦИОМ 71 %,

Левада – 65 %), нежели женщин. Возраст большинства митингующих – до 40 лет, более половины протестующих имеет высшее образование (ВЦИОМ – 56 %, Левада – 62 %) [1]. Больше всего на площадях были представлены «специалисты», относящие себя не только к демократам, но и к либералам. Кроме того, 60 % демонстрантов регулярно пользуются Интернетом и намереваются принимать участие в протестных акциях и впредь.

С появлением нового типа протестов, аккумулирующихся в Интернете и переходящих в уличные митинги, можно говорить о возникновении нового типа лидеров. Личности, которые организовали и активизировали протест, – это неформальные авторитеты, харизматичные ораторы и люди, обладающие высокой популярностью среди интернет-пользователей. Примечательно, что профессиональные политики составляли меньшинство среди ораторов и организаторов митингов. Большая часть оргкомитета и активистов – это популярные артисты, блогеры, писатели и телеведущие.

В связи с определением нового типа лидеров на митингах «За честные выборы!», можно проследить изменение количества упоминаний в СМИ некоторых из них. После появления на российской политической арене А. Навального его стали часто упоминать в средствах массовой информации. В среднем в месяц выходило около 1500 публикаций (здесь и далее приводятся данные по результатам анализа базы материалов СМИ «Интегрум»). В декабре 2011 г., когда начались митинги «За честные выборы!», количество упоминаний о Навальном в СМИ возросло в шесть раз. К. Собчак, популярная телеведущая, в среднем за месяц упоминалась в СМИ в 1000 публикаций. После того, как она стала участником митингов «За честные выборы!», выступать со сцены и публично поддерживать акции гражданского протеста, количество упоминаний ее в СМИ возросло до 3 тыс. (в три раза).

В российских и зарубежных СМИ тема митингов «За честные выборы!» освещалась только в месяцы проведения таких мероприятий. До начала этих протестных кампаний сочетание слов «митинг за честные выборы» встречалось в СМИ 849 раз. В декабре 2011 г. с упоминанием о митингах в СМИ вышло 13 960 публикаций, в январе 2012 г. – 8601, в феврале 2012 г. – 15 427. В марте интенсивность упоминаний митингов в средствах массовой информации значительно снизилась до 10 263, а в апреле вышло всего 2733 публикаций.

15 декабря 2011 г. в ходе своей «прямой линии» председатель Правительства РФ В. Путин заявил о возвращении к выборам глав субъектов Федерации уже в 2012 г. 2 мая 2012 г. Президент России Д. Медведев подписал федеральные законы о возвращении прямых выборов губернаторов российских регионов и об освобождении партий от сбора подписей. 23 декабря Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека выразил недоверие главе Центральной избирательной комиссии В. Чурову и предложил ему уйти в отставку. Однако никаких кадровых решений за этим не последовало. 27 декабря В. Сурков по указу президента был освобожден от должности первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ и назначен на должность вице-премьера правительства по модернизации.

Все эти решения не удовлетворили главного требования демонстрантов – отмена итогов выборов и проведение новых. Хотя стоит признать, что за долгим и неуклонным игнорированием протестов последовала реакция.

Важной инициативой власти стало принятие закона «О митингах». Документ предусматривает многократное увеличение штрафов за проведение несанкционированных акций оппозиции и за поведение граждан на разрешенных митингах, пикетах и шествиях. После однозначно негативной реакции общества на этот законопроект депутаты «Единой России» внесли в него поправки, согласно которым за мелкие нарушения штраф для частных лиц, принимающих участие в митингах, составит от 10 до 20 тыс. руб. Кроме того, штрафоваться (до 300 тыс. руб.) будут и те, кто совершал «предварительную агитацию или призывы к одновременному массовому пребыванию». Причем отдельно прописывается, что предварительной агитацией будет признаваться сообщение, в том числе в Интернете, о месте, целях и подготовке такого массового скопления [2]. По данным ВЦИОМ, почти половина россиян (47 % опрошенных) не поддерживают резкое повышение штрафов за нарушение условий проведения митинга. 37 % респондентов «скорее поддерживают» эту норму, а еще 16 % затруднились ответить [3].

Митинги «За честные выборы!» стали ярким индикатором протестных настроений в обществе. События 2011-2012 гг. в Москве показали, что граждане могут мирно выходить на улицы со

своими требованиями. При этом ключевую роль в организации таких протестов играет Интернет.

Литература

- 1. Синельников М. Кипит их разум возмущенный [Электронный ресурс] // http://www.pravda.ru/politics/parties/other/02-03-2012/1110027-0 (дата обращения: 09.05,2012).
- 2. Бирюкова Л. Распространителям информации о митингах в соцсетях грозят штрафы [Электронный ресурс]. URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=31996:2012-05-31-10-57-04&catid=2:2011-12-26-10-24-39&Itemid=26; (дата обращения: 09.05.2012).
- 3. Половине россиян не понравился новый закон о митингах [Электронный ресурс]. URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/05/31/society/562949983998552 (дата обращения: 09.05.2012).

ФАРТЫШЕВ А. Н.

ОТРАСЛЕВОЙ СОСТАВ ПРОИЗВОДСТВ, НИВЕЛИРУЮЩИХ УЛЬТРАКОНТИНЕНТАЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ

Территория Сибири – одна их тех территорий, которая наименее подвержена влиянию мировых экономических процессов ввиду удаленности ее от центров мирового рынка. Под этим мы понимаем ее удаленность от морей, так как море является наиболее дешевым способом перевозки товаров между странами, а на прибрежных территориях живет наибольшая доля населения мира. Это означает, что прибрежные регионы – самый большой в мире рынок товаров, где существенную роль играет даже не производство товаров, а их потребление.

Сибирь же – одна из немногих, хотя и не единственная, ультраконтинентальная территория мира, где производство товаров прежде, чем выйти на мировой рынок, преодолевает огромные расстояния по суше и становится неконкурентоспособной из-за дорогих сухопутных перевозок (железная дорога, автомобильный транспорт). Учеными Института географии им. В. Б. Сочавы был подтвержден закон, выведенный еще в конце XIX в. А. Мэхэном, о том, что любые сухопутные перевозки дороже морских в 5 раз, независимо от уровня развития технического прогресса [2]. Тем не менее, в советские годы мы могли наблюдать невероятный эксперимент по освоению и промышленному развитию внутренних территорий Сибири, где была создана мощная производст-

венная база посредством государственного управления экономикой. В 1990-е гг. мы наблюдали развал этой производственной базы, причем он был совершен не просто из-за непродуманности реформ, а из-за неучета географического фактора в рыночной экономике, потому что либеральная рыночная экономика – это, прежде всего, экономика прибрежных территорий, которых в России не так уж и много. Обоснованность этого тезиса можно подтвердить ежегодными расчетами Международного валютного фонда, который отводит внутренним территориям стран роль сырьевых кладовых [4; 5]. Несмотря на это, можно отметить, что не все предприятия обанкротились, и существуют сферы, которые смогли успешно перестроиться на рыночные рельсы. Особенно стоит выделить следующие сферы:

В первую очередь, ресурсодобывающие предприятия, в силу того, что их на территории Сибири просто много и это является предметом мировой специализации нашей страны. Ресурс, будь то лес, нефть, уголь или любой другой, имеет свойство истощаться, а значит, если где-то в мире истощен запас месторождения, то в другом регионе ценность его повысилась. Ресурсу неважно, где находится ближайший морской порт, он ценен сам по себе.

В ряде крупнейших городов сложились центры военнотехнической промышленности, которая успешно функционирует при нынешней экономической формации, невзирая на ультраконтинентальность мест производства. Здесь есть два момента такого парадокса.

Первым моментом видится то, что военно-промышленный комплекс не был приватизирован в 90-е гг. и не является элементом той рыночной структуры, которая строится поныне в большинстве остальных областей. Хотя система заказов и имеет элементы конкуренции, однако она не свободная, а осуществляется через госкорпорацию «Рособоронэкспорт». Однако налицо факт, что нарушение свободной конкуренции позволило сохранить мировую специализацию России (хотя и с существенными оговорками) на военной технике, хотя надо признать и сохранившуюся роль в этой конкуренции идеологического противостояния со времен холодной войны. Так, например, правительство Индии неоднократно заявляло о своей позиции равного удаления от крупных держав, закупая вооружение как у США, так и у России. Здесь вмешивается идеологический фактор влияния на

конкуренцию, сформированный «Кодексом неприсоединения» еще при объявлении независимости Индии в 1948–1949 гг. Джавахарлалом Неру [7].

Вторым моментом является то, что в военном производстве играет роль не столько сам продукт, сколько его технология. Неважно, какой путь преодолеет технология сквозь экономическое пространство, ценность ее существенно не сможет повлиять на цену. Наиболее ярко эта особенность иллюстрируется на примере продуктов непроизводственной сферы экономики, имеющих свой физический образ, который производится в той же стране, где и их непосредственный ценностный компонент. Цены регулируются уже не столько географическими особенностями стран, сколько основными рыночными законами «спрос – цена – предложение» по месту потребления.

Как составляющая часть ВПК, но все же отдельная отрасль, функционирует авиационная промышленность. Причем сохранились именно сборочные цеха, а радиозаводы, электротехнические и приборостроительные заводы не выдержали новых условий существования [1]. Объяснение этому довольно простое: в каком бы регионе не находился сборочный цех авиазавода, готовая продукция доставляется не по морю или суше, а всегда добирается «своим ходом», т. е. авиационным способом, таким образом, фактор географической удаленности от морей из-за этой особенности нивелируется.

Еще одной сферой, нивелирующей географическую удаленность территорий от морей, является инновационная сфера, которая пока в Сибири развита слабо. Объяснение мы уже привели на примере ВПК – что играет роль не столько сам продукт, сколько его технология. Показателен пример с таиландскими заводами микроподшипников корпорации Minebea, которые используются в качестве основного компонента жестких дисков компьютеров (HDD). Только пять заводов, принадлежащих одной компании, которая располагала свои заводы на территории Таиланда, производят микроподшипники, которые используют абсолютно все производители жестких накопителей памяти. Эти подшипники обладают ценностью благодаря уникальному методу их изготовления, поэтому лишь одна компания, не нарушая законов конкуренции, добилась мировой монополии их производства. В данном случае опять-таки играет роль не сам продукт,

а его технология. Сам же продукт имеет слишком малые габариты, чтобы стоимость его перевозки смогла существенно повлиять на его цену. Так как технология известна лишь одной компании, никакие ближайшие конкуренты не могут занять место Minebea на этом рынке. Причем то, что на подшипники существует естественная монополия, выяснилось лишь после наводнения, случившегося в Таиланде в 2011 г., затопившем все 5 заводов [8].

Цветная металлургия, для которой большое значение имеют не столько перевозки, сколько энергетические ресурсы, которыми как раз преимущественно обладают внутриконтинентальные территории, по которым протекают полноводные реки.

Необходимо упомянуть и **пищевую промышленность**, производящую скоропортящиеся продукты, центры которой приближены к местам потребления, т. е. к крупным городам Сибири.

Эти особенности позволяют понять, что географическая удаленность от морей играет очень большую роль и недоучет ее может фатально влиять на макроэкономику. Стоит заметить, что Сибирь не единственная ультраконтинентальная периферийная территория. Если взять макрорегионы, находящиеся вглуби континентов, можно насчитать как минимум еще десяток государств с похожей экономико-политической ситуацией, где есть две составляющие: более развитый центр, находящийся в прибрежной полосе, аккумулирующий экономическую жизнь, и отстающая внутриконтинентальная территория. Под эти характеристики подходят: Патагония и верховья р. Амазонки в Южной Америке, север Канады и Аляска в Северной Америке, пустынные внутриконтинентальные просторы Сахары и Австралии. В какой-то мере даже Гренландия как анклав Дании подходит под эту характеристику. Но, глядя на карту мира, первое, что бросается в глаза, это Китай с его мощной прибрежной полосой, производящей для всего мира товары, и, напротив, его западные провинции, которые так же как и Сибирь, страдают от географической ультраконтинентальности.

По словам председателя Синьцзян-Уйгурского автономного района (самой западной провинции Китая) Нура Бейкли, за 2012 г. рост промышленности в Синьцзяне составил 12,5 %, что на 2,5 % выше среднего уровня. Он особенно отметил, что преимущественно ненефтяная промышленность, такая как электроэнергетическая, угольная, цветная металлургия, достигла роста в

21,4 %, что на 8,9 % выше среднего уровня промышленного роста СУАР [3]. Притом что доля нефтяной промышленности в 2000-е гт. держалась на уровне 60-70 %. Только в 2012 г. доля ненефтяной промышленности в Синьцзяне впервые превысила 50 % и достигла 51,86 % [6]. По этому набору отраслей мы можем заметить, что они практически совпадают с основными отраслями промышленности, развиваемыми в Сибирском федеральном округе России. Так, ведущие места в структуре промышленного производства в СФО занимают как раз цветная металлургия (27,5 %), электроэнергетика (14,0 %), топливная промышленность, в том числе угольная (12,1 %), а также машиностроение и металлообработка (11,3 %). По остальным континентальным макрорегионам картина будет похожая, лишь с большей долей сельскохозяйственного сектора ввиду отсталости остальных сфер экономики.

В итоге мы можем заключить, что роль сырьевого придатка для Сибири отведена самой географией в сочетании с рыночной экономикой, а вовсе не российской политической и экономической элитой. Однако географическая предопределенность вовсе не является фатальной, и государство прежде всего должно стремиться к нивелированию неблагоприятных географических факторов для хозяйствования, чтобы получить экономический эффект не только от освоения ресурсной базы Сибири, но и от экономического потенциала региона. Причем именно на государство ложится основная ответственность за освоение территории, так как акторы мировой экономической системы стимулов к развитию экономики внутриконтинтальных территорий не имеют.

Литература

- 1. Амосенок Э. П. Оборонный комплекс Сибири / Э. П. Амосенок, В. А. Бажанов // Долговременные принципы развития экономики Сибири / под ред. А. Г. Гранберга, В. В. Кулешова. Новосибирск : Изд-во ИЭиПП СО РАН, 1996
- 2. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков ; отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Рос. акад. наук, Сиб. Отд-ние, Ин-т географии. Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2008.
- 3. Ван Лолинь. Политика освоение западных регионов КНР / Ван Лолинь, Вэй Хоукай [Электронный ресурс] // Территориальное управление: государственное, региональное, муниципальное : сайт журн. Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/ 9_5_03. htm (13. 03. 2013)
- 4. Мельникова Л. В. Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа // ЭКО. 2004. № 6.
- 5. Мельникова Л. В. России от Всемирного банка: старый рецепт на новом бланке//ЭКО. 2012. № 1. С. 96–115.

- 6. Развитие экономики Синьцзяна предоставляет разнообразные возможности для бизнеса [Электронный ресурс] // Китай Синьцзян : сайт. Режим доступа: http://ru.chinaxinjiang. cn/01/01/201302/t20130216_362206. htm (13.03.2013)]
- 7. Тузмухаммедов Р. Движение неприсоединения и международное право/Р. Тузмухаммедов М: Наука, 1989
- 8. Minebea обещает "выплыть" из "мокрых проблем" в Таиланде [Электронный ресурс] // Сайт офиц. дистрибьютора подшипников NTN-SNR Routments. Режим доступа: http://www.snr.com.ru/news/industry_news_Minebea_ obewaet_vyplyt_iz_mokryh_problem_v_tailande_06112011. htm (19. 03. 2013)

ФАТИХОВ Р. Ф.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОПЫТ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Проблема создания условий для становления и последующего развития государства не в первый раз назревает перед общественностью. Можно предположить, что этот вопрос вновь и вновь возникает в особо важные, исторические периоды государства (смена политических и общественно-экономических формаций и т. д.). В этой связи от правильно выбранной государственной политики во многом зависит вектор его дальнейшего развития. Сегодня, как никогда ранее, Россия нуждается в развитии институтов правового государства – это становлении гражданского общества с развитыми политическими правами и свободами, формировании эффективных, свободных от коррупции, институтов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Необходимо определить специфику деятельности институтов гражданского общества и правового государства в современных условиях на примере субъектов Российской Федерации. Декларирование в Конституции РФ верховенства закона, в силу многих факторов, сменяется коррупционной и бюрократической составляющей современного чиновнического аппарата. В этой связи актуальным для экспертов становится политико-правовой аспект вопроса создания условий для эффективного практического развития субъектов правового государства в современной России.

Интересным для исследования освещенных аспектов представляются субъекты Российской Федерации, образующие Сибирский федеральный округ. Включая в свой состав 4 республи-

ки (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), 3 края (Алтайский, Забайкальский, Красноярский) и 5 областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская), данный федеральный округ составляет треть всей территории России и консолидирует более 20 млн человек, а это различные культуры, традиции, ментальность и, конечно же, уникальное гражданское общество.

Говоря о концепциях правового государства в современных условиях, следует отметить, что выработка принципов правового государства началась еще на этапе становления политической науки. На этот процесс активно влияло развитие общества и становление демократического государства. Об укреплении статуса правового государства начали говорить еще софисты и риторы [1, с. 46]. В это время государство стало восприниматься как «общественный договор», а деятельность таких древнегреческих философов, как Платон и Аристотель, значительно укрепила фундаментальные идеи правового государства. Так, Платон в «Законах» писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-то властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства...» [2, с. 69].

Упадок демократической Греции и развитие княжеской власти в Средневековье сменили идею правового государства идеей «божественного закона». Приостановив становление и развитие субъектов правового государства, средневековая теологическая философия стала оплотом формирования предпосылок правосознания, предания главенствующей роли «божественному закону».

В своих работах Дж. Локк продолжает развитие идеи формирования правового государства. Принцип разделения властей, ограничивающий произвол государственной власти – это конструктивное предложение того времени для создания политических условий формирования правового государства. При этом государственной власти отводится главная роль в защите индивидуальных прав и свобод личности. Всестороннее развитие европейских государств в XVI–XVIII вв., укрепление монархических форм правления сопровождались активным развитием гражданского общества, а именно его стремлением к равенству прав и свобод (Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Вольтер).

Очередной этап в развитии правового государства необходимо соотнести со второй половиной XIX в., когда идея правового

государства составляла концепцию формирующегося либерализма (А. Смит, А. де Токвиль, Т. Грин) с присущим ей равенством всех перед законом, верховенством права и свобод личности, конституционным ограничением политической власти, разделением властей, отстранением государства от частной собственности, развитием конкуренции и снижением уровня коррущии. Необходимость строительства правового государства особо остро стала назревать и в самобытной России.

В трудах соотечественников Б. Чичерина, П. Новгородцева, В. Соловьева, Н. Ковалевского и других право рассматривалось как общечеловеческая ценность, на основе которой возможно создание действенного социального идеала [3, с. 336].

Необходимо отметить, что общим в суждениях как европейских, так и российских ученых является то, что государство рассматривается не как исключительная форма общности, а как соподчиненная множеству других форм организаций гражданского общества. При данном подходе государство является составным звеном, в функцию которого входит создание условий для эффективного функционирования остальных звеньев и всей системы в целом.

Говоря о советском периоде в отечественной истории, необходимо отметить появление такого понятия, как «социалистическое правовое государство». Идея правового государства в условиях социалистического государства как минимум неоднозначна и требует отдельного исследования. Но фактическое проявление отличительных характеристик последнего можно выделить в период «перестройки», когда были заложены предпосылки для многопартийности, развития различных форм собственности, признания некоторых прав и свобод человека и гражданина.

Возвращаясь к концепции правового государства в современной российской литературе, необходимо отметить научные исследования в этой области таких отечественных ученых, как Ю. И. Шелистов («Становление правового государства в Российской Федерации»), А. А. Плотников («Гражданское общество и правовое государство»), Ю. И. Левитина («Правовое государство и гражданское общество в концепциях российских либералов»), К. Т. Казарян, Ж. Б. Цапко, И. Ю. Антонов, В. А. Увачев и др. Особое внимание представляют работы доктора юридических наук Ф. М. Раянова, такие как «Проблемы теории государства и

права», «Правовое государство - судьба России», «Правовое государство и современный мир».

На процесс становления и развития институтов гражданского общества в Сибири оказывает стимулирующее воздействие развитие сектора некоммерческих организаций. Конституция и нормативно-правовая база РФ предусматривают возможность такой реализации в форме общественных или религиозных организаций (объединений), общин коренных малочисленных народов Российской Федерации, некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов. Так, по итогам 2010 г. было зарегистрировано более 24 тыс. некоммерческих организаций, в том числе: региональных отделений политических партий - 83; иных общественных объединений – 12 744; религиозных организаций – 2160; иных некоммерческих организаций - 9220 [4]. Наиболее распространенными организационно-правовыми формами общественных объединений являются: общественные организации (54 % от общего числа общественных объединений), профсоюзы (33 %) и общественные фонды (6 %), общественные движения (1,3 %), национальнокультурные автономии (1,1 %) и общественные учреждения (0,7%). Среди прочих необходимо отметить некоммерческие партнерства (2225 организаций), различные фонды (1864, из них благотворительные - более 700), частные учреждения (1751), автономные некоммерческие организации (1676). Увеличивается число зарегистрированных общин коренных малочисленных народов Севера. Такая палитра проявления гражданской активности подтверждает фактическое становление институтов гражданского общества и правового государства. Очень важно соблюдать и предоставлять возможность проявлению различных гражданских позиций; именно в гражданском обществе могут присутствовать взаимно исключающие идеи, именно гражданское общество является тем «ситом», через которое происходит «отбор» и формирование приоритетов дальнейшего развития. При этом то, какие интересы будут приняты в обществе в качестве определяющих его дальнейшее развитие, решается в конкурентной борьбе, а не волевым решением государства. Государство в свою очередь должно создать и поддерживать равные условия для проявления, развития и становления таких идей. Такая модель

построения правового государства отличается своей естественностью, реализацией максимальной свободы и прав человека и гражданина. К сожалению, в современном российском обществе наблюдается государственное вмешательство в так необходимые независимые общественные институты. А государственная политика, проводимая в области усиления контроля над последними, ставит под угрозу независимость общественных объединений и политических партий. Развитие политической системы России последних лет позволяет сделать вывод, что только институты, сумевшие установить диалог с государством, могут в полной степени рассчитывать на среднесрочную перспективу существования.

Полезным является активная работа общественных организаций и объединений в части проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных документов, принимаемых органами исполнительной власти субъектов Сибирского федерального округа. Такая общефедеральная практика позволяет привлечь к эффективному конструктивному диалогу гражданское общество и власти.

Таким образом, в целях формирования правового государства необходимо создавать условия для развития институтов гражданского общества, в котором все равны перед законом. И начинать этот процесс нужно, перенимая положительные достижения и учитывая опыт каждого субъекта Федерации. Особую роль в этом процессе играют общественные объединения граждан, которые способствуют укреплению общественного мнения о верховенстве права и закона в обществе. Именно то общество, в котором будут обеспечены равные права и свободы для всех его субъектов, можно будет рассматривать как гражданское, а устройство государства – как правовое.

Литература

- 1. Разумович Н. Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции. М., 1989. 240 с.
 - 2. История политических и правовых учений. М.: Юрид. лит., 1991. 528 с.
- 3. Графский В. Ф. Политические и правовые учения в России второй половины XIX первой половине XX в. История политический и правовых учений. М., 1996. 474 с.
- 4. Официальный сайт Сибирского федерального округа [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibfo.ru/society/report-civil-society-2010.php (дата обращения: 15.05.13).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Евгений Юрьевич – инженер лаборатории социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: alv1982@bk.ru

Арзуманов Игорь Ашотович – д-р культурол. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: arzumanov@mail.ru

Артамонова Надежда Яковлевна – д-р ист. наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), e-mail: lazar1918@yandex.ru

Атутова Жанна Владимировна - канд. геогр. наук, старший научный сотрудник лаборатории геоморфологии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: atutova@mail.ru

Афанасова Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент Байкальский государственный университет (филиал в г. Усть-Илимске), e-mail: lebeden81@mai.ru

Баранов Андрей Владимирович - д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар), e-mail: baranovandrew@mail.ru

Бирюков Игорь Леонидович - член Общественного совета, священник Спасо-Преображенского прихода (г. Усолье-Сибирское), e-mail: birukoff26@gmail.com

Бойко Наталья Викторовна – соискатель, старший лаборант кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

Болонкина Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), e-mail: larisab77.77@mail.ru

Буханцов Владимир Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Бушев Александр Борисович – д-р филол. наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (филиал в г. Твери), e-mail: alex.bouchev@list.ru

Волосов Евгений Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (филиал в г. Усть-Илимске), e-mail: volosov@rambler.ru

Вольтер Ольга Владимировна – д**-**р полит. наук (г. Армавир), e-mail: Volter17@list.ru

Гомбоев Александр Олегович - аспирант, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), e-mail: alexandergomboev@mail.ru

Гудеева Наталья Михайловна – аспирант кафедры всеобщей истории, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ), e-mail: nata2sha5@mail.ru

Дамбаев Лаврентий Владимирович - соискатель кафедры всеобщей истории, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ), e-mail: dambaev1967@mail.ru

Дамешек Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: rus@hist.isu.ru

Дец Игорь Андреевич - младший научный сотрудник лаборатории экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: igordets@ya.ru

Елизарова Наталья Владимировна - канд. ист. наук, редактор сектора по работе с медиаданными отдела развития, Управление информационно-коммуникационных технологий (г. Омск), email: elizarova nv@mail.ru

Ермаков Артем Валерьевич – канд. ист. наук, доцент, Иркутский государственный технический университет, Восточно-Сибирский региональный информационно-аналитический центр Российского института стратегических исследований (г. Иркутск), e-mail: konservator@rambler.ru

Жилка Екатерина Ивановна – соискатель, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (г. Киев, Украина), e-mail: kryzyna_np@mail.ru

Жуков Константин Сергеевич - канд. ист. наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных технологий, руководитель лаборатории гуманитарных и политических технологий, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: kpgt.isu@mail.ru

Злотковский Владимир Ильич - канд. социол. наук, докторант Института социально-политических исследований РАН г. Москва, начальник отдела социологических исследований Центра гуманитарных исследований и консультирования «Текущий момент» (г. Красноярск), e-mail: nn101@yandex.ru

Зуляр Юрий Анатольевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой политологии и истории, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: uazulyar@yandex.ru

Кириллова Елена Владимировна – магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), e-mail: pro-kirillova@yandex.ru

Ковальчук Вероника Геннадьевна - канд. экон. наук, соискатель Харьковского регионального института государственного управления Национальной Академии государственного управления при Президенте Украины, заместитель председателя Чугуевской районной государственной администрации Харьковской области (г. Харьков, Украина), e-mail: covveron@ukr.net

Коврижных Олеся Анатольевна - канд. филос. наук, доцент кафедры политологии факультета юридических и исторических наук, Забайкальский государственный университет (г. Чита), e-mail: olesya.kovrizhnyx@mail.ru

Колупаев Дмитрий Владимирович – д-р ист. наук, доцент, Алтайский государственный технический университет (г. Барнаул), kolupaev87@mail.ru

Комарова Мария Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: Komarina2005@mail.ru

Коротич Елена Борисовна – д-р наук по государственному управлению, кафедра государственного управления, Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (г. Харьков, Украина), e-mail: alla.kadry@yandex.ru

Кризина Наталия Павловна – д-р наук по государственному управлению, профессор, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (г. Киев, Украина), e-mail: kryzyna_np@mail.ru

Кузьмин Юрий Васильевич – д-р. ист. наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский госуниверситет экономики и права (г. Иркутск), e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Кушнарева Маргарита Дмитриевна – канд. ист. наук, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий факультета сервиса и рекламы, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: rita270880@mail.ru

Мищенко Кристина Сергеевна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: cristabaik@mail.ru

Опекунова Марина Юрьевна – научный сотрудник лаборатории геоморфологии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: atutova@mail.ru

Панин Сергей Борисович – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: psb04@mail.ru

Петренко Алла Михайловна – аспирант, Харьковский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (г. Харьков Украина), e-mail: alla.kadry@yandex.ru

Петров Алексей Викторович – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры современной отечественной истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: alexey1109@yandex.ru

Пинягин Павел Юрьевич – аспирант кафедры маркетинга и рекламы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск), e-mail: pavel88orient@mail.ru

Плюйко Дмитрий Владимирович – преподаватель кафедры истории, Технологический институт (г. Москва); аспирант кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург), e-mail: jan_boden@rambler.ru

Пономарева Елена Леонидовна - канд. ист. наук, зав. кафедрой социальных и гуманитарных дисциплин, лицей Сибирской академии права экономики и управления (г. Иркутск), e-mail: el1976@bk.ru

Попова Анастасия Викторовна - аспирант, ассистент кафедры философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: vashan16@mail.ru

Рогова Марина Владимировна – научный сотрудник лаборатории экономической географии и территориального планирования, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: rogova@irigs.irk.ru

Савчук Наталья Васильевна - д-р ист. наук, доцент кафедры общественных наук, Ангарская государственная техническая академия (г. Ангарск), e-mail: nvs2003@mail.ru

Славина Людмила Николаевна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск), e-mail: 200146@mail.ru

Соколов Александр Владимирович - канд. полит. наук, доцент кафедры социально-политических теорий факультета социально-политических наук, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (г. Ярославль), e-mail: alex8119@mail.ru

Таболенко Николай Александрович – соискатель кафедры философии и гуманитарных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения (г. Иркутск), e-mail: tabolenko@mail.ru

Трофимов Андрей Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет, (г. Екатеринбург), e-mail: 2519612@rambler.ru

Углик Игорь Григорьевич – канд. ист. наук, доцент, декан гуманитарного факультета, Институт современных знаний имени А. М. Широкова (г. Минск, Беларусь) e-mail: uglikigor@gmail.com

Урожаева Татьяна Петровна – соискатель кафедры истории России, Восточно-Сибирская государственная академия образования (г. Иркутск), e-mail: olgoy@ya.ru

Фартышев Арсений Николаевич – аспирант, инженер лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), e-mail: nuclear_greek@mail.ru

Фатихов Руслан Флюсович – аспирант кафедры политологии, Башкирский государственный университет (г. Уфа), e-mail: Fatikhov.rus@yandex.ru

Хисамутдинова Равиля Рахимяновна – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург), e-mail: hisamutdinova@inbox.ru

Хоменко Денис Юрьевич - аспирант кафедры отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, (г. Красноярск), e-mail: Khomenko_denis@mail.ru

Шадрина Ксения Николаевна – аспирант кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет; консультант отдела по работе с общественностью и СМИ администрации Шелеховского муниципального района (г. Иркутск), e-mail: knshadrina@mail.ru

Шинковой Анатолий Иванович - канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Иркутский областной краеведческий музей (г. Иркутск), e-mail: a-shinkovoj@yandex.ru

Шпикельман Радана Юрьевна – соискатель кафедры политологии и истории исторического факультета, Иркутский государственный университет (г. Иркутск), e-mail: koip@isu.ru

Шулбаев Олег Никитович – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и права, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), e-mail: Shulbaev9@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СИБИРЬ В XX-XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО

Артамонова Н. Я. Культурная миссия экспедиций НИАНКП	
в Тувинской Народной Республике	3
Атутова Ж. В., Опекунова М. Ю. Изменчивость ландшафтов	
бассейна реки Иркут в результате влияния хозяйственной	
деятельности в конце XVII - начале XX в	9
Афанасова Е. Н. Осуществление социальной защиты детства	
на территории Бурятии в 1920-х гг.	14
Болонкина Е. В. К вопросу об особенностях развития	
крестьянского ремесленного производства в Енисейской губерни	И
в 1820-1860-е гг.	19
Гудеева Н. М. Новые аспекты отечественной историографии	
научных трудов Н. Я. Бичурина (архимандрита Иакинфа)	
в развитии монголоведения на современном этапе	22
Дамбаев Л. В. Взаимоотношения России и Монголии на рубеж	æ
XIX-XX вв. в области военного сотрудничества в отечественной	
историографии	27
Дамешек Л. М., Кушнарева М. Д. Характерные черты	
организации торговли «булунским купечеством» на территории	
Северо-Восточной Сибири во II половине XIX - начале XX в	32
Елизарова Н. В. История формирования Омского городского	
музея театрального искусства	
Ермаков А. В. Сибирь и ее история в современном российском	
массовом сознании	41
Зуляр Ю. А. Развитие охотничьего хозяйства в Байкальском	
регионе в 1960-е гг	45
Колупаев Д. В. Социальное положение сибирского казачества	
в XIX в.	80
Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» начала	
XX в. в российской историографии	85
Кушнарева М. Д. Формирование государственной политики	
в сфере пушной торговли с коренными народами Сибири	
в середине XIX - начале XX в	97

Мищенко К. С. Социально ориентированные некоммерчески	e
организации в Восточной Сибири: история и современность	102
Панин С. Б. Басмачество: основные характеристики, этапы	
эволюции и связи с Афганистаном (20-30-е гг. XX в.)	108
Плеханова А. М. Экономическая модернизация в 1920-е гг.:	
региональный аспект	117
Плюйко Д. В., Трофимов А. В. Кризис «белого» движения	
на территории Сибири (историографический аспект изучения	
проблемы)	122
Пономарева Е. Л. Особенности редактирования	
всеподданнейших отчетов по управлению Восточной Сибирью	
генерал-губернаторами	128
Попова А. В. Иркутская полиция в борьбе с уголовной	
преступностью во второй половине XVIII в феврале 1917 г	133
Рогова М. В. Формы освоения Сибири: от промысловых земел	ТЬ
к частной собственности	139
Славина Л. Н. Эволюция брачности сельских жителей	
Восточной Сибири в постсоветский период (по материалам	
переписей населения)	
Таболенко Н. А. Новейшие тенденции в изучении крестьянск	их
переселений в Сибирь в конце XIX - начале XX в	150
Трофимов А. В. «Край Земли» с российской судьбой	155
Углик И. Г. Этапы исторической динамики культурных	
регионов Беларуси	160
Урожаева Т. П. Продовольственная проблема в городах	
Иркутской области в 1970-1980-е гг	
Хисамутдинова Р. Р. Выселение уральских крестьян в Сибира	
по июньскому указу 1948 г.	171
Хоменко Д. Ю. Вопросы адаптации нерусских переселенцев	
в Енисейской губернии в начале XX в. (по материалам прессы)	177
Шадрина К. Н. Участие населения Восточной Сибири	
в формировании содержания газет в 1920-е гг. (на примере	
Иркутска, Красноярска и Верхнеудинска)	182
Шинкова А.И. К 300-летию православия в Китае. Русская	
духовная миссия в Пекине и ее вклад в востоковедческую науку	187
Шпикельман Р. Ю. Реформирование советской высшей	
школы в 1930-е гг. (на примере Иркутской области)	193
Шулбаев О. Н. Об опыте реализации партийно-политической	
работы в производственной системе «колхозы - MTC» в сельском	Л
хозяйстве Восточной Сибири в первые послевоенные годы	204

РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ - ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Александров Е. Ю., Рыков П. В., Шеховцова Т. Н. Современные
проблемы качества жизни населения на муниципальном уровне
(на примере Ольхонского района)
Арзуманов И. А. Государственное регулирование
этноконфессиональной сферы Восточной Сибири XIX в.: к вопросу
о социокультурной специфике этапа нормотворчества215
<i>Баранов А. В. Эволюция партийного представительства</i>
в законодательных собраниях Ростовской области и
Краснодарского края в 2000-х гг
Бирюков И. Л. «Таблиги Джамаат» - сеть потенциального
религиозно-политического экстремизма в России
Бойко Н. В. Усиление роли кастеизма в деятельности
политических партий Индии в конце XX - начале XXI в. (на примере
Северной Индии)
Буханцов В. В., Комарова М. В. 2013-й – снова развилка?
Бушев А. Б. Медиаисследования дискурса европейской
идентичности
Волосов Е. Н. Региональная бизнес-элита современной России:
к определению понятия
Вольтер О. В. Идеология как фактор развития общества
в классической и современной геополитике
Гомбоев А. О. Политико-экономическое и культурно-
образовательное сотрудничество Германии и Монголии на рубеже
XX-XXI BB
Дец И. А. Развитие Забайкалья и Дальнего Востока в рамках
федеральных целевых программ
Жилка Е. И., Кризина Н. П. Теоретические и методологические
исследования государственной социальной политики системы
здравоохранения детей в Украине
Жуков К. С. Портрет «идеального депутата» законодательного
собрания региона в представлениях избирателей Иркутской
области (некоторые результаты социально-психологического
исследования)
Злотковский В. И. От чего зависит активность избирателей
на муниципальных выборах?
Ковальчук В. Г. Гуманитарный аспект государственной
региональной политики Украины
Коврижных О. А. Проблема безопасности личности
и особенности проявления политического насилия
349